Елена МАРУНДИК

ГОРОДОК ВСЕМИРНОГО МАСШТАБА

Издание 2-е,
дополненное и переработанное

Биробиджан
2021

УДК 82-94
ББК 84
М 296

Марундик Е.Г.

ГОРОДОК ВСЕМИРНОГО МАСШТАБА / Е. Марундик. − 2-е изд. перераб. и доп. / Биробиджан, 2021. − 532 с.: ил.

ISBN 978-5-6044634-2-0

Еврейская молодежная сельскохозяйственная коммуна «Икор», названная в честь американской организации помощи еврейскому землеустройству в СССР, появилась на территории будущей Еврейской автономной области уже весной 1928 года. Создали ее 12 самоотверженных парней, выпускников Курасовщинской сельскохозяйственной школы (Белоруссия). В 1931 году к ним присоединились евреи, прибывшие в основном из-за границы для построения социалистического городка коммуны. «Городок всемирного масштаба» — единственное и самое полное на сегодняшний день исследование, посвященное коммуне «Икор — Соцгородок» и судьбам ее коммунаров. Первое издание книги осуществилось в 2018 году в Биробиджане. Второе издание, значительно дополненное и переработанное, продолжает знакомить читателей с историей образования и заселения Еврейской автономной области.

Автор выражает глубокую признательность Даниилу Яновичу Бондарю за участие и помощь, сделавшие возможным выход этой книги.

Издание осуществлено ОО «Наследие ЕАО»
с использованием средств гранта Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предусмотренного Фондом президентских грантов.

© Е. Марундик, 2021

Предисловие. В зеркале общей судьбы. В. С. Гуревич 6

От автора. Чтобы помнили... 26

Часть первая.
КОММУНА НЕ ПИРАМИДА, РАБАМ НЕ ПОСТРОИТЬ ЕЕ 29

Вместо введения 31

Глава I. Начало 40

Глава II. Коммуна «Икор» 43

Первые шаги (по страницам книги А. Лейбмана) 43
На целине (отрывок из книги Л. Тальми) 59
Рыба-фиш (В. Финк) 66;
Давид Рогинский (отрывок из статьи А. Куршевой) 77

Глава III. Соцгородок 81

Так все начиналось..... 81
Великое переселение 87
Балаганская сопка 99
В коммуне есть свои проблемы..... 101
«Иностранцы» 111

Глава IV. Новый устав 128

Глава V. «Евреи в Биро-Биджане» (отрывок из книги П. Новика) **.... 138**

На полях «Икора» 138
Американцы в Биро-Биджане 143

Глава VI. Вписаны в Книгу Памяти 146

Глава VII. Успехи «Икора». Стали культурными и зажиточными 152

Глава VIII. Завтра была война 169

Глава IX. По улице моей который год... 184

Часть вторая.
ГОРОДА ПОСТРОЕНЫ ИЗ СУДЕБ.....191

Глава I. Чарльз Кунц. Жизнь во имя идеи..... 194

ГЛАВА II. Первый председатель Хоня Шапиро 208

Глава III. Моисей Гольдштейн..... 219

Глава IV. Куда приводят мечты 231
Семья Блехерман 231

Глава V. Семья Погребицких 245

Сквозь времена и страны.....245

Старшее поколение. Лёва и Геня 247

Поколение второе. Художник Билл.....255;

Поколение третье. Война. Петя, Рабин, Гита.....263

Глава VI. Семья Коваль 272

Глава VII. Семья Форер 292
Виновным себя не признал 292

Глава VIII. Семья Герзон-Браверман..... 313
Строители социализма 314
Незабываемые дни 321
Мойше-Арн Пищиц.....322
Рыба.....323
Фотография 329
Картофель..... 331
Хороший человек 338
Рохеле..... 340
Верхом на бугае..... 341
Спрятанный диплом 343
Коммунар Эдлин 344

Глава IX. Семья Пищиц-Брагинские 346

Глава X. Семья Пензур 360
Памятью сердца..... 360
Полный тяжелый невод (отрывок из книги Г. Блоштейна «Биробиджанские зарисовки») 372

Глава XI. Семейная история 376

Глава XII. Литевский.....386

Глава XIII. Еще один председатель. 389
Михл Школьник 389
Из воспоминаний Н. А. Бобылевой.....401

Глава XIV. Один из первых. Моисей Коган 406

Глава XV. Семья Беккер 412

Глава XVI. Неизвестное об известном. Моисей Бенгельсдорф 425
Вольф и Мирьям Хараш 425
Моисей Бенгельсдорф 429
Москва. Цви Кампель и другие аргентинцы 446

Глава XVIII. Исаак Сухой 451

Глава IXX. Соседи 460

Глава XX. Лев Григорьевич Баскин..... 473

Часть третья.
БЛАГИЕ ПОРЫВЫ 491

Глава I. «Народная делегация»и «Народная книга» 493

Глава II. Дар художников.....503

Глава III. «Институт Биро-Биджана» 505

Часть четвертая.
У ТУНГУСКИ У РЕКИ 507

ГлаваI. Мост.....509

Глава II. В глубину веков 518

Хронология основных событий, связанных с коммуной «Икор»..... 524

В зеркале общей судьбы

Непостижимые исторические судьбы сложились таким образом, что с землей будущей России у еврейства установились глубокие и прочные связи еще 2000 лет назад, когда иудейство стало распространяться среди местного населения в греческих городах-колониях в Северном Причерноморье и Крыму, которые через несколько веков были включены в состав многонационального государства, раскинувшегося между Волгой и Днепром, — Хазарского царства. Следует отметить, что до XVIII века в европейской части России евреев было немного. Только при Петре I, открывшем страну для иностранцев и сказавшем замечательную фразу: *«По мне будь крещен или обрезан — едино, лишь будь добр человек и знай дело»*, началось проникновение евреев из соседней Польши в Россию.

К концу столетия польско-литовское государство вошло в полосу политического кризиса, из которого ему уже не суждено было выйти. В результате трех разделов Польши в конце XVIII века к Российской империи были присоединены территории Украины, Белоруссии и Литвы со значительным еврейским населением, а после присоединения в 1815 г. Царства Польского к Российской империи она стала государством с самым большим еврейским населением.

Пытаясь упорядочить социальную структуру российского общества, императрица Екатерина II не просто осложнила положение евреев, но и практически лишила их права проживания на большей части Российской империи, заключив в узких границах так называемой черты еврейской оседлости, а на Дальнем Востоке и в Сибири им запрещалось не только селиться, но даже передвигаться в пределах 100-верстной пограничной полосы.

Понятно, что еврейская молодежь, по большей части образованная, была не готова смириться с образом жизни своих патриархальных и нищих семей. Для одних выходом из замкнутого круга стало активное участие в революционной деятельности, для других — переселение из местечек и эмиграция, а для многих — то и другое сразу. Во всяком случае, идеи социализма нашли активную

поддержку в еврейской среде, тем более что они были очень близки к еврейской заповеди «тикун олам» — «улучшения мира». В итоге часть российских евреев — вольно или невольно — оказалась в эмиграции на территориях Польши, стран Прибалтики, а часть — в Аргентине, Америке, некоторых европейских странах и даже Африке и Австралии. Эмиграция дело непростое, не так легко было обосноваться в чужой стране. Но все-таки это был шанс выжить, не умереть от голода, устроить свою жизнь, помочь родным.

Революционные перемены в России дали евреям равные со всеми остальными народами политические и гражданские права. В марте 1917 года одним из первых постановлений Временного правительства было «Постановление об отмене вероисповедальных и национальных ограничений», которым были отменены *«ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности...»*. Были аннулированы и 140 действовавших до этого «особых о евреях правил», в том числе такое одиозное, как процентная норма при приеме в учебные заведения и такое архаичное, как черта еврейской оседлости.

Евреи приветствовали революцию с огромным энтузиазмом и были полностью уверены, что все гонения и страдания закончились, что они встали на путь «от неволи к свободе, от темноты к великому свету». В большевиках евреи видели союзников в борьбе за эмансипацию и права человека. После революции оживившаяся культурная жизнь способствовала тому, что грамотная (в подавляющем большинстве) еврейская молодежь устремилась в высшие и средние учебные заведения. Неудивительно, что наиболее активная часть еврейства, и прежде всего молодежь, приняла самое активное участие в революции и последующем установлении советской власти, в общественной и политической жизни.

В годы Гражданской войны поддержка большевиков жителями еврейских местечек означала подчас единственный способ их физического выживания. Большевики, в свою очередь, построили свою политику на активизации реальной борьбы с организаторами еврейских погромов, чем сразу же снискали симпатии еврейского населения.

Но при этом политика первых послереволюционных лет подорвала основы еврейского традиционного экономического уклада. Уже в 1919 году было ликвидировано большинство существовавших прежде еврейских культурных и общественных организаций, запрещены почти все еврейские партии и независимая еврейская печать. Наряду с православными церквями ликвидировали и большинство синагог.

Особенно тяжело пришлось еврейским местечкам на Украине и Юго-Западе России, где от кровавых погромов, которые устраивали все участники Гражданской войны, были убиты, по разным данным, до 200 тысяч евреев, число пострадавших достигло 700 тысяч. Многие еврейские поселения были разорены или совершенно стерты с лица земли. Становилось ясно, что еврейское местечко не сумеет по-прежнему продолжить свое захудалое существование.

В послевоенные годы произошли колоссальные изменения в демографической и общественно-политической структуре еврейского населения. После распада Российской империи более миллиона трехсот тысяч евреев остались на территориях вновь образовавшихся Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, а также Польши, в состав которой была включена западная часть украинских и белорусских земель, где проживало немало бывших российских евреев.

Результатом первой переписи населения, проведенной в СССР в начале 1926 года, оказалось, что при общей численности в 147 млн человек в стране проживало 2,6 млн евреев.

В годы НЭПа началось развитие промышленности, которая по основным показателям стала постепенно приближаться к довоенному уровню. После проведения финансовой реформы сократилась инфляция, курс рубля стал более устойчивым. В стране отменили продовольственные карточки. Крестьяне в деревнях, освобожденные от продразверстки, засевали дополнительные участки земли, разводили скот: в 1926 году валовая продукция земледелия и животноводства превысила довоенный уровень. Повышалось потребление мяса, молока и сахара в пищевом рационе населения, а потребление картофеля — основного продукта питания в годы войны — постепенно снижалось. Возобновили работу фабрики и заводы. Восстанавливался транспорт, строились автомобильные и железные дороги, взамен теплушек появились пассажирские вагоны, в го-

родах заработали водопровод и канализация. Смертность уменьшалась, рождаемость увеличивалась — происходил естественный прирост населения.

Однако экономическая политика советского государства, развернувшего после свертывания НЭПа наступление на традиционные для еврейского населения частную торговлю и ремесленичество, привели к тому, что более 1 млн евреев вынуждены были закрыть свой мелкий бизнес. Евреи попали в категорию лиц, ограниченных в гражданских правах, разоренных высокими налогами и лишенных возможности трудоустроиться и кормить семьи. Их разорение дало неданный толчок еврейской миграции в крупные города в поисках работы, но и там царили разруха, хаос, безработица.

Об этом говорил на совещании ЦК ВКП(б) Шимон Диманштейн, возглавлявший Центральное бюро Евсекции РКП(б): *«От революции в большинстве своем евреи даже проиграли, а не выиграли... Еврейское население в местечках вымирает»*.

Вполне отдавая себе отчет о бедственном положении евреев в Союзе, Кремль в первые же годы после Октября выдвинул программу «реконструкции социального состава еврейского населения СССР» и приступил к ее решению. В жестких рамках коммунистической идеологии подразумевалось активное приобщение еврейства к производительному (в первую очередь физическому) труду, способному *«исцелить от поразившего его в прошлом социального недуга буржуазности (массовое вовлечение в финансово-торговую сферу, мелкий бизнес и т. п.)»*.

Идеалом такого труда для руководства коммунистической партии и было участие в крупном промышленном производстве, то есть осуществление так называемой пролетаризации массы еврейского мелкого мещанства, состоявшей из торговцев, ремесленников, кустарей, бывших служащих. Однако в связи с тем, что крупное промышленное производство после Гражданской войны было полностью парализовано, большие города задыхались от безработицы, единственным реальным способом «трудового перевоспитания» евреев стала переориентация части деклассированных еврейских масс на сельскохозяйственную деятельность.

Советское руководство приняло поистине революционное

решение: «посадить евреев на землю». В аграрном труде, наряду с просвещением, оно, как и различные еврейские партии и движения — от сионистов и территориалистов до социалистов различного толка и коммунистов — видело панацею от всех национальных бед. Именно с этого времени земледелие становится центральным пунктом всей идейно-политической программы «на еврейской улице».

Наиболее решительным защитником идеи национального возрождения еврейства на путях сельскохозяйственной колонизации стал М. И. Калинин, председатель Президиума ЦИК СССР. В своей речи на Первом съезде ОЗЕТа 17 ноября 1926 года он формулировал эту мысль следующим образом: *«Перед еврейским народом стоит большая проблема — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское земледельческое компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности»*.

И эту работу партия большевиков и советское правительство вели в противовес сионизму — еврейскому национальному движению, ставящему своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине — в Палестине.

И. Сударский в своей книге «Биро-Биджан и Палестина», вышедшей в 1930 г., отмечал: «*Для того, чтобы еврейские трудящиеся массы могли принимать участие в социалистическом строительстве страны, необходимо, чтобы они являлись производственным элементом. Деклассированные массы могут только явиться помехой, но не строителями социализма. Поэтому вопрос о привлечении этих масс к производительному труду является у нас не частным делом, а государственным. Если невозможно сейчас вести эту часть еврейства к социализму через индустрию, то нужно их вести через сельскохозяйственный труд, через сельскохозяйственную кооперацию и коллективизацию, вовлекая их в социалистическое строительство. Устроение еврейской бедноты на земле так же в интересах пролетарского государства, как и в интересах самой еврейской бедноты*».

При Народном комиссариате по делам национальностей был

основан Еврейский комиссариат, а затем для централизованного руководства мероприятиями по привлечению евреев к сельскому хозяйству и финансирования этих мероприятий в августе 1924 года при Президиуме Совета Национальностей СССР был образован Комитет по земельному обустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ). Первый председатель Комитета Петр Смидович, имя которого носит Смидовичский район, заявил: *«Экономическая политика советской власти зажимает и будет зажимать традиционные источники дохода еврейского населения — частную торговлю, посредничество, ремесленный труд, поставив евреев «перед опасностью вырождения», а потому выход один: наделить землей беднейшие слои еврейского населения»*. Перед КомЗЕТом ставилась задача за десять ближайших лет поселить на земле сто тысяч еврейских семей.

Для мобилизации общественного мнения, в первую очередь широких кругов зарубежного еврейства, на поддержку планов землеустройства советских евреев, сбор средств, осуществления пропагандистской работы в декабре того же года было создано Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) во главе с председателем Юрием Лариным. В его правлении видные советские партийные и государственные деятели — председатель президиума ЦИК М. Калинин, наркомы Красин и Чичерин. Почетным членом общества становится Максим Горький. В правление московского отделения ОЗЕТа входил Владимир Маяковский, написавший сценарий к фильму «Евреи на земле». Финансирование осуществлялось как за счет самих переселенцев, так и за счет привлечения средств от добровольной помощи. Если КомЗЕТ был органом государственным, то ОЗЕТ провозглашался как добровольная общественная организация, единственная цель которой — организация еврейского земледелия. КомЗЕТ и ОЗЕТ стали чем-то вроде «еврейского правительства» в СССР.

Подобные общества содействия еврейскому земледелию в Советском Союзе были созданы и за границей. Они обеспечивали разъяснительную работу и сбор денежных средств.

Создание комитетов превратило переселенчество в организованный процесс. Сначала были попытки при помощи американской еврейской агрономической корпорации «Агро-Джойнт» переселения

евреев в Крым, в засушливые степные районы, освоение которых требовало огромных денежных средств. Деньги для этого нашлись у евреев за рубежом. Советское правительство сделало ставку на *«национальные чувства еврейских капиталистов, которые… не могут спокойно спать, зная, что народ, родственный им по крови, страдает, мучается»*, и не ошиблось. Видимо, М. Калинин был прав: к 1929 г. общая сумма затрат на землеустройство евреев в СССР составила 22,5 млн рублей, из которых 16,7 млн — помощь из-за рубежа.

Кроме Крыма, для еврейского переселения выделялись небольшие участки земли в Белоруссии, но все это не снимало остроту вопроса. Требовалась достаточно большая, компактная и, что немаловажно, чтобы исключить проявление антисемитизма, незаселенная территория.

Очень скоро крымский проект из преимущественно экономического стал перерастать в политический. На землях Крыма и юга Украины, где проводилось землеустройство евреев, насчитывалось до 5 млн безземельных крестьян из числа коренного населения. На их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена, породистый скот, тогда как самим крестьянам власти предлагали искать лучшую долю в обширных пространствах за Уралом. Не приходится удивляться, что весь этот переселенческий процесс сопровождался серьезными антисемитскими эксцессами. Кроме того, крымский проект встретил сильное противодействие как украинских коммунистов, так и руководства созданной в октябре 1921 г. Крымской автономной социалистической республики, ведущие позиции в которой заняли представители татарского населения. Они не желали создания рядом с татарской автономной республикой еще одной — еврейской, считали, что Москва игнорирует их интересы, что необходимо дать возможность вернуться на пустующие земли тем татарам, которые в XIX столетии массово эмигрировали в Турцию. Крымские татары нередко не пропускали и возвращали назад приходившие поезда с евреями. Стали даже громить еврейские поселения, что отражено в докладе ОГПУ высшему руководству страны.

Стало ясно, что свободные земли для еврейского переселения необходимо искать в малозаселенной азиатской части России,

в частности — в Приамурье, где царское правительство, несмотря на принудительное переселение сюда забайкальских казаков во второй половине XIX века и крестьянское переселение в первое десятилетие XX века, не обеспечило освоение этого края.

Серьезно заинтересовавшись «дальневосточным» вариантом еврейского переселения, правительство определяет гипотетический район будущей колонизации — Биро-Биджанский. Осуществление организованного переселения евреев туда, хотя и очень дорогое, но могло быть облегчено — по крымскому варианту — притоком значительных средств из-за границы.

«Решение еврейского вопроса именно на базе этой территории, — считает известный российский историк-исследователь Г. Костырченко, — *представлялось руководству СССР оптимальным во всех отношениях. Во-первых, данный вариант давал реальную возможность евреям с чистого листа заняться на необжитой, но собственной земле национально-государственным обустройством и превратиться в перспективе в полноценную социалистическую нацию. Во-вторых, радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, которые к тому же теперь могли быть использованы в решении важнейших экономических и военно-стратегических задач на отдаленной и неосвоенной территории, богатой залежами графита, золота, марганцевой и железной руд».*

С увеличением за счет евреев численности этого малозаселенного и расположенного по соседству с Китаем района повышалась надежность охраны государственной границы, предупреждалось его заселение китайцами, на что указывал в своем докладе на заседании КомЗЕТа в июле 1928 года заместитель председателя КомЗЕТа А. Н. Мережин непосредственно после возвращения из поездки в Биро-Биджанский район. Он также подчеркивал необходимость колонизации района в течение ближайших 10–15 лет, чтобы не допустить заселения этих территорий китайцами. Благодаря присутствию евреев, мягко говоря, не симпатизировавших бывшим белогвардейцам, надежность границы только усиливалась.

Кроме того, при организации еврейской автономии в Приамурье

большевикам не пришлось бы даже никого вытеснять, как это произошло в Крыму: местное население составляло лишь 32 тысячи человек на всю огромную территорию, выделенную правительством под еврейскую колонизацию.

Подтверждением этому служат слова известного публициста Исаака Сударского: *«Биро-Биджан в настоящее время почти не заселен и на эту землю не имеется претендентов со стороны местного населения, это исключает возможность нежелательных национальных трений между старожилами и еврейским населением»*.

Так что же это за окраинный уголок Дальнего Востока, который оставался практически необжитым до 1907 г., когда туда прибыла первая крупная волна переселенцев, строителей первой грунтовой дороги под названием «Амурская колесуха»? Что это за территория, где советское правительство предлагает евреям образовать свою автономию? Позволяют ли климатические условия развивать здесь сельское хозяйство, есть ли достаточное количество сельскохозяйственных земель и разнообразных полезных ископаемых, на основе которых может развиваться аграрное производство и промышленность будущей автономии?

Следует отметить, что еще в 1925 году Бирско-Биджанский район был обследован экспедицией Дальневосточного земельного управления и признан пригодным для заселения. Под названием «Бирско-Тунгусский район» эта территория была включена в 10-летний план колонизации Дальневосточного края. Летом 1927 года под общим руководством академика-почвоведа В. Р. Вильямса, убежденного сторонника колонизации Дальнего Востока путем переселения туда жителей европейской части России, лично участвовавшего в исследовании его колонизационных возможностей еще при царском режиме, в район была направлена экспедиция в составе ученых-аграриев, а также представителей ОЗЕТа и КомЗЕТа. А возглавил экспедицию профессор Воронежского сельскохозяйственного института и старший агроном КомЗЕТа Б. Л. Брук.

В задачу обследования Бирско-Биджанского района входило, прежде всего, ознакомление с местным хозяйством: его организацией, направлением, размерами территории и капиталовложений, техникой, урожайностью и доходностью. Экспедиция должна была

ответить, при каких условиях такая колонизация района может быть осуществлена с расчетом на прочный успех.

Проведя обследование района, комиссия отметила как плюсы, так и минусы обследованных территорий. Выводы и рекомендации экспедиции очень четкие. Район пригоден для освоения. В 1928 году необходимо проведение подготовки фондов, а заселение — не раньше 1929 года. Специалисты предупреждали о недопустимости спешки, чтобы не погубить идею заселения с самого начала. Прежде чем отправлять переселенцев, следовало подготовить дороги, технику, жилье.

28 марта 1928 года было принято историческое постановление Президиума ЦИК Союза СССР «О закреплении за КомЗЕТом для нужд переселения трудящихся евреев Бирско-Биджанского района Дальневосточного края РСФСР», то есть свободных земель в Приамурской полосе ДВК, включающие Бирско-Биджанский район. Оттуда исключались площади землепользования сторожилого и казачьего населения, а также участки, занятые переселенцами или зачисленные за ними впредь до истечения законного срока.

Точные границы закрепленного района поручалось установить на месте крайисполкому Дальне-Восточного края и предоставить в правительственные органы на утверждение. Постановлением установлено, что при благоприятных результатах сплошного заселения следует иметь в виду возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы.

Этим постановлением союзного правительства было санкционировано начало массового переселения еврейского населения на приамурские земли. В считанные недели не существовавший до этого ни на одной карте «Биро-Биджан» стал достоянием еврейской и нееврейской общественности. Спустя три недели после принятия постановления ЦИК СССР, получив право на свободный проезд и небольшие карманные деньги, отправились строить социалистический Биро-Биджан первые переселенцы из Смоленска и Казани, Белоруссии.

28 апреля на станции Тихонькой их встречали представители специальной группы по приему первых переселенцев. Этот день впоследствии законом Еврейской автономной области объявлен ее памятной датой.

Следует отметить, что к приему переселенцев всего через месяц после принятия постановления ЦИК СССР на месте готовы не были. Не успели, а точнее, не начинали строить для переселенцев жилища, прокладывать дороги к тем пунктам, где предполагалось заложить первые точки. Еще не был разработан четкий план организации жизни и труда переселенцев.

К июню в Биро-Биджан из Витебска, Рогачева, Могилева, Минска, Харькова, Казани прибыло уже 650 человек. Первые переселенцы состояли преимущественно из кустарей-одиночек, людей без определенных профессий, чернорабочих, грузчиков, ломовиков, служащих, молодежи, окончившей педагогический техникум и сельскохозяйственную школу, и бывших мелких торговцев.

В соответствии с требованиями переселенческих органов, первые переселенцы еще в местах выхода объединялись в товарищества и коллективы. В Биро-Биджан они приезжали в основном уже организованными в сельскохозяйственные коллективы и даже коммуны, преимущественно мелкие — по 10–12, а нередко и по 5–6 человек.

Среди первых переселенцев, отправившихся строить «социалистический Биро-Биджан», была группа молодежи из Белоруссии, окончившей Курасовщинское сельскохозяйственное училище. Именно они и организовали коммуну «Икор», речь о которой пойдет в этой книге.

Движение евреев на Дальний Восток вызвало пристальное внимание не только в СССР, но и на Западе. Иностранные общественные организации оказывали активную помощь в переселении. Обращаем на это особое внимание, потому что помощь — научная, кадровая, материальная — была настолько велика, что можно назвать ее во многом определяющей в становлении Еврейской автономии.

Среди зарубежных еврейских организаций, активно содействовавших еврейской колонизации Приамурья, особо выделяется ИКОР — общество содействия еврейскому землеустройству в Советском Союзе, работавшее в Америке. В его честь и была названа молодежная еврейская коммуна в Биро-Биджане.

Создание ИКОРа было ответом радикально настроенных рабочих и мелкой буржуазии на работу ДЖОЙНТа, организации, в которой тон задавали богатейшие представители еврейского населения.

Вновь образованный ИКОР был не единственной организацией, спонсируемой коммунистами. Подобные были созданы в Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Великобритании, Франции, Германии, Латвии, Литве, Аргентине, Бразилии, Австралии, Южной Африке и даже в Палестине.

В основе своей политики ИКОР определил четыре главных направления:

1. Помощь пионерам в еврейских национальных районах в Белоруссии, Крыму, Украине и после 1928 года в Биро-Биджане путем распространения информации и сбора денег. После 1933 года ИКОР также продвигал идею о том, что Биро-Биджан — убежище и укрытие для европейских евреев от угрозы фашизма.

2. Привлечение симпатий евреев к Советскому Союзу, единственной стране в мире, которая, на их взгляд, установила крепкое экономическое основание для своего еврейского населения и почти уничтожила антисемитизм.

3. Помощь еврейским жертвам погромов, преследований и фашизма в различных капиталистических странах.

4. Убеждение евреев в том, что сионизм — это капиталистическая идеология, которая работает в союзе с настоящими врагами еврейского народа, поэтому еврейское поселение в Палестине — несправедливое.

Последняя цель была особенно очевидна в течение 1928–1933 годов.

Эти четыре главных направления создали идеологию организации и определяли основу различных кампаний, которые она проводила. В то же время с самого начала ИКОР настаивал на том, что он является внепартийной организацией, которая не занята *«распространением какого-либо социального или экономического идеала. Он совершенно в стороне от всех партий и фракций, и стоит посередине между такими крайностями, как сионизм и коммунизм. ИКОР и не благотворительное общество, и не фонд пособий по безработице. Его цель не предлагать пособие или давать временное облегчение нуждающимся, а помогать с помощью кредитов тем, кто пытается строить свое будущее на земле. На крепком экономическом фундаменте в Советской России»*.

Свою деятельность в Биро-Биджане ИКОР начал с того, что направил в 1928 году в этот район своего активиста, преподавателя университета Лос-Анжелеса профессора-социолога Чарльза Кунца. После нескольких месяцев пребывания там и знакомства с руководителями и поселенцами он пришел к выводу, что места пригодны для широкого заселения.

Вскоре по совету Ч. Кунца была создана экспертная комиссия ИКОРа, возглавляемая президентом университета Юты Франклином Гаррисом, которая в 1929 году изучила условия ведения сельского хозяйства на территории, отведенной советским руководством для евреев на Дальнем Востоке, дала свое заключение о методах заселения Биро-Биджана. Читая доклад американской комиссии ИКОР по обследованию Биро-Биджана, удивляешься глубине и серьезности проведенных работ. Отчет содержит сведения о географии, местном населении, почвах, климате, естественных богатствах и возможностях их использования. Подробно описаны растительный и животный мир, полезные ископаемые, перспективы энергетики, промышленности, транспорта, торговли и сбыта и даже возможности создания курорта.

7 марта 1929 г. Совнарком СССР заключил с ИКОРом договор, согласно которому ИКОР по всем без исключения операциям освобождался от общегосударственных и местных налогов, сборов, в том числе от гербового, нотариального и рентного обложения. После заключения этого договора материальная помощь от ИКОРа, направленная в Биро-Биджан, пошла мощным потоком. Например, в журнале «Трибуна» (№15, 1929 год) сообщалась такая информация: *«ИКОРом высланы в Биро-Биджан до 1 июля следующие машины: 6 грузовых автомобилей «Додж», 2 открытых пассажирских автомобиля «Шевроле», 5 тракторов «Интернационал», 5 плугов «Джон Дир», 2 дисковых плуга, 50 лемехов к плугам, запасные части к автомобилям, тракторам и плугам, 6 мотоциклеток с каретками и запасными частями, 2 пишущие машинки и один киноаппарат для съемок».*

Большая помощь ИКОРа заселению Биро-Биджана оценивается не только количеством затраченной на машины валюты, но и мобилизацией симпатий трудящихся Америки к социалистическому

строительству в СССР, активизировавшейся после создания в 1930 году Биробиджанского национального района и последовавшего вскоре заявления Президиума ВЦИК РСФСР об ориентации на образование к концу 1933 года в границах Биро-Биджана Еврейской автономной административной единицы в составе Дальневосточного края.

Основной поток переселения из-за границы происходил в 1931–1932 годах. А. Мережин (в то время председатель КомЗЕТа) в своей речи на II сессии ВЦИКа 20 декабря 1931 г. отмечал, что *«…мы имеем огромные симпатии заграничных трудящихся к СССР вообще и к Биро-Биджану в частности. Мы имеем большое влечение с их стороны в Биро-Биджан. Первые группы заграничных еврейских рабочих уже прибыли в Биро-Биджан. Этот момент также надо учитывать краю при разрешении некоторых вопросов снабжения, культуры и быта»*.

Однако лучшим «агитатором» за переезд евреев в СССР стал разразившийся в 1929 г. в США и других капиталистических странах экономический кризис и последовавшая за ним Великая депрессия. Экономический мотив стал определяющим для многих (но не для всех) переселенцев. Сотни евреев, оказавшихся безработными, особенно из числа уроженцев России, увидели в переезде в Биро-Биджан шанс для спасения себя и своих близких. Существенным компонентом мотивации была также надежда на создание еврейского национально-государственного образования, о чем заявляли советские руководители. Вместе с тем немало было романтиков. Велик был энтузиазм этих людей и вера в «социалистический рай».

До середины 1931 г. в Биро-Биджан из-за границы приезжали только единичные переселенцы, в основном из Северной и Южной Америки. Затем началось массовое переселение, когда до конца года прибыло около 100 человек. В 1931–1932 гг. прибывшие в Биро-Биджан из-за границы 1130 переселенцев составили 11% к общему количеству переселенцев, прибывших в Биро-Биджанский район. А всего из полутора десятков стран Европы и Америки строить социалистический Биро-Биджан приехало, по разным источникам, более двух тысяч переселенцев.

Переселенцы должны были проходить тщательный отбор как

в профессиональном (отбирались в первую очередь рабочие строительных специальностей), так и в социальном («не допускались эксплуатировавшие наемный труд, не близкие нам идеологически») отношении. В архивных документах отмечается, что большинство прибывших переселенцев из зарубежных стран *«являются элементом пролетарским. Это квалифицированные, дисциплинированные, культурные рабочие. Значительная их часть участвовала в руководимых компартией забастовках, разных кампаниях, в революционном профессиональном движении и т. п.»*.

Переселенцы привозили с собой достаточно обуви, белья, одежды и др., многие везли также и инструмент по своей специальности. Они предупреждались о жилищных, продовольственных, климатических и других трудностях. Но, несмотря на это, в документах встречаются сведения, что многие переселившиеся иностранцы жаловались на недостаточную информацию об условиях работы и быта в Биро-Биджане в местах выхода и выражали недовольство отсутствием элементарных бытовых условий.

Основная масса переселившихся иностранцев распределялась по предприятиям и учреждениям Биро-Биджана. Другие направлялись на геологоразведочные работы, на Лондоковский известковый завод, Тунгусский деревообрабатывающий комбинат, Биро-Сутарские рудники и другие предприятия по району. В справке Биро-Биджанского представительства ОЗЕТ от 13 декабря 1932 г. сообщалось, что *«в Биро-Биджане находятся 1100 иностранных рабочих и специалистов. Из них: рабочих и членов их семей — 1025 чел., специалистов и иждивенцев — 75 чел.»*. По плану на 1933 г. предполагалось завезти из-за границы в Биро-Биджанский район 8000 рабочих и специалистов с семьями.

Но уже вскоре происходит значительный отток иностранных переселенцев. Основные причины отъезда переселенцев из-за границы — затруднения в снабжении хлебом и другими продуктами питания, плохие условия жилья, неправильное использование труда переселенцев, причем это касалось не только иностранцев.

Административными органами, в свою очередь, делается вывод о том, что *«большой отсев иностранцев-переселенцев вызван определенной засоренностью социально-чуждыми и политически враж-*

дебными элементами вследствие неорганизованности отбора, исключительными трудностями, характерными для того периода переселенческой работы в Биробиджане, и, в значительной части, того, что районные организации не провели необходимых подготовительных работ к приему и устройству переселенцев».

Интерес исследователей истории области вызывает состоявшая в Биробиджане 5–6 февраля 1933 г. Первая (и, как оказалось, последняя) конференция еврейских переселенцев из капиталистических стран, приехавших на Дальний Восток строить социалистическую Еврейскую автономию. Конференция проходила под лозунгом: «Иностранные переселенцы, энергичнее включайтесь в социалистическое строительство Биро-Биджана — часть социалистического строительства всей страны!» Естественно, что в ее работе приняли участие и выступали с информацией и предложениями о совершенствовании работы и представители коммуны «Икор».

Эта молодежная сельскохозяйственная коммуна после организованного переезда в 1929 году из Бирского опытного поля обосновалась в Смидовичском районе. Здесь, на берегу реки Тунгуски, в 9 км от Волочаевки и 40 км от Хабаровска, было решено построить образцовый агроиндустриальный социалистический городок. Вдохновителем проекта «Соцгородок» стал уже известный нам Чарльз Кунц. *«Начиная с 1931 года для реализации этой цели,* — пишет в журнале «Трибуна» М. Кац, *— он не только организует доставку предоставляемого организацией ИКОР оборудования по заказу коммунаров, но и приезд специалистов, принимающих непосредственное участие в строительстве».*

В чем сущность проекта Кунца? Прежде всего, резко отрицательное отношение к практикуемой кустарно-крестьянской, как называет ее профессор Кунц, форме колонизации, при которой невозможно рационально использовать сложные машины и осуществлять разделение, специализацию и интенсификацию труда. Первые тракторы и машины для Биро-Биджана прибыли туда почти одновременно с первыми же переселенцами. Но наиболее рациональное применение их возможно лишь в достаточно крупном хозяйстве. Такой колонизационной единицей, по мнению профессора Кунца, может и должно быть поселение в 1000 семейств (5000 душ, из коих

примерно 2000 трудоспособных). Само собой, это уже будет не деревня, а, скорее, поселение городского типа, город-сад со значительной сельскохозяйственной базой.

В 1936 году Чарльз Кунц, подводя итоги, напишет: *«ИКОР, вспоминается, переориентировал свою деятельность в направлении Биро-Биджана сразу же, как только тот вошел в планы еврейской колонизации. Был лозунг «Помоги американизировать!», т. е. механизировать работу в Биро-Биджане. Соответственно, помощь ИКОРа была существенна и приходила в самое нужное время. Грузовики и гусеничные трактора, посланные туда в 1928, помогли в ситуации, вызванной наводнением в том году. Благодаря той первой помощи из 600 колонистов больше трехсот остались, чтобы сформировать крепкое ядро первых поселенцев. Более того, эти машины стимулировали интерес у молодежи и вообще воодушевили. Позднее эти трактора сформировали основной состав первой МТС в Биро-Биджане. Экскаваторы до сих пор строят дороги, деревообрабатывающее оборудование дало начало фабрике стройматериалов, которая сейчас расширилась и продолжает свою полезную работу. Металлообрабатывающее оборудование использовалось индивидуально, но сейчас формируется начало производств, чтобы быть реорганизованными в соответствии с Инструкцией. Проект Соцгородка, который по причинам местных условий был временно прекращен, должен быть восстановлен, а его деревообрабатывающее оборудование использовано в отрасли стройматериалов, как и было первоначально запланировано. Одним словом, с несколькими исключениями, все механизмы, посланные в Биро-Биджан ИКОРом, использовались с выгодой. Неудивительно, что ИКОР снискал известность как братская организация не только для Биро-Биджана, не только для евреев, но и для нееврейских рабочих масс, входящих в ОЗЕТ».*

Подтверждением слов Кунца служит статья С. М. Диманштейна «ЕАО — детище Октябрьской революции»: *«С тех пор, как мы начали работать в Биро-Биджане (1928 г.), ИКОР переключился на обслуживание этого района. Им была организована тогда весьма авторитетная экспедиция, серьезно обследовавшая район и выпустившая за границей солидный труд о Биро-Биджане. За эти годы*

ИКОР переслал нам больше чем на четверть миллиона долларов машин и инструментов. В Биробиджане тогда появились первые автомобили, мотоциклы и тракторы, экскаваторы, которые стали поднимать девственную почву, связывать разрозненные пункты района и т. д. ИКОР прислал детали стандартных домов, машины для электростанции, оборудование для мебельной фабрики, компрессоры, множество разных пил и других инструментов, огородный трактор, электрическую прачечную, медикаменты, медицинские инструменты и многое другое...

Организации содействия ОЗЕТу за границей помогали нам и людьми, квалифицированными рабочими, в которых нуждались в Биро-Биджане. Были присланы агрономы, инженеры, техники и другие специалисты».

Справедливым будет отметить, что поставку оборудования в Биро-Биджан осуществляли также аргентинский ПРОКОР, бразильский Комитет помощи еврейским переселенцам в СССР, германское Общество содействия еврейскому землеустройству в СССР и другие иностранные организации.

Упомянутый ранее «Агро-Джойнт» также делает попытку перенести свои усилия на помощь новому еврейскому образованию. Специальная комиссия побывала в Биро-Биджане, участвовала в исследовании территории и пришла к выводу о пригодности района для переселения. Председатель «Джойнта» Феликс Варбург пожертвовал 1 млн долларов на землеустройство евреев в СССР. Было заключено соглашение с КомЗЕТом на поставку техники через порт Владивостока. Позже, в связи с начавшимся в Германии антисемитизмом и гонением на евреев, «Джойнт» добился разрешения СССР на переезд из Германии нескольких групп евреев. Руководство «Джойнта» вело переговоры с М. Калининым по поводу размещения европейских евреев в Биро-Биджане и пообещало содействовать в субсидировании проекта. Осуществление этих планов могло бы спасти значительную часть евреев Европы, в том числе Германии и Австрии. Но планы «Джойнта» остались только планами. Основной причиной тому были идеологические разногласия сторон. В Центральном архиве истории еврейского народа (САНЈР, Иерусалим) хранится удивительный документ, подтверждающий это. Копия личного письма председателя

облисполкома И. Либерберга первому секретарю обкома ВКП(б) Хавкину. В нем говорится: *«В адрес нашего правительства поступил ряд предложений от заграничных организаций о переселении евреев из-за границы в нашу область и об их участии в строительстве ЕАО. Из этих предложений наиболее солидный проект выдвинула известная американская буржуазно-филантропическая организация «Агро-Джойнт», директор которой (д-р Розен) был, кстати, в Биробиджане и Хабаровске»*. В этом проекте шла речь о товарном займе на 50 млн. долларов на строительство ЕАО, и одобрение он получил у самого Рузвельта, с которым Розен встречался лично. Далее в письме говорится, что речь идет о займе на срок до 10 лет, в дополнение к уже существовавшему. Вне зависимости от решения советского правительства «Агро-Джойнт» готов внести безвозвратные вложения в ЕАО на 1935–1936 годы в размере одного миллиона долларов — при условии, что часть переселенцев будет принята из-за границы. Окончательное решение этого вопроса зависело от указаний Л.М. Кагановича.

Примерно к этому же времени относится докладная записка Либерберга и председателя плановой комиссии Столова по вопросу о переселении в ЕАО трудящихся евреев из-за границы. В документе говорится о том, что *«переселение еврейских трудящихся в ЕАО из-за границы облисполком ЕАО считает вполне целесообразным. Проведенный в этом направлении опыт 1932 года показал, что переселенцы-иностранцы — при условии соответствующего отбора — являются ценным человеческим материалом, который включается в производственную жизнь области и полностью советизируется»*. Далее следует краткий анализ причин большого отсева поселенцев в прошлом, задачи на будущее по финансированию, строительству, по критериям отбора переселенцев и план приема в 1935 году 565, а в 1936-м — 3855 человек.

Стоит отметить, что уже в 1935–1936 годах переселение евреев из-за границы оговорили очень жесткими условиями. При этом квоты въезда все уменьшались. В 1936–1937 гг. было заявлено, что область сумеет принять не более 150–200 семей иностранцев, из которых 10 направляется в «Икор». Но и эти цифры остались в строках плана. Для сравнения: на 1 июля 1932 года только в коммуну «Икор»

прибыло 276 человек. В докладной записке от 1936 года в адрес переселенческого отдела НКВД представитель облисполкома ЕАО при Президиуме ВЦИК Канторович указывает, что планы по переселению иностранцев не подкреплены материальными обоснованиями. В дальнейшем падение интереса Сталина к Еврейской автономной области привели к тому, что и со стороны федеральных органов не стало уделяться должного внимания развитию региона, не осуществлялось необходимое финансирование проектов.

В 1937 г. ответственность за переселение евреев на Дальний Восток легла на Комиссариат внутренних дел. Это происходило в период кульминации репрессий. Было уничтожено практически все руководство области. КомЗЕТ и ОЗЕТ были разгромлены как «шпионские гнезда», а деятельность «Агро-Джойнта», спонсировавшего переселение иностранцев на территорию СССР, в Советском Союзе была запрещена. Все «евсекции», «евкомы» и прочие еврейские организации были также запрещены, а их руководители и работники объявлены «врагами народа» и почти все уничтожены. Массовые репрессии затронули и большинство приехавших из-за рубежа переселенцев, в том числе почти всех членов коммуны «Икор».

С 1938 года переселение даже советских граждан в ЕАО стало практически невозможным. Обострилась международная обстановка на Дальнем Востоке. А советско-японский вооруженный конфликт вообще перечеркнул планы организованного переселения на Дальний Восток. Несмотря на то, что в планах на 1939 год было намечено переселение в область 250 еврейских семей, никто из них туда так и не приехал. Въезд в ЕАО и выезд были разрешены только по пропускам. Неоднократные обращения руководителей области с просьбами возобновить переселение евреев в область натыкались на молчаливый отказ. В апреле 1940 г. первый секретарь обкома ВКП(б) Г. Н. Сухарев в записке на имя Маленкова бил тревогу по поводу того, что идет непрерывный процесс снижения доли еврейского населения, еврейские школы не укомплектованы учениками. Сухарев предлагал «в ближайшие два года» направить в ЕАО 30–40 тыс. евреев из западных областей Украины и Белоруссии. Однако этим грандиозным планам не суждено было сбыться.

Валерий Гуревич

Чтобы помнили...

О коммуне «Икор», основанной в 1928 году на территории будущей Еврейской автономной области, когда-то было известно всему миру. Сейчас о ней мало знают даже там, где она находилась: село Камышовка и поселок Соцгородок, что в Смидовичском районе ЕАО. Немногие жители даже этих населенных пунктов расскажут сегодня о том, какой ценой далось освоение этих мест, какие человеческие драмы разыгрывались здесь, какой героический повседневный труд, стойкость и преданность делу требовались от первых поселенцев.

Вот о них, самых первых строителях нового еврейского дома на Дальнем Востоке, основателях области и пойдет здесь речь. Им, тем, чьи имена нельзя предать забвению, посвящается эта книга.

В настоящее время опубликованы достаточно серьезные исследования о том, как и почему евреям выделили для заселения земли Бирско-Биджанского района и что из этого получилось. Мне же хочется, чтобы читатели услышали голоса людей, живших в те времена, строивших коммуну «Икор», узнали об их мечтах и судьбах. Поэтому в книге я постаралась собрать свидетельства их современников и воспоминания самих коммунаров и членов их семей.

Эта книга — коллективный труд многих людей. Идея собрать воспоминания бывших икоровцев и объединить их под одной обложкой принадлежит редактору газеты «Биробиджанер штерн» Елене Ивановне Сарашевской. Она помогла и в переводе некоторых материалов с языка идиш. Проект не удался бы без активной помощи Валерия Соломоновича Гуревича, руководителя научно-просветительского центра «Историческое и культурное наследие ЕАО».

Большую бескорыстную помощь оказал проекту бывший биробиджанец, а ныне житель Нью-Йорка, страстный пропагандист

идишской культуры и языка идиш Николай Бородулин («The Workmen's Circle», Director for Yiddish Programming, NY).

Выражаю также огромную благодарность Национальной библиотеке Израиля (Иерусалим), сохранившей книги, документальные свидетельства ушедшей эпохи, отрывки из которых приведены ниже.

В книге использованы материалы, опубликованные биографом Ж. А. Коваля, кандидатом технических наук, преподавателем Юрием Александровичем Лебедевым. Он же оказал помощь своими замечаниями и советами.

Я благодарю детей, внуков, правнуков первых поселенцев коммуны, живущих ныне в России, Израиле, США, Канаде, Германии, Аргентине, за их воспоминания, огромное терпение и соучастие, за предоставленные документы и фотографии из семейных архивов. Благодарю, прежде всего, моих родителей Григория Израилевича (благословенна его память) и Туню Шмульевну Пензур воспоминания которых легли в основу этой книги; Захара Мойшевича Бондаря, старейшину нашей семьи, за его архив и семейную историю; Даниила Яновича Бондаря за его неоценимую помощь и поддержку при издании этой книги; Исаака Ильича Блехермана и его сестру Геню Ильиничну Борисову; Людмилу Славовну Соловьеву, Риту Самуиловну Рознатовскую и ее брата Сергея Самуиловича Герзона; Люсю Аароновну Литевскую; семью Брагинских: Алексея Ефимовича, Геню Ефимовну Шрубщик и ее дочь Елену Ефимовну, Аллу Матвеевну Алексееву; Аллу Владимировну Баукину, Дию Виноград; Юрия Львовича Слезкина — профессора Исторического факультета Калифорнийского университета в Беркли (США), директора Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований этого университета, Лидию Хаимовну Власенко и Феликса Хаимовича Шапиро — детей первого председателя коммуны «Икор» Хони Шапиро, внучку парторга коммуны Льва Погребицкого Гиту Вильямовну Вавиленкову. Особая благодарность Марине Владленовне

Ереминой и Елене Владленовне Ерошенко — внучкам председателя «Икора» Иосифа Форера — за работу в Центральном архиве истории еврейского народа (CAHJP, Иерусалим), помощь в переводе с английского языка, за предоставленную возможность познакомиться с документами из архивов Биробиджана, Коми, Хабаровска, письмами личного характера.

Я очень признательна Татьяне Михайловне Петренко, оказавшей большую помощь в написании главы «Соседи», Алексею Николаевичу Зайцеву, учителю школы с. Волочаевка и руководителю школьного музея за предоставленные материалы об истории заселения Смидовичского района и о Г. Балаганском. Спасибо Лилии Израилевне Лисовской за ее воспоминания, богатый архив и помощь, Леониду Фляту за помощь в поиске материалов о М. Гольдштейне, заслуженному деятелю искусств, писателю, преподавателю Серго Моисеевичу Бенгельсдорфу за помощь в написании главы о его отце Моисее Абрамовиче; д-ру Беру Котлерману, профессору Университета Бар-Илан за советы и предоставленный материал; Владимиру Кампелю, Лилии Сухой и ее сестре Фриде, Нелли Гурвич, Флоре Сугальской за воспоминания о своих родителях и сохраненные архивы; сотрудникам общества «Международный Мемориал» за помощь в поисках документов.

Большая благодарность жителям Соцгородка и Камышовки У. С. Гурской, Л. С. Горшковой, Ш. Х. Клейман, Е. Е. Бусловской, А. А. Кулишу, И. Г. Вильской, семьям Липовецких, Фурман, Нечаевых, Шкатрут, Солонец, Лядновых и многим другим, здесь не названным, за воспоминания и фотографии, за интерес к теме и помощь, за все то, без чего эта книга не могла появиться. Ну и, конечно, благодарность молодому поколению моей семьи — за понимание, терпение и техническую поддержку.

Елена Марундик

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

КОММУНА НЕ ПИРАМИДА, РАБАМ НЕ ПОСТРОИТЬ ЕЁ

Вместо введения

В середине 1990-х годов в Хабаровске произошло весьма знаменательное событие. В город с публичным выступлением приехал видный раввин Адин Штейнзальц. И я, никогда до этого не видевшая раввинов ни большого, ни малого рангов, не могла пропустить эту встречу.

Ребе поражал аудиторию своей эрудицией, свободным переходом с одного языка на второй, третий... Но больше всего мне запомнилось его наставление: чтобы научиться писать, нужно начать с буквы «А». В жизни каждого была возможность убедиться в этой житейской мудрости. Всякое дело начинается с малого, всегда важно решиться сделать первый шаг.

Много лет спустя, когда дети и даже внуки начали расспрашивать меня о нашей родословной, я начертала, наконец, эту самую букву «А». Все началось с того, что я записала воспоминания своих родителей об их детстве, семьях, прожитой жизни. Что-то уже было знакомо, что-то потихоньку записывала, стараясь не спугнуть их взаимных бесед-воспоминаний, о чем-то допытывалась... Казалось, обыкновенная семейная история, интересная лишь тесному кругу родных. Если бы не одно «но».

Так случилось, что мои родные оказались в числе тех евреев, которые в начале 1930-х годов приехали на Дальний Восток осваивать целинные земли и строить среди тайги, болот и гнуса еврейскую страну. И не куда-нибудь, а в самое сердце переселенческого движения — легендарную коммуну «Икор – Соцгородок». Приехали и остались там практически на всю жизнь. Этим в первую очередь объясняется интерес, возникший у меня к теме переселения, до сих пор хранящей много тайн. Оказалось, что даже мои поверхностные и субъективные представления о создании еврейского очага на Советском Дальнем Востоке, а, главное, об истории коммуны, уходящие корнями в воспоминания моих родителей, оказались довольно значительными на фоне почти полного отсутствия информации по данной теме. Те немногочисленные статьи, которые иногда

появлялись в прессе по поводу очередной юбилейной даты, несли множество неточностей и ошибок.

Прошлое моей семьи привело к знакомству с потомками других основателей Соцгородка. Все вместе они, в свою очередь, повернули меня не только к истории создания Еврейской автономной области, но и к различным этапам революционного движения, эмиграции евреев Российской империи и последующей реэмиграции на Дальний Восток (и не только) по призыву советского правительства. И чем больше я узнавала, тем сильней убеждалась в обширности и неизведанности темы. Было невозможно понять события, происходившие в Биро-Биджане, без понимания причин того, что заставило ашкеназских евреев многих стран потянуться на неведомую землю. Чтобы найти какие-то сохранившиеся свидетельства тех далеких лет, пришлось по крупицам выискивать то, что не успели уничтожить время и бдительные органы.

В поисках истины я познакомилась со многими документами из различных архивов (хотя, нужно отметить, что еще большее их количество в силу разных причин оказалось, к сожалению, недоступным для меня), прочитала множество статей, заметок из газет и журналов той поры, издававшихся в разных странах. Одним из самых важных источников печатной информации стали журналы «Трибуна», издававшаяся ОЗЕТом и КомЗЕТом в 1928–1938 гг. и «Найлебен» — орган издания «ИКОРа». Понятно, что газетные публикации не являются документальными материалами, но именно они лучше всего помогают воссоздать атмосферу ушедшего времени, смену политических веяний и настроений, которые легко угадываются за бодрыми рапортами корреспондентов. В этом отношении пресса порой дает более обширный материал для понимания происходящих событий, чем сухие документы и отчеты. Тем более что мы, прожившие значительный период жизни в СССР под руководством коммунистической партии, привыкли за дежурными строчками официальных публикаций видеть гораздо больше написанного, получать информацию «между строк», полагаясь на собственные впечатления и ощущения. Примеров тому великое множество.

Вот как передает «Трибуна» (15 января 1937 г.) выступление Альбертона о Биробиджане на пленуме КомЗЕТа: *«Где еще*

имеется солнце, способное осушить за один день всю влагу 10-дневного дождя? Солнце, при котором в 40-градусный мороз разгуливают по улице в одном пиджаке?» Если это выступление с натяжкой можно воспринять как невинное поэтическое преувеличение известного писателя, то встречаются вещи более страшные, когда людей не просто вводили в заблуждение, а откровенно обманывали в «благих целях» коммунистической партии. Можно с легкостью проследить, как менялся газетный материал, в зависимости от политики, проводимой руководством страны. Общие лозунги первых лет переселения, описание положения первостроителей и портреты отдельных передовиков сменились потоком критики и самокритики, проклятиями в адрес «врагов народа» и обязательным прославлением «великого Сталина». Не могут не бросаться в глаза кочевавшие из номера в номер, из публикации в публикацию штампы, в которых огромная доля лукавства и лжи: *«Люди живут культурно, зажиточно, сытно»* — и это в то время, когда не хватало элементарного. Когда же по стране валом покатились репрессии, и в душах людей поселился непреходящий страх, к этому прибавилось *«жить стали веселей»*. Создается впечатление, что печать и реальная жизнь существовали где-то рядышком, не пересекаясь друг с другом, но в то же время, не теряя друг друга из вида.

Огромную ценность для понимания происходивших событий сейчас представляют редкие издания. Например, книга Льва Лейбмана «Коммуна «Икор». Пионеры-коммунары на фронте строительства социалистического Биро-Биджана», изданная в Минске в 1932 году, обнаруженная в Национальной библиотеке Израиля (Иерусалим) и переведенная с идиша Еленой Сарашевской, редактором газеты «Биробиджанер штерн»; книга П. Новика «Евреи в Биро-Биджане», изданная в Америке в 1937 г.; книга Леона Тальми «На целине. Экспедиция ИКОРа в Биро-Биджан», о Биро-Биджане 1929 года, изданная в Нью-Йорке в 1931 г., отдельные главы из которой также перевела Елена Ивановна. Леон Тальми принимал участие в той экспедиции, а по возвращении написал книгу — на идише. Когда я прочитала в одном из интервью Инны Тальми, невестки автора книги, что никто из их окружения ее не прочел, потому что никто

не знает идиш, я не могла в это поверить. Как могло случиться, что книга человека, проходившего по громкому делу Еврейского антифашистского комитета, обвиненного в шпионаже и казненного 12 августа 1952 года, до сих пор не переведена ни на английский, ни на русский языки и была и остается недоступной широкому читателю? Увы, обращение к историкам разных стран, занимавшимся темой Биро-Биджана, подтвердило это. Между тем в этой книге Л. Тальми подробно описал населенные пункты будущей области и работу американской экспедиции 1929 года. С радостью могу добавить, что в 2019 году некоторые главы из этой книги, переведенные на русский язык, были опубликованы в Биробиджане во втором томе сборника «Люди биробиджанского поколения», составителем которого является Е. Сарашевская.

Неоценимую помощь в работе над настоящей книгой оказал интернет-сайт «Наследие ЕАО» (nasledie-eao.ru), собравший много печатных свидетельств того времени. Редактором сайта является Валерий Соломонович Гуревич, сотрудник ИКАРП ДВО РАН, руководитель научно-просветительского центра «Историческое и культурное наследие ЕАО». Кроме того, для меня особую значимость и важность представляют документы и фотографии, записи воспоминаний, полученные от потомков коммунаров. Зачастую внуки и правнуки коммунаров понятия не имеют, что за письма и фотографии хранятся в их семейных архивах, какие события стоят за ними, что такое Биро-Биджан и «Икор» и какое отношение они имеют к их семье. Эти драгоценные искорки могли погаснуть без следа, оставшись в семейных альбомах, а сейчас они, слившись воедино и дополняя друг друга, освещают наше общее прошлое. Более того, многие из моих новых знакомых превратились в единомышленников и активно включились в процесс поиска, помогая восстанавливать минувшие события. Так, благодаря всеобщим усилиям, из разрозненных материалов и отдельных очерков родилась книга «Городок всемирного масштаба», которая рассказывает о коммуне «Икор — Соцгородок» и ее семьях. В ней я пыталась, насколько возможно, соблюдать хронологию и объективность. Вот только рассказ о коммуне, как я ни старалась уйти от этого, получился очень личный. В нем не только голые факты. В нем — жизнь моих земляков.

Первое издание книги осуществилось при поддержке общественной организации «Историческое и культурное наследие ЕАО» и Фонда президентских грантов в 2018 году в Биробиджане. На месте первого дома, построенного в 1931 году переселенцами в Соцгородке, был установлен памятный камень. В музейно-выставочном центре имени В. Клипеля (Смидовичский район, руководитель Т. В. Томашевич) созданы экспозиции, посвященные коммуне и Герою России Ж. А. Ковалю, начавшему свой путь на новой родине, в Соцгородке. Казалось, сделано немало, но еще до выхода первого издания стало ясно, что работа далеко не завершена, своей очереди ожидает большой пласт материала, который может поведать о событиях тех дней. Кроме того, невозможно стало ограничивать поиски только темой коммуны: истории переселения и поселенцев переплелись в один большой узел. Ниточка судьбы одной семьи непременно тянет за собой другие, связанные с ней.

Так как все, что удалось узнать, в основном было взглядом изнутри, интересно было познакомиться с суждениями с другой стороны. Чуть ли не единственным историком, рассматривающим тему еврейской колонизации в Советском Союзе, оказался канадский ученый Генри Сребрник, исследовавший левые еврейские движения. Ведущими среди них были пробиробиджанские организации — Ассоциация Еврейской Колонизации в Советском Союзе (Gezelshaft far Yidisher Kolonizatsye in Sovetn-Farband), или ИКОР, и родственные ему Американский комитет расселения евреев в Биро-Биджане («Амбиджан») и Канадский Биро-Биджанский комитет. Отдельные главы из книги Сребрника под названием «Иерусалим на Амуре» с разрешения автора перевела Марина Еремина, внучка председателя «Икора», аргентинца Иосифа Форера, репрессированного в 1937 году, и коммунарки Нехамы Шейнфельд, появившейся в коммуне чуть ли не прямо с полей Гражданской войны, в гимнастерке и шинели. Работа исследователя, соединившая в себе две реалии нашего существования — Амур и Иерусалим, не обманула ожиданий. Совпали не только наши интересы к теме «Биро-Биджан», но и то, что суждения автора книги основываются на материалах прессы, отдельных редких свидетельствах очевидцев, впечатлениях собственного детства.

Целью Сребрника было закрыть огромный пробел в изучении левого еврейского движения в Канаде. Моя цель гораздо скромнее: найти достоверные свидетельства и объяснения массового перемещения еврейских переселенцев и, главное, узнать об их судьбах. Сразу следует оговориться: эта книга — не научный труд, а взгляд дилетанта, не имеющего исторического образования и ни в какой мере не претендующего на безоговорочную истину. Это результат постепенного и продолжительного погружения в массу информации по определенной теме, которое началось с семейных историй, связанных с когда-то знаменитой, а потом забытой коммуной «Икор», которое затем углублялось и расширялось, вовлекая в свой водоворот все больше людей и событий.

Изначально, приступая к поискам, я определила для себя: сфера моих интересов — только историческая последовательность событий; не мое дело давать какие-то идеологические и этические оценки, пусть этим занимаются историки. Тем более что мы не вправе осуждать или упрекать в чем-либо участников тех далеких событий. Во-первых, наше преимущество состоит в том, что нам известны последствия этих событий, а во-вторых, кто знает, как повели бы себя мы в те конкретные времена и в тех обстоятельствах. Но волей-неволей я ловила себя на мысли о всемерной симпатии и сочувствии к переселенцам, конечно, далеко не ангелам в жизни. Увлеченные идеями всеобщего равенства и счастья, они не прикрывались пустой болтовней и не искали легкой жизни, а, заброшенные к черту на кулички, упершись в эти дикие леса и болота, пытались тяжелейшим трудом, в невыносимых условиях, создать свою «землю обетованную», построить свой собственный «еврейский дом». И, уверена, создали бы, не окажись они жертвами бессовестной лжи и обмана преступной власти.

К такому выводу меня привело обилие нестыковок, неточностей и явных расхождений в официальных документах, хранившихся под грифом «секретно», бравурных рапортах прессы с рассказами и воспоминаниями очевидцев, которые складывались в одну большую мозаику моего представления об эпохе Биро-Биджана.

То, что многие документы, вопреки всякой логике, до сих пор находятся в ограниченном доступе или засекречены настолько,

что даже родные давно реабилитированных людей с великим трудом по крохам собирают информацию об их судьбах, говорит о том, что власти есть что скрывать, да еще о неистребимой ее привычке прятать свои деяния от народа.

При этом я вовсе не ставила перед собой цели выискивать негативные и обличающие материалы. Тем более что поступки и дела коммунаров даже сейчас, спустя многие годы, совершенно неоднозначно оцениваются в России, США, Израиле и других странах. Например, как могут оценить деяния неординарного человека, еврейского переселенца в коммуну «Икор», Героя России разведчика Жоржа Коваля в Америке? Естественно, для них он навсегда останется не только советским шпионом, но и человеком, предавшим страну, которая в трудные времена приютила его семью. В Соединенных Штатах, так много сделавших для развития Биро-Биджана, как мы увидим далее, немало видных людей оказались, попросту говоря, одурачены в своих самых лучших чувствах и порывах и подверглись позже давлению за связь с коммунистическими организациями. Они предпочли позже не вспоминать об этих страницах своей биографии. Идея Биро-Биджана всегда противопоставляла себя сионизму, и советская пресса злопыхала в адрес ишува и его сельскохозяйственных поселений, с таким трудом закрепляющихся на земле будущего Израиля. Понятно, что сионисты не отвечали Советам особенной симпатией, и в Израиле поднятая мною тема, по-видимому, также не слишком актуальна. Аргентинские власти тоже неодобрительно относились к ПРОКОРу и его деятельности на благо делу социализма, там и сейчас о роли аргентинцев в создании Еврейской области на Дальнем Востоке известно очень немногим. Так или иначе, о Биро-Биджанском проекте во всех концах мира постарались «забыть».

Между тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) хранится архив ОЗЕТа, к слову, не столь давно рассекреченный. А в нем — переписка с организациями разных стран о переселении в Биро-Биджан. Чтобы понять, что интерес к переселению в мире был огромен и неслучаен, достаточно познакомиться с перечнем этих стран: Австралия, Австрия, Америка, Англия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Германия, Дания, Латвия, Литва, Палестина,

Польша, Уругвай, Франция, Чехия, Южная Африка и соседний Харбин, переполненный эмигрантами из России. Поэтому я убеждена в том, что попытка построения территориальной еврейской единицы на Дальнем Востоке — это тоже часть еврейской истории, поэтому мы не вправе делать вид, что этого не было и забывать о событиях и людях, принадлежащих той эпохе. Напротив, очень хотелось бы понять, что именно побудило немалое количество народа, далеко не глупого, образованного, говоря словами Сребрника, *«отдать надежды на лучший мир в руки людей, которые оказались политическими преступниками»*? Что заставило юную гимназистку Нехаму Шейнфельд оставить учебу и мотаться по Крымским степям со Второй конной армией, а затем отправиться на край земли? Как пришла в голову седовласому отцу семейства Исроэлю Пинзуру идея подхватить свои немудреные пожитки, жену и четырех детей и двинуться в путь из белорусских болот в приамурские, которые волей партии должны были стать социалистическим городом и его новой родиной? Как случилось, что относительно благополучные и устроенные Абрам и Этель Ковали вырвали своих необычайно одаренных сыновей из привычной среды тихого американского городка и увезли их в неведомый Биро-Биджан? По какой причине аргентинца Иосифа Форера не уберегла от рокового решения даже ссора с семьей? И так далее, и так далее... Этот список можно продолжать, и фигурировать в нем будут евреи со всех концов света, с различным уровнем благосостояния и образования, разного возраста и семейного положения. А еще больше список сочувствующих им, собиравших деньги для нужд переселенцев. Деньги совсем не лишние в скудном бюджете рабочего люда. Как получилось, что гуманная идея и огромные усилия многих людей потерпели крах? Мне показалось, что слова Ильи Сельвинского, вынесенные в заглавие этой части, частично дают ответ на вопросы, которые я задавала себе, пытаясь примерить судьбы переселенцев и понять их поступки.

И еще одно замечание, не касающееся напрямую содержания книги. Окунувшись в поток информации, идущий из прошлого, я невольно ловила себя на мысли, что словно и не прошло долгих 90 лет с начала строительства области. Хочу привести отрывок из докладной записки о состоянии хозяйственного и культурного

строительства в ДВК к 1927–1928 гг.: *«Край чрезвычайно слабо заселен, а колонизация его представляется делом весьма трудным. Наоборот, иммиграция с востока (корейская и китайская) быстро увеличивается. В продовольственном отношении край дефицитен. Наличие в крае значительной контрабанды весьма осложняет ход развития края. Обрабатывающая промышленность недостаточно развита, благодаря чему крупная доля нашего сырья (лес, рыба) эксплуатируется иностранцами без существенного результата для краевого хозяйства. Наблюдается дороговизна жизни, вследствие ряда коренных причин, устранение которых Краю не под силу»*. (ГА Хабаровского края. Ф. 353. Оп. 4. Д. 4. С. 12.). На страницах газет и в официальных постановлениях власти 1930-х годов ставятся задачи по мелиорации заболоченных приамурских земель, строительству дорог и жилья, созданию промышленных предприятий, культурных и медицинских учреждений и т. д. Конечно, я утрирую, но возникают слишком явные аналогии с современными проблемами области, ведущими к оттоку людей. Потомки тех, кто с таким трудом осваивал эту землю, покидают ее. Одной из важнейших причин еврейского переселения на Дальний Восток было скорейшее заселение территории с целью сохранения существующих границ и противостояния алчным соседям. Или нынче этой опасности не существует? Или, несметные прежде, природные богатства не уничтожаются варварски друзьями-соседями? Почему в нищие тридцатые горстка переселенцев в считанные годы с помощью евреев всего мира смогла построить город, создать промышленные и сельскохозяйственные предприятия, открыть школы и техникумы, театр, библиотеки (можно еще долго продолжать этот список), и куда все это подевалось? Почему спустя много лет проблемы области только множатся, а с таким трудом построенные и заселенные села пустеют и исчезают? Количество вопросов, которые я не перестаю задавать себе, не уменьшается, а только растет.

Настоящее издание, значительно дополненное и переработанное, продолжит знакомить читателей с историей образования и заселения Еврейской автономной области и, надеюсь, у них, так же, как и у меня появится желание глубже узнать свои корни, познакомиться со своей семейной историей и найти ответы на свои вопросы.

ГЛАВА I

Начало

Вы, ребята, спросите:
— В году это было каком?
Я отвечу вам:
— Тысяча девятьсот двадцать восьмом...
Эм. Казакевич. Первый трактор

28 марта 1928 года было принято историческое постановление Президиума ЦИК СССР «О закреплении за КомЗЕТом для нужд переселения трудящихся евреев Бирско-Биджанского района Дальневосточного края РСФСР». Точные границы закрепленного района поручалось установить на месте крайисполкому Дальне-Восточного края и предоставить в правительственные органы на утверждение. При благоприятных результатах сплошного заселения следовало иметь в виду возможность образования на территории указанного района еврейской национальной административно территориальной единицы.

Это постановление стало отправной точкой массового еврейского переселения на приамурские земли.

Не заглядывая в исторически далекие времена, начать рассказ о переселении я хотела бы с писем, обнаруженных на официальном сайте «Электронная библиотека исторических документов», являющемся частью Федерального историко-документального просветительского портала.

Привожу отрывок из письма группы евреев Подольской губернии во ВЦИК (1924 год): «*...И после таких бедствий, несчастий, после стольких погромов, когда наша кровь лилась рекой с одного конца нашей страны до другого, когда наших отцов резали, матерей*

расстреливали, детей убивали, сестер насиловали, братьев пытали, имущество грабили, дома жгли и т. д., — и все это за что? Мы все евреи — коммунисты-большевики. Еще, в частности, в наших маленьких местечках польско-румынской границы, откуда помещики бежали, при империалистской войне вошли австрийцы и немцы, затем Петлюра (будь он проклят), затем поляки, затем опять Петлюра со своей оравой, не осталось уж чего грабить. Убивали, грабили, жгли. По десять раз менялись власти, половина населения осталась в живых, все пережило, перетерпело, и те, которые остались, наравне с вами надеялись, что пролитая кровь не пропадет даром, и победа наша будет действительной победой.

Мы, евреи, не только не дожили (до) того, чтобы подышать более легкой атмосферой, (…) но нас стараются еще больше притеснять. Над нашими бедствиями и лишениями издеваются, антисемитски надругаются, мол: «Ведь это ваша жидовская власть, ведь вы этого хотели» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 119. Д. 9. Л. 33–38.).

Второй отрывок — из письма евреев Гомеля в редакцию газеты «Дер Эмес»: *«Мы, евреи многих городов и местечек, обращаемся к Вам, дабы «излить перед Вами свои горькие сердца». Вам, наверное, известно, что НЭП, т.е. свободная торговля окончательно уничтожена… Еврейские лавочки замерли: они не могут устоять против госмагазинов, у них нет достаточных средств для закупки товаров, они не могут платить налогов сверх своих сил. Тысячи людей ходят без дела. Нищета противна, и голова разрывается в поисках копейки. Стало так горько, хоть отравляйся или утопись со своими семьями в реке и, таким образом покончить со своей горькой судьбой. (…)*

И вот спрашиваем мы: что делать нам, умирающим от голода и нужды, которым не у кого просить помощи? Одни из нас уже похожи на мертвецов, другие еще немного барахтаются и (…) тоже погибнут (…) Нам некуда бежать — Россия наша родина, и нам не нужна ни Палестина, ни Америка. Дайте только нам возмож-

ность жить. Вы не хотите нашей торговли — дайте нам землю и некоторые средства для земли и хлеба до тех пор, пока мы приступим к этой земле. Многие из нас кустари, но с тех пор, как торговля уничтожена, нет у нас работы, и мы помираем с голоду…» (ГАРФ. Ф. 54546. О. 55. С. Д. 856. Л. 3–2.).

Вот такие документы, говорящие сами за себя и не требующие комментариев. Нищета и безысходность существования были одними из причин, по которым еврейский люд ухватился за слабую надежду начать новую жизнь в Биро-Биджане. 28 апреля, ровно через месяц после принятия постановления, на станции Тихонькой представители специальной группы встречали первых переселенцев. Понятно, что к их приему не успели подготовиться. Не было четкого плана строительства поселений и организации жизни и труда переселенцев, не было жилья, дорог, налаженного снабжения. Только через месяц — 29 мая 1928 года — в Хабаровске состоялось заседание Президиума Далькрайисполкома, который, заслушав доклады т. Мережина (от КомЗЕТа) и т. Бояра (от Дальневосточного краевого земельного управления), постановил:

а) На основании Постановления ЦИК СССР от 28 апреля с. г., вполне отвечающего общим интересам скорейшего заселения Бирско-Биджанского района и вовлечения нетронутых его целин в социалистическое строительство, предложить всем советским и общественным учреждениям и организациям, как в Крае, так и на местах, оказывать всемерное содействие ОЗЕТу в его работе.

б) создать при Крайисполкоме Комиссию по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ) для разрешения и увязки всех связанных с переселением последних вопросов, в следующем составе: С.Е. Чуцкаев — председатель, Рашкес — зам. председателя, Флегонтов, Бояр, Косицин, Лебедев, Петров, Левитас, Понизовский, Тян, Баскин, Айзман, Бейнфест.

В рабочем плане КомЗЕТа и ОЗЕТа на 1928 год было предусмотрено заселение только Бирского опытного поля, и основная часть еврейских переселенцев направлялась туда.

ГЛАВА II

Коммуна «Икор»

Первые шаги

По страницам книги А.(Льва) Лейбмана

Несмотря на то, что Биро-Биджан еще не был готов к приему переселенцев, уже в апреле первые группы с Украины и Белоруссии отправились в путь. Компания очень разношерстная. Молодежь, воодушевленная постановлением ЦИК и мощной пропагандистской кампанией, желающая помочь Советской власти, ехала, несомненно, добровольно. Беднота, бегущая от голода и безработицы, – те, кому нечего было терять в родных местечках, получали при вербовке подъемные и устремлялись в новые земли с надеждой на лучшую долю. Несмотря на трудности, некоторые поселенцы, имея финансовую помощь и работу, не только устраивались сами, но и помогали выживать семьям, оставшимся в местечках, отправляя им посылки и деньги.

Среди переселенцев была также известная доля авантюристов и любопытствующих, которые чаще всего и не собирались работать на земле. Есть свидетельства того, что были такие, кому вручили комсомольские путевки, не спрашивая их согласия и не оставив выбора. Тот же Ларин указывал на *«нездоровую шумиху, какая была поднята вокруг Биро-Биджана… Оставить невыполненным наряд на Биро-Биджан казалось многим недопустимым, так как заселение его было понято чуть не как национальная обязанность советских евреев. Священной самоцелью сделалось обязательное заселение Биро-Биджана, кем бы то ни было»*.

В результате на станции Тихонькой происходит скопление неустроенных переселенцев. В бараках, предназначенных для проживания переселенцев не более трех суток, застревают на 2–3 месяца, потому что выехать невозможно из-за отсутствия дорог. Да и ехать некуда. В. Финк, говоря о нищете, беспомощном положении

переселенцев, отмечает: *«Они приехали с намерением работать на земле, но не могли добраться до земли»*.

Согласно данным *«О переселении еврейских трудящихся в Биро-Биджан»* (ГА Хабаровского края. Ф. Р. 353. Оп.1. Л. 1.), *«19 мая уже начали поступать в Биро-Биджан первые партии переселенцев в счет выданного весеннего наряда на 600 семей; осенью этого же года был выдан КомЗЕТом дополнительный наряд на 300 чел.*

Первый год переселения дал 63% отхода и обратничества; и второй год переселения был немногим лучше: обратничество оставалось на уровне 58%.

Основными причинами являлись:

1) неподготовленность к приему переселенцев, отсутствие жилых помещений и неналаженность культурного обслуживания;

2) неблагоприятно сложившиеся для переселенцев этого района климатические условия: сильное наводнение и сибирская язва, разразившиеся в Биро-Биджане в 1928 г.; повторившееся наводнение в 1929 г. и возникшие события на КВЖД.

К концу 1929 г. в Биро-Биджане осело не более 800 человек еврейских трудящихся».

В этом же документе приводятся следующие данные: к 1 октября 1930 г. численность еврейского населения составила 2600 человек, обратничество — 40%. В 1931 году до 1 октября прибыло 2108 переселенцев в счет наряда на колхозные семьи, кроме того, из Литвы, Аргентины и Америки 465 чел. Обратничество на 1931 год — 26%. Общая численность евреев «Икора» — 260 человек.

Учитывая все трудности и *«объективные предпосылки»*, предписывается *«решительно увеличить»* темпы переселения. В связи с этим на 1932 год предусматривалось переселение 19 000 человек (4000 семей и 3000 одиночек) и испрашивались *«ассигнования в размерах, позволяющих создать необходимые для обеспечения приживаемости условия»*.

Но все расчеты были построены на песке. Согласно данным из сборника «Книга о русском еврействе» в 1932 году из прибывших 9 тысяч переселенцев осталось 3 тысячи, в 1933-м отток превысил прибыль. Там же отмечается, что единственной коммуной, выдержавшей

испытания, была небольшая молодежная коммуна «Икор». В соответствии с существовавшими тогда требованиями, переселенческие путевки могли получить только товарищества и коллективы. Как следствие, желающие переселится одиночки, зачастую едва знакомые, объединялись и создавали формальные мелкие сельскохозяйственные коллективы, состоявшие из случайных людей.

Приятным исключением была группа молодежи из Белоруссии. Выпускники Курасовщинского сельскохозяйственного училища, что под Гомелем, 12 крестьянских детей и двое сельхозрабочих училища объединились в коммуну и отправились строить новую жизнь. Коммуну они назвали «Икор» — в честь американской еврейской организации ИКОР, оказывавшей помощь переселенцам. Цель своего переселения новоиспеченные коммунары определили так: *«Мы должны помочь еврейскому переселению в новый край, который выбрали партия и советская власть»*.

Благодаря книге А. Лейбмана «Коммуна «Икор», полностью посвященной ее первым шагам, труду и быту коммунаров, можно проследить историю создания первой и последней на территории СССР международной сельскохозяйственной коммуны.

«Учителя и большинство курсантов не верили, что нам хватит смелости и решимости поехать в этот далекий край, — рассказывает один из пионеров «Икора» тов. Вихнин, ныне студент Новополтавского сельскохозяйственного института. — Нас пугали тайгой, дикими стихиями, тиграми, медведями, гнусом, стремительными реками, которые уничтожают все на своем пути и затапливают леса и поля. А мы очень серьезно говорили о том, что человеческие жертвы необходимы, нужны люди, которые проложат путь следующим поколениям. Мы глотали каждую газетную строку, делились впечатлениями».

Не удалось восстановить имена всех первых коммунаров, но некоторые из них сохранились. Среди организаторов — Абрам Менделеевич Бялый, коммунары Шлейфер, Вихнин, Балак, Соркин, председатель коммуны Хоня Шапиро, о котором речь пойдет чуть позже. По пути в Биро-Биджан к коммунарам присоединился Давид Абрамович Рогинский. 18 апреля 1928 года коммунары отправились в дорогу, и уже 13 мая они были на станции Тихонькой.

Год коммуна проработала на Бирском опытном поле, на участке Степном. *«1928-й был годом крупных наводнений, да таких, что даже местные старожилы не могли припомнить. В связи с тем, что Амур и его притоки вышли из берегов, наводнение охватило большую территорию, от Хабаровска до Благовещенска и Зеи, в том числе район Бирофельда, то есть место расположения коммуны. Целые деревни и поля, дороги и леса были смыты с лица земли мощной водной стихией»*.

Несмотря на свою молодость, ребята четко знали, чего они хотят добиться. Знания, полученные в училище, добросовестность и самоотверженность позволили грамотно организовать работу и получить хорошие результаты. *«Всего 15 икоровцев — и на все у них хватало рук. Этот корчевал, тот возил бревна, другие возили доски, косили, варили, посадили гектар картофеля, посеяли полтора гектара гречихи и подняли около трех гектаров целины»*. Вдобавок ко всем бедам и проблемам район переселения охватила эпидемия сибирской язвы. *«Десятки лошадей пали у переселенцев, в течение месяца не осталось ни одной. Икоровцы уберегли своих лошадей (они называли их «папами») — вовремя поставили их в конюшню и не выпускали на поля, берегли как зеницу ока. В результате все лошади у коммунаров, несмотря на то, что «Икор» находился в центре эпидемии, уцелели»*.

Словом, в то время, когда многие хозяйства распались, не выдержав испытания природными катаклизмами, тяжелыми бытовыми условиями и непривычным трудом, молодежная коммуна окрепла и зарекомендовала себя с лучшей стороны. *«Еще в конце августа 1928 года биробиджанский районный колхозный союз отпустил коммуне 2500 рублей, и коммунары решили купить коров. Но тогда от этой затеи воздержались, потому что все еще свирепствовала сибирская язва. Теперь же задумались об увеличении стада. Покупать коров отправили в Сибирь двух парней. В Ачинске они купили десять буренок, одиннадцатую приобрели у местного русского жителя. В «Икоре» построили коровник с датскими кормушками и т. п. Когда доставили первую партию коров, все уже было готово. Коровник содержали в таком порядке, что старожилы, проезжая мимо, непременно останавливались и рассматривали его. «Вот чему нам надо поучиться у детей», — удивлялись крестьяне.*

Молоко от первых коров парни сдавали в бирофельдскую кооперацию.

Вскоре появились в «Икоре» еще две лошади, их общее количество составило уже семь голов.

Наступила зима. Выдалась она малоснежной, и намеченные лесозаготовительные работы шли очень медленно. Тем не менее удалось заготовить и вывезти 250 бревен. Морозы стояли суровые, температура часто достигала минус 45 градусов. Приехавшие из Белоруссии коммунары были непривычны к такому холоду. Обморожение щек, носа, ушей, рук, ног было частым явлением. Но молодые здоровые парни привыкли и к обжигающему сухому морозу, и к мощным дальневосточным циклонам».

Весной 1929 года коммуне предложили перебраться на освободившееся Дежневское опытное поле (в 9 километрах от станции Волочаевка и 40 километрах от Хабаровска). Без энтузиазма восприняли икоровцы это предложение. Хозяйство в «Степном», в строительство которого они вложили столько сил, было дорого коммунарам. И все же они направили двух парней, чтобы те осмотрели новое место. Участок им понравился. Земля здесь была хорошая. Километрах в пяти отсюда текла река Тунгуска, богатая рыбой, в 25 километрах — Амур. Решили переезжать. С конца апреля — начала мая 1929 года и ведет отсчет село Икор, переименованное в 1939 году в честь 18 партсъезда, а в 1962-м — в Камышовку.

Здесь коммунары начинали не на пустом месте. Во времена царизма на этом участке находился так называемый племенной рассадник, который в 1915 году превратили в ферму, где содержались лошади, коровы, свиньи. Животных выращивали для военных нужд, под генеральским сапогом работало несколько десятков батраков. На заброшенном опытном поле (где как напоминание о научных наблюдениях остался флюгер, показывавший направление ветра) увидели парни старый колодец, два дома, конюшню, коровник, свинарник, птичник, склад и баню.

«На новом месте коммуна столкнулась с новыми трудностями. Нужно было исследовать почву, изучить климат и даже людей. Коренное русское население с недоверием смотрело на худеньких еврейских пареньков, которые хотели в дикой тайге сделать

Коммунары с лошадьми. 1929 год.
Из фондов библиотеки Конгресса США

то, что даже опытным местным крестьянам давалось с большим трудом. Некоторые смеялись, утверждая: «Продержитесь несколько дней и сбежите». Коммунары отвечали на это с улыбкой: «Это мы еще посмотрим».

Но в целом коммунаров приняли хорошо, дружелюбно.

Первый год оказался очень трудным. Не изучив почвы, посеяли не те культуры, косили не в тех местах, запоздали с покосом — и разлив Тунгуски погубил весь труд. *«Площадь территории, которую занимал «Икор», составляла 2400 га. Прежде чем коммунары прибыли на это место, им было сказано, что 25 гектаров земли там уже вспахано. На деле же икоровцы обнаружили там лишь около 15 гектаров заболоченной земли. Пришлось корчевать релку — 9 гектаров. Корчевали голыми руками.*

В то время в коммуне уже был маленьким трактор «Клетрак», выделенный ОЗЕТом. На опытном поле находилось несколько машин: сеялка, плуги, триер, сортировочная машина, молотилка, дисковые бороны и т. д. Все это использовали в работе.

На 15 гектарах более сухой земли посеяли пшеницу, овес, посадили картофель (9 га), 4 га огородных культур (огурцы, помидоры, морковь, свеклу, редис)».

Ребята не отчаивались: *«Удалось заложить хорошее стадо коров, так что к концу 1929 года коммуна могла уже не только покрыть выявленный в «Степном» дефицит, но даже получить прибыль в 2500 рублей от сенокоса».*

Корчевка леса.
Из фондов библиотеки Конгресса США

Получив 6000 рублей переселенческих кредитов, привезли из Сибири 4 вагона коров молочной породы, наладили связь с Хабаровском. *«Парни доили коров, ухаживали за каждой буренкой, как мать за ребенком, — рассказывает тов. Вихнин. — Каждый коммунар считал своим долгом ежедневно заходить в коровник, проверять, как выглядят буренки, какая из них дала сегодня больше молока, а какая — меньше и почему»*. Таким образом, парни выяснили, какой уход нужен той или иной корове и как получить больший надой. Для разросшегося стада необходимо было заготовить корма на зиму, а для этого необходимо было подобрать хорошее место для покоса. *«В июне 1929 года семерых коммунаров и двух лошадей перебросили на другой берег Тунгуски. Двое парней на лодке обследовали берег, выбрали хорошее место для покоса площадью 50 гектаров. Первые дни сенокоса погода стояла хорошая, Тунгуска текла спокойно в своем лоне. Беды были только от комаров. Пока люди работали, было еще терпимо, но посидеть отдохнуть комары не давали. Некоторые коммунары из-за этого не спали ночи напролет. Позже начались дожди. Они загнали коммунаров в шалаши, которые ребята построили у Тунгуски. Вдруг — паника: «Ребята, река разливается!» Происходило это стремительно. Вода прибывала с каждым часом. Мгновение ока — и Тунгуска была уже у шалашей. Пришлось принимать срочные меры, чтобы перебросить на другой берег лошадей, инвентарь, эвакуировать самих коммунаров. Река превратилась в море. Все сено (3000 пудов) пропало. «Уже по осени, когда мы снова переправились по Тунгуске на это же место, мы его не узнали, — рассказывает товарищ Зубер. — Кое-где лежали маленькие кучки сена — все, что осталось от нашей работы»*.

В 1930 году коммунары, умудренные опытом, начали сенокос на Тунгуске гораздо раньше, чем в 1929-м. Успели накосить, заскирдовать и организованно вывезти в срок 3000 пудов сена. Но бороться с капризами природы было нецелесообразно.

«Нужно искать другое место для сенокоса», — решили икоровцы. Это был июль 1930 года. Дни стояли жаркие, вечера тихие. Коммунары запрягли лошадей, нагрузили на телеги машины, взяли с собой продукты и отправились в село Самарку (21 верста от «Икора»), к Амуру. Рядом с песчаным берегом парни поставили

шалаши, разложили комарники. Заприметили островок, обследовали его. Островок был 12 км в длину и 2 км в ширину, хорошей травы здесь было вволю. Быстрыми темпами начали косить. Но сначала попытались тут «обустроиться». Из жердей и зеленого сена соорудили шалаш. Вставили в него треугольную дверь. Внутри шалаша выкопали в земле яму, обложили ее по краям сырой травой и сделали своего рода «плиту» для варки. Кипятили на ней чай, готовили суп, мясо и т. д. «Вставать приходилось в два-три часа ночи, — рассказывает товарищ Сельский, молодой коммунар. — Брали грабли, косы и принимались за работу. В 12 часов был обед. В солнцепек тоже «работали» — занимались полезными делами: кто читал, кто ловил рыбу. Другие учились с помощью длинных веревок плавать».

Сенокос на Тунгуске.
Из фондов библиотеки Конгресса США.

Отдельно стоит сказать про комаров. Они были повсюду — в чашках, мисках, ведрах, даже в ложках. Иной раз ребята пили чай вприкуску с комарами вместо сахара. Комары заедали днем и ночью. Коммунары могут порассказать вам немало «комариных историй». Все же удалось заготовить 17000 пудов сена.

Также коммунары завели молодых свиноматок породы йоркшир. Выпускники сельскохозяйственного училища были знакомы с этой работой, но остальные и понятия не имели, что такое свинья. *«Рассказывает товарищ Яшка Рубин, переселенец из Саратова, сейчас — специалист по свиноводству: «Я приехал сюда 17 марта 1930 года. До этого крестьянским трудом не занимался. В коммуне первое, на что обратил внимание, — это свиньи и коровы. Сначала я был занят на разных хозяйственных работах. Затем мне поручили ухаживать за свиньями. Мне — за свиньями? Несмотря на то, что мой друг проинструктировал меня о новых обязанностях, я всю ночь не спал и думал только об одном: как подойти к свинье... На следующий день встал с утра пораньше, пошел в свинарник. Сразу же пролил половину пойла — по той простой причине, что свинья побежала ко мне, а я испугался, что она сейчас, не дай бог, откусит мне руку или ногу. Потом, когда нужно было почистить стойло, должен признаться, у меня душа в пятки ушла — ведь для этого нужно было туда войти! Первое время работал — через колено себя ломал: все казалось, что свинья меня хватанет, укусит, убьет. Ночью мне все время снились свиньи. В темноте моя фантазия рисовала свиней, говорила про свиней, думала о свиньях. Словом, — свиньи, свиньи, свиньи...»*

Но и с этой работой парни справились. В январе 1931 года, благодаря приплоду, в коммуне было уже 35 свиней.

Осенью 1929 года коммунары попробовали заложить сад, первый коллективный сад на Биро-Биджанской земле. *«На гектаре земли в течение пяти дней посадили 75 яблонь, 50 саженцев груши, 50 саженцев сливы, 15 саженцев вишни, кусты малины, смородины и т. д.»*. Конечно, ягодники и яблони до настоящего времени не сохранились, а вот груши плодоносят до сих пор. Приезжая по осени за урожаем в старый заброшенный сад, жители окрестных сел, конечно, знать не знают, кому они обязаны бесплатными дарами.

Ребята активно приспосабливались к местным условиям. Следом за садом появилась пасека. Лишние продукты стали продавать на рынке в соседнем Хабаровске. Зимой занялись незнакомой работой — заготовкой бревен в тайге, которой их пугали перед отъездом из дома. Пережив первую голодную зиму, когда собственный урожай смыло и пришлось идти на поклон к местному кулаку Балаганскому и платить ему втридорога за хлеб и картофель, потому что надо было тяжело работать на корчевке, а в коммуне не было ни куска хлеба, решили заготавливать на зиму рыбу. Понятно, что ни сетей, ни сноровки в новом деле у коммунаров не было. Объединились с соседней артелью, чтобы вместе ловить кету в Тунгуске. Справились и с этим новым делом. В первый год улова хватило только для нужд коммуны. На следующий год приготовились заранее. *«Для этой цели приобрели*

Закладка сада в Икоре. 1929 год.
Из фондов библиотеки Конгресса США

сети, подготовили фляги, соль и все остальное, что необходимо для ловли рыбы. Пятого августа пятеро коммунаров выехали на место, к реке Тунгуске, в семи верстах от коммуны. Они очистили косу, построили шалаш, приготовили площадки для засолки рыбы, дрова на весь период рыбалки. 10 августа прибыли еще 6 человек, и рыболовецкая бригада состояла уже из одиннадцати человек. 11 августа выехали на рыбалку. Поначалу работа шла с трудом, потому что большинству парней впервые в жизни довелось заниматься ловлей рыбы. Но уже через несколько дней молодые коммунары работали, как опытные рыбаки. А работать приходилось по 18 часов в сутки — ход рыбы был такой интенсивный, что пропустить его было просто нельзя. Ловили почти исключительно кету. Другую рыбу брали редко. Даже биробиджанские дожди не могли помешать работе — дел было невпроворот.

В 15 метрах от реки, в шалаше, находилась «кухня» — две жерди, вкопанные в землю, держали штангу, на которую вешали ведра. Под ними разводили огонь — так готовили еду. Тут же был стол, лавочки. Кроме того, коммунары построили склад. Это был большой шалаш, покрытый двумя слоями сена. Там хранили улов.

Вставать приходилось в 2-3 часа ночи, когда был наиболее активный ход рыбы. Несмотря на кромешную тьму, шли к реке с песнями. «Сеть была такая тяжелая, что пока парни ее тянули, часто падали на мокром песке, разбивали носы, — рассказывает товарищ Игаль, один из молодых рыбаков. — Пойманную кету бросали в лодку и двигались дальше. Над рекой разносились песни. Один затянет «Дуньку», и все подхватывают. Возвращались с полной лодкой рыбы, разводили костер, сушились, надевали сапоги и бежали ужинать».

Отдыхали пару часов. В это время слышался крик: «Заюливай!» — это рыбаки соседней украинской коммуны «Тихоокеанский Октябрь» забрасывали свою сеть. Чтобы не терять драгоценного времени, коммуны договорились работать по вахтам: пока одна бригада работает, вторая отдыхает, и наоборот. Благодаря такому распределению труда удавалось достичь максимального результата. Икоровцы в течение трех недель добыли 600 пудов кеты и 35 пудов икры…

Товарищ Шер из рыболовецкой бригады «Икора», рассказывает: «Работали очень напряженно. Не было времени даже умыться. Рыбы было много».

Коммунары не чурались никакого труда, в результате небольшой коллектив, мало знакомый с жизнью дальневосточной глубинки, стал примером для окружающих деревень.

В 1929 году в коммуне насчитывалось 25 человек, кто-то отсеялся, но прибыли новые коммунары, еще несколько выпускников агрошколы, присоединились девушки из Дежневки. В списке переселенцев из Минска значились Борис Меерович Альтшуль (19 лет), Моисей Янкелевич Горелик (18 лет), Фаня Ароновна Кац (20 лет, Фаина Ароновна Жмаева), Лейба Нохимович Зубер (18 лет), ставший в коммуне трактористом. Из Минска же — Маня Ботвинник (Мария Натановна Лившиц). В очерках и газетных статьях встречаются фамилии Трюк, Аксельрод, Левин, Сельский, Подгорный, Вендеров. Коммунар Вихнин — председатель. К 1 мая 1930

Рыбаки Икора
Из фондов библиотеки Конгресса США

года в коммуну прибыло 7 человек, среди них Яша Рубин, тракторист Шифрин, позже ставший представителем районного переселенческого управления, из Саратова приехал Моисей Лазаревич Коган. Коммуна разрасталась, ее состав менялся, вливались новые люди. Всего до конца года планировалось принять 50 новых коммунаров.

М. Кадышевич рассказывал: *«Из «старой гвардии», из минского молодняка, в коммуне мало кто остался; часть из них работает в Биробиджане трактористами, шоферами и инструкторами, другие готовятся в агрономы, зоотехники. Большинство из них связано с коммуной, они приезжают сюда на каникулы, и вообще их влияние здесь еще сильно чувствуется»*.

Поначалу икоровцы обходились только теми помещениями, которые достались им «в наследство» от опытного поля. С прибытием новых людей и расширением хозяйства росла потребность в новых домах и хозяйственных постройках. *«Стройконтора Биробиджанского района взялась за строительство нового 12-квартирного дома (4 двухместные комнаты, 4 четырехместные, 4 комнаты на шесть человек). Из них две комнаты (шестиместные) объединили в клуб. Работу выполнили 8 строителей. С самого начала возникли трудности — не хватало древесины, стекла, квалифицированных строителей. Были даже вредители, которые сознательно мешали работе, бывший десятник, колчаковец. Но постепенно все трудности были преодолены. Стекло получили от молочно-огородного совхоза в Покровке. Группа строителей показала себя ударниками и вызвала на соревнование оставшихся пятерых рабочих. Работали часто по 12–14 часов в сутки, без выходных, сами стеклили окна. Кроме того, в этом году был проведен ремонт конюшни, коровника. В связи с наступающей зимой отремонтировали сани. Конкретнее о трудностях. «Коммуна была не готова к перевозке строительных материалов, — рассказывает тов. Подгорный, первостроитель «Икора», — а нам приходилось покупать по нескольку бревен у местных крестьян. Крестьяне дорого просили за древесину, а у коммунаров не было ничего, кроме масла. «Умасливали» крестьян, получали бревна… Чтобы сделать печи, привлекли случайных людей. Они нас ободрали как липку. Зимой не хватало спецодежды, не было рукавиц,*

валенок. И строители отказались работать. Однако к этому времени подоспели 10 еврейских строителей, только что окончивших курсы строителей в колхозе Валдгейм. В 45-градусный мороз они отправились в лес рубить деревья, готовить материалы. Провели воскресник, установили в клубе скамейки. Позже новые строители принялись за строительство пекарни (помещение некоторое время из-за нехватки жилья занимали переселенцы) и сдали ее через месяц. К 7 ноября — годовщине революции — построили сцену, а также начали строительство телятника, который потом переделали в свинарник. Затем начали строить ледник и кузню, заложили фундамент нового дома». Несколько строителей, прибывших из Валдгейма, захотели стать коммунарами, среди них был Моисей Коган.

Очень важные для любого коллектива вопросы — это организация работы, руководство, планирование, оплата. *«Всей работой руководит правление, которое выбирается на общем отчетном собрании коммунаров (раз в год). Общие собрания проводятся также каждый месяц, даже чаще. Правление состоит из пяти человек. Глава правления — председатель, которому подчиняются остальные: заместитель, завхоз, заместитель по общим вопросам и кассир. Два-три раза в месяц проводятся производственные совещания (не считая собраний, которые проводятся с новыми переселенцами). Там выбирают бригадиров, которые подчиняются напрямую завхозу и руководят каждый своим сектором: старший скотник, транспортник, садовник, тракторист, заведующий кухней, прачечной и т. д. Сюда же входят бригадиры сенокосных бригад, рыболовецких, бригад, работающих на корчевке»*. Таким образом, руководство менялось каждый год, у каждого из ребят был шанс проявить свои способности. Оплата распределялась по трем категориям, в зависимости от тяжести труда и его квалификации. *«Каждый коммунар получает ежегодно двухнедельный отпуск. По мнению председателя тов. Бесселя, один из важнейших моментов в жизни коммуны — это дисциплина. Что касается работы, то нет сомнений в том, что коммунары — очень трудолюбивые ребята»*.

Как бы ни тяжела была работа, молодежь всегда остается молодежью. Ребята находили время на отдых, чтение книг, игры в шашки и шахматы, выпуск стенгазет и, конечно, на девушек. *«По вечерам*

там часто собирались парни и под гармошку отплясывали «сербиянку», «подгорную» и «польку». «Гармонист Абрашка, — рассказывает тов. Левин, — закатывал рукава и с жаром растягивал меха гармошки. На революционные праздники коммунары совершали так называемые культурные вылазки (это на коммунистическом языке) в соседнюю деревню Дежневку, делали там доклады. Некоторые наши парни были там частыми гостями, принимали участие в вечеринках, танцевали с русскими девушками». Хорошие отношения были налажены с коммуной «Тихоокеанский Октябрь». Позже ребята установили шефские связи с хабаровской школой им. Ленина, приобрели инструменты для клуба, организовали кружки и ячейки «МОПР», «Осоавиахим», «ОЗЕТ». *«Коммуна получила из Москвы еврейскую библиотеку, которую прислало центральное издательство ОЗЕТа. Теперь в библиотеке 800 книг. Этого мало, коммунары планируют купить еще»*.

В 1929 году отметили первую коммунарскую свадьбу, доказав всем, что приехали они сюда не на время, а навсегда, причем невестой была русская коммунарка. Позже начали создаваться другие семьи, и появились в коммуне два первых маленьких «икорченка» — Роза и Владлен (в честь Розы Люксембург и Владимира Ленина). Русские коммунарки, *«в основном деревенские девчата, которые изрядно разбавили «местечковую рафинированность» переселенцев простыми манерами. Девушки чувствуют себя в коммуне так хорошо, что и не думают уходить отсюда»*.

В 1930 году Биро-Биджан посетила рабочая бригада. Цель ее поездки — *«ознакомление на месте с условиями края и с тем, как еврейская беднота, столетиями не имевшая возможности заниматься земледелием и получившая эти возможности теперь, при власти Советов, трудится на земле»*. На основе изученного бригада дала рекомендации. В том числе такую: *«Превратить поселок «Икор» в показательную коммуну, параллельно побудив икоровцев проводить ударно-показательные работы в других колхозах. Поставить срочно вопрос о реорганизации «Икора» в агротехникум»*. А один из членов бригады, впечатленный увиденным, посвятил коммунарам стихотворение. Несовершенное, но полное восхищения икоровцами и их работой.

На целине

Отрывок из книги Л. Тальми

О том, как все начиналось, стоит узнать из первых уст. Благо нам дана такая возможность.

К агитационной компании за освоение Биро-Биджана подключились многие известные писатели и журналисты. Некоторые из них приезжали на длительный срок, а кто-то даже на постоянное жительство. Поэтому нам в наследие досталось много документального материала, среди которого — книги, газетные статьи и фотографии.

Одним из таких свидетельств стала книга Леона Тальми «На целине. Экспедиция ИКОРа в Биро-Биджан», вышедшая в Нью-Йорке в 1931 году. Одна из ее глав дает нам возможность взглянуть на коммуну и коммунаров глазами членов комиссии, которую возглавлял профессор Ф. Гаррис. В составе прибывших экспертов была целая группа профессоров американских университетов: почвовед К. Соулс, специалист в области механизации сельского хозяйства Д. Девидсон и сам Чарльз Кунц. Членами экспедиции были также активисты ИКОРа — эмигранты Эли (Илья) Ватенберг и Леон Тальми.

Леон Тальми (Лейзер Яковлевич Талминовицкий) родился в 1893 г. в селе Ляховичи, Слуцкого уезда, Минской губернии (с 1921 по 1939 г. территория Польши, сейчас Белоруссия, Брестская обл.) Знал кроме идиша и русского еще три языка. В 1912 году уехал в Америку, работал переводчиком, журналистом. В 1933 переехал вместе с семьей в Москву. Там возглавлял английскую редакцию издательства литературы на иностранных языках. 2 июля 1949 года был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета, обвинен в измене Родине и 12 августа 1952 года расстрелян вместе с Перецем Маркишем, Давидом Бергельсоном, Лейбом Квитко, Вениамином Зускиным, Ициком Фефером, Давидом Гофштейном, Ильей Ватенбергом и другими.

Сын Владимир был арестован и осужден на 25 лет, жена сослана.

В обвинительном заключении сказано, что во время поездки в СССР в 1929 году установил преступные связи с еврейскими националистами, при помощи которых добыл материалы шпионского

характера о Дальне-Восточных пограничных районах Советского Союза (данные из архива А.Н. Яковлева).

Предлагаю ознакомиться с некоторыми «шпионскими сведениями», которые, как установили «эксперты», опубликовал Тальми.

«Мы заранее решили, что первым же делом побываем в коммуне «Икор», которая находится недалеко от железнодорожной линии у станции Волочаевка — первой остановки на пути из Хабаровска. Но, когда утром первого августа мы вышли из вагона, выяснилось, что товарищ, который должен был сообщить в коммуну о прибытии нашей экспедиции, из-за дождя задержался на вокзале.

Стали решать, как добраться до коммуны. Долго думать не пришлось — нам снова помог случай: на дороге показалась упряжка из двух лошадей, которая двигалась по направлению к станции. Паренек-возничий объяснил, что едет как раз из коммуны. Он был очень удивлен, увидев нас. Там, в коммуне, конечно, уже знали, что мы должны приехать, но думали, что о нашем визите их предупредят заранее. Да, он, конечно, готов отвезти нас туда, но на телегу могут сесть не более четырех, максимум пяти человек. Что же делать?

Коротко посовещавшись, мы решили, что поедут пятеро из нас: профессор Девидсон, профессор Кунц, товарищ Ватенберг, Ноах Лондон и я. Остальные — профессор Гаррис, профессор Соулс и Биньямин Браун — должны пока остаться и заняться исследованием территории вокруг станции. А мы, прибыв на место, отправим за ними лошадей.

Выехали около девяти утра. Было свежо, а небо сплошь затянуто. По этим признакам трудно было сказать, что предвещает погода: ясный солнечный день или ненастье и ливень. Но это уже мало что значило, так как ночной дождь — кровный брат тех дождей, что лили здесь почти ежедневно в течение всей предыдущей недели, оставил после себя богатое «наследство»: дорога превратилась в болото, по которому наши лошади телепались добрых два с половиной часа.

Ехать предстояло девять с половиной километров. Из них три километра — по «главной» дороге Волочаевки: длинной улице с ни-

зенькими деревянными домами, стоящими поодаль друг от друга и отделенными один от другого грядами картофеля, капусты, бобов, подсолнухов, кукурузы и т. д.

Мы осматривали дома и огороды — насколько позволял обзор с телеги и покуда это было возможно. Выехав же за село, вынуждены были сосредоточить внимание на самой дороге, так как из-за густой растительности по обочинам ничего не было видно. Ноах Лондон, по профессии дорожный инженер, начал вслух перечислять достоинства и недостатки дороги (недостатков было значительно больше) и объяснять, как нужно было ее строить правильно.

Тем временем закончился спор между погодой и непогодой — начался дождь. Мы надели плащи и поехали дальше. И вот тогда-то мы впервые познакомились с биробиджанским гнусом. Из-под кустов сначала по одному, а затем целыми роями на нас устремились комары. Поприветствовав нас веселым жужжанием, они тут же пустили в ход свои колющие инструменты. Вскоре появились другие представители мелких крылатых насекомых — так называемая мошка, которая роилась вокруг нас тучами, и приходилось все время отмахиваться от нее.

Чтобы быть точным, необходимо отметить, что гнус активно атаковал только тех из нас, кто сидел на телеге слева, лицом к той обочине дороги, где кусты росли гуще. Те же, кто сидел лицом к железной дороге, даже не поняли, почему мы все время машем руками.

Меньше всего беспокоился о комарах парень-коммунар, наш возничий. Поскольку мы говорили между собой на английском языке, он что-то тихонько напевал. Когда в нашем разговоре возникла пауза, он завел разговор на идише с теми из нас, кто понимал этот язык. Пожаловался, что дождь, который льет здесь уже две недели, сильно помешал работе коммунаров.

Около одиннадцати часов показались дома коммуны, а еще через полчаса мы въехали во двор. Очевидно, из-за дождя, на улице не было ни души. Вскоре к нам вышли несколько парней, которые както неуверенно поздоровались с нами и пригласили войти в первый дом. Через некоторое время там собралось человек десять, и мы разговорились о коммуне.

Двенадцать коммунаров приехали в Биро-Биджан в прошлом году вместе с первыми переселенцами. Устроились сначала в Бирофельде, построили там дом, коровник и приобрели дюжину коров. Сюда, на новое место, они перебрались в этом году, в начале весны. Прежде здесь находилась Дежневская опытная и метеорологическая станция. Сейчас оборудование станции перевезли в Бирофельд, а постройки с землей (площадью более двух тысяч гектаров) передали коммуне. Всего здесь имеется восемь построек: два жилых дома, конюшня, коровник и при нем молочная лаборатория, кухня и столовая, гараж, зернохранилище, кузня, свинарник и баня.

Парни скоро привыкли к нашему присутствию, и скованность в общении исчезла. Настроение у коммунаров, в отличие от того, что нам рассказывали об «Икоре» в Хабаровске, было хорошее. Несмотря на неудачный опыт (когда часть посевов пшеницы и овса, а также заготовленное сено были уничтожены наводнением), ребята были полны решимости и надежд.

Комиссия в коммуне.1929 год.
Из фондов библиотеки Конгресса США

Мы переждали дождь и отправились осматривать икоровские владения. В двух жилых домах насчитали больше двадцати комнат, в которых можно спокойно разместить 45 человек. Парни рассчитывают, что через год число коммунаров подойдет к этой цифре. Обстановка в комнатах очень простая: грубо сколоченные деревянные кровати, по паре стульев на комнату, в каждой — столик, на котором лежат книги, «Штерн», «Ройтэ велт» и другие газеты и журналы. В некоторых комнатах есть умывальники. Стены побелены, но известка местами осыпалась, отчего комнаты производят не очень опрятное впечатление.

Из конюшни доносилось ржание лошадей — их в коммуне семь. Пользуясь моментом, мы попросили тов. Вихнина, председателя коммуны, послать пять лошадей за Гаррисом и остальными членами комиссии.

Затем мы разделились: Девидсон, я и сопровождавший нас коммунар двинулись в восточном направлении — осматривать поля. Пшеница здесь выглядела гораздо лучше и здоровее, чем на полях по дороге в коммуну. Парень объяснил нам почему: здесь и место повыше, и есть канава, в которую стекают талые и дождевые воды.

После мы отправились в коровник. Коммунары, которых мы там встретили, дали нам полную информацию. В икоровском стаде 33 коровы и бычок. Коровы дают 135 кварт молока в день (американская кварта = 0.9463 литра. — Прим.). Из него вырабатывают здесь 20 кварт сметаны, которую поставляют в Хабаровск. «Тощее» молоко идет на стол коммунарам. Из кислого молока делают сыр или поят им шестерых ухоженных поросят.

В гараже мы обнаружили «Клетрак», который явно немало потрудился за свою короткую жизнь. Сиденье было сильно потерто, по состоянию колес и цепей можно было судить, сколько болот преодолел трактор и сколько вспахал земли. Рядом стояли два четырехрядных плуга «Джон Дир», сеялка, молотилка и другое сельхозоборудование. По оценке профессора Девидсона, коммуна в этом смысле неплохо обеспечена. Парень, который нас сопровождал, пожаловался, что трактор они получили слишком поздно, а дисковую борону к нему еще позже, и это помешало им вспахать больше земли.

Икор. Доярки.
Из фондов библиотеки Конгресса США.

В свинарнике свиней не было (их временно разместили в коровнике, отгородив для них угол), зато мы увидели инвентарь для пчеловодства. Например, медогонку (в коммуне 17 ульев).

На кухне мы познакомились с девушкой, которая была занята приготовлением обеда. По правде говоря, в кухне этой не было ничего кроме печи — большой русской каменной печи. И печка, и стены были сплошь облеплены мухами — простыми домашними мухами, которые собрались сюда, кажется, со всех окрестностей. Стен, собственно, не было видно — сплошная черная движущаяся масса. Девушка — босая, с искусанными ногами и пенсне на носу — имела интеллигентную внешность, что никак не вязалось ни с этой русской печкой, ни с мухами на стенах. Она объяснила, что находится здесь несколько месяцев и что раньше, дома, работала «по письменной части». Здесь ей нравится.

Девушка сказала, что коммунары, конечно, ждали нас, но не знали, что мы приедем сегодня. Когда мы сообщили, что сегодня же собираемся уехать, она недовольно буркнула: «Тоже мне гости...»

Девидсон тем временем раздобыл лопату. Мы с ним выкопали

ямки в земле в нескольких местах — он хотел понять характер почвы. Выяснилось, что верхний слой (на полфута) состоит из чернозема. Второй слой (полтора фута в глубину) — густая глина. Под ней — глина светло-зеленого цвета, более сухая и рыхлая. По мнению Девидсона, из-за глинистой подпочвы здесь следует провести дренажные работы, чтобы сделать землю пригодной для сельского хозяйства. Коммунар сказал нам, что в релке, примерно в километре от коммунарской усадьбы, подпочва песчаная и там растет очень хорошо. Кунц и Лондон это позже подтвердили.

Около трех часов мы все собрались в столовой, где девушка с кухни потчевала нас обедом — ухой, белым сыром, молоком и черным хлебом.

После обеда мы подошли к воротам коммуны, где встретили группу парней. Они рассказали о взаимоотношениях с соседями. Ближайшее от коммуны село — Дежневка. Там находится сейчас коллектив украинских переселенцев. Они дружат с коммунарами, ребята часто ходят в гости друг к другу, отмечают вместе праздники. Один из парней с восторгом рассказал, что недавно ездил в Тихонькую и видел там экскаваторы, которые прислала организация ИКОР. Он детально описал операции, которые выполняет эта машина: как она копает землю, как поднимает полный ковш, как она сама движется и вращается на поворотной платформе. «Замечательная машина! Интересная машина!» — подытожил он.

Парни расспросили нас об ИКОРе, о работе экспедиции и о перспективах. Один из них пожаловался: «Целый год работали мы в Бирофельде, изучали там почву, климат, а сейчас мы здесь, а здесь мы ничего не знаем». «Да, надо теперь заново учиться, — подключается второй. — И никто нам не может ничего подсказать. Все пробуем сами. Иногда получается, иногда – нет».

Мы должны были возвращаться на станцию. Тепло попрощавшись с коммунарами, мы отправились в обратный путь. Вскоре увидели, как навстречу нам мчится целая кавалькада. Это были Гаррис и другие члены комиссии — теперь был их черед побывать в коммуне.

Перевод с идиша Елены Сарашевской.

Рыба-фиш

Виктор Финк

Еще одно повествование о коммуне находим в рассказе В. Финка «Рыба-фиш» из книги «Евреи в тайге». Виктор Григорьевич Финк (1888–1873) — писатель с интересной судьбой. Родился и начал образование в Одессе, продолжил в Париже, где его и застала Первая мировая война. Был записан в Иностранный легион, незадолго до революции вернулся в Россию. Известен как автор романа эпохи мировой войны «Иностранный легион» и очерков о жизни евреев в Крыму и Биро-Биджане. Его книги сегодня — бесценные свидетельства ушедшей эпохи. Привожу здесь одно из них.

Хаим-Мордко Пинтель уверял, что евреев вообще уже нет, остались только бывшие евреи. Пчеловод из-под Хабаровска придерживался совсем иных взглядов.

В вагоне между Тихонькой и Волочаевкой, за перегородкой кто-то неторопливо гудел архиерейским басом:

— Ведь вот, вы говорите — евреи... А никогда вам евреи не сварят стерляжью уху как следует.

Говоривший откусил с треском кусок сахару и, хлебая чай, продолжал:

— Я вам как пчеловод скажу... Стерляжью уху надо варить как? Надобно наловить ершей, отварить из тех ершей уху, и чтоб на медленном огне, чтоб хорошо уварилась. А потом, когда развалятся ерши окончательно, — тогда их д-долой, уху отцедить через тряпочку, а в этой, в ершовой ухе только тогда и варить стерлядь.

Бас говорил медленно, с расстановкой, очень наставительно. Можно было даже сидя за стенкой представить его жесты.

Выдержав паузу, он воскликнул:

— Ну, а теперь взять евреев... Я, боже упаси, не антисемит. Но евреи!.. Ну подумайте сами! Евреи — это рыба-фиш. Им щуку подай, да потяжелее, да закати в нее перцу побольше, да нафаршируй ее...

В голосе было пренебрежение, но, правда, снисходительное. Бас даже спохватился:

— Грешно сказать, — ведь и щука по-еврейски т-то-о-оже бывает, знаете, зн-наменитая. Иная тебе евреечка так щуку заправит, что, конечно, пальцы оближешь... Но это где, это — на Украине!

Бас опустился до полушепота, но тотчас опять повысил голос.

— А в наших местах — это вам не Украина. Здесь рыбу-фиш и не жди. Здесь...здесь...

Он подыскивал слова. Нашел:

— Здесь евреям придется круто... Куда им со здешней жизнью управиться? Это я вам как пчеловод скажу.

Собеседник баса, доселе молчавший, сказал жидким тенорком:

— Они, евреи, до щуки мастера, потому что щуку — сходил на базар и купил. А здесь тебе в Биро-Биджане на базар не сходишь и рыбы не купишь. Либо сам налови, либо так сиди... А уж наловить...

Последней фразы он не закончил. И так понятно, что ловить рыбу в диких таежных реках — не еврейское дело. Тенор высказался далее в том смысле, что никогда евреи как племя слабое не удержатся в Биро-Биджане. Пчеловод, густо кашляя, соглашался с этим взглядом.

Разговор происходил в вагоне поезда, шедшего в Хабаровск. Я слушал его внимательно. Меня всегда интересует, что думают пчеловоды о разных сторонах еврейской жизни. Но мне надо было сойти на станции Волочаевка — я ехал в еврейскую коммуну «Икор».

На вокзале почти никого не было. Стояли двое железнодорожников и с ними молодой мордастый казак, рослый, крепкий. Одет он был в ладную поддевку, а из-под шапки-кубанки, выбиваясь на самое ухо, висел клок тяжелых и лихих кудрей. Я рассчитывал, что на станции будет кто-нибудь из «Икора».

— А вот ведь он из «Икора»! — воскликнул железнодорожник, указывая на мордастого казака!

Мордастый действительно был из коммуны «Икор», еврейский

Коммуна «Икор».
Областной краеведческий музей ЕАО

парень из-под Минска. Он приехал в Биро-Биджан в мае прошлого года и провел здесь первый и самый мучительный период колонизации, когда разбегались все, а оставались только фанатики. Он остался, перенес дожди, наводнение, гнус, падеж скота, морозы, развал, деморализацию и склоки. И вот у него налились щеки здоровьем, которое можно взять руками, и над ухом раскачиваются кудри.

Коммуна «Икор» состоит из 16 молодых парней. Все они приехали из Белоруссии, из жалких местечек, в которых люди в течение ряда поколений промышляли нищетой. Если бы не революция, эти парни, пожалуй, все сидели бы в ешиботах и зубрили казуистику Талмуда:

«На огне стоял горшок из-под молока, и в горшке кипятилась вода, и горшок лопнул, и вода выбежала и подмочила другой горшок, в котором варят мясную пищу. Спрашивается, можно ли продолжать варить в нем мясо или его кошерность нарушилась и горшок не годится, потому что произошло смешение мясного с молочным?»

Поколения толкователей изнуряли себя над такими вопросами. «Раби Цалель держался взгляда, прямо противоположного взгляду раби Гилеля». Давно умерли великие талмудисты, но над их наследством все еще немало корпит еврейское юношество Польши и Румынии. Да и отцы икоровских юношей, голодные бедняки, которых царская Россия держала вне труда, вероятно, все поголовно имели схоластический геморрой и безнадежные грыжи от тяжелой средневековой мудрости.

Парень подбадривал лошадку кнутом, а на топких местах обращался к ней с крепким словом. Рядом с нами бежали рельсы, и поезд просвистел, грохоча на великий Запад. Позади, чуть в стороне от дороги, на вершине одинокой сопки стоит здание причудливой архитектуры, а на крыше — громадная каменная фигура красноармейца с винтовкой.

— Говорят, здесь, ух, какие бои были в двадцатом году, — сказал парень. — А это памятник... Здесь им наши показали...

Я уже знал, что Волочаевская сопка скрывает братскую могилу красноармейцев, погибших в одном из самых решительных боев с белыми. За Дальний Восток шли большие торги. Революция заплатила за него дорого. Враги давали еще дороже. В 1920 году, десять лет тому назад, моему комхознику было лет 8-9. Он не понимал еще ничего. А в ту октябрьскую ночь в 1917 году ему было лет 5-6. Он носил штаны с распором спереди и с распором сзади, и из обоих распоров торчали флаги сомнительно-белого цвета. Росло мясо для Меньшикова — «еврейские мальчики с флагами».

Парень – член правления коммуны. Он рассказал мне кое-что о ее делах.

Икоровцы, как приехали в Биро-Биджан все вместе, в мае 1928 года, по первому зову ОЗЕТа, так и до сих пор держатся все вместе. Раньше они жили на Степном, а в апреле этого года их перебросили сюда, на Волочаевку. Здесь было отделение опытной станции, но оно ликвидировалось. Остались постройки и две тысячи гектаров земли.

— Но биробиджанские тысячи гектаров знаете, что такое?

В Биро-Биджане лежит около четырех миллионов гектаров.

Специалисты клянутся, что каждый клочок земли здесь сулит благоденствие тому, кто возьмется за него с умом. Но людей с умом Биро-Биджан ожидает от самого сотворения мира, а пока что терпеливо мокнут болота и угрюмо гудит тайга.

— Мы получили две тысячи гектаров земли. Из них распаханных, да и то запущенных, было тридцать три. Мы еще подняли семнадцать гектаров целины. Вот и засеяли пятьдесят. Больше не успели. Поздно нас сюда перебросили.

— Ну, и что? Плохо?

— Зачем плохо? — возразил парень. — Мы живем хорошо. Жить здесь можно. Вот приезжайте в будущем году, посмотрите, что тут будет твориться.

Мы ехали лесостепью — пейзаж однообразный и типичный для этого района Биро-Биджана. Была осень. Трава скошена. Тянется равнина, похожая на небритую бороду, и больше ничего. А там, вдалеке, лесок... На дороге показалось стадо коров. Их гнали двое парней в высоких сапожищах, с котомочками за спинами.

— Во! Это наши, — сказал возница, — завхоз и секретарь. Это они в Хабаровск подались, там завтра открывается съезд колхозов, заодно и коров продадут.

Я не очень люблю слышать, что вот, мол, переселенец продает корову. Увы, колонизация Биро-Биджана ведется с такими ошибками и упущениями, что это случается чаще, чем надо, и никогда не бывает хорошей приметой. Мы поравнялись с погонщиками стада и остановились познакомиться.

— Коров этих мы решили продать кооперации на убой. А себе купим более удойных. Когда подбираешь стадо, надо выровнять породу.

Парни — завхоз и секретарь – стояли по колено в грязи, широко расставив ноги и улыбаясь. Кожаные куртки были на них распахнуты и сорочки тоже. У завхоза грудь была раскрыта. Она была здоровенная, обветренная и широкая, как плита. Парни простовато улыбались, рассматривая мой фотографический аппаратик и бинокль. Это были крестьяне, мужики, самые обыкновенные мужики, только с еврейскими носами. В них было что-то неуклюжее, и что-то неуловимое придавало им несколько комический

вид. Может быть, котомки с харчами, которые на конце палок были переброшены через плечи, а может, и то, что, стоя по колено в грязи, они и не замечали этого, увлекшись фотоаппаратом. Выглянуло солнце, оно улыбнулось парням в глаза, перебежало к рыжим коровам и устроилось в перелеске, где пурпуром играли заросли дикого винограда и калины.

— Бувайте здоровы!

Шестнадцать местечковых парней получили 7,5 тысяч рублей обычной переселенческой ссуды и 6,5 тысяч рублей кредита от сельского банка Дальнего Востока. Получили в конце апреля, успели немного вспахать, засеять и организовать молочную ферму. Но хозяйственная неудача этого года была катастрофической.

— Понимаете, сеять надо было на релках, а мы сеяли в низине. А летом дожди ударили, как из ружья. Два года подряд дожди идут небывалые, и низины затоплены. А мы как раз там и сеяли. Пшеницы пять гектаров вымокло, овса — девять, гречихи — пять, сои — полгектара, огород вымок весь. Сено вымокло — две тысячи пудов.

Мне сделалось уныло от этого перечисления. Все вымокло! Что тут поделаешь с таким «еврейским счастьем»? За разговорами мы подъехали к самой коммуне. Это несколько деревянных построек, раскиданных с российской бесшабашностью на громадной площадке. Равнина здесь, как на тарелке. Пастух, сдавив ногами бока высоченной пегой лошади, сгонял стадо к коровнику. А коровы, мыча и степенно взбираясь по мосткам в коровник, шли доиться. Это были те самые коровы, благодаря которым в этом году, когда все посевы так глупо вымокли, продержалось хозяйство коммуны.

Коммуна сдает Дальсельхозу сливки, получая за литр сливок стоимость семи литров молока. Но тут начинается игра ума.

— Не смотрите, что коровы малорослые. Зато молочные. На пять литров молока дают литр сливок. Кроме того, из молока вырабатывается творог — часть идет нам на стол, а часть на продажу. Остается еще и сыворотка. Она идет на корм свиньям.

Икоровцы купили у соседа-крестьянина несколько молочных поросят. Стали кормить их обратом да сывороткой. И теперь поросята, которые попали в еврейскую коммуну, в два раза больше,

чем их братцы, оставшиеся у крестьянина. Те живут по российскому обычаю: хозяин кормит их помоями, а под Рождество зарежет. Одних пропьет, другими закусит. А минские еврейские ребята готовят беконных экспортных свиней, ценный товар, за который рассчитывают получить сельскохозяйственную машину.

Я помогал перетаскивать ведра с обратом. Теплый запах вырвался из кухни, прошел через коровник и сразу ударил в носы тучному, мясистому, розовому племени йоркширов, которое уже нетерпеливо возилось у двери. С визгом и гомоном бросились они к нам. Боров, почтенный крутой йоркшир, тяжело мотая розовым рылом, все норовил захватить пойло вне очереди, да побольше.

«Это наша чистая прибыль, эти свиньи, — сказал кто-то из парней и добавил, — и сад тоже!».

Фруктовый сад, который заложили минские парни, площадью всего около гектара. Замечателен он, однако, следующими двумя приметами. Он первый по величине и хронологически тоже первый культурный сад на Дальнем Востоке. Уже давно теоретически известна плодородность приамурской почвы. Но едят здесь дикий виноград, лесную ягоду голубицу да дикое таежное яблоко, величиной со смородину. Сад создали за счет полученных кредитов, а, главное, все на те же доходы от молочного хозяйства. Других доходов не было:

— Нас же затопило!..

Я записал кое-какие цифры о хозяйстве коммуны. Вот они. Все 14 тысяч кредитов налицо. За излишек картофеля выручено 1500 рублей. На корчевке леса заработано 1500 рублей. Чистого дохода от молочного хозяйства имеется 600 рублей. Коровы, выставленные на продажу, стоят 800–900. Итого коммуна имеет 4,5 тысячи рублей чистыми, из коих 3600 рублей заработаны личным трудом за пять месяцев при оплате труда всех членов коммуны.

— Как вернется завхоз из города, так сейчас айда в Сибирь за скотом. Удваиваем наше стадо!

— Конечно, — сказал председатель, — у нас есть успехи, потому что мы сразу попали в хорошие условия. Дорога сносная и проходит недалеко, да и готовые дома. А кто попадет в другие районы, как бывает, за 80 километров от железной дороги, в тайгу

да болота. Что они там успеют? В какой мере и когда смогут они овладеть этой дикой, но волшебной страной?

Успех «Икора», даже то, что «Икору» удалось спасти от наводнения, — маленький кристалл той драгоценной породы, которая называется Биро-Биджаном.

Позвали обедать. Как же питается коммуна в этот катастрофический год? Утром едят свои сливки с творогом, мед со своей пасеки, на обед телятину с картошкой. На ужин подали довольно вкусную рыбу. Это была кета, очень распространенная на Дальнем Востоке. Насчет телятины меня предупредили, что она «своя», от своих коров приплод. А насчет кеты не сказали. Я решил, что она покупная. Значит, пчеловод с басом даром тревожился насчет рыбы-фиш, хоть кета, конечно, не щука с перцем, но еврей, по-видимому, умеет есть и кету.

На стол все подается в неограниченных количествах, не по аппетиту местечка, а по аппетиту казаков. Мой возница, парень с чубом, демонстрировал в еде опасные номера – он точно отъедался за всех своих предков, которые голодали в местечке. Уписывая вторую миску телятины с картошкой, он обмолвился:

— Эх! — со вздохом сказал он. — Обида! Капусту подмочили и огурки... А то б сюда кислой капусты миску и огурки...

Это был прирожденный едок, едок по призванию.

Вечером, в темноте, у скирды, женский голос шептал по-украински: «Шмулик, серденько!.. Та не ходи до нас у Дежневку, бо воны вси печенки повидбивають...

В коммуне, если не считать стряпухи-казачки, нет женщин. «Нас так и зовут — еврейский монастырь», — сказал мне один комхозник. Правда, когда я стал расспрашивать, кто и почему дал им такое прозвание, то святость стала понемногу рассеиваться.

— Из Дежневки парни...

— Ну!..

— Ну из Дежневки украинские парни старожильческие так прозвали...

Прозвание дано на почве антирелигиозной пропаганды за то, что икоровцы ведут себя в отношении дежневских девчат вполне как те монахи, которых описывает журнал «Безбожник».

— Чтоб мы до их девчат не ходили, бо мы ходили до их девчат...

Я делал записи в записной книжке. Вдруг из соседней комнаты донесся шум. Захлебывалась гармошка. Кто-то тяжелыми сапогами выстукивал под гармонь на известный мотив:

И-эх сыпь, Семен,
И подсыпай, Семен...

Раздался женский визг:

— И-и-и-и-и...

Визг был пронзителен, как зов о помощи. Однако было в нем и что-то, из чего всякому было ясно, что бежать на помощь было бы величайшим свинством.

— Это дежневские девчата пришли, — пояснил мне комхозник, сидевший со мной. — Теперь они уже до нас ходят.

Женский голос выщелкивал:

И-эх, чай пила,
Самоварничала,
Щи варила, перьварила,
Накухарничала...

И опять визг, и гармонь, и топот тяжелых кованых сапог. Это топали бывшие худосочные мальчики из еврейских местечек, ставшие пастухами на Амуре.

Сыпь, Семен,
Да подсыпай, Семен...

Я вышел во двор. Была прохладная ночь. Поезд просвистел с Запада, с родины великой революции.

Рано утром я уезжал. Меня накормили за завтраком свежайшей кетовой икрой. Это тоже было свое. В нескольких километрах отсюда протекает река Тунгуска, впадающая в Амур. Дикая река. Живут у нее гольды, народ первобытный — бьет зверя и ловит рыбу. Этим летом, когда кета пошла из океана и появилась в притоках Амура, мальчишки из белорусских местечек, рожденные быть хилыми, геморроидальными служками в синагогах, рядом с гольдами ловили кету на стремнинах дикой Тунгуски.

Подхватывая рыбу под жабры, они, как гольды, крепким ударом ножа вскрывали ей брюхо и вынимали душистую и вкусную икру.

***

Описанные в книгах события сжаты до нескольких строчек в документе, сохранившемся в архиве. В нем сосредоточены надежды и разочарования переселенцев, их тяжелейший труд и погибший урожай, их упорство в достижении своих целей.

Отчет о состоянии коммуны «Икор»
за 1929–1930 годы

Движение переселенцев:

На 01.10.29 г. — 16 душ;
Прибыло в 1929–1930 гг. — 89 душ;
Выбыло — 55;
Состоит на 01.10.30 г. — 50. В том числе переселенцев 1929 года — 7; 1930 года с пребыванием до 5 дней — 8 человек, до 10 дней — 3 человека, до 30 дней — 4 человека, до 50 — 5, свыше 60 — 27 человек;
Из выбывших — 7 человек в с/х техникум, 4 — на тракторные курсы, 4 — на работу в ОЗЕТ, 10 — на разные работы, 25 — обратно.

Поднято целины осенью 1929 г. — 10 га, весной 1930 г. — 8 га.

Посевная кампания:

Пшеницы посеяли — 8 (вся погибла);
Овса посеяно — 10, урожай — 25 пудов;
Гречихи посеяно — 4, урожай — 10 (по целине);
Тыква — 3, ---------- 300 пудов;
Картофель — 7, ---------- 600–400 пудов.

Зяблевая вспашка — всего 18 га.

Итоги 1930 года:

Членов коммуны — 60 человек;

Посев в 1930 г. — 32 га, в том числе пропашных — 10 га;

Сена заготовлено 170 тонн;

Рыбы выловлено 120 центнеров;

Икры кетовой заготовлено 85 пудов;

Коров имеется — 70, свиней — 20;

Жилых домов — 3, с числом комнат — 25, хозяйственных построек —10. Общая стоимость построек — 53 734 рубля (большинство построек было передано коммуне бывшей Опытной станцией);

Закредитованность коммуны — 38 500 рублей;

Продано молочных продуктов в Хабаровск с 1.10.29 по 1.10.30 на сумму — 32 700 рублей.

Направление хозяйства — молочно-огородное. Оплата труда помесячная по категориям: 1 категория — 30 рублей, 2 категория — 39, 3 категория — 40 рублей.

В 1931 г. состав коммуны предполагается увеличить до 200 человек.

Сохранению коммуны в тяжелейших условиях способствовал невероятный энтузиазм коммунаров. Жаль, что писавшие о коммуне А. Лейбман и В. Финк практически не называют фамилии коммунаров. Это несколько обезличивает повествование, представляет коммуну — что, наверное, в духе того времени — как единый механизм, выполняющий поставленную партией цель. Поэтому предлагаю обратиться к тем, кто не был сторонним наблюдателем, а видел жизнь коммуны изнутри, к коммунарам. Благо у нас есть счастливая возможность это сделать. Не беда, что в их воспоминаниях есть неточности, иногда нет хронологии, не всегда они литературно изящны, но в них есть жизнь, тепло и душа первых поселенцев.

Давид Рогинский

Отрывки из статьи А. Куршевой

В книге «Икор» А. Лейбмана имя Давида Рогинского упоминается среди первых переселенцев. В «Биробиджанер штерн» в рамках совместного проекта газеты и Областного краеведческого музея была опубликована статья Анастасии Куршевой «Давид Рогинский» («Биробиджанер штерн», 23 мая 2012 года). В ней говорится: «*Уже 39 лет в фондах Областного краеведческого музея ЕАО бережно хранится пожелтевшая от времени и успевшая состариться рукопись. Двадцать страниц, исписанных неровным, размашистым почерком, — настоящий памятник прошлого. Ее автор — Давид Абрамович Рогинский, один из тех, кто приехал на станцию Тихонькую в 1928 году и уже не уехал отсюда никогда. Пишет он о своей жизни, о судьбе первого переселенца, стоявшего у самых истоков нашей области.*

Давид Абрамович Рогинский родился в 1905 году в городе Корма Гомельской области в семье мелких торговцев. Учился в хедере, потом в русской школе, которую так и не окончил. В 1922 году вся семья Рогинских вступила в товарищество по совместной обработке земли «Свобода». Там Давид Абрамович научился всем премудростям сельскохозяйственных работ: косил, стоговал сено, пахал на лошадях. Но неуемная молодая натура требовала большего.

«В поисках работы я отправился в Минск, — пишет Давид Абрамович. — На тот момент мне было двадцать лет. Брался за любую работу: был и землекопом, и арматуробетонщиком, и разнорабочим. Но постоянного заработка так и не было, вся работа была сезонной».

В 1928 году начали создаваться переселенческие артели и коммуны для отправки людей в будущий Биро-Биджан. Давиду очень хотелось вступить в коммуну «Икор», но *«принимать меня к себе они*

не спешили, так как совсем не знали, что я из себя представляю. Но обнадежили, что во время пути они ко мне присмотрятся, а там будет видно».

20 апреля от Брестского вокзала Минска отошел поезд с первыми переселенцами, его комендантом был Эля Гохман, впоследствии — директор Амурзетской МТС.

«В Минске нам сказали адрес нашего будущего места пребывания — станция Тихонькая Уссурийской железной дороги. Ехали мы в классных вагонах, их было пять или шесть. Уже с первых дней поездки стало видно, кто чего стоит. К примеру, члены моей артели пили и резались в карты. Не было доверия и к нашему кассиру — с единодушного согласия всех, кто был в артели, деньги у него забрали и передали мне на сохранение. Тем временем ребята из «Икора» часто заглядывали к нам в вагон, пристально наблюдая за мной. Так мы доехали до Тюмени, где нас стали пересаживать из вагонов в теплушки. Во время пересадки за мной пришли два икоровца, забрали меня с моими вещами к себе и выделили мне самое почетное место на верхних нарах. С тех пор я стал полноправным членом коммуны «Икор».

Колонну из 184 человек 28 мая отправили на Бирское опытное поле; ни дорога, ни жилые дома для размещения переселенцев готовы не были.

«Добравшись до места, стали обустраивать жилье. В нашем распоряжении был большой пустой коровник. Каждая артель, каждая коммуна заняла свой угол, построила себе нары. Через день-два вовсю работали: рубили жерди, тесали их, укладывали тротуары по территории поселка.

Через некоторое время нам объявили, что пора разъезжаться по участкам. Нашей коммуне достался участок Мартьяновка, где-то в районе села Красивого. Ни подъезда, ни подхода — кое-как, но добрались туда. Жить пришлось в палатках. А тут еще

зарядили проливные дожди, вода совсем отрезала нас от Тихонькой и на два дня оставила без продовольствия. Потом нас вывезли назад на Опытное. Наметили нам степной участок, где сейчас станция Бирофельд. Выделили лес, плотников — стали мы работать и обживаться. В районе Ушумунских шахт нашли громадные сенокосные массивы. Ни одного дня мы не сидели без дела: на трех лошадях в упряжке поднимали целину, косили сено, заготавливали лес для постройки дома коммуны, и уже в конце июня 1928 года справляли новоселье.

Дом наш состоял из жилой части и конюшни, под которую отдали его большую половину. Потом стали пристраивать к дому коровник. Первую корову Райку купили в Бирушке и теперь были с молоком. Потом двое наших ребят поехали в Сибирь и купили еще 10 коров. С тех пор мы стали поставщиками молока для Опытного поля, а тогда, к концу 1920-х — началу 1930-х, там было уже порядочно жителей».

Коммуна «Икор» вела хозяйство по-деловому. Деньги, заработанные тяжелым трудом, тратили с умом, чтобы никого не обидеть.

«Купили мы всем по хлопчатобумажному костюму, кое-что из постельных принадлежностей: наволочки, простыни, байковые одеяла, — читаем рукопись. — На зиму — всем по полушубку, зимней шапке, фуфайке, ватным брюкам, валенкам, рукавицам и по две пары белья. За исключением долгосрочных ссуд, например, на покупку коров, мы у государства не брали ни копейки, жили за счет заработанных денег и постепенно приумножали хозяйство. Те, кто проезжали мимо и останавливались у нас на ночлег, смотрели, какие ухоженные у нас коровы, лошади и диву давались, как это 15 молодых парней смогли так поставить хозяйство. За образцовое ведение хозяйства, за дисциплинированность начальство организовало нам экскурсию в Хабаровск на пять дней. Я выступал на радио. Речь моя сводилась к тому, что мы, молодые энтузиасты, будем

прикладывать все силы, чтобы создать образцовое, крепкое хозяйство и передать его на усмотрение властей группе новых переселенцев. А мы поедем учиться на агрономов, механиков, зоотехников».

Дальнейшее мы уже знаем. Коммуне предложили перебраться на Дежневское опытное поле.

«Там был большой жилой дом, один небольшой коровник, конюшня, склад, баня и маленький птичник, — записано Давидом Рогинским. — Мы дали согласие на переселение и передали два стога сена и большой штабель делового леса, который мы заготовили для строительства дома коммуны, администрации Бирского опытного поля. 9 километров от станции Волочаевка — и мы были в новом доме. Вскоре я, председатель коммуны Шапиро и коммунар Соркин поехали в Ачинск, закупили еще 40 коров. В результате стали первыми поставщиками молока в Хабаровск. Сдавали его, взамен получали комбикорм. Потом купили в Волочаевке у одного жителя 6 поросят, развели большую по тем временам свиноферму, кроме этого, держали пчел. Недалеко от поселка была большая дубовая релка, мы ее постепенно вручную корчевали. Двух коммунаров направили на курсы трактористов, и через некоторое время они пригнали трактор «Интернационал». Из Приморского края привезли еще 30 или 40 коров. А осенью 1929 года организовали вылов кеты на Тунгуске, на всю зиму обеспечили себя рыбой и икрой. Так мы стали настоящими фермерами. К этому времени к нам из Белоруссии приехало еще шесть хороших парней и две девушки. Буквально пачками засылали к нам новых людей из Тихонькой — хороших оставляли, плохих отправляли назад. Так наше Дежневское поле стало крепким колхозом имени Восемнадцатого партийного съезда».

ГЛАВА III

Соцгородок

Так все начиналось

Я неслучайно остановилась в своем подробном рассказе об «Икоре» на итогах 1930 года. В 1931 году произошли коренные изменения в судьбе коммуны. Инициированы они были извне и коренным образом меняли планы самих коммунаров.

Речь идет о новом проекте «Икор – Соцгородок». В газете «Тихоокеанская звезда» (№84 от 17 апреля 1931 г.) появилось небольшое, но очень важное для нас сообщение: *«Переселенческие коммуны — еврейская «Икор» и украинская «Тихоокеанский Октябрь» — в Биро-Биджане объединяются в одну. Одной из причин объединения является намеченная организация около села Волочаевки первого в крае сельскохозяйственного городка — коммуны на 5000–6000 семейств. Строительство объединенной коммуны будет вестись по проекту и под наблюдением профессора Ч. Кунца — представителя американской рабочей организации ИКОР»*.

Подготовительная работа, приведшая к этим переменам, конечно, началась раньше. Заграничные еврейские организации не остались равнодушными к идее колонизации Биро-Биджана. Одни — категорически отрицая и критикуя, другие — поддерживая, они следили за развитием событий и стремились участвовать в них. Самую значительную помощь еврейским переселенцам оказал ИКОР, американское общество содействия еврейскому землеустройству в Советском Союзе. Для того, чтобы оценить пригодность земель Приамурья для заселения евреями и реальность создания там административной единицы, в 1928 году в Биро-Биджан отправился активист ИКОРа, преподаватель университета из Лос-Анджелеса, профессор-социолог Чарльз Кунц. После нескольких месяцев пребывания там и знакомства с руководителями и поселенцами он пришел к выводу, что места пригодны для широкого заселения. В самой Америке был создан «Технический комитет помощи

Биро-Биджану», объединивший видных инженеров, техников, агрономов. Задача Комитета — консультация при закупке машин и инструментов для Биро-Биджана.

В 1929 году «Трибуна» (№ 4 от 15 февраля) вынесла на обсуждение проект *«виднейшего ученого, одного из крупнейших специалистов по экономике сельского хозяйства»* профессора Кунца, который предлагал вести колонизацию Биро-Биджана не так, как это было изначально, методом отдельных переселенческих хозяйств, а путем устройства больших сельскохозяйственных фабрик. По плану Кунца, вновь создаваемый агрогород должен включать в себя не менее 5000 душ населения и, опираясь на высокоиндустриальное хозяйство, полностью обеспечивать собственные потребности. Вот как рассказывал об этом сам Кунц: в самом начале переселения ИКОР (ICOR) выдвинул лозунг «помоги американизировать», то есть *«оказать техническую помощь пионерам переселенцам, снабдить их механизмами. Первые 2–3 года существования Биро-Биджана темпы заселения были относительно медленными, ареал — ограничен. Помочь Биро-Биджану тогда означало помочь нескольким сотням поселенцев, собравшихся на небольшой территории. Со временем число переселенцев увеличивалось, районы колонизации расширялись», средства организации же были ограничены. Стало очевидно, что «несколько грузовиков или тракторов уже не тот вклад, к которому стремится ИКОР. Использование этих средств с максимальной выгодой требовало отныне их концентрации на отдельных главных проектах. Помочь в создании лесозаготовительной фабрики, механического цеха или в улучшении водного транспорта и т. п. путем отправки туда такого оборудования, которое все еще трудно закупить в рамках Советского Союза, — означает содействие общему благосостоянию. Наконец, сотрудничество в создании поселения, которое своей организацией, индустриализацией послужило бы моделью для работы по колонизации в целом, также представляет собой вклад в общее благо. Таким образом, вкратце, возникла идея Соцгородка»*.

По совету Ч. Кунца была создана экспертная комиссия, возглавляемая президентом университета Юты Франклином Гаррисом.

Ее члены посетили еврейские местечки Украины и Белоруссии, познакомились с положением дел в еврейских земледельческих колониях Крыма, встретились с официальными лицами, которые заверили экспертов в том, что евреи обретут в Биро-Биджане свою административную единицу, получат возможность развиваться как полноправная нация и строить свое будущее на *«крепком экономическом фундаменте в Советской России»*. Экспедиция изучила условия ведения сельского хозяйства на территории, отведенной советским руководством для евреев на Дальнем Востоке, дала свое заключение о методах заселения Биро-Биджана и опубликовала отчетный доклад — глубокий, свидетельствующий о серьезности проведенных работ. Перед отъездом члены комиссии встретились в Москве с официальными лицами и руководителями ОЗЕТа.

«3 октября в Голубом зале Дома Союзов участники экспедиции рассказали о результатах исследования Биро-Биджана. Выступали (...) а, проф. Дэвидсон, проф. Кунц, член ЦК ИКОРа Тальми, агроном-кооператор Браун и представитель ЦП ОЗЕТа инженер Лондон.

Работа этой экспедиции представляет величайший интерес, ибо в ней участвовали люди с большими знаниями, от которых мы ждем практических указаний, как лучше, целесообразнее вести ту грандиозную работу, которая нам предстоит в Биро-Биджане» («Трибуна» № 20, 1929 год).

По возращении в Америку результаты обследования были доложены Четвертому съезду ИКОРа, состоявшемуся в Нью-Йорке в декабре 1929 года, а затем участники делегации провели множественные встречи с членами организации и сочувствующими во многих городах страны, открыв этим сбор средств для Биро- Биджана. *«В связи с кампанией ИКОРа за фонд в 200 000 долларов для строительства Биро-Биджана, Национальным Исполнительным Бюро ИКОРа выпущены специальные сертификаты под названием «Строители Биро-Биджана» стоимостью в 5, 10, 25, 50, и 100 долларов»*.

Но агитационная работа ОЗЕТа не ограничивалась приемом делегаций от зарубежного еврейства. Представители организации сами выезжали во многие страны Америки, Европы и даже ЮАР,

проводя там широкую агитационную работу. В 1928 году Я. Левин совершил обширную поездку по Южной Америке. Он принял участие в открытии кампании ПРОКОРа, приуроченной к его приезду, встретился с его активистами в Бразилии, Аргентине, Уругвае, посетил земледельческие колонии, сделал сообщения о еврейском землеустроении в СССР и о Биро-Биджане для прессы и для еврейских общественных организаций.

В конце апреля 1929 года ПРОКОР организовал ответную делегацию в СССР, в которой были представлены многие слои еврейского населения Аргентины.

«Минск посетил секретарь евбюро при компартии Уругвая тов. Шенкман, который прибыл в СССР для ознакомления с положением еврейского населения; бразильский Комитет помощи еврейскому землеустроению в СССР «БраКОР» (Рио-де-Жанейро) прислал ЦПО 1000 долларов на дело землеустроения, это уже вторая значительная сумма, полученная ЦПО за последнее время из Бразилии; отделение ИКОРа в Монреале (Канада) начало новую кампанию по сбору 10 000 долларов на дело еврейского землеустроения; ЦПО получило 4-й номер бюллетеня ИКОРа и брошюру на еврейском языке «Первые шаги в Биро-Биджане»; ИКОР — датская организация содействия еврейскому землеустроению в СССР — устроил в Копенгагене большой концерт, весь доход с которого идет на дело еврейского землеустроения; немецкое еврейское филантропическое общество «Гильфсферейн» обратилось к КомЗЕТу с предложением заключить с ним договор по работе в СССР. Общество обязуется затратить на дело культурно-медицинской помощи в СССР не менее 100 000 марок в год; известный еврейский писатель и журналист Р. Брайнин уехал в Южную Африку, где он примет участие в кампании, проводимой в пользу еврейского землеустроения в СССР» («Трибуна» № 9, 1929 г.).

На объединенном заседании Президиумов ЦП и ЦС ОЗЕТа 12 сентября 1929 года делегация ПРОКОРа от имени Аргентины, Бразилии и Уругвая, прибывшая *«для личного ознакомления со всеми достижениями еврейского землеустроения, с ходом процесса продуктивизации деклассированных евреев и для связи наших*

трудящихся масс с еврейскими рабочими и крестьянами Советского Союза», огласила Декларацию. В ней говорилось, что делегация за два месяца посетила *«20 городов, 10 местечек, 10 районов с сотнями еврейских деревень в разных областях Советского Союза. (...) Особое внимание мы обратили на посещение нами Биро-Биджана из-за разных слухов и инсинуаций, распространяемых заграничной печатью о районе Дальнего Востока, отведенного Советской властью для массового еврейского переселения. Наши товарищи посетили все наличные еврейские переселенческие пункты в Биро-Биджане и целый ряд старожилых казацких деревень и районов, верхом и гужем прорезали всю территорию вдоль и поперек, ознакомились с колоссальными естественными богатствами района (...) и пришли к убеждению, что Биро-Биджан вполне приспособлен для сельского хозяйства, скотоводства и промышленного развития»*. Делегация предрекла району блестящие перспективы, отметила, что первые переселенцы *«крепко сидят на земле и живут трудами своих рук»*, а работа американского ИКОРа имеет неоценимое значение в деле содействия быстрому развитию нового механизированного хозяйства. Отмечая недостатки колонизационной работы в Биро-Биджане, после сравнения их с колонизацией в Аргентине, делегаты пришли к выводу: все проблемы — не более чем мелкие трудности, неизбежные в начале такой огромной работы, с которыми советское еврейское землеустроение быстро справится. *«Советская власть старается принять все возможные меры для решения еврейского вопроса, (...) рабочие и крестьянские массы без различия национальности принимают участие в колоссальном процессе социалистического переустройства страны; процесс оздоровления экономики еврейских масс является частью этого общего строительства. Только таким путем советская власть окончательно уничтожит остатки антисемитизма, шовинизма и национализма»*.

На третьем съезде ОЗЕТа Мережин в своем выступлении подчеркивал, что ни выпуск сельскохозяйственного училища, создавший коммуну «Икор», ни многие другие необходимые работники не поехали бы в Биро-Биджан без лозунга «В еврейскую страну». В этих

словах, на мой взгляд, кроется основная причина того, что призыв советской власти всколыхнул и взбудоражил весь еврейский мир. В надежде на обретение обещанной государственности без угнетения и антисемитизма, евреи, искавшие прежде спасения в эмиграции, с энтузиазмом восприняли призыв к созданию своей территориальной единицы.

Осенью 1930 года, желая своими глазами видеть, что происходит в Биро-Биджане, на Дальний Восток приехал товарищ Эпштейн, один из руководителей ИКОРа. Вернувшись в Нью-Йорк, он опубликовал обширную статью и отправился в турне по Америке, с целью знакомить рабочих с положением дел в Биро-Биджане и, конечно, продолжить сбор средств.

В журнале «Трибуна» (№13-14, 1931 год) писалось о том, что за три с половиной месяца (с 1 сентября по 15 декабря 1930 г.) нью-йоркская организация ИКОР передала на строительство образцовой коммуны по проекту Кунца в Биро-Биджане 4060 долларов. Все намеченные ИКОРом мероприятия — вечера, лекции, концерты и т. д. — прошли с большим успехом. Предполагалось, что специальный выпуск журнала и традиционный благотворительный базар ИКОРа дадут не менее 5000 долларов, которые пойдут для той же образцовой коммуны. Вечер в Лос-Анджелесе дал 1600 долларов. Канзас-Сити и Милуоки собрали примерно по 400 долларов каждый. Вечер, организованный женщинами в Миннеаполисе, дал на постройку коммуны еще 200 долларов и т. д. Так начинался проект «Соцгородок».

Строить Соцгородок решили недалеко от двух соседствующих коммун — «Икор» и «Тихоокеанский Октябрь», на лесистой сопочке, окруженной протоками Тунгуски. В поисках места для будущего агрогорода принимал участие сам Кунц. В 1933 году он писал: *«Соцгородок возвышается на холме, занимающем несколько сотен гектаров, и возвышается над рекой Тунгуской, одним из наиболее важных притоков Амура. Площадь, которой управляет этот участок, несколько тысяч акров, достаточно большая и охватывает старую коммуну «Икор», которая находится примерно в двух милях. Выбор места определялся в основном следующими преимуществами.*

Транспорт.

Река соединяет его с Хабаровском, а также со многими другими точками через Амур, водный путь, который длится почти шесть месяцев в году. Кроме того, он пользуется услугами железной дороги, от которой он находится всего в пяти с половиной милях. Сейчас идет строительство гравийной дороги, соединяющей ее с железнодорожной станцией.

Промышленность.

Река прорезает большие лесные массивы, изобилующие высококачественной древесиной. Она пригодна для эксплуатации, бревна удобно сплавлять вниз по реке до самого места, что делает экономически выгодным развитие здесь лесной промышленности во многих ее аспектах. Использование древесины при производстве предметов домашнего обихода, сельскохозяйственных орудий труда, строительных материалов и т. п. находится на одном уровне с железом, если не превышает его. Кроме того, реки вокруг кишат рыбой, это еще одна потенциальная отрасль промышленности.

Сельское хозяйство.

Сотни акров прилегающей земли могут быть обработаны без необходимости предварительной тщательной мелиорации.

Культура.

Близость к Хабаровску, резиденции краевого правительства, с его образовательными и рекреационными учреждениями открывает возможности для культурного и образовательного общения».

Великое переселение

На объединенном заседании Президиумов ЦП и ЦС ОЗЕТа 12 сентября 1929 года делегация ПРОКОРа дала обещание принять все возможные меры для содействия процессу еврейской колонизации. И слово свое сдержала. В 1931 году в Биро-Биджан

ПРОКОРом были отправлены две группы переселенцев. Первая группа — из Южной Америки (Аргентины, Уругвая, Бразилии, Кубы) — была в полном составе направлена на строительство Соцгородка. Вместе с ними прибыли евреи из Германии, всего 80 «заграничников» начали воплощение планов Чарлза Кунца по созданию в Биро-Биджане социалистического агрогорода. Именно они проложили первые просеки и заложили первые дома Соцгородка. Как это происходило, помогло узнать письмо, отправленное Иосифом Форером, прибывшим с первой группой иностранцев, брату Эзре в Аргентину в октябре 1931 года (получено от внучек И. Форера Елены Ерошенко и Марины Ереминой, перевел с идиша Юрий Закон):

«Ещё в Берлине, мы встретили одного из главных руководителей переселенческой работы тов. Рашкеса, мы с ним провели встречу, и он сказал, что мы, то есть аргентинская группа, не будем все вместе. Нас распределят в различные пункты Биро-Биджана. Однако оказалось всё иначе. По приезде в Тихонькую,

Лесосплав на Тунгуске. Выкатка леса в Соцгородке.
Областной краеведческий музей ЕАО

главный пункт Биро-Биджана, нас всех послали в коммуну «Тихоокеанский Октябрь». Это украинская коммуна, основанная три года назад. Сейчас она объединена с коммуной «Икор» — одна от другой расположены недалеко, всего в четырех километрах. Здесь живут более 500 душ, большей частью украинцы.

Цель объединения — построить социалистический посёлок с молочно-мясным производством и фруктовым садом на современнейшем уровне. Когда мы прибыли, строительство еще не началось. Спустя неделю после нашего прибытия мы стали зачинателями строительства социалистического посёлка. В километре от коммуны есть красивая высокая сопка, поросшая деревьями и дикими кустами. Сопку огибают протоки реки Тунгуски, соединяющейся с Амуром.

Часть нашей группы с несколькими землемерами промерила всю сопку, и через несколько дней мы начали очищать ее. Выкорчевали определённую площадь, необходимую для двух больших домов и шести сараев для коров и свиней. Мы проложили дорогу там, где прежде было болотистое место. Первое время нас, аргентинцев, использовали как чернорабочих на корчевке, мы рыли каналы и вытаскивали бревна из реки для строительства. По воде прибывают целые плоты из бревен».

О роли и масштабах строящегося Соцгородка можно судить по письму Янкеля Ароновича Левина, старейшего большевика, секретаря райкома ВКП(б) Биробиджана и первого редактора газеты «Биробиджанер штерн» заместителю председателя ОЗЕТа товарищу Б. Троцкому. Датировано письмо 21.05.31 г. Среди прочего Левин пишет:

«В Соцгородок, чтобы выполнить договор, о котором я Вам телеграфировал, требуется 300 рабочих с семьями, около 600 человек… Поэтому переселение должно быть организованно в больших размерах, увеличить число из-за границы, и чтобы переселенцы знали, что жилищные условия на первое время будут трудные, но выйдем к концу года из кризиса. В Соцгородке строим 100-комнатный дом, закончили 40 комнат, дальше работу не производим, пока не получим материал».

Там же отдельным пунктом выделено:

«Соцгородок. Там положение плохое из-за отсутствия транспорта. Мы телеграфировали торгпредству в Японии насчет возможности и стоимости катера и намерены просить ИКОР и ОЗЕТ перевести средства, то есть валюту для покупки. Также для строительства дороги нужен экскаватор».

22 июля 1931 года состоялось расширенное заседание Президиума Далькомзета под председательством тов. Крутова. Первым вопросом в повестке значилось: 1. О Соцгородке (проф. Кунц). Среди присутствующих — председатель правления Соцгородка Санжеровский, член Соцгородка Киссельбаум.

По докладу Кунца и содокладу Санжеровского была принята резолюция:

1. Строительство Соцгородка должно идти с самого начала на базе механизации, с учетом доведения населения до 5000 душ, при максимальном развитии на первое время промыслов, базирующихся на местной с/х продукции.

2. В целях обеспечения выполнения строительной программы, а равно установки большой электростанции для городка и окружающих его пунктов, считать целесообразным немедленную установку небольшой электростанции и нескольких деревообрабатывающих станков.

3. Предложить Дортрансу и Крайсвязи ускорить дорожное и телеграфное строительство, закончив таковое в предусмотренные договором сроки.

4. Отмечая плохую постановку питания в городке как для рабочих, так и коммунаров, поручить Правлению срочно заняться этим вопросом и на базе внутренних ресурсов произвести необходимое улучшение.

5. Предложить правлению правильно использовать труд новых переселенцев, особенно заграничников, не допуская использования труда квалифицированных на неквалифицированной работе, кроме особенно экстренных случаев. Провести разъяснительную работу среди жен заграничников о формах и методах женского труда в Советском Союзе. Договориться с РПУ об использовании отдельных заграничников в других местах, если в городке по их квалификации работы не окажется.

6. Отмечая наблюдающиеся случаи недисциплинированности, трений, выросших на базе чрезмерного форсирования хозобъединения, вопреки данным директивам, считать необходимым посылку в городок для обследования бригаду из представителей Далькомзета и района.

7. Для проработки перспективного плана и контрольных цифр 32 и 33 гг. на предмет представления их в Райплан создать комиссию в составе Кунца, Нарьясина, Канторовича, Санжеровского, Гриншейна и Таубица. Этой же комиссии уточнить план финансирования 31 года.

Об оперативности выполнения намеченного узнаем из того же письма Иосифа Форера:

«Здесь уже есть лесопилка, которая производит все необходимое для строительства. Теперь уж столяры принялись за изготовление дверей и окон. Я не занимаюсь столярным делом. Меня назначили кладовщиком. Все материалы и инструмент, находящиеся в Соцгородке, хранятся под моим присмотром. Я здесь облечен большим доверием. Через две недели после моего прибытия заявили, что меня направляют в Хабаровск (это главный город Дальнего Востока), потому что оттуда должна прибыть электростанция и следует тщательно оберегать её от вредителей. Горе, если хотя бы один маленький винтик потеряется, так как здесь, на Дальнем Востоке, этого не достать. Электростанция отправлена из Америки от ИКОРа. Она весит 45 тонн. По возвращении я снова встану на пару дней на корчевку».

В декабре 1931 года журнал «Икор» печатает статью «Поют топор и лопата в руках тех, кто строит социалистический городок Икор», автор которой — один из первостроителей М. Гольдштейн. Он пишет: *«Строительство образцового социалистического городка началось. Нам, первой заграничной еврейской группе из Аргентины и Германии, суждено было вымерять и размечать улицы, дома и все остальное, что будет находиться в городке. Работу проводили техники с помощью наших парней, которые вырубали деревья и выкорчевывали пни там, где запланировано строительство.*

Место, где будет наш штетл, высокое и лесистое. Климат очень здоровый, окружающая природа редкой красоты. С трех

сторон извиваются протоки Тунгуски, реки, которая имеет большое транспортное значение. По реке прибывают лесоматериалы для коммуны. (Соцгородок строится двумя коммунами — «Икор» и украинской коммуной «Тихоокеанский Октябрь».) Из Хабаровска по Амуру и Тунгуске прибыла электростанция, которую прислал ИКОР из Америки. Цемент для постройки электростанции тоже привезли по Тунгуске.

В 6–7 километрах от городка — станция Волочаевка, которая находится на железнодорожном пути Москва — Владивосток. Это тоже дает большие транспортные возможности.

По плану намечено создать здесь образцовый город, какого еще не было на Дальнем Востоке. Это будет агроиндустриальный комбинат с населением 5–6 тысяч человек, на территории 300 гектаров. За 2,5 года предстоит построить 25 домов по 100 комнат, по комнате для каждого. Дома будут построены со всеми современными удобствами, такими как электричество, водопровод, канализация и центральное отопление. Комнаты, разумеется, будут небольшие, предназначенные для отдыха и для сна. Все в Соцгородке будет общественное: кухня, клуб и другие культурные учреждения. По плану намечено создание учебного комбината на 2500 учеников, который будет включать в себя все ступени, начиная от яслей и заканчивая техникумом. В нем на современной социалистической основе дети пролетарского государства будут воспитаны свободными людьми.

Войдет в действие консервный завод на 1500 рабочих, слесарная мастерская на 50 рабочих, столярная фабрика, изготавливающая мебель и стандартные детали для строящихся домов, а также завод по производству масла и сыра.

Хозяйственная база штетла, кроме разнообразных агрокультур, которые будут выращиваться на десятках тысяч гектарах, должна включать 20 ферм на 2000 коров, 20 свиноферм на 2000 голов и птицефабрику на 50 тысяч куриц. Исполнение плана предусмотрено таким образом: первый год — 10%, в 1932 году — 40 % и в 1933 году — 50 %. Госсуда предусмотрена 1 млн рублей. Кроме того, в помощь от ИКОРа — машины и рабочие руки, все то, что так не хватает для увеличения темпов строительства.

Вскоре будет закончен первый дом. В нем расположится культурный центр и медпункт для рабочих штетла. Также в нем разместятся 100 человек, которые сейчас каждый день рано утром приходят на Сопку и строят образцовый город. Одновременно с домом строится ферма на 100 коров и свинарник. Уже готовится здание для электростанции. Для выполнения плана требуются рабочие руки, много рабочих рук каждый день. Даже 200 рабочих не смогут помочь.

Энтузиазм рабочих очень велик. Рабочие, которые постоянно находились под капиталистическим гнетом и эксплуатировались в Аргентине, Уругвае и Германии, прибыли на Советскую землю и строят Соцгородок. Они ощущают себя свободными людьми, свободно работающими на свободной земле. На земле образцового социалистического городка Икор.

Для них работа не тяжела. Молот, топор, лопата поют в их руках».

В 1931 году к празднованию годовщины Октября в коммуне «Икор» состоялся большой вечер и торжественная демонстрация, в которой приняли участие также и заграничные рабочие из Аргентины, Германии, Америки.

Гина Медем, известная журналистка и рьяная сторонница Биро-Биджанского проекта, исколесившая полмира для его поддержки и пропаганды, рассказывала: *«Коммуна «Икор», первый участок ее — Соцгородок — была в октябрьские дни свидетелем незабываемого торжества идеи интернациональной солидарности пролетариата: на 5 языках звучали революционные песни трех поколений: пионеров, комсомольцев и старых солидных рабочих.*

Шестилетняя аргентинка Россита, родившаяся в знойной Кордобе, не знала, что шестой год рождения она будет справлять на далекой окраине гигантской рабоче-крестьянской республики, что песенка про конницу Буденного, петая ею на испанском языке в далекой аргентинской рабоче-пионерской ячейке, найдет такой восторженный отклик в группе украинских пионеров коммуны «Даниловка».

Не знала также девочка из далекой Альтоны, что возле Гамбурга, Элли Ротменш, что песня о стальном пропеллере в защиту

СССР, которую она пела там на немецком языке имеется здесь в русском переводе и что ее поют белорусские ребята, выходцы из Минской губернии. «И вместо сердца пламенный мотор» — поют дети.

А там уже звучит грозно строфа из английской «Солидэрити фореве», которую поет американский пионер из Нью-Йорка» («Трибуна» № 1, 1932 год).

Но это официальные отчеты и планы, сообщения прессы, а мы увидим Соцгородок глазами 12-летней девочки Рут, семья которой приехала туда в августе 1931 года из Америки самостоятельно, без приглашения и визы, сев на корабль, направлявшийся в Японию. Ее старшая сестра Мэри Ледер позже написала книгу воспоминаний «Моя жизнь в сталинской России». Интервью с Рут, уже пожилой женщиной, записал и любезно предоставил нам бывший биробиджанец Николай Бородулин (Нью-Йорк). Хотя семья пробыла в Соцгородке неполный год, впечатления ребенка были так сильны, что даже через многие десятилетия Рут помнила подробности той жизни и свои детские эмоции. Она рассказывает: *«В Соединенных Штатах мы жили в Санта-Монике, в Калифорнии. Мой отец был плотником, он строил дома. В 1931 году была очень глубокая депрессия, и плотники не имели никакой работы. Мой отец не был религиозный, но был националистом, по этой причине он хотел поехать в Биро-Биджан. Он думал, что может внести свой вклад в его строительство. Думаю, он был также авантюристом, хотел все сам увидеть. С ним поехала вся семья, моя мать, моя старшая сестра, мой младший брат, всего 5 человек».*

Что запомнила Рут? Дорогу из Владивостока в Тихонькую, а оттуда — в Волочаевку, в товарном вагоне, в каком обычно перевозят скот. Дальше на Сопку (так в обиходе называют Соцгородок до настоящего времени) — на тракторе и лодке, под палящим солнцем и в сопровождении полчищ комаров и мух. *«В то время на Сопке был один многоквартирный дом, но он не был закончен. Внутри не было штукатурки, стены из грубой необработанной древесины, сколоченной очень небрежно, так, что между досками были щели, в которые можно было видеть улицу, и через которые проникала пыль. И это было замечательное место для клопов, они падали*

на нас ночью. Я старалась поставить свою кровать так, чтобы клопы не могли попасть ко мне. У нас не было воды, потому что, когда пытались ее достать, попали в слой глины. Мы ее не могли использовать, поэтому воду брали в Даниловке, но жители были недовольны, сердились. Также не было достаточного количества еды, надо было бежать, чтобы успеть занять место в столовой.

Туалеты очень грязные, совсем не приспособленные для детей, и я очень боялась упасть. К тому же они были далеко, зимой было холодно, вокруг ничего, кроме леса с волками. Я поняла, что никогда не должна ходить туда ночью.

Дом достроили, теперь он был с центральной частью, в которую я никогда не входила, и двумя крыльями с каждой стороны. Каждая семья, живущая в нем, имела одну комнату.

Пока мы были там, заложили фундамент еще одного дома, но не было материалов, чтобы закончить его. Не было даже гвоздей. Мы, дети, были поставлены вытаскивать использованные гвозди, я научилась пользоваться инструментами. Вытащенные гвозди мы выпрямляли с помощью молотков, так наполнили пару бочонков. Все поставки были из Волочаевки. Наша лошадь была настолько слаба, что не могла сделать ничего, она даже не могла добраться до станции, потому что у нас не было еды для нее». Весной с продуктами стало так плохо, что жителей Даниловки вынудили делиться своими запасами, что, конечно, не могло им понравиться. Рут помнит, как при ней на Сопке переселенцы забили корову. *«Она была почти прозрачной, кожа да кости, когда ее вскрыли, в желудке у нее оказался котенок. Русские были в ярости, потому что не должны были тогда убивать корову. Но переселенцам было все равно, они просто хотели есть».*

В Соцгородке было всего несколько детей: в еврейских семьях из Германии и Аргентины и в русских семьях, которые, по слухам, раскулачили и выслали сюда принудительно. Все говорили на разных языках — идише, английском, русском. Детей нужно было учить. Сначала пытались отвести для занятий угол столовой, но в продуваемом насквозь, наскоро сколоченном помещении дети мерзли. Тогда решили, что учиться они будут в соседней Даниловке, где была настоящая школа и семья хороших русских учителей.

Но из этого ничего не вышло. Трудно было добираться, дети не ладили между собой, пришлось их вернуть на Сопку. Рут вспоминала: *«Это не сработало, потому что мы не могли общаться с детьми. Мы не понимали друг друга. Я грубила учителям, я завидовала детям, у них была настоящая школа, учитель учил их кататься на лыжах. И у них на самом деле были настоящие лыжи и были коньки! У нас не было ничего».*

Весной 1932 года начало прибывать пополнение, появились новые семьи с детьми и вскоре по числу детей Соцгородок даже обогнал «Икор». Открылась собственная школа, появились свои учителя. Самый лучший показатель развития любого населенного пункта — это наличие там детей. Что бы мы сейчас ни говорили о трудностях строительства, об обратниках, количество детей в коммуне неожиданно высокое.

Количество детей
(по материалам сплошной переписи населения от 6–12 апреля 1933 года)

Населенный пункт	До 7 лет	От 7 до 12 лет	От 12 до 16 лет	Всего
Соцгородок (центральная усадьба)	48	42	19	109
Икор	17	9	2	28

Госархив ЕАО. Ф. 186. О. 2. Л. 30.

Но не ладили между собой не только дети. Возникновение трений было неизбежно. Первой откололась Даниловка, сравнительно зажиточное украинское село, часть населения которой не имела и не желала иметь ничего общего с приехавшими евреями, а тем более делить с ними в коммуне нажитое добро. Какой-то промежуток времени три соседних села — Даниловка, Соцгородок и «Икор» — составляли единую коммуну. Собрания проводились по очереди во всех населенных пунктах, а то памятное, когда Даниловка отделилась от коммуны, проводили именно там — только в Даниловке был большой клуб. Илья Исаакович Блехерман, переселенец из Аргентины, рассказывал: «*Коммуна распалась. Почему? Надо знать историю этого места. В этих трех пунктах, особенно в Даниловке, была определенная категория людей — выселенцы,*

кулаки. Психология людей разная. Русские стали возмущаться: зачем я работаю, чтобы кормить 8 человек чужой семьи. Старожилы не хотели коммуну». Были на собрании откровенно антисемитские речи, были противники распада коммуны, осуждавшие антисемитов. *«Встал такой молоденький паренек из Белоруссии — Емельянцев, назвал его погромщиком и такую отповедь этому антисемиту дал, никто от него и не ожидал»*. В итоге бурных дебатов Даниловка все же решила вернуться к самостоятельной жизни.

Но дело было не только в антисемитизме. Коммунары «Икора», с таким трудом начинающие вставать на ноги, добившиеся определенных результатов и имеющие свои амбиции, оказались как бы отодвинуты на второй план. Новые переселенцы были грамотны, лучше знакомы с новыми техническими достижениями, привезли с собой инструменты, машины, механизмы. «Иностранцы» стали выходить на руководящие позиции. Соцгородок превратился в центральную усадьбу, а «Икор» — в ее сельскохозяйственный придаток. Эти процессы обострились с приездом переселенцев из Америки в 1932 году. Теперь добавилось негласное соперничество уже между аргентинской и американской группами. Первый состав коммуны «Икор» начал разъезжаться. Кто поступил на учебу, кто продвинулся по карьерной лестнице, заняв руководящие должности вне коммуны.

Судя по всему, кроме внутренних разногласий в коммуне, начались изменения и на более высоком уровне, партийные органы все больше вмешивались в жизнь и работу коммунаров.

«Постановление райпарткома обязало Райколхозсоюз принять на себя инструктаж и руководство еврейскими переселенческими колхозами. Подход к еврейским колхозам как к чему-то «специфическому» привел к искривлению классовой линии в этих колхозах и их хозяйственной неустойчивости. Об этом свидетельствует положение в Валдгейме, Амурзете, коммуне «Икор». Об этом сказало свое веское слово Бюро Далькрайкома ВКП(б)» («Биробиджанская звезда», 21 марта 1932 г.).

Была еще одна сторона в *«специфичности»* агрогорода. Коммуна «Икор — Соцгородок» завидно отличалась от других хозяйств

техническим оснащением. Благодаря ИКОРу в поселке была хорошая техническая база: американцы привезли трактор «Фордзон», два экскаватора, оборудование для мебельной фабрики и электростанции. С 1931 года работала шпалорезка (тоже дар ИКОРа), в 1932 году начали выпускать табуретки для нужд коммуны. Не только техника, но и любая мелочь в коммуне — инструменты, толь, проволока, гвозди, посуда для столовой, оборудование для медпункта — были куплены на деньги, присланные зарубежными организациями. Это были средства, собранные евреями для соплеменников по всему миру, но кого это могло интересовать. Налицо была явная несправедливость, поэтому выход был простой: «отнять и разделить». Представители строящихся предприятий Биробиджана наведывались в Соцгородок с надеждой разжиться самым современным импортным оборудованием, аналогов которому в СССР еще не было. Постепенно трактора и прочая сельскохозяйственная техника перекочевали в МТС, обслуживавшие район, куда-то исчезла электростанция, даже взлелеянные коммунарами «Икора» свиньи-производители йоркширской породы оказались в свиносовхозе, поспешно созданном на территории Волочаевки, где их вскоре успешно загубили.

Но это произошло чуть позже, а пока Кунц, вернувшись в конце 1932 года из Соцгородка в Америку, докладывал ИКОРу: *«План Соцгородка, рассчитанный вначале для населения от пяти до шести тысяч человек, можно примерно набросать следующим образом. Соцгородок строит себя в трех секторах: (а) промышленный, (б) жилой и (в) культурный. Лесная промышленность должна сформировать экономическую основу поселения. Вышеупомянутая лесоперерабатывающая фабрика уже запущена. Его заказчик — отдел образования Дальнего Востока, чьи школы он должен снабжать мебелью, оборудованием всех видов. Предполагается, что объем производства превысит пять миллионов рублей в год. Эта отрасль будет включать также механическое отделение для производства необходимых принадлежностей, таких как скобяные товары и т. д.*

Кроме того, сельскохозяйственная деятельность, до сих пор единственное занятие старой коммуны «Икор», ограниченная

примерно 250 акрами, оказалась на очень низком уровне индустриализации. Отныне она становится неотъемлемой частью промышленного сектора, кстати, очень нуждающегося в механизации. Наконец, «Соцгородок» серьезно готовится к развитию очень перспективной рыбной отрасли.

Выбранный в настоящее время проект жилых помещений представляет собой просторный двухэтажный дом, в котором около 100 комнат, что позволяет как минимум одну комнату для взрослого. Конечно, план предусматривает всевозможные санитарные условия, включая электрический свет.

Наконец, культурный отдел содержит все образовательные структуры, начиная с детского сада и заканчивая политехникумом; культурные и развлекательные учреждения, такие как библиотеки, театр, игровые площадки и т. д.; административные помещения; а также больницу, дом отдыха и тому подобное».

Балаганская сопка

Мои дедушка и бабушка, Исроэль и Хая-Ривка Пинзур, приехали в Соцгородок 12 мая 1932 года из Дубровно, Витебской области (Белоруссия) и привезли с собой четверых детей. Соцгородок 1932 года выглядел примерно так: на самой вершине сопки, спускающейся двумя уступами к реке и густо заросшей лесом, стояла часовенка. Ниже — дом Балаганского, по фамилии которого называли сопку, залив и протоку, которая соединяла залив и русло Волочаевской протоки, впадавшей в Старую Тунгуску.

У самого подножья, на берегу залива, небольшие жилые строения для его работников и конюшня. В бараке на возвышенности жили четверо китайцев (на моей памяти, хотя китайцев уже в помине не было, в поселке его продолжали называть «китайским», это название осталось за ним навсегда, пока этот барак не снесли в конце 1960-х годов). Китайцы сезонно занимались рубкой леса и обжигом кирпича, у них даже был свой маленький цех.

В строящемся поселке наметились две просеки-улицы. Одной из них поначалу присвоили имя Карла Маркса, а потом переименовали

в улицу Чкалова. Здесь началось строительство двух больших двухэтажных домов, стены которых были «нафарширована» опилками. Это были первые строения, возведенные в Соцгородке в 1931 году иностранными коммунарами, первый был заселен, второй, состоявший из двух крыльев, был еще не завершен. Дома барачного типа проектировались как общежития: с маленькими комнатами и общим длинным коридором, в центре общественное помещение, выполнявшее роль клуба и красного уголка. Во дворе дома — навес, служивший кухней. Позже появилось несколько времянок и пекарня, построенная политическими заключенными, жившими в двух бараках у подножия Балаганской сопки. К вопросу о том, что это были за заключенные и что они делали в Соцгородке, мы еще вернемся.

Подробности о Балаганском (предположительно его звали Григорий) помог узнать Алексей Зайцев, учитель школы Волочаевка-1, руководитель школьного музея, энтузиаст, изучающий историю Смидовичского района ЕАО.

Прибыл Балаганский на это место в конце XIX – начале XX века. Имел жену и двоих детей. Был человеком зажиточным. Держал лошадей, несколько коров, много птицы, имел невод для ловли кеты и другие рыболовные снасти. Была у него стая злых собак. Летом на лодке, а зимой на санях по Тунгуске возил в Хабаровск на продажу молочные изделия, яйца, птицу, рыбу и другие продукты питания. На южном склоне сопки имел десятины три разработанной и хорошо удобренной земли.

Кету вылавливал и заготавливал десятками тысяч штук, солил, малосольную вялил для себя и на продажу, а зубатку последнего хода сушил для своей своры собак.

С приездом первых жителей Волочаевки он собрал две артели рыбаков. На Тунгуске, рядом с сопкой, где жил, организовал лов кеты на кабальных условиях, но все же именно это помогло новоселам выжить и закрепиться на месте. Неводами Балаганского при большом ходе кеты на одной тоне вылавливали по 800–1000 иногда по 1500 штук кеты. В результате 12 семей волочаевцев смогли обеспечить себя соленой и вяленой кетой.

Рыбачил Балаганский на косе Желтый Яр, в восьми верстах

от сопки. Лучшим неводом рыбачил сам со своей артелью, старшим в которой был волочаевец Григорий Павлович Кошель.

Позже на таких же кабальных условиях Балаганский нанимал переселенцев, которые основали деревню Архангеловку в 10–12 км выше по Тунгуске от сопки Балаганского. Он увеличил посадки картофеля, стал запасать в два раза больше соли. Первые икоровцы также были вынуждены втридорога покупать у него продукты. Волочаевцы называли его между собой господином рыбопромышленником, жадным и мироедом. Тот же, в свою очередь, считал жителей деревни голодранцами, босяками и смутьянами.

Во время Гражданской войны, Волочаевского сражения многие жители ушли за сопку Балаганского. Эту территорию занимали то белые, то партизаны Шевчука. О судьбе самого Балаганского и его семьи далее практически ничего не известно. В базах данных найдена информация о двух Балаганских, скорее всего, сыне и внуке того самого Балаганского, первопоселенца Соцгородка.

Балаганский Илья Григорьевич. Родился в 1881 году в Хабаровске. Проживал в Биро-Биджанском районе, в селе Волочаевка, ДВК. Арестован ПП ОГПУ ДВК 20 января 1933 г. Обвинялся по ст. 58-10-14 УК РСФСР. Приговор — 10 лет концлагеря. Реабилитировали Илью Балаганского 7 сентября 1989 года. (Источник: Книга памяти Хабаровского края).

А на сайте «Память народа» находим такую информацию: Балаганский Петр Ильич, 1927 года рождения, проживал в Еврейской АО, Смидовичский район, ст. Волочаевка. Награжден орденом Отечественной войны II степени... Вполне возможно, что все это одна семья...

Но это историческое отступление, а мы вернемся в Соцгородок 1932 года.

В коммуне есть свои проблемы

Цепкая детская память отца удержала многие имена и события, которым позже я нашла документальные подтверждения. От него я узнала фамилии приехавших из Аргентины Ильи Блехермана и Аарона Литевского, Шапиро, братьев Левинзон, Цукермана, Сухого,

Гуревича, прекрасного специалиста, мастера на все руки Цви Кампеля, Иосифа Форера. В поселке к этому времени жили семья Ханефт из Германии. Ерецкий, Абрамские Иосиф и Фейга, Дискины, Брусиловские, сестры Шейнфельд — переселенцы с Украины. Годом позже привез свою семью Симха Фурман. И еще многие другие, о которых пойдет речь в этой книге. Были несколько нееврейских семей, среди них была семья Константина Никифоровича Гурского и его жены Прасковьи Евсеевны, приехавшие из Белоруссии в том же 1932 году.

Этот год был отмечен не только большим разливом Тунгуски, но и острым голодом среди переселенцев Соцгородка. «*Обследовав ход строительства в социалистическом городке «Икор», бригада биробиджанской районной РКИ отметила слабые темпы строительства. План строительства 1931 г. выполнен на 35 процентов. К текущему строительному сезону городок тоже недостаточно подготовлен. Вместо необходимых 10 000 кубометров строительного материала заготовлено всего 4000*». Проверяющие указали на плохой прием новых переселенцев. Например, на то, что четырнадцать квалифицированных рабочих, прибывших недавно из Америки, не обеспечены ни жильем, ни продуктами. Обнаружены были также серьезные недочеты в бытовых условиях Соцгородка: общественное питание, распределение продуктов через систему потребкооперации, медицинское обслуживание и т. д. оставляют желать лучшего.

Районной контрольной комиссии и РКИ предложено: *«В течение пяти дней обеспечить жильем американских переселенцев, обязать культкомиссию развернуть широкую культмассовую работу, наладить работу красного уголка и библиотеки, к июлю закончить строительство дома на 100 квартир. Просить краевой «Потребсоюз» улучшить снабжение Соцгородка продуктами, открыть медицинский пункт, баню и прачечную, улучшить работу столовой, расследовать причины трений между коммунарами и наемными рабочими, изжить обезличку, возложить на каждого коммунара ответственность за порученную ему работу»* («Трибуна» №13, май 1932 г.)

Комиссия выполнила свою работу, уехала, оставив рекомендации, а проблемы так и не были устранены. Если учесть, что всего год

назад первая группа аргентинских переселенцев была завезена на совершенно необжитое место и начала здесь с того, что корчевала лес и строила жилье, можно понять все проблемы и трения в коммуне. Люди, сами существовавшие в труднейших условиях, физически не могли обеспечить приезжающих жильем. Проблема питания для коммуны с еще не налаженным хозяйством стояла не менее остро, все продукты в новый городок завозились. Перевалочная база находилась на станции Волочаевка-1, там хранились все грузы, поставлявшиеся по железной дороге. В период разлива и проливных дождей подвоз продуктов в строящийся городок становился практически невозможным. Кроме этого, в дошедших до нас воспоминаниях коммунары упрекают руководство в отсутствии хорошей организации и планирования работы и быта коммунаров. Вполне возможно, это усугубилось тем, что переселенцам были не знакомы природные условия, никто не предвидел такого высокого подъема воды, отрезавшей сопочку от всего мира. Ситуация немного улучшилась, когда у коммунаров появилась лодка. Доски для нее сняли с крыши одного из домов. А изготовление лодки и перевозка на ней продуктов — заслуга и обязанность моего деда Исроэля Пинзура. В помощниках у него были старшие сыновья Костя и Борис.

Чтобы как-то восполнить катастрофическую нехватку еды, в 1932 году попытались силами вначале всего двух человек ловить рыбу. Увидев успешность начинания, организовали рыболовецкую артель из 12 человек. Даже повара в бригаде были свои. К работе при необходимости привлекали и детей. К осенней путине райисполком выделил участок для ловли рыбы на Тунгуске. Назывался этот участок «Коса» и длиною был около километра.

Коммунары расчистили русло реки от подтопленных бревен и коряг. Самым опытным рыбаком в коммуне оказался Исроэль Пинзур, которому приходилось заниматься рыбалкой еще в Белоруссии. Он единственный умел ловить, солить, вялить, сохранять пойманную рыбу. Приготовили соль, бочки, ножи, все, что нужно для заготовки рыбы.

Дед подружился с Михолапом, участником Гражданской войны, который жил на другой стороне Тунгуски и возглавлял еще одну рыболовецкую бригаду. В бригаде у него работал Сапожников, который

позже тоже переселился в Соцгородок. Михолап научил деда особенностям рыбалки на Тунгуске. Летом ловили белорыбицу, в путину — кету. Помогали жившие на берегах Тунгуски гольды и корейцы. Коммунары, единственные среди всех переселенческих хозяйств, смогли обеспечить себя рыбой и икрой. Начинание оказалось удачным. Слава о рыболовецкой бригаде дошла до самой Москвы. В журнале был напечатан очерк о рыбаках, а на фото красовался Исроэль Пинзур с неводом на плече. С тех времен за протокой закрепилось название Пинзуровская.

Через 80 с лишним лет эта история получила продолжение. Мне прислали эту фотографию, сохранившуюся в областном краеведческом музее ЕАО. Я впервые видела деда и с большим волнением вглядывалась в родные черты. А позже — еще один подарок из прошлого. Эта же фотография на обложке одного из номеров журнала «Найлебн» за 1936 год, издававшегося в Америке на идише и английском языке. Дальше — больше: в журналах тех лет я обнаружила другие фотографии рыбаков «Икора».

Интересна и история с приобретением коммуной единственного на всю область руль-мотора. На одном из архивных фото я увидела Илью Блехермана — он был запечатлен на лодке с мотором. У меня даже не возникло сомнений, что это он, и родители в один голос утверждали то же самое. На фото подпись: «На реке Бире». Бросилась за помощью к его сыну — Исааку Ильичу (Изе). Тот подтвердил, что это Илья Исаакович. А мой отец, Григорий Израилевич Пензур, рассказал нам о том, как коммунары поймали однажды огромного тайменя и отправили его с оказией в центр. В ответ получили подарок. Мотор был тяжеловат для лодки-самоделки, ее чуть притапливало. Но это не мешало с успехом его использовать, это был первый руль-мотор на всю округу. «Я заведовал в коммуне плавсредствами, — говорил Блехерман. И добавлял тише: — А из плавсредств была одна лодка».

Косвенное подтверждение этой истории есть в очерке И. Добрушина о Первом съезде Советов в Биробиджане. Возможно, я ошибаюсь, но хочется думать, что описан именно этот случай: *«Через весь зал проплывает огромная, 15-пудовая рыбина, которую выловили колхозники рыбной артели и преподнесли в дар Первому съезду*

Советов. Десять человек несли на руках диковинную рыбу, уложив ее на пол возле трибуны — большое, трепыхавшееся, живое свидетельство несметных богатств этой земли».

В докладной записке по вопросу организации рыболовных бригад тов. Маврина К. В. анализируются орудия лова, участки и выполнение плана колхозами биробиджанского района.

«Орудия лова и флота по состоянию на 1.07.33 года:

Колхоз «Икор» имеет 2 кетовых невода по 120 м, один зимний 80 м, 2 неводника, 3 лодки и сетных материалов на сумму 7000 руб.».

Вводный план на 1934 год:

«Колхоз «Икор»: река Тунгуска общей протяженностью 6-7 км — 2 неводных тони, река Старая Тунгуска — 3 км — 2-3 тони, Волочаевская протока — 3 км, Даниловская протока — 6 км, Балаганская протока — 1 ½ км и Карасевое озеро 40х500 м. План по отдельным водоемам определяется: река Тунгуска по лососевым — 150 ц, Волочаевская протока — 100 ц, Балаганская — 150, Даниловская — 200 и озеро 50 ц. Всего общий план колхоза 750 ц».

Наряду с этим отмечается:

«Так же хорошо в начале было организовано дело лова в колхозе «Икор», в котором рыболовецкая бригада существует с 1932 года и сравнительно хорошо снаряжена орудиями лова и флотом, (бригада состоит исключительно из переселенцев). К кетовой путине бригада была подготовлена и обеспечена полностью и участвовала двумя неводами, план выполнила наряду с другими рыболовецкими колхозами т. е. примерно на 33% плана. Кроме того, колхозом в этом году было установлено 4 заездка, которые за летний период дали 150 центнеров частика. На 4-й квартал по плану предположено добыть еще 300 центнеров, но в силу систематических срывов заездок работающими в районе колхоза уклоновцами, рыба в основном была выпущена и план четвертого квартала также был сорван».

(Госархив ЕАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 234.)

Илья Ильич Блехерман вспоминал о таких «уклоновцах»:

Илья Блехерман на Тунгуске.
Областной краеведческий музей ЕАО

«Там у нас были в Соцгородке люди, хорошие люди. А потом стали приезжать переселенцы плановые. Начинаешь ему говорить, а он в ответ — я плановый переселенец. Ему надо было дать все, что он хочет. А было такое положение, когда была коммуна: было 3 участка. Даниловка и Соцгородок были близко, а «Икор» — 6–7 км. Приезжают лодыри, которые не хотят работать. Одну неделю он пожил, кушает в Соцгородке, в общей столовой, потом его разоблачают, он идет в «Икор», неделю питается там, так он делал круг».

Но таких в «Икоре» не очень жаловали. Например, журналист Кац пишет: *«Фраза — «Мы приехали сюда мучиться» — не в виде утверждения, а в виде риторического вопроса стала шуточной пословицей у «старых» биробиджанцев. Особенным успехом она пользуется среди старожилов коммуны «Икор», которые при всяком подходящем случае, но непременно в присутствии новичков, с кислыми лицами, строя наивные физиономии, спрашивают друг друга нараспев:*

— Что это (скороговоркой) мы сюда приехали (очень растянуто и жалобно) мы-чать-ся-я?» («Трибуна» № 28-29, 1931 г.).

МосОЗЕТ прислал в подарок коммунарам рыболовные снасти, а позже, уже в 1937 году, коллектив комбината № 1 Московского областного отдела социального обеспечения послал рыболовецкой бригаде колхоза «Икор» шефский подарок — моторную лодку, намного облегчившую труд рыбаков. Рыбу разделывали и солили на месте, а по морозу вывозили и отправляли со станции Волочаевка-2. Моста еще не было, ветка Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре не действовала, но станция уже работала. По рассказам отца, все выловленное теперь отправлялось в область. Даже сами рыбаки, если варили на рыбалке уху, делали это украдкой.

Частично продовольственную проблему решала своя свиноферма, что говорит о том, что коммунары не были слишком обременены религиозными предрассудками. Чтобы привлечь евреев, для которых свинья всегда была запретным некошерным животным, к разведению свиней, потребовалась большая агитационная работа. Забавно читать сейчас слова Брука: *«История поставила свинью в центре внимания СССР. За свинью голосовал закончившийся 16-й партийный съезд. Свинья призвана снабдить рабочее население*

Союза мясом и жирами и разрешить мясной кризис, наиболее острый на ближайшие несколько лет». Но свиней разводили не только евреи «Икора». О том, что на территории Волочаевки-1 была попытка создать свиносовхоз, сегодня уже и не помнят. Совхозное строительство в Биро-Биджане началось с 1929 года. Первым был организован зерносовхоз. Расширение кампании привело к созданию огородно-молочного, скотоводческого, птицеводческого и свиноводческого. Здесь, в отличие от колхозов, рабочие получали гарантированую ежемесячную зарплату. Создаваемый свиносовхоз был расчитан на 1500 голов, причем улучшеных заграничных пород. Что происходило дальше — можно только предполагать, опираясь на отрывочную информацию. Отчет на сентябрь 1931 года говорит о наличии 600 свиноматок. Но в конце года заместитель директора совхоза Штейнберг представил другие цифры. Он рассказывал о том, что территория совхоза, расположенного недалеко от станции Волочаевка-1, занимает около 9 тысяч га. Совхоз организован весной 1931 года (хотя в другой, более ранней заметке, называется 1930 год). В хозяйстве 88 коров, 400 свиноматок, 80 лошадей, в штате около 75 рабочих и столько же строителей, в основном евреев. Уже построены общежития и 5 свинарников, конюшня, столовая. В планах принять на работу еще около 200 рабочих («Трибуна» №1, 1932 г.). Остается только гадать, то ли в сентябре выдали желаемое за действительное, то ли часть поголовья неумелые свинари успели загубить, что не исключено. Победные реляции, это для центральной прессы, а в краевой газете («Тихоокеанская звезда» от 28 августа 1932 г.) А. Белоглазов пишет: *«Со времени основания совхоза прошло два года. Два года непрекращающейся эпизотии чумы и еще более отвратительной чумы обезлички и бесхозяйственности, особенно преступных, так как в совхозе было сосредоточено исключительное по своей ценности стадо свиней»*. Он же продолжает: *«Сколько погибло свиней — сказать трудно, никто это не учитывал, да и каждый новый падеж в силу привычки не производит никакого впечатления на волочаевцев»*. И то, что касается непосредственно «Икора»: *«Линия крупных белых свиней «Монарх» имеет геральдику не менее знаменитую, чем у иного графства на Рейне. Основав свой род в Англии, «Монархия» отлично*

акклиматизировались на советском Дальнем Востоке в Биро-Биджанской коммуне «Икор». При создании Волочаевского свиносовхоза производителя «Пилсудского» (в отсутствии чувства юмора коммунаров не упрекнешь), 18-месячного и 18-пудового хряка, о котором автор статьи пишет, что такие производители — величайшая редкость и удача, по воле руководства пришлось передать на новую свиноферму. *«Среди подтянутых, мускулистых хряков крупной белой породы и массивных маток особыми качествами выделялось потомство «Пилсудского»*.

За два года, прошедших с основания совхоза, *«исключительное по своей ценности стадо»* загубили, ликвидировали и сам совхоз.

Но и коммунаров Соцгородка обвиняют в недостаточном внимании к животным. В той же газете от 3 сентября об этом пишет человек очень ответственный и знающий свое дело — заведующий ветучастком Михаил Тлустенко. Да и что сказать: если «Икор» основали выпускники сельскохозяйственной школы, то Соцгородок строили в основном горожане-иностранцы, для которых эта работа была совершенно незнакомой. Позже ферму вовсе перевели в «Икор» (современную Камышовку).

Вот что рассказывал о Соцгородке журнал «Трибуна» в 1932 году (№ 27):

«В семи верстах от железной дороги, на небольшой сопке раскинулась коммуна «Икор», сейчас переименованная в Соцгородок.

Еще четыре года назад здесь была густая таежная заросль — сплошная тайга!.. Но вот приезжает группа еврейских переселенцев, принимается за дело, начинает осушать, корчевать тайгу, строить временное жилье, преодолевая нечеловеческие трудности...»

«В настоящее время в коммуне живут 370 взрослых и 140 детей. Коммуна неимоверно быстро разрастается. Стройка идет большевистскими темпами. Расширяется ее живой и мертвый инвентарь. В настоящее время в коммуне имеется 170 коров. Коровник оборудован по последнему слову техники. В стойлах у коров чище, чем в доме местечкового еврея. Имеется 70 телят (25 двухгодичных, 45 — 1932 г.р.), 80 свиней. Свинарник тоже очень хорошо оборудован. В нем не менее чисто, чем в коровнике.

Построена столярная фабрика, где изготавливают лодки, стулья и пр. Установлено 2 лесопильных станка. Работа в коммуне кипит, идет ударная стройка новой электростанции, мощность которой — 250 киловатт в час.

Коммунары (особенно переселенцы-иностранцы) буквально дерутся за выполнение намеченного плана.

В 1932 г. закончилось возведение двухэтажного дома, в котором разместилось около 30 семей. Рядом с ним строится второй дом, который будет в два раза больше. Кроме того, есть ассигнования на постройку трех новых больших домов для вновь прибывающих переселенцев.

Сметой предусмотрено также расширение столярной фабрики (на ней будет занято до 500 рабочих), постройка нового коровника на 200 голов.

Бытовые условия коммунаров удовлетворительные. Питание в коммуне обобществленное, имеется хорошо оборудованная баня и механическая прачечная.

Растет и культработа. Школа-пятилетка работает ударно. Заведующая школой — комсомолка, окончившая житомирский педтехникум, сумела организовать учебный процесс на должной высоте. Кроме того, она организовала пионеротряд. Ребята помогают коммунарам в их повседневной работе, участвуют в ликвидации неграмотности среди взрослых. Организована вечерняя школа на русском языке для взрослых переселенцев-иностранцев. Помимо этого, заведующая организовала индивидуальные занятия по русскому языку с некоторыми иностранными специалистами.

Работает хороший драмкружок. Ежемесячно выпускается стенгазета, широко вскрывающая недостатки в работе правления, партийной и комсомольской ячеек.

Великолепно оборудован красный уголок. Чисто, уютно, на столах газеты, книги, шашки, шахматы. На стенах портреты Ленина, Сталина, Маркса, Крупской и др. вождей — таков внешний вид уголка.

И все же в коммуне есть свои проблемы. Главные из них — транспорт. Имеются недочеты по линии работы среди иностранок, привлечения их к хозяйственной и общественной жизни коммуны».

«Иностранцы»

Согласно плану на 1932 год, в коммуну предполагалось переселить 1700 человек. В первую очередь иностранцев, которым уделялось особое внимание в прессе, что сейчас помогает составить впечатление о положении в Соцгородке и узнать имена некоторых его первостроителей. Например, в октябре 1932 года газета «Икор» пишет (перевод с идиша получен от Ю. А. Лебедева): *«На сегодняшний день ИКОР отправил из Америки в Биро-Биджан 155 иммигрантов. В это число входят как отдельные люди, так и семьи»*. Там же приводится список переселенцев и состав семей:

№ п/п	фамилия	Состав семьи			
1	Амрон	4	35	И. Горовиц	3
2	С. Альтшулер	4	36	Ф. Дон	5
3	Астанов (Астонов?)	1	37	Кимель	4
4	Ароновский	4	38	Крепенко	1
5	Аш	2	39	Кушнер	1
6	Бекерштейн	5	40	Коваль	1
7	Блюм	1	41	Лауэр	1
8	Баумерт	2	42	Левин	1
9	Бродский	5	43	Ч. Левин	2
10	Бонер	6	44	Дейвид (Давид)	1
11	Багулов	3	45	Монхайт	3
12	Брегман	5	46	Моргенштерн	2
13	Бекер	4	47	Нахамкис	1
14	Беатус	3	48	Погребицкий	6
15	Бураков	4	49	Рабина	1
16	Блэк	1	50	Ротблат	1
17	Брезинов	4	51	Ринг	2
18	Часман (Хасман?)	3	52	Розенфельд	1
19	Консовой	5	53	Раймер	2
20	Ходус	4	54	Розин	1
21	Эдлин	1	55	Стейн	1
22	Эпштейн	1	56	Свед	1
23	Эдберг	5	57	Шир	1

24	Фильцман	2	58	Сарфин	1
25	Фридман	1	59	Пандеревич (Фондеревич?)	1
26	Файнблат	2	60	Смелянский	2
27	Э. Гудман	1	61	Шилер	1
28	И. Гудман	1	62	Вайнтройб	1
29	М. Гудман	1	63	Вайс	2
30	Гимплин	1	64	Т. Вайс	1
31	Гевирц	1	65	Векслер	1
32	Гербст	1	66	Цимерман	2
33	Гелер	2	67	Цукерман	2
34	Горовиц	1	68	Цвиклер	1

«10 человек из этого списка вернулись назад. Наши враги заявили, что все американские переселенцы разбежались. Но правда в том, что вернулись лишь 6 процентов переселенцев». Среди причин возврата указывается, например, такая: первая группа из Лос-Анджелеса поехала самостоятельно. *«Лишь потом ОЗЕТ постановил, что все переселенцы из Америки в Биро-Биджан должны проходить через ИКОР, который взял на себя задачу тщательно отбирать кандидатов для переселения»*. Хотя ИКОР тоже допустил ошибки. Например, вернулся некий Линден, вовсе не собиравшийся оставаться в Биро-Биджане, а поехавший ради бесплатного путешествия. Доктор Багулов с женой, мадам Финк, и ребенком вовсе доехали только до Ленинграда. Автор статьи предостерегает: *«ИКОРу придется стать еще осторожнее в отборе кандидатов, поскольку лишь здоровые пролетарские элементы подходят для первопроходческих условий жизни в Биро-Биджане. Деклассированные мещане не годятся в первопроходцы. Вчерашние предприниматели и боссы, потерявшие недвижимость, не годятся для освоения края, где надо трудиться, а не разъезжать в автомобилях и жить в роскоши за счет чужого труда». Готовясь праздновать 15-ю годовщину пролетарского правления, «следует продемонстрировать еврейским массам, как Советский Союз решил проблему национальных меньшинств, чего он добился в сфере революционного оздоровления их жизни за 15 лет своего существования»*.

Скорее всего, именно многообещающие первые шаги советской власти, направленные на решение такого больного для евреев национального вопроса, были определяющим мотивом реэмиграции для большинства иностранцев, которые однозначно не были сионистами, но в большинстве своем, в результате повсеместных проявлений антисемитизма, вынуждены были стать националистами. Их всемерное сочувствие Советской стране сформировалось, прежде всего, под влиянием ее деклараций по поводу равноправия наций. Конечно, по странам Америки разливался экономический кризис, многие были уволены или находились под угрозой потери работы, но все же уровень их жизни там был гораздо выше. Достаточно посмотреть на фотографии, сделанные перед отплытием в неведомую, но такую заманчивую «страну Биро-Биджан». Мужчины в костюмах и галстуках, женщины в мехах и изящных туфельках. Еще месяц — и они окажутся в топких Приамурских болотах. И. И. Блехерман вспоминал: *«Приехавшие к нам несколько семей были очень зажиточные. Представляете, один приехал и привез кровать из слоновой кости. Богато жили. Радиостанции привезли. Первое время власти с нами, с «иностранцами», цацкались, когда еще не начали садить людей. И мы включим радиостанцию на крыше — и можем разговаривать со всем миром. На Первое мая, я помню, у нас был старый революционер, Сухой, он выступил в эфире, и было слышно по всему миру. Потом ее забрали у нас».*

Рупор еврейского переселения «Трибуна» (№14, май 1932 года) публикует бодрые письма иностранных переселенцев:

Дорогой товарищ Л.

Если бы Вам удалось послать машины, которые нам нужны, это было бы для нас большим приобретением. Мы уже обратились официально в Гамбургский и Берлинский ОЗЕТ. Ты, со своей стороны, конечно, сделаешь все, чтобы это дело уладить.

Мы получили майский номер ваших «Известий». В нем есть фотография с подписью: «Литовские рабочие в Биро-Биджане». Эту фотографию сделала Гина Медем, когда она у нас была. Фотография представляет наше деревообрабатывающее производство. На ней запечатлены также товарищи из немецкой группы,

а именно: Ханефт, Вин и Френкель. Мы просим исправить это в ближайшем номере «Листка».

А теперь я хочу написать тебе о нашем положении.

На днях к нам приехали 14 товарищей из Лос-Анжелеса, все семейные, в возрасте от 35 до 50 лет. Большинство приехало без семей — они хотят их выписать позже. Они привезли много рабочих инструментов, разных машин для нашего строительства, и мы надеемся с помощью этих машин ускорить темпы строительных работ.

Недавно у нас было общее собрание рабочих, на котором обсуждался план строительства на 1932 год. Было решено: построить три двухэтажных дома, 5 коровников, 5 свинарников, детский сад, больницу, затем электромеханическую мастерскую-школу, кирпичный завод (дома теперь должны строиться из камня) и столярную фабрику. В дальнейшем предполагается организовать большой пошивочный комбинат (картель). Таков, кратко, наш рабочий план на 1932 год.

Межрабпом в Советском Союзе, а также и у нас в коммуне пользуется большой популярностью. Мы все организовали добровольный сбор для наших товарищей межрабпомовцев за границей. В ближайшее время мы созовем для этой цели специальное собрание и очень хотели бы установить постоянную связь с братскими организациями Межрабпома в Гамбурге. Пришлите нам одобрение Межрабпома.

Наша культурная работа, направляемая рабочим советом, многосторонняя. Ею занимаются различные секции, а именно: театральная, художественная, проводим вечерние курсы для двух групп, работает женский актив, который руководит детской кухней и обустройством детского сада. Наш красный уголок открыт каждый день. В нем много русских и еврейских журналов. Я не знал, что русская пресса так разнообразна по тематике. Выходят, например, журнал, посвященный радио, газеты по вопросам театра и литературы.

У нас скоро будет большой радиоаппарат, и мы сможем поймать немецкую волну.

С большим воодушевлением здесь праздновалась годовщина

Красной Армии, а в особенности ее десятилетнее существование на Дальнем Востоке. Представь себе нашу радость, когда наши ребятишки прибежали с криком: «Машины едут!» Мы сначала не поверили — откуда взяться автомобилям в тайге? Но скоро услышали знакомые гудки. И вот они здесь — наши шефы из Хабаровского гарнизона Красной Армии, которые захотели нас удивить. На грузовиках, с музыкой, явились они к нам, и мы долго радовались этому пролетарскому празднику.

Вот так мы живем здесь, в Биро-Биджане.

С пролетарским приветом от всех товарищей.

Х. Ханефт

Центральному представительству
ОЗЕТа в Берлине.
Дорогие товарищи!

Шлем вам сердечный привет от имени первой рабочей группы из Германии в Биро-Биджане. Мы находимся в коммуне «Икор», которая в 1933 г. должна стать социалистическим городком на Дальнем Востоке.

Наша коммуна должна в этом году планово принять 1000 переселенцев, преимущественно из-за границы.

План строительства на 1932 год таков: устройство электрической станции, постройка нескольких животноводческих помещений, трех двухэтажных домов со всеми удобствами, больницы. Принятый план вполне реален, но нам недостает техники. Больше всего не хватает деревообрабатывающей и буровой машины. Древесины у нас достаточно.

Мы просим вас, товарищи, сделать все, чтобы как можно скорее доставить нам названные машины. Этим вы нам окажете большую услугу и поможете планомерно выполнить в этом году строительную работу.

С пролетарским приветом от имени первой еврейской рабочей группы из Германии в Биро-Биджане.

Х. Ханефт

Из письма американца Амрона, («Трибуна» № 28, ноябрь 1932 года): *«Большой перелом к лучшему произошел и в нашем Соцгородке. Благодаря последней партии американцев и тому оборудованию, которое они привезли с собой, мы механизируем нашу работу, что, естественно, значительно ее облегчает и ускоряет. Сейчас мы заняты установкой привезенных лесопильных, столярных, слесарных и цементных машин.*

Как только машины будут установлены, наши дела пойдут еще лучше. Вначале на машинах будут заняты человек 150, а в следующем году, когда фабрика будет расширена, на ней будут работать человек 700.

В текущем году значительно расширяется сельское хозяйство нашего городка — до 24 000 гектаров, 75 гектаров отводится под огороды. Значительно увеличится в этом году и наше стадо — до 300 коров и 300 свиней.

Самое большое препятствие на пути развития Соцгородка — это недостача стройматериалов для домов. Не будь ее, мы сумели бы принять гораздо большее количество переселенцев и тем самым разрешить вопрос о недостающей рабочей силе. Сейчас нам необходимо получить от вас моторную лодку, трактор и еще кое-какие принадлежности для улучшения нашего перевозочного транспорта. Чем скорее будут устранены препятствия на пути жилстроительства, тем легче будут преодолены и остальные трудности. Перед нами большая задача — подготовиться к встрече тех американских и аргентинских товарищей, которые спешат к нам на помощь. Но самое главное — это жилье».

По плану переселения на 1933 год в «Икор» должно было в общей сложности переселиться 200 семей, то есть 800 едоков. Отмечается, что *«при составлении плана на 33 год не было картографических данных. Площадь «Икор» была определена в 1687 га, оказалось, что она свыше 6000 га, точных данных так и нет. Таким образом, возможно вселение до 7–8 тысяч».*

«Коммуна «Икор» на 1/3 населения состоит из иностранцев и может уже на сегодня считаться наиболее благоустроенной в культурно-бытовом отношении, имеет крепкое ядро и состоит из двух частей — сельскохозяйственной, с расположенной в Дежневке

усадьбой, и мебельного производства на второй усадьбе в Соцгородке близ реки Тунгуски. Достройка начатых домов даст площадь на 300–330 едоков, кроме того, есть реальная возможность построить еще жилище на 600 едоков. Таким образом, реально возможно переселение в 1933 г. до 800 семей. Земли представляют на сегодня ряд больших релок с расположенными между ними переувлажненными почвами, осушение которых дало бы включить в пашни до 1800–1000 га, а раскорчевка релок даст еще дополнительно 300–800 га» (ГА Хабаровского края. Ф. 353. О. 1. С. 12-13а.).

Но условия даже *«наиболее благоустроенного»* Соцгородка не устраивали переселенцев-иностранцев. Среди приехавших были такие, которые уезжали практически сразу, столкнувшись с трудностями первых дней. Основной отток приходится на 1933 год. Некоторые переселенцы, разочарованные в своих надеждах, вернулись в страны исхода, что было совсем не просто в виду отсутствия документов и официальных дипломатических отношений между странами. Часть переселенцев осела в Биробиджане, часть, сумевшая получить разрешение покинуть область, — в Москве или в других, более благополучных, чем биробиджанские болота, местах.

Документ (ГА ЕАО. Ф. 138. О. 4. Д. 26.) называет имена еще некоторых «иностранцев» — первостроителей Соцгородка.

Иностранные специалисты и квалифицированные рабочие, работающие в Биро-Биджанском районе.
Коммуна Икор — Соцгородок

№ п/п	Фамилия имя отчество	Состав семьи	Откуда приехал	Специальность	Занимаемая должность
1	?	1	Уругвай	Выс. квал. слесарь	слесарь
2	Ш?р И.А.	1+1	Румыния	чернорабочий	кооператор
3	Форер И. И.	1+2	Буэнос-Айрес	Столяр мебельщ.	Зав. с/х сектором
4	?	1	Америка	Столяр мебельщ.	кладовщик
5	Ханефт Х	1+1	Германия	счетовод	счетовод
6	Блехерман Э.И.	1+2	Буэнос-Айрес	жестянщик	жестянщик

7	Шнур Б.И.	1+3	Буэнос-Айрес	сапожник	чернорабочий
8	Лерер И.Ш.	1+1	Аргентина	столяр	столяр
9	Головей М.Э.	1+2	Палестина	шофер	шофер
10	Смелянский Ш.А.	1+1	Лос.Анжелес	машинист	машинист
11	Маркевич А.М.	1+1	Буэнос-Айрес	печник	печник
12	Беатус М.Г.	1+2	Лос.Анжелес	закройщик	Машин.отдел.
13	Файнблат М.	1+1	Нью-Йорк	строит. рабочий	строит. рабочий
14	Гуревич И.Р.	1+2	Нью-Йорк	бухгалтер	бухгалтер
15	Абрамович А.Л.	1+1	Франция	текстильщик	
16	Погребицкий В.Л.	1+4	Америка	маляр	чернорабочий
17	Альтшулер Ш.Л.	1+3	Лос.Анжелес	мясник	машинист
18	Вайсс Д.М.	1+2	Париж	жестянщик	жестянщик
19	Бекер М.Т.	1+3	Лос.Анжелес	Сельск. хоз. рабочий	В огороде
20	Авербух И.И.	1	Палестина	Монтер-инсталятор	чернорабочий
21	Коваль А.И.	1+4	Буэнос-Айрес	строит. рабочий	строит. рабочий
22	Пейсахович М.Х.	1+2	Буэнос-Айрес	портной	портной
23	Перенц И.М.	1+1	Бельгия	Электр.техник	Электр.техник
24	Рат О.А.	1+1	Германия	чертежник	
25	Аркус М.А.	1+2	Германия	портной	чернорабочий
26	Дон Ф.Л.	1+4	Лос.Анжелес	скорняк	чернорабочий
27	Вольфсон	1+3	Лос.Анжелес	Тех.механ.	Зав.мех.цехом

В графе «откуда приехал» допущена ошибка: семья Коваля переселилась из Америки, а в графе «состав семьи» у Ханефта должно быть 1+3.

Год составления документа не указан, но не позднее начала 1933 г., так как эти же фамилии встречаются в документах ОЗЕТа за 1933 г. с просьбами о размещении в Москве и получении гражданства.

Такую просьбу подали, например, палестинцы гр. Головей М. Э. с семьей (работал в коммуне «Икор» с октября 1932 по июль 1933 года), гр. Пинкус из Уругвая (с августа 1932 по август 1933 года), Беатус М. Г. (с июня 1932 по июнь 1933 г.), Погребицкий В. Л. (с мая 1932 по октябрь 1933 г.). Альтшулер Л. С. (в коммуне «Икор» с 1932 по октябрь 1933 г.) обращался с просьбой разместить его в больницу в Москве. Всего в списке иностранцев из Биро-Биджана, находившихся в Москве в 1933 году вместе с семьями, 60 фамилий.

Процесс так называемого обратничества был очень силен, возвращалось не менее половины переселенцев. ОЗЕТ всячески пытался не допустить их выезда за рубеж. Пример тому — документ из архива ОЗЕТ от 23 января 1933 года с грифом «Не подлежит оглашению» в адрес уполномоченного КомЗЕТа по Джанкойскому району (Крым) т. Кессельману: *«В последнее время в КомЗЕТ обращаются возвратившиеся из Биро-Биджана заграничные переселенцы с просьбой направить их на работу в Крым. Учитывая безусловную необходимость устройства этих людей в СССР, направляем отдельных заграничников в Крым. Сейчас направляем к Вам двух заграничников, прибывших из Биро-Биджана т. т. Гольдштейна В. — маляр и Гринберга А. — слесарь.*

Учитывая политическую важность этого дела, Вам необходимо принять все меры, чтобы этих т. т. устроить получше с тем, чтобы они на этой работе закрепились».

Председатель КомЗЕТа П. Г. Смидович обращается в правительственную комиссию по снабжению иностранцев (Инснаб): *«Учитывая трудности строительства Биро-Биджана и политическое значение закрепления рабочих переселенцев из-за границы, участвующих в этом строительстве, Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при Президиуме ЦИК СССР просит удовлетворить ходатайство Центрального Совета ОЗЕТ о предоставлении в распоряжение Биро-Биджанского района 300–350 пайков Инснаба».*

В своих воспоминаниях в книге «Салюты и расстрелы» Иосиф Баскин, бывший заведующий переселенческим отделом, позже прошедший сталинские лагеря, писал: *«Сейчас, будучи в Москве, я узнал, что зарубежные переселенцы атакуют свои консульства*

Соцгородок, 1932г.
Из архива семьи Блехерман.

с требованием вернуть их домой. В это дело уже вмешалась Мария Ильинична Ульянова. Она заставила КомЗЕТ — комитет по еврейскому переселению — выдать людям валюту из своих средств, заняться оформлением обратных виз. Вот до чего дошло!»

Не для того ли, чтобы предотвратить массовый отъезд, угрожающий дискредитировать идею еврейского переселения, и, как следствие, остановить поток финансовой помощи из зарубежья, 5–6 февраля 1933 года в Биробиджане состоялась Первая и, как оказалось, последняя, конференция иностранных переселенцев. На ней присутствовало 73 делегата — представителей разных стран: Польши, Литвы, Латвии, Германии, Франции, Бельгии, Америки, Аргентины. В прениях выступило 50 человек. «Все выступавшие сопоставляли положение безработных, бесправных трудящихся евреев в капиталистических странах с положением еврейских трудящихся масс в Советском Союзе, где осуществляется ленинская

национальная политика. Делегаты заклеймили позором предателей, клевещущих в буржуазно-фашистской печати на Биро-Биджан» («Трибуна» № 3–4, февраль).

Материалы конференции перевела с идиша Е. Сарашевская. Они весьма интересны, поэтому стоит познакомиться с тем, что касается Соцгородка. В президиуме конференции Соцгородок представляли товарищ Гурович, переселенец из Америки, и товарищ Пейсахович из Аргентины.

Из доклада секретаря райпарткома тов. Янкеля Левина:

«Вот несколько характеристик иностранных переселенцев, которые принимают участие в строительстве Соцгородка:

***Г. (Джорж, Георгий) Коваль** — юный американский «бой», учился на третьем курсе на инженера-электрика в университете в Яве. Вместе со своими родителями приехал в июле 1932 года в Биро-Биджан. Быстро акклиматизировался и привык к тяжелым условиям труда. Выполнял всю черную работу. Теперь работает в механической мастерской. Он не отступает ни перед какими трудностями! Готов сделать все для строительства Соцгородка.*

***Велвл Хараш** родился в Польше. Переселился в Биро-Биджан из Аргентины в 1932 году. Квалифицированный столяр. 20 июля был выдвинут на ответственную хозяйственную должность в артели. Своим трудом может служить примером всем рабочим. Он везде первый. Принимает самое активное участие в общественной, культурной и политической жизни. Член правления, член культурной комиссии, производственной комиссии, рабкор газеты «Биробиджанер штерн». Принимает активное участие в строительстве, не пропустил ни одного субботника. Бережет имущество артели, как свое собственное. К Октябрьским праздникам был премирован книжкой ударника, грамотой и подарком. Кандидат в члены партии.*

***Шлезенгер** — немецкий рабочий. Приехал в Соцгородок в июле 1932 года. Выполняет любую черную работу. Надо заготовить сено для стада — Шлезенгер едет на заготовку сена. Неожиданно случается наводнение, большая часть сена гибнет в воде,*

организуется бригада для поездки в совхоз Сун-Ят-Сен на заготовку соломы. Шлезенгер — в составе бригады. Работает там несколько месяцев в крайне тяжелых условиях. Возвращается оттуда, отдыхает несколько дней, и тут вновь требуются люди на ликвидацию прорыва, и снова Шлезенгер готов помочь. Нет такой работы, с которой он не смог бы справиться.

***И. Лерер** — переселенец из Аргентины. Приехал в 1931 году с первой группой. Один из первых строителей Соцгородка. Корчевал лес, копал канавы, работал на дорогах, несмотря на то, что он квалифицированный столяр. Сейчас работает на мебельной фабрике. Был премирован за хорошую работу.*

И еще несколько характеристик переселенцев:

***Блюма Капланская** — родилась в Польше. Принимала участие в революционном движении, за что была приговорена к нескольким годам тюремного заключения. Эмигрировала во Францию, оттуда переехала в Биро-Биджан. Сначала работала на кухне. Когда коммунары выезжают на ловлю рыбы, вместе с ними едет товарищ Капланская. Проявляет большой интерес к хозяйственному строительству Соцгородка.*

***Зельда Гурович** — приехала из Америки. Сразу же стала заведующей яслями и детской кухней. День и ночь трудится, чтобы приготовить еду для малышей, следит за уютом и теплом в помещении яслей. Была премирована как ударница.*

Авром Фридман — *приехал из Уругвая вместе с первой аргентинской группой в 1931 году. Сразу же поселился в Соцгородке. Он никогда до этого не видел тайгу, никогда не работал на заготовке древесины, но, когда коммуна мобилизовала его на заготовку древесины, показал себя одним из лучших. Начальник лесоучастка отзывается о Фридмане как об одном из своих лучших рабочих, ударнике. Своим трудом он служит примером для остальных».*

Из доклада товарища Столова:

«Кто строит Соцгородок? Что там было еще полгода назад и что там теперь? Я был там полгода назад, побывал еще раз недавно и заявляю, что сейчас Соцгородок производит впечатление здорового хозяйства. Строительство, со всеми его трудностями,

вынесли на своих плечах иностранные переселенцы. Это они построили светлый, красивый жилой дом. То же самое относится и к сельскому хозяйству, рыболовству и другим сферам деятельности — везде чувствуется вклад иностранных переселенцев. Люди, которые еще вчера и понятия не имели, как ловить рыбу, которые покупали ее на рынке, сейчас ловят ее своими руками, как заправские рыбаки».

Слово делегатам конференции — первостроителям Соцгородка.

Капланская:

«Докладчик много говорил о плохом отношении к работе и сохранении общественного имущества. Очень трудно переделать человека, отучить его от того, что укоренялось в сознании на протяжении сотен лет. Это можно сделать, только если начать систематическую просветительскую работу. Тогда поднимается на высокий уровень сознательность рабочего. А у нас культработа практически нигде не ведется. Газеты к нам доходят поздно, библиотека маленькая. Недостаточно литературы для написания реферата. Нужно для каждого населенного пункта назначить ответственного культработника, который должен систематически приезжать туда с лекциями.

Необходимо также улучшить бытовые условия переселенцев. Нужно хотя бы минимально устроить их быт. Когда мы приехали сюда, мы три месяца спали без матрацев, жили в неосвещаемых комнатах. Неужели трудно было приготовить лампы и другие необходимые для нас вещи? Виновато в этом только районное руководство...»

Пейсахович:

«Когда первая аргентинская группа прибыла в Соцгородок, там еще ничего не было. Нам предстояло рубить и корчевать деревья. Ночевали во времянках. Но мы не испугались трудностей, и, надо сказать, за небольшим исключением, аргентинские переселенцы оправдали доверие, оказанное нам. Почему? Хочу рассказать об одном из строителей Соцгородка: когда он обратился в «ПРОКОР» и попросил товарища Линковского послать его

в Биро-Биджан, Линковский принялся его отговаривать: «У тебя дети слабые, они не вынесут биробиджанского климата. Жить там негде, подожди, пока построят дома». В ответ на это товарищ Линковский услышал короткую фразу: «Я хочу вырваться от капиталистов и готов к любым трудностям».

Но нужно сказать и о том, что присылают к нам и других товарищей, которые никак не желают забыть о прелестях зарубежной жизни. Таких сюда посылать не следует. Строительство Биро-Биджана нуждается в классово сознательных трудящихся, которые интересуются тем, что происходит, которые осознают наши трудности. Другие здесь не нужны.

Не всегда рабочая сила иностранных переселенцев используется правильно. Вторую группу аргентинских переселенцев в 1932 году послали работать в Покровку, в то время как в Покровке на них не рассчитывали и в их помощи не нуждались. В результате группа распалась. В будущем нужно избегать таких ситуаций.

Среди иностранцев есть много тех, кто рассуждает по-мещански. Если они встречаются с малейшими трудностями, то не могут найти в себе силы преодолеть их, начинают нервничать. Одного такого переселенца я спросил: «Товарищ, ты уже забыл то время, когда голодал за рубежом, не имея ни цента в кармане? Тогда ты тоже так нервничал? Ты что, не можешь пережить пару трудных дней?» В ответ я услышал: «За рубежом я голодал, но здесь, в Советском Союзе, я не хочу опять страдать от этого». Разве это не мещанские рассуждения?

Нам здесь нужны не иностранные мещане, а трудящиеся, которые, не должны забывать о положении, в котором они находились в капиталистических странах, которые могут вынести все трудности, как их выносит рабочий класс Советского Союза».

Блюмек:

«Среди иностранных поселенцев есть много таких, которые в капиталистических странах годами были безработными, сидели в тюрьмах и страдали от других «свобод» капиталистического режима. Приехав в Советский Союз, они хотят получать образование, лечиться на лучших курортах за государственный счет

и т. д. Они хотят пользоваться всеми привилегиями, которые у рабочих Советского Союза появились благодаря Октябрьской революции. Но о трудностях, с которыми сталкиваются трудящиеся Советского Союза, они не хотят знать. Когда дело касается привилегий, тут они стопроцентные советские граждане, когда же дело касается преодоления трудностей, они становятся иностранцами. Не правы те иностранные товарищи, которые считают, что должны получить привилегии только потому, что они иностранцы.

Нужно гнать поганой метлой тех иностранцев, которые спекулируют на наших трудностях. В Соцгородок один день не привезли хлеб. Конечно, это плохо. Но тут же начались недовольные высказывания: «Я работать не могу, потому что сегодня не будет хлеба». Что это, как не спекуляция на наших трудностях? Или другой случай: Вейнтройб из Детройта — бывший мелкий торговец — продавал свиное сало по 45 рублей за килограмм, конфеты — по рублю за штуку, теплые шапки — по 30 рублей за штуку. Мы осудили этого коммунара на общественном суде и решили выгнать его из Соцгородка.

Однако нужно сказать, что таких спекулянтов среди иностранных переселенцев незначительное меньшинство. Большая часть вместе с переселенцами из Советского Союза являются активными участниками социалистического строительства. Это касается переселенцев из всех стран. В каждой группе есть хорошие и плохие, бывшие рабочие и бывшие мастера, теперешние ударники и теперешние бездельники.

Считаю, что в каждом населенном пункте надо усилить политическую воспитательную работу, с помощью которой мы оградим здоровую часть иностранных переселенцев от враждебного влияния».

Но при всей самоотверженности первостроителей отток переселенцев был большой, люди, столкнувшись с такими невероятными трудностями, правдами и неправдами уезжали. Их объявляли дезертирами и чуть ли не врагами.

И пусть на конференции их имена прозвучали в «черном» списке, у нас все же есть возможность узнать, кто некоторое время жил в Соцгородке. Процитируем докладчика:

Меклер — из Америки. Имеет жену и ребенка. В Америке был подрядчиком, имел собственный дом. Не смог найти для себя подходящую работу.

Шерер — из Америки. Холост. В Нью-Йорке был снабженцем. Поставлял окна и двери на стройки. В Лос-Анджелесе имел собственный автомобиль и развозил на нем фрукты.

Фельдман — из Америки. Холост. Был там лавочником, но обанкротился и стал рабочим на швейной фабрике. Какое-то время был штрейкбрехером. Позже присоединился к левым.

Баумерт — из Америки, был там мелким торговцем. Имел в Америке собственный дом, перед отъездом в Советский Союз продал его.

Гелер — американец. Имел в Америке собственное кустарное предприятие и магазин. Тоже имел «пару рублей».

Свед — американец. Семейный, но приехал без семьи. Занятие — снабженец строительными материалами.

Консевой – американец. В Америке держал с компаньоном мастерскую по производству окон и дверей.

Розенблат — американец. Приехал без семьи. В Америке был кантором и торговцем. Здесь работать не хотел.

Но такие составляют небольшую часть иностранных переселенцев».

В выпуске, посвященном Биро-Биджану и конференции, «Трибуна» публикует портреты «заграничников», среди них строитель Соцгородка, переселенец из Америки Файнблит.

И вновь о жителе Соцгородка Фридмане, переселенце из Аргентины: *«От зари до поздней ночи он работает, косит, скирдует, ободряет бригаду, спит всего несколько часов в сутки, и снова на сенокосе. Он помнит трудности, пережитые «Икором» и Соцгородком, на своей же шкуре их испытал. Он знает, что до окончательного слияния их в один мощный колхозный организм еще будет немало испытаний. Он готов на все. Он — один из тех активистов-ударников, на которых уверенно и спокойно опирается партийная организация и правление колхоза»* («Трибуна» № 11, 15 ноября 1933 г.).

Так или иначе, но к концу 1933 года, если судить по бодрым газетным отчетам, положение немного выправляется: *«Колхоз «Икор»,*

находившийся долгое время в глубоком прорыве, добился за последний год определенных успехов. «Икор» снял и обмолотил 28 га овса и 7,5 га гречихи, заготовил 30 га картофеля и др. овощей, построил овощехранилище на 200 тонн. Колхоз выполнил годовой план по заготовке зерновых культур, семян и по возвращению семссуды. Натуроплата МТС полностью внесена. «Икор» сдал государству 51 тонну картофеля.

В последнее время наметился значительный перелом в закреплении переселенцев. Колхозу удалось освободиться от лодырей, симулянтов и чуждого элемента. Оставшиеся в колхозе преданные соцстроительству колхозники уверенно идут к зажиточной жизни. Колхоз приступил к распределению доходов по трудодням. План зяби перевыполнен. Вместо 50 поднято 77 га» («Трибуна» № 12, декабрь 1933 г.).

Но 1933–1934 годы оказались очень трудными для коммуны. Показательно, что если в 1932 году в Соцгородке работал еврейский детский сад, который посещало 35 детей, и 22 ребенка насчитывалось в «Икоре» (по данным ГА ЕАО), то в 1934 году в детском саду Соцгородка осталось всего 12 воспитанников. Правда, работала еще четырехклассная начальная школа.

В 1934 году в Биробиджан приехал известный американский еврейский журналист Б. Ц. Гольдберг.

По этому поводу Шварц в сборнике «Книга о русском еврействе» пишет: *«Положение коммуны «Икор» к этому времени было таково, что администрация Биро-Биджана всячески пыталась не допустить поездки Гольдберга в «Икор» и уступила лишь после того, как Гольдберг заявил, что ему по возвращении в Америку невозможно будет объяснить, почему он, побывав Биро-Биджане, не посетил «Икор». Гольдберг нашел «Икор» в очень тяжелом состоянии. Коммуна состояла в это время уже почти из одних бывших американско-еврейских социалистов и сохранялась, в сущности, лишь благодаря их высокому общественному идеализму».*

В 1934 году коммуна распалась, часть коммунаров уехала в другие места, часть перебралась в «Икор», который позже объединили в один колхоз с соседней Даниловкой. Но это была уже другая история.

ГЛАВА IV

Новый устав

Для спасения коммуны «Икор» в 1934 году было решено сконцентрировать все силы в одном месте, отказавшись от планов строительства Соцгородка и, собственно, от устава коммуны, где общими были работа, еда и т. д.

На базе «Икора» создавался колхоз с совершенно другим типом распределения: каждому коммунару — согласно заработанным трудодням. Председателем на общем собрании был выбран аргентинец Иосиф Форер. Хозяйство он принял в совершенно разрушенном состоянии, не все были довольны новыми требованиями, начались склоки и взаимные упреки, люди продолжали разъезжаться. Требовались огромные усилия, чтобы переломить ситуацию и из осколков коммуны возродить новое хозяйство.

В 1934 году был сорван план мелиоративных работ, проводимых Меливодхозом. Вместо 800 га было сдано всего 100, чем фактически был сорван план расширения посевов, что очень остро сказалось на колхозе «Икор», который к тому же не выполнил план раскорчевки под посевы. Но усилия по реорганизации не прошли даром. Жесткие экономия и дисциплина, тяжелейшая работа на всех участках дали свои плоды. Зимовку пережили без потерь скота. На первом слете видных колхозников и ударников ЕАО, проходившем в Биробиджане 3–4 июля 1934 года, отмечено, что отставший в прошлом колхоз вышел в передовые, ставится в пример великолепное состояние лошадей в «Икоре».

Среди знатных людей области — ударница колхоза, переселенка с Украины Нина Шейнфельд, получившая персональное приглашение на краевой слет колхозников-ударников. Она награждена ножной швейной машиной. Нина (Нехама) — бригадир полеводов — ударно организовала работу своей бригады, состоявшей из 30 человек. За ударно и хорошо проведенный сев колхоз был занесен на краевую почетную доску. «Икор» вовремя закончил уборку зерновых, картофеля, вернул семссуду и расплатился с МТС. Осенью подготовили зябь,

рыболовецкая бригада неплохо провела осенний лов кеты, как следствие, к концу года смогли выплатить на каждый заработанный трудодень, кроме овощей, по 1 кг пшеницы, 5 кг картофеля, 3 рубля 13 копеек деньгами. Вскоре хозяйство вышло в передовые и стало занимать по своим показателям второе место в области после Валдгейма. Хотя, конечно, не все намеченное удалось. Не совсем благополучно обстояли дела на молочной ферме. Как и прежде, не было врача, медицинское имущество оставалось невостребованным.

Д. Маневич в газете «Биробиджанская звезда» писал в 1935 году:

«Колхоз «Икор» еще до прошлого года был слабым хозяйством, с 1935 года он стал быстро развиваться. Теперь в колхозе уже есть две животноводческие рентабельные фермы… Не в пример прошлым годам переселенцы закрепляются, прибывают новые, возвращаются и некоторые из тех, кто оставил в свое время колхоз… Посевная площадь колхоза увеличивается. В нынешнем году будет поднято 300 га целины. К севу колхоз подготовился своевременно. Семена засыпаны, тракторы колхоз получает от новой Биробиджанской МТС. Для лошадей заготовлено сено на все лето. Колхозные поля полностью обеспечены удобрением. Приступили также к оборудованию парникового хозяйства… Молодой колхоз стал передовым».

Говорилось в статье и о председателе:

«Иосиф Форер еще молод, полон сил. Жена его тоже хорошая работница. Вначале она работала в поле, затем заведовала яслями… Он и его жена — ударники колхозных полей, участники областного слета стахановцев, премированы…

За время, что Форер руководит колхозом, там построены школа, детские площадки, организована библиотека, выписываются газеты… Вскоре будет проведено радио».

С фамилией передового председателя нам еще предстоит встретиться на страницах этой книги.

В Соцгородке после распада коммуны в 1934 году оставалось несколько семей. Среди них — Блехерман, Пинзур, Масловы, Гурские. Первое время Исроэль Пинзур и Илья Блехерман ездили работать в колхоз «Икор». Дед заготавливал из тальника колышки для подвязки рассады. Семья перебралась ближе к реке, как тогда говорили, на фалангу, в старый домик, в котором когда-то жили работники

Балаганского. В этом доме, уже перестроенном, позже жила Фаня (Горинштейн в замужестве) и доживала свой век Хая-Ривка.

Дед с икоровцами заготавливал сено на Пинзуровских угодьях, которое потом перевозили в «Икор». За перевозку отвечал самый опытный и образованный Шая Коваль, сено перетягивали с помощью трактора через реку. Еще дед работал как перевозчик, а когда его не было дома, это становилось обязанностью его старших детей. Икоровцы с удовольствием заглядывали в гостеприимный дом Пинзура — отдохнуть, попить чайку, угоститься крепким табаком, который он сам и выращивал. По соседству с этим домом была еще одна местная достопримечательность.

Все старожилы Соцгородка, рассказывая о прошлом, о своем детстве, обязательно вспомнят деда Михайло и его сад на южном склоне сопки, прямо у залива. Во все времена пацанье украдкой подворовывало в нем груши, тем более что попасть туда незаметно со стороны леса было очень просто. Я думаю, хозяину это было известно, но он закрывал глаза на такие детские шалости. О том, что этот сад тоже когда-то был собственностью коммуны, а хозяин его — Мендель (Михаил) Колесников был икоровским пчеловодом, знают немногие. Оказывается, не только безобидные мальчишки любили полакомиться урожаем. И. И. Блехерман вспоминал: *«Спрашивают его: «Михайло, ты сколько меда снял?» — «С весом или без веса? С весом двести кг, а без веса – пятьсот». Это он раздавал начальству, у него был мед с весом и без веса, для отчета»*.

10 марта 1935 года начато строительство мебельной фабрики «Икор», а уже 7 мая, в день образования области, должен был состояться ее пуск. В статье Н. Сухолитно «Первая фабрика красивой мебели» («Биробиджанская звезда») сказано, что открытие фабрики состоялось на 12 дней раньше срока, а именно, 25 апреля.

«Это результат ударной работы рабочего коллектива. Квалифицированные слесари, электрик, моторист и специалисты с киркой и лопатой в руках вместе с чернорабочими строили свою рабочую фабрику. Не было электрооборудования, но электрик тов. Лискович не растерялся — из обломков и старья сделал электропроводку… Фабрика «Икор» выпустит в этом году продукции на 250 тысяч рублей. В первую очередь будут выпускаться славянские

Циля Лурье, переселенка из Гайсина, Винницкой обл. за плетением корзин. «Трибуна» №8 1937 год

плательные шкафы, кровати, раздвижные столы и другая высококачественная мебель. Фабрика механизирована». Все оборудование — американское, присланное ИКОРом.

Далее в этой статье пишется о том, что оборудована мастерская по лозоплетению, которая должна выпускать легкую плетеную мебель, детские коляски, корзины, благо на берегах Тунгуски достаточно сырья. Работали в ней под наблюдением товарища Ситкина жены рабочих и подростки. По воспоминаниям отца, премудростям плетения учил переселенцев Мошкович. Много позже на обложке одного из выпусков «Трибуны» за 1937 год мы обнаружили фотографию молодой красавицы с плетеной корзиной в руках. Это была наша соседка и бабушкина подруга Циля Лурье, которая работала в этой артели.

В возрождающемся поселке начала работу механическая

мастерская с токарным станком по металлу и электрическими сверлами, открылся клуб, библиотека. Еще в статье говорилось: *«День годовщины ЕАО ознаменуется также открытием радиостанции. Сейчас ждут приезда новых рабочих-переселенцев»*.

Переселенцы, действительно, поехали, но ставка теперь была сделана не на иностранцев, предъявляющих чрезмерные, хотя и вполне закономерные требования, а на евреев из местечек Украины и Белоруссии, не избалованных излишествами, к тому же людей семейных, а значит, связанных определенными обязательствами. Опыт переселения показал, что они успешнее закрепляются на новых землях уже потому, что возвращаться, как правило, некуда и не на что.

В сентябре 1935 года из Киева в ЕАО отправился целый эшелон из 33 вагонов с 520 переселенцами, 20 новых семей планировалось направить в Соцгородок, на мебельную фабрику «Икор». В постановлении III пленума облисполкома, проходившего с 30 июня по 2 июля 1935 года, райисполкому предписывалось отвести соответствующее здание для вновь открывающейся школы в Соцгородке, отремонтировав его до 10 августа. Обллесхозу — изготовить мебель, учебные пособия, а облпотребсоюзу завезти годовой запас тетрадей, ручек, перьев, карандашей, мела, учебники, необходимое количество одежды и обуви для детей и учителей, керосин для школ и учителей, продукты для горячих завтраков. В 1935–1936 учебном году обучались два комплекта начальной школы и один комплект неполной средней школы. Преподавание велось на идише.

Некоторые документы и газетные статьи позволяют проследить за отдельными событиями того времени и добавить фамилии новых жителей поселка.

В 1935 году в области проводилась проверка партийных документов — говоря простым языком, чистка. В сводке об итогах проверки, утвержденной бюро обкома 6 октября 1935 года упоминается Соцгородок: «Имеют место случаи потери бдительности отдельных коммунистов в период проверки партийных документов. Тов. Ласкер, член ВКП(б), бывший председатель мебельной фабрики «Икор», принял на работу афериста, пытавшегося разложить производство». Из «Трибуны» №3 за февраль 1936 г. узнаем, что в это время мебельной фабрикой «Икор» руководит переселенец из Одессы

Соцгородок. На мебельной фабрике.
Областной краеведческий музей ЕАО

т. Райгородецкий. В этом же году проводится основательная проверка работы фабрики, по ее результатам составляется докладная записка «По вопросу о состоянии мебельной фабрики промартели «Икор».

В документе отмечено: несмотря на то, что фабрика имеет самое передовое оборудование, работы на ней осуществляются в основном вручную. Всего выпущено в 1935 году мебели на 150 000 рублей. Стоимость производства мебели высокая, его можно существенно удешевить. По самым грубым подсчетам, фабрика может в квартал

выпускать мебели на 250 000 рублей, значительно снизив цены. *«Для этого нужно перестроить технологический процесс, построить сушилку, организовать склад деталей с запасом не менее чем на 5 дней работы, организовать стахановское движение.*

На фабрике есть в наличии локомобиль на 30 л. с., две динамомашины, пилы циркулярная, две ленточные и подвесная маятниковая. Станки фуговочные, рейсмусовые, фрезерный, шипорезный, торцовочный, сверлильные, гонторезочный. Работу можно сделать трехсменной, задействовав 175 человек, соответственно, построив для них жилье, тем более что есть свой кирпичный цех. Расширить подсобное хозяйство, удешевив тем самым обеды. Увеличить выпуск продукции до 3 000 000 рублей в год, выпуская шкафы славянские, столы обеденные, письменные, канцелярские, стулья, диваны, этажерки, комоды, тумбочки и др. Проложить железнодорожную ветку к фабрике от железной дороги Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре. Использовать незадействованное оборудование, разбросанное по берегу реки (паровую машину на 300 л. с., динамо-машину на 1000 кВт)».

Выполнить все предписания по известным причинам, конечно, не смогли, но станки работали до последних дней существования фабрики, сушилка была построена, ассортимент продукции освоен. А главное, поселок получил вторую жизнь.

Среди приехавших в 1935–1936 годах еврейских переселенцев были семья Липовецких, Черкавские Соня с дочерью Фаней, Красник Циля, Урман Янкель и Рушка с детьми Любой и Хаей, Глозман Ривка с детьми Зиной, Розой и Фаней, семья Сандлер с четырьмя детьми, Давидсон с двумя детьми, Трасповы с детьми Пиней, Ривчиком и Соней, Залцман, Верник с Изиком, Соней и Аней, Клейман, Гальперины Кива и Чарна, Коган Лев и Шейва с детьми Борей и Людой, Лурье, Сельские, Цибульские Хана с мужем и детьми, Гершберг Аркадий с дочерьми Фирой и Бетей, семья Мирошник с четырьмя детьми.

В 1938–1939 годах приехали Наум и Любовь Нижниковы с детьми Идой, Броней и Липкой, семьи Льва и Фаины Русинских, Суранович с детьми Двойрой и Мойшей, Колтун с женой, Гурфинкель.

Примерно тогда же в Соцгородок переселилась Домна (Татьяна) Якимовна Тарасенко с дочерью Валентиной и тут же начала

работать на мебельной фабрике, которая стала местом работы практически всех жителей поселка.

Фабрика им. Чкалова к тому времени перебралась в барак, в котором раньше размещались заключенные, — их самих переселили ближе к мосту. В поселке остался только штаб, который управлял работами.

В тайге вверх по Тунгуске зимой валили ясень, а летом сплавляли лес по воде. Бревна вытаскивали на берег протоки, на двух лошадях возили к цеху и там пилили. В помещении, где раньше находился «китайский» кирпичный цех, сделали сушилку для досок. Мебель

Соцгородок. Лесозаготовка.
Областной краеведческий музей ЕАО

производили добротную, ясеневую. Фанеру и клей до пуска фанерного завода в Биробиджане присылали из Владивостока.

До войны в цехе работали 48 мастеров-краснодеревщиков, все евреи. Среди них — Абрам Шкатрут, Гершберг, Спектор. Семен (Симха) Фурман, приехавший в поселок с женой и четырьмя детьми — Розой, Бетей, Ициком и Таней, был столяром-краснодеревщиком,

он обучал моих родителей столярному делу, правда, способностям мамы он поставил однозначный диагноз: «золотые ручки», на этом ее обучение закончилось. Но из моего отца получился великолепный столяр, в чем есть несомненная заслуга наставника. Его жена Хая тоже работала в мебельном цехе, но занималась инкрустацией по дереву и была первоклассным мастером, специалистом высшего уровня, равных ей в этом деле не было. Начальником цеха был Плоткин, начальником производства — Буяновер. Янкель Урман и Корх работали машинистами на локомотивах (паровых установках, которые приводили в действие станки с ременной передачей). В цехе работали одни мужчины, из женщин только Туня Цанги. Плоткина впоследствии заменил мой второй дед, отец мамы — Шмиль Бондарь. В 1936 году он переехал на Дальний Восток из Винницкой области, где был мелким кустарем, имел свою небольшую столярную мастерскую. Он окончил курс механической обработки древесины при Семеновском деревообрабатывающем техникуме и в 1939 году перевез в Соцгородок семью.

Крошечный Соцгородок не страдал от отсутствия внимания. Здесь побывали многие корреспонденты и известные писатели — как отечественные, так и зарубежные. Именно поэтому сейчас можно восстановить его историю, фамилии первых переселенцев. Более того: нам дана возможность видеть их лица и детали быта на многочисленных фотографиях. В 1937 году в Соцгородке из произведенного на местном заводике кирпича были построены пять домов, на несколько квартир каждый, как писали газеты, *«для ударников мебельной фабрики»*. В одном из этих каменных домов моя бабушка прожила до самой смерти. Этот и еще один дом из пяти, построенных на улице Чкалова, сохранились по сей день, но, конечно, находятся в плачевном состоянии.

В статье В. Винокура с претенциозным названием «Вокруг нового города», перепечатанной затем в журнале «Найлебн», рассказывалось о том, что на склонах сопки, где железнодорожный мост по дороге, ведущей в Комсомольск, соединяет берега реки Тунгуски, расположены два двухэтажных жилых дома, мебельная фабрика, несколько кирпичных складов, еврейская средняя школа, здание клуба и детские ясли. *«Это один из видов советского Биро-Биджана — социалистический городок,*

пока безымянный, но растущий. Окружают его новые поселения — Даниловка, Ново-Волочаевка и колхоз «Икор».

У подножия сопки располагаются фундаменты нового здания мебельной фабрики, которая в будущем трудоустроит сотни рабочих и будет оборудована по последнему слову техники. Вся жизнь поселения вращается вокруг этого завода, на котором трудится большинство жителей. Он дает уже ощутимый выход продукции, которая доставляется не только в разные районы ЕАО, но и по советскому Дальнему Востоку, особенно в Хабаровск.

Хотя и маленький по размерам, «Икор» производит мебель современными методами. Детали мебели производятся конвейерным методом, применяется тщательное разделение труда, используются электрические деревообрабатывающие станки.

К 23 сентября фабрика выполнила свой полный годовой план, было взято обязательство выпустить мебели на дополнительные 156 тысяч рублей к концу года.

«Жители Соцгородка сами характеризуют новизну и мощь поселения. Они тоже новы — как для страны, так и для самого поселения, и их инициатива и преданность своей работе объясняют достигнутые успехи».

Аарон Пивник, например, лучший работник фабрики, стахановец и мастер инкрустации. Два года назад он приехал из Лондона (Англия). Илья Блехерман, мастер по шкафам на фабрике, приехал в СССР из Аргентины 5 лет назад. Аарон Яруский прибыл только 6 месяцев назад из Могилева-Подольского, но за короткое время пребывания здесь он установил всесоюзный рекорд в отрасли деревообработки. Также из газет известно, что к 1936 году *«мебельная фабрика «Икор» изготовляет мебель 13-ти названий. Продукция фабрики отличается высоким качеством и известна по всему Дальнему Востоку. Фабрика изготовила прекрасную мебель для Биробиджанского вокзала, делает по специальному заказу мебель для хабаровского Дома Красной Армии. В подарок Съезду Советов фабрика готовит выставку своей продукции миниатюрного размера»*. Бригада им. М. Горького (бригадир тов. Кантор) была названа одной из лучших в отрасли, она среди инициаторов повышения производительности труда. В 1936 году артель «Икор выполнила годовую программу на 126,8%.

ГЛАВА V

«Евреи в Биро-Биджане»

Отрывок из книги П. Новика

В конце 1936 года в Еврейской автономной области побывал Пол Новик, работник американского ИКОРа. Конечно, он не мог не посетить детище организации Соцгородок и колхоз «Икор». Он опубликовал несколько статей о своей поездке в журнале «Найлебн», а в 1937 году в Нью-Йорке вышла в свет его книга «Евреи в Биро-Биджане». В ней он рассказывает об увиденном, думаю, многое переосмысливает и делает выводы об удачах и ошибках своей организации в деле колонизации Биро-Биджана. Книга издана на языке идиш. Отрывки из нее без прикрас расскажут о состоянии дел в бывшей коммуне и подведут итоги 1936 года.

На полях «Икора»

В Волочаевке меня встретил молодой, энергичный агроном. Родом он из Свенцян (около Вильно), недолгое время жил во Франции, оттуда приехал в Еврейскую автономную область. Он рассказал мне хорошие новости о колхозе «Икор».

О том, что у колхоза «Икор» дела идут в гору, я уже знал. «Икор» удостоился быть упомянутым среди передовых колхозов области в исторических решениях ЦИК (Центрального исполнительного комитета СССР), которые были опубликованы 29 августа. Но здесь я получил полную информацию об «Икоре».

С большой помощью правительства колхозу удалось еще в прошлом году встать на ноги. Средняя семья в колхозе получила на свою долю свыше 2000 фунтов пшеницы, 7000 фунтов картофеля, другие — продукты и по 2 тысячи рублей деньгами.

От собственного хозяйства (огороды, коровы, птица, свиньи) колхозники получили для себя достаточно овощей, молока, мяса и другой продукции. Поэтому полученное от колхозного хозяйства продали и выручили деньги. В этом году было посеяно больше, чем

Поднимают целину в коммуне «Икор». Хоне Брейтерман
Областной краеведческий музей ЕАО.

в прошлом, и работа шла лучше. Однако нынешний год выдался необычайно дождливым, поэтому будет убрано меньше, чем в прошлом. Это создало трудности, которых в нынешнем году никто не ожидал, но колхоз уже достаточно окреп, и большого ущерба это ему не причинит. Он движется вперед с новыми большими планами.

Новый грузовой автомобиль машинно-тракторной станции (она находится в колхозе «Икор») быстро унес нас вперед. Дорога была сносная — «золото» по сравнению с тем, что здесь было раньше. Агроном говорил о прежних тяжелых временах, о миллионе рублей долга, который правительство списало (эти деньги колхоз был должен вместе с Соцгородком) и о другой помощи, которую оказывает правительство. Вот создали МТС. «Знаете, какое у нас правительство! — говорит агроном с большим энтузиазмом. — С таким правительством не пропадешь!»

Автомобиль въехал на новую улицу колхоза. Тут стоял десяток новых домов, построенных в прошлом году. Отдельный дом для каждой семьи, огород и сарай позади каждого дома. Запланировано построить 50 новых домов, так как остались еще живущие в бараках (со времен, когда «Икор» был коммуной вместе с соцгородком «Икор»). Они переедут в частные дома, с огородом и хозяйством для каждой семьи.

Мы встретили тов. Эдлина (он из Чикаго — Милуоки), кассира колхоза. Вместе с ним мы прошлись по полям. Там встретили председателя колхоза тов. Форера (из Аргентины) и еще одного «американца» — тов. Коваля (из Сью-Сити). Он был занят уборкой капусты. С 2 гектаров колхоз собрал урожай 60 тонн капусты. Это кроме той, которую колхозники собрали на своих огородах. Следующим мы встретили сына Коваля Шаю, превосходного тракториста.

Несмотря на то, что конец лета выдался дождливым и навредил урожаю картофеля и пшеницы, колхозники серьезно планируют строиться и расширяться. Кроме 50 домов здесь хотят построить собственную мельницу, которая будет обслуживать также соседей колхоза и станет источником дохода для икоровцев. Планируют построить конюшню, коровник, свинарник. В колхозе сейчас 30 лошадей, 90 коров и 200 свиней, это не считая поголовья, которое имеется в собственных подворьях. Расширяется площадь посевных

площадей. Предназначенные под них участки леса уже выкорчеваны, часть земли уже распахана.

Колхоз подготовился к большому празднику — получению акта на вечное владение землей площадью 3600 гектаров. 2000 из них уже хорошо обработаны. Но здесь встает вопрос — люди. Даже для выполнения скромного плана удвоить посевную площадь с 200 га этого года до 400 га в следующем году нужны люди. 28 семей, имеющихся в колхозе, явно недостаточно. Они и сейчас едва справляются. Требуются люди, требуются в целом более крупные колхозы, чтобы увеличить культурные возможности.

В колхозе есть 4-х классная школа (разумеется, еврейская), добротные ясли для малышей. Но еще нет клуба. В тот вечер, когда я был там, фильм показывали в красном уголке. Чтобы продолжить обучение в пятом и шестом классах, старшие дети должны ходить в школу в Соцгородок. Благодаря нынешним планам по укреплению сельского хозяйства в области в колхоз «Икор» прибудут новые переселенцы. Особенно нужны такие переселенцы, которые могут и хотят много работать.

Понятно, что в разговорах со «старожилами» колхоза, особенно с упомянутыми «заграничниками» (также и с тов. Ханефтом, который приехал из Германии), мы затронули тот период, когда здесь и в Соцгородке было много «американцев» и когда тот и другой пункты были объединены в коммуну. Об американских переселенцах мы поговорим отдельно, когда речь пойдет о Соцгородке, в который наш американский ИКОР вложил так много сил. Но в контексте коммуны мы должны сказать: пусть эти идиоты, которые хотят реализовать в Советском Союзе не социалистический лозунг «от каждого по способностям, каждому по его труду», а коммунистический «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям», извлекут урок из опыта колхоза «Икор». Наш «американец» тов. Эдлин этот урок усвоил. Поначалу он считал иначе, думал, что должна быть коммуна. Коммунизм, значит. Каждый получает то, что ему нужно, а работает столько, сколько может. «Но я все ясней осознавал, что для коммунизма должен быть коммунистический человек, — объясняет тов. Эдлин. — А человек, который имеет капиталистические привычки, не может строить коммуну. Когда нужно взять — все готовы. Но когда надо поработать, это уже другое дело.

Шая Коваль в «Икоре» (крайний справа). Из архива семьи Коваль

Все пришло в упадок. И когда я сейчас вижу, как растет колхоз, как растет благосостояние каждого, взгляды мои изменились. Награда должна соответствовать отработанным дням».

Разумеется, дело не только в привычке, в желании работать. Речь также о том, что для коммунистического распределения должны быть очень развитая техника, продуктивная работа, высокий культурный уровень. Тогда работа будет легче и приятней, но такая форма хозяйства, как коммуна, не может существовать. «Икор» получил урок, как и тысячи других коммун в стране, и он за этот урок дорого заплатил.

Правительство аннулировало все долги времен коммуны, и началась новая жизнь колхоза «Икор», где действует правило: кто работает, тот ест. Тот, кто работает, тот сытно живет (хотя до комфортной жизни еще далеко).

Прощался я с колхозниками, стоя у дома тов. Коваля. Здесь живет он, здесь живет его сын с молодой женой и новорожденным ребенком. «Есть у тебя «нахес» от ребенка? — спрашиваю старшего Коваля. «У нас есть еще «нахес», — отвечает он. — Еще два сына учатся в Менделеевском институте в Москве, они хотят быть химиками».

В этот момент я думал о далеком Сью-Сити в Америке. Лавочник, который держится на плаву, не имеет в доме такую отличную мебель, как тов. Коваль. Этому лавочнику недозволительно почувствовать вкус беззаботного завтрашнего дня и уверенность за будущее своих детей. Но это чувство знакомо честному труженику советского колхоза. Товарищ Коваль — такой тип труженика. Вот почему его все уважают. Вот почему он член пленума Советов в Смидовичском районе.

Американцы в Биро-Биджане

Мы начинаем рассказ о Соцгородке «Икор», куда были направлены в 1932 году переселенцы из Америки. В полутора часах езды от колхоза «Икор» находится сопка, где и обосновались строители социалистического городка «Икор». Это место необычайно красивое. У подножья сопки со всех сторон великолепная панорама, лесной массив и равнина. Реки Тунгуска и Амур и голубые горы на другой стороне Амура (обе стороны Амура теперь советские). Тунгуска обладает большими рыбными сокровищами, по ней осуществляется лесосплав, по ней можно доставлять продукцию через Амур в Хабаровск. Ночью видны его огни, хотя город находится в 30 километрах от этого места.

Дорога из колхоза сюда еще местами заболочена, и лошаденка не может вытянуть, часть дороги идем пешком.

Перед въездом в Соцгородок нам встретилась грузовая машина местной мебельной фабрики. Автомобиль не спеша двигался по дороге со станции Волочаевка. Мебельная фабрика — единственный источник дохода примерно 75 семей, которые живут в двухэтажных домах, что расположились на сопке и видны на много километров вокруг. Настроение улучшается. Это чувствуется по мере того, как мы поднимаемся на сопку. Мебельная фабрика «Икор», которая раньше никогда не выполняла план, возникла среди первых предприятий Еврейской автономной области. Нынче годовой план выполнили к началу сентября. Следовательно, работать стали лучше (благодаря тому, что лучше стали использовать машины), себестоимость продукции стала дешевле. И если в этом году фабрика ставила перед собой план полмиллиона рублей, то в 1937 году она рассчитывает произвести продукцию на 2,5 миллиона рублей. Рабочие зарабатывают очень хорошо. В среднем 650 рублей в месяц. Они владеют также собственным хозяйством (огороды, коровы, птица, свиньи). Так что можно жить.

Есть клуб, шестилетняя школа, ясли. В отношении культурной работы здесь не очень хорошо. Рабочим нужны инструменты для поселкового оркестра и пианино для клуба, хороший экран для показа фильмов. Приехавшие из штетлов Украины и Белоруссии переселенцы не знают «хитростей» выращивания цветов, не разбивают

клумбы. Хотя красивый ландшафт здесь напрашивается на это сам, буквально кричит об этом.

Это еще в будущем, но местная администрация должна уделять этому больше внимания (и не только этому). Но в целом дела на фабрике идут хорошо, люди сыты.

Кроме двух больших домов, построенных для коммуны «Соцгородок», здесь должны были возвести еще пять, а также электростанцию и т. д. Об этих больших планах сегодня напоминают только фундаменты, которые здесь успели заложить под эти постройки. Я упомянул об этом не просто так, а для того, чтобы можно было понять, какие планы были у американцев в 1932 году, а еще для того, чтобы из их опыта можно было извлечь урок. Мне кажется, что в этом плане Соцгородок — единственное поселение с таким особенным хозяйством, которое позволило себе полностью отделится от окружающих хозяйств, — напоминает чем-то утопизм времен коммунистических колоний в Америке. Разумеется, со значительным отличием: в Америке или других странах «коммунистические» колонии окружены капитализмом, капиталистическим рынком с их грабительскими порядками, а Соцгородок был создан в стране рабочих, он получал большую помощь от государства, сотни тысяч рублей. Но Соцгородок (и любой тип коммуны) пытался перескочить некоторые стадии развития, пытался себя исключить, выделить из общего хозяйства. Отсюда и неудача. Нельзя создать хозяйственный «островок», нужно идти вперед со всей страной. Понятно, что машины, отправленные в Соцгородок, раньше или позже попали в Еврейскую область. Но энергия, направленная на Соцгородок, была потрачена напрасно.

Разумеется, это не могло воодушевлять переселенцев из Америки и Аргентины, которые приехали сюда в 1932 году. Тех, у кого не клеилась работа. Тех, кто на утопической основе создавал коммуну (объединив в одну большую коммуну Соцгородок, колхоз «Икор» и украинскую коммуну, где все общее). Все это не могло создать хорошие условия для живущих здесь «американцев» и «аргентинцев». Вместе с тем я не хочу оправдывать тот факт, что «американцы» уехали. Огромную роль здесь сыграли и другие причины. Уехали те, кто не представлял тягот труда первостроителей. Большинство из них не было к этому готово.

Доказательством тому являются «американцы», которые хоть

и не остались в Соцгородке, но остались в стране. И многие из них — в Еврейской автономной области, и проявили себя как хорошие рабочие. Среди «аргентинцев» такого труженика — закаленного, какие и должны быть в этой новой стране — представляет лучший работник Соцгородка Блехерман (родился и вырос в Бресте). Когда все уезжали из Соцгородка, он остался один и не пропал. Когда я уже возвращался на поезд, он сказал мне с улыбкой: «Целые горы трудностей мы преодолели». Сказал с радостью, с удовольствием. Доказательством также являются те «американцы», которые остались в Еврейской автономной области, и многие из них занимают видные места. Я уже упоминал товарищей Коваля и Эдлина из колхоза «Икор», в районном центре Бира живут товарищи И. и Зельда Гуровичи, местные активисты в сфере образования (в Нью-Йорке работали в школе «Киндерланд»), они определенно процветают. В городе Биробиджане я встретил тов. Лаудер из Чикаго. Он работает в финансовом отделе области. Один из важных людей в ЕАО — тов. Реувен Штейн, бывший работник сферы питания в Нью-Йорке. Он прибыл сюда, засучив рукава, готовый к трудной работе. С 1934 года он директор кирпичного завода в Биробиджане. Среди студентов горно-металлургического техникума я встретил бывшего нью-йоркского рабочего (Суарез), который проявил себя лучшим при строительстве техникума. Его товарищ, бывший работник мебельной фабрики Нью-Йорка работает на мебельной фабрике им. Димитрова в Биробиджане. В отделе образования исполкома области я встретил «американца» Розина, остались гражданами Биро-Биджана прибывшие из Америки тов. Курц, Рубин, товарищи Адлер, Цвиклин, Вейнер и другие, чьи имена я выпустил из списка…

Вывод. Разумеется, переселение из Америки в Биро-Биджан себя не оправдало — из-за эксперимента с Соцгородком, а еще больше из-за неосмотрительности в отборе переселенцев, если вообще был какой-то отбор. В план переселения сюда евреев из-за рубежа Америка не входит. Это, возможно, не исключает определенного (хотя и небольшого) количества подходящих элементов, в основном строительных рабочих. Но это уже вопрос, который требует организационного рассмотрения и подготовки.

Еврейская автономная область
Конец сентября 1936 года

ГЛАВА VI

Вписаны в Книгу Памяти

Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!

Искореним врагов народа — троцкистско-бухарских шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок! Смерть изменникам Родины!

Разоблачим до конца всех и всяких двурушников! Превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма!

Из лозунгов ЦК ВКП(б) к двадцатой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

«Икор» и Соцгородок вставали на ноги, развивались, принимали новых переселенцев. В Соцгородке к 1937 году было запланировано открытие средней школы на 280 мест. Но этим грандиозным мечтам так и не суждено было осуществиться.

В 1937 году начались репрессии, начали исчезать люди. Забрали Солодовникова, Аарона Шнура, учителя Вайсера. Сейчас в районную Книгу Памяти вписаны несколько имен репрессированных из коммуны «Икор — Соцгородок», но далеко не все. Несмотря на то, что многие к тому времени успели уехать, им тоже не удалось избежать этой участи.

Вайсер Израиль Вольфович, 1911, урожен. г. Черткова, еврей. Школьный учитель. Арест. 20.11.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 30.12.1937 постановлением НКВД СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 02.07.1937 ВТ ДВО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-83237.

Лангман Иуда (Иуде) Борохович (Барухович), 1905, урожен. г. Варшавы, Польша, еврей. Зав. складом мебельной фабрики «Икор». Арест. 11.11.1937 УНКВД по ДВК. Осужд. 30.12.1937 Особым совещанием при НКВД СССР к ВМН. Расстрелян 21.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 28.05.1957 ВК ВС СССР за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-80716.

Пимштейн Исаак Давидович (Поляк Хаим Мордкович), 1910, урожен. г. Чахановича, Польша, еврей. Рабочий мебельной фабрики «Икор». Арест. 20.09.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 30.12.1937 тройкой при УНКВД по ДВК по ст. 58-6 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 24.05.1989 Военной прокуратурой ДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989. Архивное дело П-96803.

Форер Иосиф Исаакович, 1905, урожен. с. Сосновка, Польша, еврей. Председатель колхоза «Икор». Арест. 20.11.1937 УНКВД по ЕАО. Осужд. 04.01.1938 особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Умер в лагере. Реабилитирован 25.05.1957 облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-92078.

Давыдович Ефим Викторович, 1886, урожен. Гродненской губ., русский. Столяр фабрики «Икор». Арест. 05.07.1938 УНКВД по ЕАО по ст. 58-1а УК РСФСР. 20.05.1939 уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-84430.

В связи с Давыдовичем любопытна докладная, отправленная и. о. прокурора Смидовичского района Шинкаревым прокурору Еврейской автономной области Рабкину: *«По животноводству пало по району за 1938 год 5 лошадей и 5 коров. Мною привлечены*

по статье 79-3 и 79-4 бывший председатель колхоза Давыдович, колхоз «Икор». Дело нарсуд не рассмотрел, поскольку Давыдович арестован органами НКВД по другому делу».

По чьему-то доносу был арестован отец многодетной семьи **Макаров Николай Андреевич**, 1899, урожен. с. Платоно-Александровск Приморской обл., русский. Рабочий мебельной фабрики. Арест. 31.12.1937 УНКВД по ДВК. Осужд. 15.04.1938 тройкой при УНКВД по ДВК по ст. 58-1а-8-11 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 11.05.1938 в Хабаровске. Реабилитирован 26.12.1958 ВТ ДВО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-81672.

Шлейзенгер Игнац Александрович, 1908, урожен. Германии, еврей. Шофер фабрики «Икор». Арест. 13.02.1938 Смидовичским РО УНКВД по ЕАО. Осужд. 18.06.1938 постановлением НКВД СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 13.09.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 28.09.1989 Военной прокуратурой ДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989. Архивное дело П-95088.

На имени этого человека мне хотелось бы остановиться.

В № 23 журнала «Трибуна» за 1932 год было опубликовано письмо от руководителя гамбургской группы переселенцев за странной подписью Цанги Шлейзенгер. Здесь возникает вопрос: это два разных человека, имеющих отношение к Соцгородку, или же Шлейзенгера в поселке звали Цанги, считая имя его фамилией. Когда я пыталась узнать имя Цанги у своего отца, вспомнить его он не мог. Путаница и в написании окончания имени — Цанги, Цанге, Цанга. Как правильно — неясно. Еще в большее недоумения я пришла, когда прочитала непривычное нашему уху имя Игнац справа налево. Получилось Цанги. Прихожу к выводу, что написание Игнац получилось в результате ошибки перевода, кто-то прочитал имя

«по-русски» — слева направо, и репрессированный Шлейзенгер — это и есть тот самый Цанги, которого любили и помнили все жители Соцгородка.

Отрывок из того письма Цанги Шлейзенгера я намеренно привожу в этой части воспоминаний. Оно еще раз дает нам понять, для чего эти люди приехали в Биро-Биджан и что получили взамен: *«26 июня мы пересекли советскую границу, проехав под большой аркой, над которой висел плакат с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».*

Все стояли у окон или открытых дверей и пели «Интернационал».

Я могу вам только сказать, что это произвело на меня огромное впечатление. Я едва мог дышать, у меня стояли в глазах слезы, я не мог вымолвить ни слова. Когда вскоре после этого в поезд вошли красноармейцы, мы могли их приветствовать лишь крепким рукопожатием.

Всю дорогу мы приветствовали рабочих и крестьян возгласами и песнями...

В поезде нас встретила рабочая бригада с оркестром. Представитель ОЗЕТа произнес приветственную речь. Потом нас приветствовала по-русски работница; нам перевели то, что она говорила...»

Историю семьи Цанги продолжили мои родители, да и многие из старожилов помнили эту смешанную еврейско-немецкую семью. Жена Цанги Туня, оставшись без мужа, единственная из женщин поселка работала в механическом цехе на долбежном станке. С началом войны забрали и ее. Сына Вальде приютили то ли корейцы, то ли нанайцы. В поселок никто из них уже не вернулся.

Были арестованы бывшие икоровцы **М. Гольдштейн, Х. Ханефт, И. Пейсахович, М. Школьник, М. Шлафит, И. Сухой.**

Пейсахович Шия (Исаак) Хаймович родился в 1903 году; Польша; еврей; портной. Проживал: ЕАО, г. Биробиджан, ДВК; арестован 25 июля 1938 года; Приговорен: ОУ НКВД ЕАО по ДВК 19 декабря 1938 года. Приговор: дело прекращено за недоказанностью обвинения. Книга памяти Хабаровского края.

Шлафит Моисей Аронович (1907), кассир автотранспортной конторы. ЕАО., г. Биробиджан, Место рождения: Бессарабская обл., арестован 9 февраля 1938 г., осужден по статье: 58, п. 10 УК РСФСР 18 июля 1938 г. ОС при НКВД СССР, Приговор: ВМН. Дата расстрела: 10 августа 1938 г., Хабаровск. Реабилитирован 6 февраля 1959 г. по определению Военного Трибунала ДВО за отсутствием состава преступления. Архивное дело: П-81700, источник данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Хабаровского края.

Школьник Михаил Давидович 1900 г. р., урожен. г. Екатеринослава, еврей. Председатель Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся. Место жительства: Биробиджан. Арест. 02.06.1938 УНКВД по ЕАО по ст. 58-1а-7-11 УК РСФСР. 27.10.1939 уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован. Архивное дело П-84707. Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Хабаровского края.

Из воспоминаний Ильи Исааковича Блехермана: *«Аарона Шнура, его жену Рейзл и троих детей выслали в Сибирь, а в Сибири сын их познакомился с девочкой из семьи, высланной из Риги. Он женился на этой девочке. Мы всегда, когда ехали в Ригу, заезжали к Рейзл… Сухой был пожилой, старше нас намного. Он жил в Аргентине много лет, был руководителем профессиональных союзов. Его выпустили. Я говорю: «Хавер Сухой, как?» Он отвечает: «Илья, я тебе ничего не скажу, мне сказали, чтобы я ничего не говорил, чтобы стал немым. Немым я не стал, но я тебе вот что*

скажу: я пережил от охранки очень много. Я был в охранке в Аргентине, но все они должны приехать к нам и научиться, как мучить людей. Больше я тебе ничего не скажу».

Дела в Соцгородке пошли на спад, несмотря на то, что в эксплуатацию был введен новый сборочный цех, установлена лесопильная рама. Годовой производственный план 1939 года артель выполнила на 88,3%, недодав потребителю на несколько тысяч рублей мебельных изделий. Много нареканий было к качеству выпускаемой продукции.

В газете «Биробиджанская звезда» от 17 ноября 1940 г. была опубликована заметка, ее автор, председатель артели Д. Плоткин, утверждал, что *«мебельная артель им. Чкалова — одно из крупнейших предприятий лесопромысловой кооперации области — значительно улучшила свою работу. Производственная программа за 10 месяцев выполнена на 100,2%. Значительно улучшилось качество продукции»*. По мнению председателя, способствовал этому Указ Верховного Совета об ответственности за качество выпускаемой продукции. В заметке автор называл имена стахановцев — Клейман, Соловьев, Васин, Беляев, Блинков, которые *«систематически выполняют новые нормы от 140 до 180%, выпуская продукцию высокого качества»*. Похоже, стараясь отвести от себя всяческие обвинения, он также указывал, что люди хотели бы и могли работать еще лучше, но вот облпромсоюз недостаточно помогает, задерживаются поставки сырья, фанеры и пиломатериалов. Тогда же был снят с работы заведующий производством Лев Русинский, пытавшийся сократить ассортимент проблемных изделий. Снятие с должности можно было считать наименьшим злом, грозившим провинившемуся. Согласно упомянутому приказу, выпуск недоброкачественной продукции грозил судом и немалым сроком — от 5 до 8 лет. И люди, пережившие 1937–1938 гг., понимали, что это не пустые угрозы.

ГЛАВА VII

Успехи «Икора». Стали культурными и зажиточными

С большим трудом сельскохозяйственной коммуне, превратившейся в колхоз, удалось восстановить хозяйство, переломить тенденцию отъезда людей и постепенно вернуть себе былую славу. Вновь на страницах печати замелькали имена передовиков-икоровцев. Председатель передового колхоза «Икор» И. Форер был приглашен на совещание с руководителями Дальневосточного края. Девятый номер журнала «Трибуна» за 1936 год перепечатывает из краевой газеты «Тихоокеанская звезда» большую статью «Два передовых еврейских колхоза» Д. Маневича, в которой рассказывается о председателе и о других колхозниках: *«До последнего времени колхоз «Икор» был в долгу перед государством. Теперь же он не только ликвидировал полностью свою задолженность, но даже сумел дать своему соседу — колхозу «Сталинер руф» — семена пшеницы и овса для весеннего сева.*

Для новых переселенцев строится 20 домов. Предполагается также в текущем году механизировать молочную ферму, она будет оборудована автоматическими поилками и насосами. В колхозе «Икор» 28 семейств. Все колхозники уже начинают пожинать плоды своего труда, они стали на путь зажиточной жизни. Бывшие местечковые обыватели, в большинстве — мелкие ремесленники, теперь примерные мастера колхозных полей, хорошие животноводы.

Вот заведующий молочной фермой и бригадир — тов. Ротберг. За прошлый год он выработал 800 трудодней и получил около 100 пудов хлеба, 4 тонны картофеля, одну тонну овощей — помидоры, огурцы и пр. и 2500 рублей деньгами. Со своего огорода Ротберг собрал две тонны картофеля и других овощей. У него — хорошая квартира, поросята, корова, птица».

И далее: *«Колхоз «Икор» имеет и своих отличных трактористов. Лучший тракторист тов. Каплан за бережное отношение к трактору и экономию горючего был дважды премирован…*

Есть отличницы и среди колхозниц. У телятницы Брони Полевой не было ни одного случая падежа молодняка. Она была три раза премирована, а к 8 марта правление колхоза наградило ее шелковым платьем».

Через год прославленный председатель будет арестован, с именами других героев статьи мы встретимся чуть позже.

В фондах Госархива ЕАО хранится немало материалов, рассказывающих о подготовке и участии колхозников области в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Путь в Москву оказался долог и тернист, а история открытия выставки довольно непроста. Решение о ее строительстве было принято на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 году. Ее открытие было запланировано на 1 августа 1937 года — к 20-летию советской власти. Построить павильон к назначенному сроку не удалось, был назначен новый — 1 августа 1938 года, но это тоже оказалось невозможным, и открытие было отсрочено еще на год. В рекордно короткий срок (всего за 7 месяцев) было выполнено вдвое больше работ по строительству, чем за 1936–1937 годы. Причины такой авральной работы вполне объяснимы. Наконец, 1 августа 1939 года Всесоюзная сельскохозяйственная выставка была торжественно открыта.

На церемонии присутствовало 10 тысяч человек, включая видных деятелей партии и правительства. Не было ни одного центрального издания, обошедшего стороной это событие — свидетельство мощи и величия советской власти.

29 мая 1939 года «Тихоокеанская звезда» писала: *«Павильон Дальнего Востока, перестраивающийся сейчас по новому проекту архитектора Жукова, внешним своим видом напоминает крепость. Цоколь здания отделывается гранитом и сталью. Возле бассейна у здания устанавливается большая скульптура пограничника работы скульптора Баландина. На фасаде слова тов. Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Перед павильоном открытый участок, озелененный дальневосточной*

флорой: аянская ель, пихта, лиственница, кедр, аралия. Богатейшие и разнообразнейшие достижения колхозов и совхозов Дальнего Востока будут показаны в павильоне под лозунгом обороны Дальневосточных рубежей нашей Родины». Не только архитектура несла в себе эту идею. «В зале Еврейской автономной области посетители увидят скульптуру сторожа Амурзетской МТС тов. Гитермана, задерживающего шпионов-диверсантов». Но главное назначение зала — показать «возрождение народа, приобщение к сельскому хозяйству трудящихся евреев, влачивших при царизме жалкое, полуголодное существование в местечках черты оседлости».

Все это время — с 1935 по 1939 год — в области шла подготовка к участию в выставке. Выставочной комиссией и выставочным комитетом, председателем которого был избран заместитель председателя облисполкома А. П. Хабинский, ответственным секретарем — профессор Борис Львович Брук, была проделана огромная работа. Чтобы показать перспективы развития ЕАО и зажиточность переселенцев, в качестве экспонатов были представлены бюджеты передовиков-колхозников, среди них — свиновода колхоза «Икор» Иосифа Ицковича Абрамского и заведующего молочно-товарной фермой «Икора» Иссака Моисеевича Ротберга. Профессору Борису Львовичу Бруку пришлось немало потрудиться, составляя описания к экспонатам «зажиточная жизнь колхозника». В них прослеживались любые мелочи в жизни и хозяйстве переселенцев, начиная от автобиографии, места работы в колхозе, общественной и личной нагрузки, перечисления выписываемых газет и прочитанных книг и заканчивая поголовьем животных, выращиваемыми в подсобном хозяйстве культурами и затратами на покупку любой хозяйственной мелочи. Но главное было показать, что *«благодаря национальной политике партии и правительства», евреи нищих местечек, никогда не работавшие на земле, стали «культурными и зажиточными».*

Невозможно привести здесь все документы, составленные Б. Л. Бруком (Госархив ЕАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 14). Заглянем только в некоторые из них.

БЮДЖЕТНОЕ ОПИСАНИЕ ХОЗЯЙСТВА
колхозника АБРАМСКОГО И. И.
колхоза «Икор» Смидовичского района за 1937 год.

1. Общие сведения

1. Фамилия, имя и отчество колхозника — Абрамский Иосиф Ицкович.

2. Возраст — 40 лет. Год прибытия в колхоз — 1933 (июль).

4. Состав семьи: а) жена Фейга Срульевна, возраст — 39 лет, б) дети: Лея, возраст — 14 лет, Сроэл — 12 лет, Таня — 8 лет.

5. Прежнее занятие главы семьи — портной (латутник).

6. Какую работу выполняет в колхозе — свинарь.

Содержание:

1. Семья Абрамских. 2. Работа в колхозе. 3. Как добился Абрамский своих успехов в колхозном животноводстве. 4. Личное хозяйство. 5. Затраты труда. 6. Доходы за 1937 год. 7. Выполнение гособязательств. 8. Товарность продукции. 9. Денежный оборот. 10. Зажиточная и культурная жизнь.

Источники: бюджетное описание, характеристика ферм колх. «Икор», автобиография Абрамских и проч. материалы областной выставки.

Иосиф Ицкович Абрамский родился в 1898 году в Умани в семье портного. С 13 лет портняжил с отцом, остался малограмотным. Служил в Красной армии до конца Гражданской войны. После этого до 1932 года портняжил по селам. В 1933 году приехал с семьей в Евр. авт. область (тогда в Биро-Биджанский район), поступил в колхоз «Икор». Первый год работал пастухом крупного рогатого скота, а с 1934 г. — заведующий СТФ, он же единственный работник этой фермы.

Жена его Фейга Срульевна Абрамская, работает все время в колхозе дояркой. До вступления в колхоз была домашней кухаркой, а в более ранний период служила домашней работницей.

У них трое детей: 2 дочери — 14 и 8 лет и сын, мальчик 12 л. Все учатся в школе-семилетке в «Икоре».

Фейга Абрамская, доярка колхоза «Икор».
Областной краеведческий музей ЕАО

Я прерываю описание Брука и привожу автобиографию Ф. С. Абрамской, хотя она, скорей всего, ввиду неграмотности Фейги, составлена тоже им.

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Доярки колхоза «Икор» тов. Абрамской Фейги Срульевны

Родилась в 1899 году в гор. Тальное в семье грузчика. Жизнь была очень тяжелая. С 12-ти лет я ушла работать на полевые работы к помещице Долгоруковой. Работала с восхода до захода солнца, зарабатывая в день по 20–25 копеек.

Была домработницей, часто работала только за харчи. В школе так и не имела счастья учиться, по сей день осталась неграмотной.

Ожила я лишь при советской власти, особенно когда стала колхозницей.

Ежегодно вырабатываю 400–500 трудодней, имею корову, 5 свиней, в том числе одну свиноматку.

Дояркой работаю 3 года. До приезда в область я боялась коровы, а теперь вполне овладела техникой дойки.

Верно: Абрамская

2.

Муж и жена Абрамские, несмотря на незнакомство с сельским хозяйством до вступления в колхоз, овладели техникой своего дела и добились высоких производственных показателей.

Правление колхоза характеризует работу Иосифа Абрамского следующим образом: «За все время работы в колхозе не имел взысканий, работал честно и добросовестно, активно участвовал в общественной жизни колхоза, являясь застрельщиком в выполнении хозполиткампаний. Является сознательным борцом за счастливую колхозную жизнь. Много раз премирован колхозом за ударную работу.

Также и Фейга Срульевна к работе относится добросовестно и честно, перевыполняя планы удоя молока от закрепленных за ней коров».

Б. Л. Брук пишет о том, что первоначально И. Абрамский был назначен пастухом, благодаря внимательному отношению к животным ему удалось значительно поднять удой стада. После этого ему поручили свиноферму, которая была в запущенном состоянии. Он собственноручно перемыл свиней, прибрал свинарник, разработал свою систему, регулирующую опорос и обеспечивающую лучшую сохранность приплода. В документах указано, что если в 1936 году на ферме было 15 поросят, то в 1937-м — уже 73, а средний вес вырос от 104 до 168 кг. Если при этом вспомнить, что *«заведующий СТФ, он же единственный работник этой фермы»*, то его достижения действительно впечатляют.

Документы, подобные приведенным, были заполнены на личное хозяйство члена правления колхоза Исаака Моисеевича Ротберга, заведующего молочно-товарной фермой, а попросту —

Лея (Лиза) Абрамская.
Областной краеведческий музей ЕАО

колхозным коровником. В колхоз он вошел с первого дня его создания, приехав в 1931 г. из Харькова, где имел двух лошадей и, как говорится в бланке подворного исследования, был транспортником, а жена портнихой. Так же подробно исследовались хозяйства других участников выставки: скотника Арна Бурнштейна, жена которого, передовая доярка, участвовала в работе областного совещания колхозников-стахановцев; тракториста Шлифина, редактирующего стенную газету; полеводов Варновицкого и Шнура; матери и дочери Полевых, соответственно, полевода и телятницы, участницы областного съезда Советов; плотника Абрама Коваля, члена правления колхоза и Пленума Смидовичского райсполкома.

Мне в этих документах особенно интересно было читать ответы на вопрос: *«Как изменились условия жизни и быт колхозника*

по сравнению с местом выхода?». Понятно, что постановка вопроса была призвана показать преимущества колхозной жизни в Еврейской автономной области. Но, несмотря на то, что на дворе стоял 1938 год, ответы не однозначны. Бурнштейн, например, проживающий в новом доме размером 8х6, имеющий хлев для коровы и еще один для свиней, тем не менее пишет: *«В Саратове меньше работал, лучше одевался, больше отдыхал»*. Есть и еще подобные ответы, указывающие на то, что работы много, а доход при этом маленький, нет времени для отдыха, нет страховки на случай болезни и даже из уст Поляковой прямолинейное *«почестей имею много, но что от них толку, если кушать нечего»*. Абрам Коваль дипломатично уклоняется от сравнения: *«Америка забыта и не стоит о ней говорить»*, ему вторит Шлифин: *«Трудно сравнивать Румынию и СССР»*. Но в итоге все делают выводы: здесь спокойнее, не надо думать о завтрашнем дне, работа нас не пугает, привыкли.

4 апреля 1939 года Президиум областного исполнительного комитета ЕАО принял постановление об утверждении кандидатов на ВСХВ по Смидовичскому району. Колхозов два: «Дальневосточный колхозник» и «Икор», оба Даниловского сельсовета. Соседи, в скором будущем объединенные в одно хозяйство. В документе (Госархив ЕАО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 116.) приводятся показатели: гектары и центнеры, надои, но это мало что говорит непосвященным, а вот фамилии колхозников на слуху у всей округи, поэтому я привожу их все.

«Дальневосточный колхозник»: Костял Григорий Васильевич — председатель колхоза, лучший в области руководитель колхоза, выполнившего все обязательства перед государством, добившийся права участия колхоза на ВСХВ по картофелю, животноводству и овощеводству; Зосич Фаддей Григорьевич — бригадир овощеводов; Синельникова Фекла Евдокимовна — телятница; Потапова Серафима Васильевна — скотница-доярка; Малых Степан Кириллович — тракторист Волочаевской МТС; Бугеря Даниил Ионович — тракторист Волочаевской МТС; Потапов Петр Михайлович – зав. молочно-товарной фермой; Титерина Надежда Васильевна — скотница-доярка; Одородько Степан Емельянович — скотник-пастух.

Колхоз «Икор»: Абрамский Иосиф Ицкович — лучший свинарь в районе; Абрамская Фейга Срульевна — скотница-доярка;

Арн Бурунштейн пастух Икора. 1935г.
Областной краеведческий музей ЕАО

Цимберг Ципора Ушеровна — телятница; Ротберг Исаак Моисеевич — заведующий молочно-товарной фермой; Прилуцкий Исаак Меерович — кузнец; Кнопп Моисей Хаимович — бригадир овощеводов; Брейтерман Хая Моисеевна — звеньевая по овощам.

А кроме того — еще два делегата, тесно связанных с этими колхозами: Тлустенко Михаил Ефимович — ветфельшер Даниловского участка Смидовичского района и Брославский Лев Хаимович — старший агроном Волочаевской МТС.

1 июня 1939 г. Хабаровский краевой выставочный комитет утвердил кандидатов на ВСХВ (всего 84 передовика производства) от края. Успех выставки был так велик, что решили продлить ее работу и сделать постоянной. В 1940 году она действовала 5 месяцев, в 1941-м — только один месяц, в связи с началом войны.

Маня Бурунштейн.
Областной краеведческий музей ЕАО

Семья Абрамских, как и многие другие икоровцы, не была обделена вниманием прессы — как областной и краевой, так и центральной. Краевая газета «Тихоокеанская звезда» упоминала, что Иосиф Ицкович был приглашен поделиться опытом своей работы на первое краевое совещание по животноводству, состоявшееся 13 июня

1939 года, в одном из июньских номеров нашелся портрет знатной доярки Фейги Абрамской. В декабре эта же газета публикует заметку под заголовком «Хозяева своей жизни»: *«Вчера в дальневосточном павильоне сельхозвыставки участники от Еврейской автономной области случайно встретились с группой евреев из Палестины. Экскурсанты стали задавать вопросы, они хотели узнать, насколько правильно все то, что рассказывал о Биробиджане экскурсовод. Объяснения стал давать колхозник Иосиф Абрамский. Он рассказывал об области, о своей работе зав. скотоводческой фермой колхоза им. 18 партсъезда ВКП(б). Колхозника Абрамского слушали с большим интересом. На лицах живое удивление, восторг. Об этом говорят красноречивые записи отзывов гостей павильона. Вот они: «С большой радостью смотрел выставку Еврейской автономной области. Это проявление национальной политики положило конец неравенству. Еврейские колхозники не отстают от колхозников русских. Да здравствует Еврейская автономная область! Экскурсант»*. Здесь же упоминались другие «бывшие люди воздуха», овладевшие новыми профессиями: тракторист колхоза им. 18 партсъезда Самуил Бродский, кустарь-кузнец Прилуцкий, ставший тракторным бригадиром того же колхоза и участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Исаак Сухой, шапочник из Аргентины, а сейчас тракторист-комбайнер.

В новогоднем номере газеты «Биробиджанская звезда» (от 1 января 1940 г.) было объявлено о награждении и премировании участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки по Еврейской автономной области: *«За выдающиеся успехи в сельском хозяйстве и перевыполнение показателей, установленных для участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Главный Выставочный Комитет постановил присудить: диплом 1-й степени, премию в 10 000 рублей и легковую автомашину свиноводческой товарной ферме колхоза им. 18 партсъезда Смидовичского района, получившей в среднем за 1937–1938 гг. по 17,8 поросенка на свиноматку»*.

18 января 1940 года открылось областное совещание стахановцев сельского хозяйства. В президиуме среди знатных людей колхозов

и совхозов — участники сельскохозяйственной выставки Абрамский, Костял, они же среди выступающих. Ротберг рассказал совещанию: *«Когда я в 1933 году приступил к своей работе, на нашей ферме было всего 22 коровы, из них лишь две дойные. Теперь же у нас 127 голов скота — все они выращены нашими же колхозниками, ни одной головы скота мы за 7 лет не прикупили. Непрерывно росла доходность колхозного животноводства. В 1935 году ферма дала 5 тысяч рублей дохода, в 1936-м — 19 тысяч, в 1937-м — 46 тысяч, в 1938 году — 63 тысячи, в 1939 году — 112 тысяч рублей. При этом следует иметь в виду, что мы продаем на рынке молоко дешевле, чем все остальные колхозы — по полтора рубля за литр. Больше половины дохода на трудодни наш колхоз выдает из денег, вырученных от животноводства»* («Биробиджанская звезда», 20 января 1940 г.).

Секреты своих успехов открыл Иосиф Абрамский: *«Дождь — не дождь, мороз — не мороз, я на ферме, около свиней. Прислушиваюсь к советам ветеринарного фельдшера, почитываю литературу и стараюсь применить на практике лучшие методы выращивания свиней»*. Совещание приняло обращение ко всем работникам сельского хозяйства с призывом образцово подготовиться к весеннему севу и к следующей выставке. Комиссия Главвыставкома утвердила для развернутого показа на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года колхозы «Валдгейм» и «Дальневосточный колхозник», свинофермы колхоза им. 18 съезда ВКП(б) и Покровского совхоза («Биробиджанская звезда» от 22 января 1940 г.), за высокие показатели вновь удостоился участия ветеринарный врач М. Тлустенко.

Вскоре обком ВКП(б) и исполком областного совета направил поздравление в адрес председателя соседнего колхоза Г. Костяла: *«Обком ВКП(б) и исполком областного совета поздравляют Вас и всех колхозников с высокой наградой — большой золотой медалью»*.

Все эти награды, несомненно, заслужены, да и материальная их составляющая вряд ли осела в карманах героев. Скорей всего, она растворилась в колхозной кассе. Но, знакомая с детства с реалиями сельской жизни, я хорошо понимаю, насколько значимыми были для деревенских жителей и путешествие в самую столицу (с прожи-

Изображение найдено в интернете

ванием в гостинице и непременной экскурсией на Красную площадь), и приглашение в краевой центр на слет передовиков, и публикации в печати. Огромные почести получили бывший полуграмотный портной Иосиф Абрамский, скитавшийся прежде по окрестным селам в поисках грошовых заказов, его жена, в прошлом батрачка, работавшая за харчи и битая барыней за малейшую провинность. И, конечно же, многие другие: перебивавшийся случайными заработками бывший извозчик Михл Школьник, доросший в Биро-Биджане до должности председателя Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся. Не чуравшийся любого дохода, чтобы прокормить растущую семью, Исроэль Пинзур, чей портрет ныне красуется в центральном журнале, и прочие новоиспеченные пастухи, доярки, овощеводы, совсем недавно страдавшие от погромов и унижений, умиравшие от голода в своих душных местечках. Разумеется, не от хорошей жизни они бросали насиженные места, родную и привычную обстановку, рвали семейные связи и свои души, уезжая на неведомый, пугающий и манящий Дальний Восток. Они не могли не понимать, что край необжитый, а значит — медом там не намазано, хорошие и хлебные места давно заселены, но маячила вдалеке и звала за собой призрачная надежда

на лучшую жизнь, не для себя, так хоть для детей. Не беда, что живут еврейские переселенцы в бедности и неустроенности, работают не щадя живота своего, но зато получают невиданные прежде почет и уважение. А это тоже дорогого стоит.

Как сочетать между собой «кнуты и пряники», щедро раздаваемые советской властью? Как деревенским людям разобраться в этой круговерти? Вчерашний герой и эталон для подражания сегодня мог превратиться в подлого изменника и врага трудового народа. Тот, кто еще недавно гневно обличал и требовал заслуженного наказания для предателей, в один миг становился бесправным каторжанином, запятнавшим несмываемым позором семью. Спокойствие не было гарантировано ни рядовому колхознику, ни руководителю области, практически ни одному из них не было дано доказать свою невиновность и преданность советской власти. Кому верить, как вести себя, чтобы выжить самому и уберечь родных? Было от чего головам пойти кругом, потерять все жизненные ориентиры. Не избежали разрушающего воздействия террора на души и совести и некоторые члены колхоза «Икор». Оказалось, что времена пришли не только страшные, но и удобные для сведения счетов, продвижения по карьерной лестнице — стоило только написать донос, выступить с обличающей речью или просто промолчать. И вот уже Нехама Шейнфельд, ранее обласканная властью знатная колхозница и жена председателя Иосифа Форера, бьется, доказывая его невиновность и свое право на нормальную жизнь, а о колхозе если и появляются статьи в прессе, то только полные критики. Например, эта, с очень выразительным заголовком: *«К руководству колхозом пришли новые люди»* («Биробиджанская звезда», 21 января 1940 г.).

«Недавно правление колхоза им. 18 партсъезда, Смидовичского района, отчиталось на общем собрании о своей деятельности за 1939 год. Колхозники резко и справедливо критиковали правление колхоза и его председателя тов. Ерецкого за плохое руководство колхозом, за попустительство лодырям и тунеядцам, за нарушение сталинского устава — основного закона колхозной жизни». Общее собрание признало работу правления неудовлетворительной. В новое правление вошли *«лучшие люди села т.т. Шарапатов*

(председатель), Абрамский, Прилуцкий, Перик и Ткаченко». Прошедшее собрание было многолюдным, бурно обсуждало вопросы дисциплины и склоки, захлестнувшие деревню. Но никто не сказал о строгом учете, экономии, то есть о том, что нет в колхозе настоящего хозяйского глаза. Что на самом деле новые люди к руководству пришли раньше, тогда, когда был арестован председатель и разогнано прежнее правление колхоза. Что не помогла делу смена вывески, когда название «Икор», так напоминавшее о еврейских основателях коммуны, превратилось в колхоз им. 18 партсъезда.

К концу полевого сезона 1940 года ничего не изменилось. Очередная разгромная статья «Колхоз нуждается в оздоровлении» («Биробиджанская звезда», 22 октября 1940 г.) гласит: *«10 часов утра. В других колхозах колхозники уже давно на работе. Не торопятся лишь в колхозе им. 18 партсъезда. В 10 часов появляется бригадир, за ним следуют члены правления. К 11 часам неуютная, холодная, с закопченными стенами канцелярия постепенно заполняется людьми. Одни (их большинство) приходят затем, чтобы получить работу, другие — просто новости послушать.*

Долго сидит бригадир Тищенко за составлением нарядов. Сидят и колхозники, ждут наряда. А время идет... Так начинается рабочий день в колхозе им. 18 партсъезда.

Руководители колхоза свыклись уже с тем, что люди поздно являются на работу или совершенно не выходят. Мер к дезорганизаторам трудовой дисциплины здесь никаких не принимают».

В статье указано много фамилий таких колхозников, которые мне не хочется здесь приводить, ведь дело, наверное, даже не в них. *«Ежедневно здесь можно встретить десятки колхозников и колхозниц, спешащих с молоком на базар или на свои огороды, на фермах народа меньше. (...) В колхозе большинство людей умеет и желает работать. Но дело в том, что дезорганизаторы и жулики здесь крепко засели, найдя себе теплое местечко, и оказывают дурное влияние на других. И фактически работает в колхозе только 50% трудоспособных. (...)*

В свое время в этом колхозе была неплохая свиноводческая свиноферма. Но бесхозяйственность сказалась и здесь. В свинарнике

грязно, поросята гибнут. Поросят кормят крупной мороженой сырой картошкой. Понятно, при таком уходе ферма дохода не даст. Будь уход лучше, она могла бы дать колхозу пару тысяч рублей дохода. (...)

В течение этого года в колхозе перебывало сотни представителей из района. Но пользы от этих представителей мало. Они подчас подменяли бригадиров, составляя за них наряды и планы. Такая «помощь» колхозу ничего не дает и дать не может. Ему нужен хороший руководитель, которого, бесспорно, можно добыть из местных колхозников. Райкому ВКП(б) известно, что председатель Шарапатов не может руководить колхозом и ослабил дисциплину. Не в состоянии повести за собой массу колхозников и заместитель председателя Абрамский. Уже несколько месяцев в колхозе нет секретаря парторганизации. И все же районные организации не приняли мер для укрепления колхоза».

Через месяц этот же автор продолжает эту тему в статье «Еще раз о колхозе им. 18 партсъезда» («Биробиджанская звезда», 24 ноября 1940 г.), в которой пишет о том, что бюро райкома обсудило статью, признало ее правильной, приняло решение, наметило мероприятия. *«Но положение не улучшилось, а стало, наоборот, еще более тревожным. Даже свиноферма, которая раньше славилась на весь Союз, стала неузнаваемой. Только за сентябрь – октябрь там погибло от недосмотра 13 поросят. Свиноматки голодают, лежат в грязи, ухода за ними нет никакого».*

Примерно то же положение и на ферме крупного рогатого скота, и на конюшне. *«Бесхозяйственность здесь проявляется во всем. Два вагона строительного материала, который был предназначен для переселенческого строительства, растащили на дрова и спалили. Колхозная электростанция приведена в негодность и растаскивается.*

Дисциплина в колхозе остается на низком уровне. Кто хочет — выходит на работу, кто хочет — не выходит».

Досталось и Абрамскому, не справившемуся с новой должностью: *«Заместитель председателя т. Абрамский проявляет поразительную беспомощность и безрукость. И вообще он себя*

Колхоз им.18 партсъезда.
Фото из архива семьи Коваль.

не считает ответственным за все безобразия в колхозе, не хочет он браться за дело».

Таким образом, перестановка кадров ничего не изменила. Хороший свиновод оказался плохим администратором. И ферму загубили, и колхоз не подняли. Тем более что оголили не только ферму. Бывший колхозник овощевод М. Х. Кнопп, участник ВСХВ, награжденный малой серебряной медалью, стал председателем нового переселенческого колхоза «Ройтер штерн» около поселка Смидович. Правда, если судить по прессе, хотя бы там эксперимент оказался немного удачней.

ГЛАВА VIII

Завтра была война

В предвоенные годы украинские семьи появились не только в «Икоре», который, впрочем, с 1939 года носит имя 18 партсъезда, но и в Соцгородке. Перед войной он превратился в большой культурный центр, один из самых больших в районе. В двухэтажном клубе работали драмкружок на идише, два духовых и струнный оркестры.

В архиве семьи Липовецких сохранились фотографии родителей — Шмуля и Ривки — в костюмах к спектаклю. Были в поселке тир, футбольное поле, игровая площадка. В клубе проводились районные соревнования по стрельбе, по лыжам, на базе Соцгородка работал выездной районный пионерский лагерь.

Из заметки в газете, подписанной учениками 7-го класса Л. Финкельберг и Л. Урман, узнаем, что в неполной средней школе колхоза им. 18 партсъезда обучаются ученики окрестных сел, в том числе и Соцгородка, и там даже открыт интернат. Директор Вера Семеновна Флейшман («Биробиджанер штерн», 10 января 1940 г.).

Илья Исаакович Блехерман вспоминал, что перед войной в поселке жило больше сотни семей. В первый же военный призыв мобилизовали около семидесяти человек. Необученных призывников сразу бросили на фронт. Не вернулся никто.

В мебельном цехе из мужчин остались начальник Шкатрут Абрам Гейнихович, бухгалтер Литвак, столяры Фурман и Гальперин (на фронт их не взяли из-за преклонного возраста), пожарный Фрейгин и токарь Сегал. Остальные рабочие места заняли женщины и дети. Среди них Женя Воробьева, Фаня Пензур, Таня Фурман, Фаня Бондарь, Хая Шкатрут, Маруся Блинкова и ее сестра Нюра, Зина Саватеева, Роза Гальперина, Зина Глозман, Бетя Липовецкая. Все они были 1928–1929 годов рождения. А потом присоединились и младшие — 1930–1932 г. р.

Выпускали они продукцию для фронта: лыжи для перевозки пулеметов и вывозки раненых, ящики для снарядов и мин,

Липовецкие Рива и Шмиль в костюмах для спектакля.
Фото из архива семьи Липовецких

дегазационные ящики, табуреты для воинских частей, планшетные доски, кузова для машин — простые и обитые свинцом.

В 1942 году мой дядя Константин Пензур, дед Шмуль Бондарь и Константин Гурский по призыву районного военкомата были отправлены в распоряжение военного завода в Комсомольск-на-Амуре. На фронт их не взяли по состоянию здоровья. Оттуда К. Пензура отправили в Анадырь на заготовку рыбы и оленины для завода и воинских частей. Это, возможно, спасло ему жизнь. Гурский погиб, деда убили из-за хлебных карточек.

Позже в Комсомольск на завод призвали чуть повзрослевших к тому времени подростков Яшу Саватеева и Ивана Макарова. Сестра Якова, Ульяна Семеновна Гурская, вспоминала: *«Мама плакала, мальчишка совсем. А ей говорят: «Ты радуйся, что не на фронт»*. Семья кузнеца Саватеева перебралась в Соцгородок в 1939-м, поближе к родственникам, семье Емельяновых, уже проживавшим там с 1935 года. Первое время ютились при кузнице, позже выделили свой угол в доме. И до войны жили бедно, а потом и вовсе обнищали.

«Папа умер от голода в сорок четвертом, — рассказывала Ульяна Семеновна. — *Он в больнице лежал в Хабаровске, его немного выходили, а когда возвращался, шел голодный и наелся лука-порея, желудок и не выдержал. Семьи, в которых мужчины, даже пожилые, зарабатывали, сытней жили. Мама сено косила, а мы, дети, сгребали. Вода придет, затопит все, растаскиваем остатки по полю, сушим. А корова подгнившее есть не хочет».*

Семьи, потерявшие кормильца на фронте, получали какое-то пособие от государства, но ни вдова Бондарь, оставшаяся с четырьмя детьми, ни вдова Гурского Прасковья Евсеевна, имевшая 10 детей, ни семья Саватеевых, не говоря уже о многодетной семье Макаровых, глава которой был репрессирован, этой помощи не получали.

Бабушка работала почтальоном, а затем в красильном цехе мебельной фабрики, учила секретам этой профессии подростков, пришедших на смену взрослым. В хозяйстве была корова, но молока практически не видели, всё продавали и на эти деньги выкупали хлеб. 27 октября 1941 г. исполком Смидовичского районного Совета депутатов трудящихся принял решение о введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия. Депутаты установили категории по снабжению этими продуктами и нормы отпуска хлеба по карточкам в день на одного человека: рабочим и инженерно-техническим работникам 800 граммов, 600 граммов — служащим, 400 —иждивенцам и детям до 12 лет. В 1944 году нормы хлеба были уменьшены.

Пекарня была в Волочаевке-1, раз в неделю (а то и реже) снаряжали подводу, и все дети целый день караулили ее на дороге. Их радостные вопли: «Хлеб везут! Хлеб везут!» оповещали всех о том, что вдалеке показалась лошаденка, тянущая драгоценную поклажу — телегу с прикрытым мешковиной хлебом. Буханки были тяжелые, наполовину с отрубями и картофелем, выпекались они в формах, которые смазывали солидолом. Чтобы выжить, корчевали слабыми детскими силами лес, обрабатывали огромные огороды, с тяжелой глинистой земли снимали крохи, урожай сгнивал из-за осенних дождей. Так как из еды была одна картошка, ее сажали очень много, но до весны все равно не хватало. Зимой ходили на поля соседнего колхоза выдалбливать оставшиеся в земле мерзлые клубни и пекли из них лепешки. Там, на картофельном поле, нашли мертвым,

Детский сад Соцгородка. Примерно 1943 год.
Сидят в первом ряду (справа налево): Липовецкая Шифра, Сандлер Лена,?,?,?, Коган Люда, Карпань Юра.
Во втором ряду: Фрейгин Боря, (?), Бондарь Рая, Литвак Нина, Михеев Митя, Сандлер Сара, Липовецкий Захар, Рая Русинская.
В верхнем ряду: Мещерякова Наталья (няня), Воробьева Клавдия (повар), ?, Бондарь Фаня (няня), Пискунова Евдокия (зав детсадом), ?, Марунова Мария (медработник),? Евгения.
Фото из архива семьи Бондарь

окоченевшим от холода, жителя поселка Сурановича. В большой семье Нижниковых, потерявшей на фронте отца, умер от голода мальчик Липка. Где-то в 1990-х годах мы с мамой были в Биробиджане в гостях у односельчанки Иды Нижниковой. Угощая нас, Ида выставила на стол большие миски с едой и улыбнулась, оправдываясь: *«Дочери ругаются, что я их закармливаю, а я просто не могу себя пересилить, еды должно быть много»*.

Выручал лес. Как только проклевывалась первая зелень, собирали и ели все, что было съедобное. Первыми начинались дикий лук,

щавель, потом стебли дудника, стебли и ягоды элеутерококка, лимонника, дикого винограда.

В 1943 году сгорел один из двухэтажных бараков, первый построенный аргентинцами в Соцгородке. Для расселения семей, оставшихся без крыши над головой, остальных жителей поселка уплотнили. То есть все имеющееся жилье разделили на крошечные клетушки. Тогда же отделили часть квартиры и у моей бабушки Мани. Она с четырьмя детьми с тех пор проживала в одной небольшой комнатенке.

В этом же доме, где жила бабушка, работал детский сад. Заведующей в нем была Евдокия Пискунова, поваром — Клавдия Воробьева, моя тетя, Фаня Бондарь, — няней.

С 1943 года на фабрике начал работать мой отец. Сначала они с Перепечко пилили дрова, а летом устанавливали оборудование для пилорамы на берегу реки. С 1944 года начала работать мама, ей было 12 лет, вместе с ней Уля Саватеева, Нина Квашнина (в замужестве Екимова), Валентина Тарасенко. Совсем еще недавно, моя мама с подружкой своего детства Ульяной Саватеевой (Гурской), благословенна ее память, с помощью Интернета общались через километры и страны и неизменно в разговорах возвращались к тем дням. Вспоминали, как пилили бревна ручной пилой, а бревна были такие, что дети не видели из-за них друг друга, как выгребали опилки, носили воду из реки для парового котла, карабкаясь на обледеневший обрывистый берег. Добрым словом вспоминали рабочего пилорамы Овчинникова, жалевшего детей и позволявшего им украдкой отдохнуть. Котлы топили дровами, на их заготовку девочки уходили за шесть километров от поселка. Норма была пять кубометров на каждого. И это в разгар зимы, без теплой одежды и обуви. Когда мама не вышла на работу из-за того, что нечего было обуть, ее отдали под суд. Хорошо, что судья в районе оказался человеком, не побоявшимся взять ответственность на себя. Он посмотрел на 12-летнего ребенка и сказал только: «Иди, деточка, домой». А Хая Шкатрут отсидела полгода — за опоздание.

Помимо работы на производстве на детей ложились и домашние дела. Дрова возили на санках с берега Тунгуски, что был в нескольких километрах от поселка. Разбирали остатки первого деревянного моста. Из обуви в лучшем случае — резиновые сапоги. Зимой

Мальчишки военной поры. Гурский Г.К.
Фото из архива семьи.

темнеет рано. Вот так в темноте, утопая в снегу, продрогшие до костей дети тащили на себе санки.

Неудивительно, что тогда и закончилась учеба для большинства из них. Начались другие университеты. Отец начинал учиться в еврейской школе, затем ее закрыли. В войну после четырех классов бросил учебу и стал помогать отцу кормить семью. Сейчас, вспоминая эти дни, мама удивляется: «Сама не понимаю, как мы выжили».

Рассказы моих родителей буквально слово в слово повторяют записи, оставленные в наследство своим детям Валентиной Матвеевной Нечаевой (Тарасенко):

«Когда началась война, всех мужчин забрали на фронт, остались старики, подростки, дети. Собрали работать всех, кто может стоять у верстака. В цехе выпускали уже не мебель, а ящики для патронов и мин. Мы, малолетки по 13 лет, пошли работать, делали табуретки, столы. Мы не доставали до верстака, поэтому нам делали подмостки, затачивали рубанки и учили пользоваться молотком и пилой. У нас были хорошие наставники, хотя и старые. Школу все побросали, я окончила 5 классов, ходить в школу было не в чем. Голод и холод заставил бросить школу, и мы до конца войны работали в артели. Пришлось работать и на лошадях, и на выкатке леса из реки, и на пилораме пилили дрова для отопления котлов».

У всех жителей той поры общие воспоминания и одна судьба.

Во время войны в поселке базировалась военная часть, которая исчезла в одну из ночей перед началом войны с Японией. Военные не были редкостью в Соцгородке, еще одна часть была переведена на Курилы уже после войны. На памятном обелиске в честь павших воинов на Волочаевке-2 большинство еврейских фамилий. Это фамилии жителей Соцгородка, не вернувшихся с войны: Винокур Ефим Моисеевич, Гальперин Израиль Кивович, Гуслинский Л. Б., Драч Арон Лазаревич, Драчук Иван Семенович, Изнаиров И. И., Изнаиров Л. И., Корх Михаил Леонтьевич, Красник Иосиф Менделевич, Сандлер Михаил Меерович, Сельский Л. А., Спектор Юдко Лейбович, Фрейдин Ю. С., Шкатрут Петр Абрамович, Маловичко Г. Е.

Шишов Иван Максимович, рабочий мебельной фабрики им. Чкалова, призван в Красную армию в сентябре 1939года, в феврале 1942г. направлен в действующую армию, пропал без вести.
Фото из архива семьи

На фронт ушел Пензур Борис Израилевич и пропал без вести. Только в 2016 году удалось отыскать его следы. Последние сведения

о нем зафиксированы 19 ноября 1941 года: пропал без вести в бою под деревней Быково, что в Дедиловском районе Тульской области. Погиб Митчелл (Михаил) Морисович Беккер. Воевали братья Клейман — Фроим (не вернулся) и Ушер, Липовецкий Александр Яковлевич, не вернулись с войны Русинский Лев Борисович, Волжанин Прокофий Фролович, Глузман Песах Хунович, Нижников Наум Лейбович, Лазебный Василий Тимофеевич, Монствило Константин Антонович, Беляев Григорий Александрович, Воробьев Михаил Петрович, Коган Лев Пансионович, Липовецкий Семен Яковлевич, Михеев Петр Семенович, Шишов Иван Максимович. В войне с Японией принимали участие Гурский Григорий Константинович, Блехерман Илья Исаакович. Гурский Анатолий Константинович вернулся домой после тяжелого ранения и вскоре умер. Эти имена мне удалось восстановить при помощи моей мамы и У. С. Гурской. Возможно, есть и другие имена, которые еще предстоит восстановить. Но совершенно определенно можно сказать, что на памятной стеле, установленной в Камышовке в честь воинов Великой Отечественной войны, поразительно мало еврейских фамилий. Это только подтверждает, что список воинов неполный, предстоит еще большая работа по их поиску. Только сравнительно недавно военные архивы стали рассекречивать, и списки погибших, пропавших без вести, взятых в плен или расстрелянных своими же «бдительными органами» начали поступать в свободный доступ. Родные получили право знать, где погибли близкие им люди. Я привожу здесь только некоторые документы военной поры, обнаруженные на мемориальных сайтах или хранящиеся в семейных архивах, из моей обширной коллекции.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Отдельный минометный батальон 84 отдельн. стрелк. бригады.

Ваш брат лейтенант ЛИПОВЕЦКИЙ Семен Яковлевич, уроженец ДВК Уссур. ж. д. ст. Волочаевка, мебельная ф-ка им.Чкалова

В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 24.I2.I94I года.

Похоронен д. Мусино, Волоколамского р-на, Московской обл.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО№138).

Командир части /
подпись/
Верно: Пом. нач. фин. отдела
Интендант 2 ранга /Лабузов/

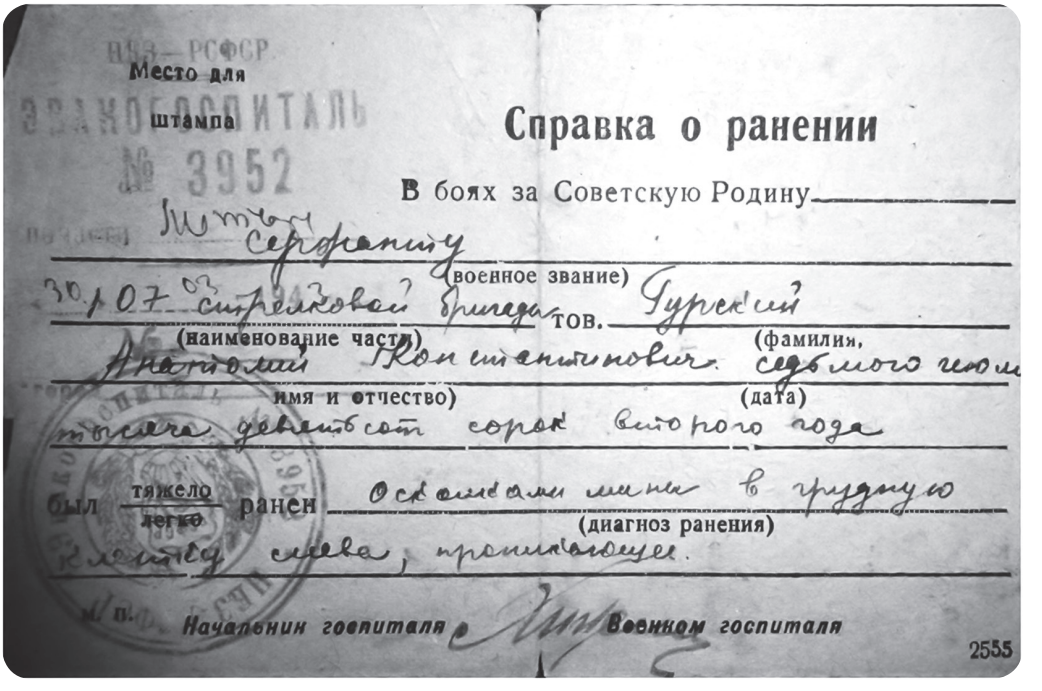
Такая же похоронка пришла и на Шмуля Яковлевича Липовецкого. Но ему удалось обмануть судьбу. Израненный, но живой, он вернулся в Соцгородок. В его наградном листе к медали «За отвагу» говорится: *«Липовецкий Шмуль Яковлевич, рядовой, инвалид 2-й группы, 1913 года рождения, еврей, беспартийный, в Красной Армии с января 1942 по 12 ноября 1944 г. Участвовал в боях с 5 августа по 12 ноября 1943 года, в должности командира отделения автоматчиков, где и был 12 ноября тяжело ранен пулей в шею и одновременно контужен воздушной волной».*

Документы военных лет сейчас бережно хранятся внуками и правнуками бойцов. Но многие семьи не получили какую-либо, даже самую страшную, информацию о родных. Люди уходили и пропадали навсегда. Пропавшие без вести приравнивались к попавшим в плен, а это уже «враги народа». Лишь позже, к концу войны или после нее, родные стали пытаться что-то узнать, писали запросы, обращались в военкоматы. Большей частью безуспешно. Тогда появлялись такие документы:

ЛИСТ БЕСЕДЫ

Я, Смидовичский райвоенком Еврейской автономной области подполковник Бравиков А. К. провел беседу с гражданкой Воробьевой Клавдией Ивановной 1902 года рождения по поводу розыска ее сына Воробьева Михаила Петровича.

В результате беседы установил: гражданин Воробьев Михаил



НКЗ — РСФСР
Место для штампа
ЭВАКОГОСПИТАЛЬ № 3952

Справка о ранении

В боях за Советскую Родину

Сержанту
(военное звание)

30.07.03 стрелковой бригады тов. Гурский
(наименование части) (фамилия,

Анатолий Константинович седьмого июля
имя и отчество) (дата)

тысяча девятьсот сорок второго года

был тяжело / легко ранен Осколками мины в грудную
(диагноз ранения)

клетку слева, проникающее.

м. п. Начальник госпиталя Военком госпиталя

2555

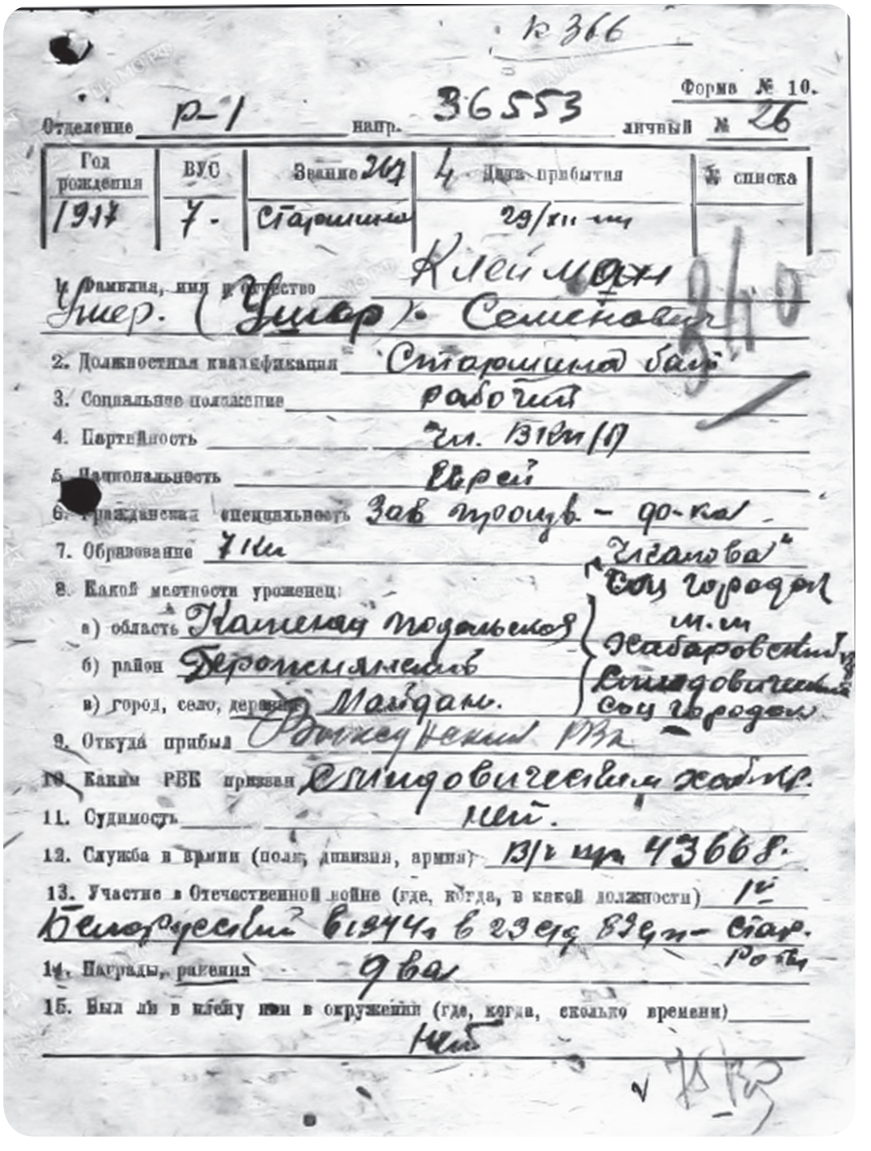
Справка о ранении Гурского Анатолия Константиновича.
Фото из архива семьи Гурских

Петрович 1922 года рождения, уроженец Пензенской области Поимского района, дер. Лопатино, русский, образование 7 классов, член ВЛКСМ, холост.

До призыва в Советскую армию Воробьев М. П. проживал в Еврейской автономной области, Смидовичском районе, пос. Волочаевка-2, Соцгородок. Зимой учился в школе, а летом работал в колхозе.

Призван в Советскую армию 14 августа 1941 года Смидовичским райвоенкоматом Еврейской автономной области и направлен на областной сборный пункт гор. Биробиджан.

Службу проходил в авиационной школе — учился на стрелка-радиста. Школа дислоцировалась на ст. Малмыж в районе г. Комсомольска-на-Амуре. После окончания школы стрелков-радистов в звании младшего сержанта служил в аэродромной роте, 639 БАО, ППС 526, откуда от него было получено письмо,



№ 366

Форма № 10.

Отделение Р-1 напр. 36553 личный № 26

Год рождения	ВУС	Звание 267	4 Дата прибытия	№ списка
1917	7-	Старшина	29/XII-44	

1. Фамилия, имя и отчество Клейман Ушер. (Ушер) Семенович
2. Должностная квалификация Старшина бат.
3. Социальное положение рабочий
4. Партийность чл. ВКП(б)
5. Национальность Еврей
6. Гражданская специальность Зав. произв. — ф-ка
7. Образование 7 кл
8. Какой местности уроженец:
   а) область Каменец подольская
   б) район Деражнянский
   в) город, село, деревня Майдан.
   „Чкалова" Соц. городок м.м. Хабаровский, Смидовичский соц. городок
9. Откуда прибыл Дзержинский РВК
10. Каким РВК призван Смидовичским хаб. кр.
11. Судимость нет.
12. Служба в армии (полк, дивизия, армия) В/ч пр. 43668.
13. Участие в Отечественной войне (где, когда, в какой должности) 1й Белорусский в 1944 г. в 23 ср. 83 ср. — Стар. Роты
14. Награды, ранения два
15. Был ли в плену или в окружении (где, когда, сколько времени) нет

Документ с пересыльного пункта на Клейман Ушера Семеновича.
Из архива семьи.

датированное 14 июня 1942 года, затем служил в части 33, полевая почта 526, откуда от него было получено два письма. Одно, датированное 31 октября 1942 года, прилагается, другое письмо не сохранилось. Во втором письме он сообщал о том, что убывает

с маршевой частью на западный фронт, это было в конце 1942 года.

Других известий и писем от него не было.

Извещения о его смерти родители не получали.

В 1944 году родители послали розыск в Москву, откуда им ответили, что в числе погибших, умерших от ран и пропавших без вести Воробьев Михаил Петрович не значится. Этого письма мать погибшего не сохранила.

В настоящее время мать пропавшего без вести Воробьева Клавдия Ивановна проживает у зятя в Волочаевка-2, Соцгородок Смидовичского района Еврейской автономной области.

Смидовичский райвоенком

Подполковник Бравиков

ЛИСТ БЕСЕДЫ

7 сентября я, Смидовичский райвоенком, на основании поданного заявления гражданина Гальперина К. в розыске его сына Гальперина Израиля Кивовича в результате беседы установил следующее: Гальперин Израиль Кивович родился в 1923 году в городе Гайсин Винницкой области, беспартийный, холост, в Советскую армию призван Смидовичским райвоенкоматом 20 июня 1942 года и направлен в действующую армию. Службу проходил во 2-й Гв. Армии 4-й Владимировской стрелковой дивизии. По письмам его товарищей, он погиб под Волховом, писем и других документов Гальперин К. М. не имеет (не сохранил).

Письменная связь с ним прекратилась в апреле 1943 года. Сам Гальперин является инвалидом 2-й группы, проживает Соцгородок Смидовичского района Евр. авт. области. Компрометирующих данных в Советских органах и в райвоенкомате на Гальперина И. К. нет

Вывод: суммируя вышеизложенное, считаю, что солдат Гальперин Израиль Кивович, находясь на фронте, пропал без вести в мае месяце 1943 года. Что подписью и заверкой гербовой печатью удостоверяю.

Смидовичский райвоенком

майор Гудзенко

ЛИСТ БЕСЕДЫ

31 мая 1948 г. мною, Смидовичским райвоенкомом майором Гудзенко, на основании заявления гр. Глузман Ривы Зеликовны с просьбой о розыске мужа, военнослужащего Глузман Песаха Хуновича, произведена личная беседа с заявителем, в результате которой установлено следующее:

1. Разыскиваемый Глузман Песах Хунович рождения 1905 года, беспартийный, уроженец Киевская область, гор. Малин был призван в Советскую армию моим Смидовичским райвоенкоматом Еврейской авт. области в июле 1941 г. рядовым и направлен в 60 полк МВД гор. Биробиджан.

2. Разыскивающая жена, Глузман Рива Зеликовна, проживающая в Соцгородке ст. Волочаевка-2 Смидовичского района Евр. авт. области имеет на своем иждивении 6 детей, из которых 2 нетрудоспособных. Связь с мужем прекратилась с июля 1943 года, последнее письмо от мужа было получено из военного госпиталя, в котором он сообщил, что после выздоровления будет отправлен на фронт, после этого письма с июля 1943 г. никаких известий от мужа не получала. Адрес войсковой части, в которой он служил, не сохранился.

3. В райвоенкомате никаких данных о судьбе Глузман не поступало, розыск до сих пор не проводился в связи с тем, что гр-ка Глузман Р.З. обратилась ко мне впервые и до этого времени заявления о розыске не подавала.

В местных органах никаких компрометирующих и других данных о военнослужащем Глузман П. Х. не имеется.

Заключение: в связи с тем, что не имеем данных, подтверждающих пребывание разыскиваемого Глузмана П. Х. на фронте, считать его пропавшим без вести или погибшим не могу.

Прошу проверить данные учета погибших и пропавших без вести рядового и сержантского состава и, если он окажется в учете погибшим или пропавшим без вести, прошу выслать на имя разыскивающей извещение.

Смидовичский райвоенком майор Гудзенко

На огороде.
Из архива семьи Пензур

Жизнь оставшихся в тылу женщин и подростков была безмерно тяжела. Несмотря на то, что мужчин в колхозе почти не осталось, нужно было сдавать продовольствие государству и кормить свои семьи, нужно было просто выжить. В протоколе общего собрания колхозников колхоза имени 18 партсъезда от 1 сентября 1941 г. записано (ГА ЕАО. Ф. П. 221. О. 1. Д. 2. Л. 18.): *«Учитывая нависшую опасность над нашей страной, берем на себя обязательство рассчитаться в кратчайший срок натуроплатой по зерну и картофелю перед государством. (Обратить внимание на дисциплину отдельных колхозников и предложить правлению колхоза принять меры военного времени). Обязать всех колхозников изучать военное дело в кружках ПВХО и ГСО. Просить партийную организацию*

укомплектовать кружки колхозниками, добиваясь, чтобы каждый колхозник овладел одной из военных специальностей. Предложить правлению колхоза кроме обязательной поставки сдать в Фонд обороны мясо».

Комсомольцы колхоза имени 18 партсъезда взяли на себя обязательства: *«закончить копку картофеля не позднее 1 октября, рассчитаться по сдаче поставки натуроплаты зерна и картофеля к 5 октября, насушить не менее 10 кг овощей для Красной Армии»* (ГА ЕАО. Ф. П. 221. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об.).

То ли руководство колхоза вновь сменилось, то ли война заставила забыть все распри, но председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся Яичков докладывал на 6 сессии, проходившей 29–30 ноября 1941 года: *«В колхозе имени 18 партсъезда заведующий свинотоварной фермой депутат районного и областного Советов депутатов трудящихся тов. Абрамский вырастил и сохранил сверх плана 75 поросят, за что получил по дополнительной оплате 19 поросят. Телятница колхоза имени 18 партсъезда т. Дискина сохранила и вырастила 41 теленка. (...) Урожайность колхозных полей этого года показала, что у нас имеются все возможности для дальнейшего подъема сельского хозяйства в районе. В колхозе им. 18 партсъезда урожайность по овсу составила 13,2 центнера с гектара. Это объясняется тем, что руководители этих колхозов стахановцы, а сельские и поселковые Советы уделяли большое внимание всем агротехническим мероприятиям. По овощам тоже дела обстоят неплохо, о чем свидетельствуют следующие факты. Звено Мищенко Марфы их колхоза имени 18 партсъезда добилось урожая капусты 653 центнера с гектара вместо 460 центнеров. Звено Шарапатовой этого же колхоза получило урожай помидоров 287 ц с гектара вместо 212 центнеров».*

И вновь знакомые фамилии в постановлении заседания 2-го пленума Смидовичского райкома ВЛКСМ от 7–8 августа 1943 г.: *«О ходе уборки урожая и авангардной роли комсомольцев»: «Комсомольцы к-за имени 18 партсъезда тов. Бурунштейн на жатке при норме 5 га выполняет 7 га. Хорошо работают на посевной Абрамский, Бусловская и другие»* (ГА ЕАО. Ф. П. 77. О. 1. Д. 9. Л. 6.). Конечно, речь здесь идет о детях наших героев, пришедших на смену старшим.

ГЛАВА IX

По улице моей который год...

Там вдалеке от грохота и бега, жил нежный бархат с пробчатой корою,и черные жемчужины черемух все увеличивались. Хлюпали коряги, и слаще меда, молока и хлеба, изнемогая, пахли все покосы...

Ольга Ермолаева

Мои родители работали на мебельной фабрике в Соцгородке до самой пенсии. Папа сначала был столяром, потом механиком, а мама — станочницей в механическом цехе.

Поженились они в 1955-м, в этом же году родилась сестра, а в 1957-м появилась на свет я.

В 1962 году началось строительство двухквартирных деревянных домов по улице Чкалова, в один из них мы и переехали. Из этого дома я пошла в первый класс, но в соседнее село Даниловку, школы в поселке уже не было. Детский сад открывали еще раз в 1980-х годах. Заведующей там работала моя тетя, Лилия Семеновна Горшкова (Бондарь), а мама была поваром.

Из этого дома родители в 1998 г. уехали в Израиль. Таким образом, папа прожил в поселке 66 лет, мама чуть меньше. Там остались могилы их родителей, одних из первых поселенцев.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

צייגענעש פון הייראט

Бланк свидетельства, выданного в области, печатался на двух языках.

В нашем с сестрой детстве еще многое напоминало о старом поселке, хотя мы, конечно, об этом не задумывались. Полуразрушенный

Улица Соцгородка. 1957-58 годы.
Из архива семьи Гурских

каменный дом в центре села идеально подходил для наших игр в прятки и казаки-разбойники. На месте сгоревшего двухэтажного деревянного барака был пустырь, покрытый мягким ковром из спорыша и ромашки. Днем там гоняла мяч детвора, а долгими летними вечерами нас сменяли взрослые — управившись со своими многочисленными делами, они выходили играть в выжигалы, волейбол, городки, мы же становились преданными зрителями и болельщиками. Только спустившаяся темнота, делавшая мяч неразличимым, разгоняла всех по домам. Потом на этом пустыре рабочие мебельной фабрики разбили парк, сейчас он превратился в густой лес. При нас еще фабрика работала в старом приземистом бараке с высокими завалинками (интересно, современным детям знакомы такие слова?), стены которого были увешаны плакатами по технике безопасности, а в раскаленной «сушилке» доходили до нужной кондиции доски, распиленные на пилораме из огромных бревен. Само собой разумелось, что мы в любое время свободно могли прийти к родителям на работу. Поэтому я хорошо помню штабеля тяжеленных плах, которые приходилось тягать

Работницы мебельной фабрики.
Из архива семьи Пензур

женщинам, работающим на станках в механическом цехе, въедливый запах краски в «полировке», надпись с подтеками краски на куске фанеры над верстаком моего отца в сборочном цехе «Здесь работает Пензур Г. И.», он один из всех столяров был удостоен такой чести. Его другу и соседу Валентину Кретову никак не удавалось угнаться за ним в работе. Помню маленькую конторку у ворот фабрики, пропахшую столярным клеем, который варили тут же, на печке. Щемящий запах клея и свежих стружек до сих пор мгновенно возвращает меня в детство, как и один только вид столярных инструментов: всех этих рубанков и фуганков, молотков и киянок, коловоротов и дрелей, ножовок и прочих пил, которые сейчас увидеть можно, наверное, только в музеях. Даже названия эти ни о чем не скажут народу непосвященному, а у нас их знал каждый ребенок, а незабвенный учитель труда Владимир Ильич Емельянцев водил нас на экскурсии на фабрику и в школьной столярной мастерской учил строгать указки для школы.

Достопримечательностью Соцгородка был старый колодец, вырытый еще первыми переселенцами на взгорье в центре

поселка, глубина его была больше 60 метров. С водой проблемы в поселке бывали нередко. Ее не хватало на всех жителей, колодец периодически нужно было чистить, что при такой глубине было проблемой, на эту работу дружно собирались все мужчины. Но порой перед рассветом у колодца выстраивалась очередь, это был единственный шанс набрать воду, которая за ночь успела скопиться на дне. Зимой, вернувшись из школы, мы впрягались в санки с закрепленной на них огромной обледенелой флягой и отправлялись к колодцу на другой конец поселка. Положение изменилось только тогда, когда рядом с колодцем пробили глубокую скважину и поставили электрический насос, но это было уже в 1970-х годах.

Из старого времени были и приходящие к бабушке подруги, все они, как и бабушка, были одиноки. Безмятежному нашему детству это не казалось странным и совсем не вызывало вопросов, где же их мужья и куда подевались все старики поселка. И почему у них необычные имена: Фаня, Бася, Циля, Шейва, а может, мне тогда они не казались необычными? Все они говорили с сильным акцентом, а в разговоре между собой переходили на идиш. На идише еще иногда разговаривали родители и мамина подруга Татьяна Титова (Фурман), в основном когда нужно было посекретничать. А наш сосед и приятель Шурка допытывался у матери, в каком институте она выучила иностранный язык.

Соцгородок еще долгое время был притягателен для всей округи. Летом ребятня и взрослые на протоке. Это и место отдыха, и рыбалки, и работы. Здесь, вдоль реки, пастбища для коров и ровная площадь, куда свозили на огромных лодках-баркасах заготовленное на Тунгуске сено. Тогда уж не зевай, поворачивайся. Не успеешь вывезти — паводковый разлив уничтожит весь труд и оставит коров без корма. Работа не из легких, но в поселке народ дружный, обязательно помогали друг другу.

Зимой самым лучшим развлечением была Конева горка. Почему Конева? По имени командира роты Николая Матвеевича Конева, поначалу проживавшего здесь же, на вершине сопки. Кто из жителей Соцгородка или окрестных сел не бывал здесь?! Целые компании, вооруженные лыжами и санками, проводили там

У колодца Нечаева (Тарасенко) Валентина Матвеевна.
Фото из семейного альбома.

Подружки. Татьяна Титова и Туня Пензур.
Из архива семьи Пензур

выходные дни. По накатанному склону можно было докатиться до самой дороги, а отчаянные лыжники даже сооружали трамплин.

Летом на горке немноголюдно, зато мы знали самые сокровенные лесные уголки. Улитки весенних побегов папоротника, покрытые нежным рыжим пушком, растущие у подножья сопки, к середине лета превращались в мощные крылья. Забредать в эти фантастические заросли в тени деревьев, скрывающие нас от всего мира, было жутковато и заманчиво. Прямо посреди склона росло старое корявое дерево, увитое лимонником, и можно было запросто набрать к чаю горько-кислых, но таких ароматных и бодрящих красных ягод. Совсем рядом резные листья амурского винограда, начинающие полыхать к осени, скрывали в своей гуще синевато-черные кисти и толстую, изрезанную глубокими морщинами пробковую кору бархата, служившего опорой виноградной лиане. Пробираясь

в чащу леса, нужно было осторожно обойти стороной колючие заросли элеутерококка, но и он одаривал по весне молодыми и мягкими съедобными побегами, а в конце лета кистями ягод, отпугивающих своим изобилием и ядовито-черным цветом, но обладающих вполне сносным, сладковатым привкусом. Мы были в курсе всех лесных событий и точно знали, когда на солнечных полянах начинали загорать и румяниться белесые щечки земляники, а вместо розовых лепестков шиповника, которые за неимением лучшего тоже годились на лакомство, появлялись бусины плодов, таящие в себе кусающиеся остистые семена. Зеленые кисти черемухи наливались соком и начинали манить своими глянцевыми черными гроздями вяжущих ягод, росший внизу у спуска с горы куст шипастого боярышника радовал необычайно крупными бордовыми плодами. Редкие кустики красной смородины — поречки, лещина — лесной орех разных видов, поспевающий в разное время. Детский рай! А красавцы дикие пионы, белые и красные, а скрывающаяся в тени от посторонних глаз редчайшая орхидея венерин башмачок, куртины ландышей и разноцветье лютиков, ирисов, синюх, саранок. Часами можно было бродить по лесу, наслаждаясь густыми знойными ароматами молодых листьев, цветущих трав, грибной прели и слушая звенящую от пчел тишину, которую не могли вспугнуть попискивание снующего по стволам то вверх, то вниз головой поползня, перестук деловитого дятла, шуршание мышки в опавшей листве и прочие лесные звуки и шорохи. Наверное, все было гораздо прозаичнее, лес и река были одними из наших немногочисленных развлечений, он же спасал нас, не избалованных фруктами и овощами, от авитаминоза, но эти воспоминания возвращают нас в детство и поэтому они такие светлые и радужные.

Со временем Соцгородок стал превращаться в дачный поселок. Практически никто в округе уже не знает о его былом расцвете и не связывает его с евреями, тем более иностранцами. Ушли в мир иной последние из еврейских переселенцев той поры. Да и были это в основном вдовы, старушки, чьи мужья погибли во время войны. Из евреев, потомков первых поселенцев, в Соцгородке нынешнем остались считанные семьи. Да кому-то еще на память, возможно, придет старое прозвище протоки под сопкой — «Еврейка».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОРОДА ПОСТРОЕНЫ ИЗ СУДЕБ

Казалось бы, записав воспоминания родителей, я могла бы отложить их в сторону.

Но дальше, похоже, вмешалось само провидение. Уже не я управляла поисками, а они начали руководить мною и диктовать дальнейшие шаги. Не иначе как сама судьба подбрасывает мне фамилии и адреса, фотографии и воспоминания икоровцев и их родных. Оказалось, что «Икор — Соцгородок» не исчез, как думают многие исследователи, сидя в своих важных кабинетах. Он продолжает жить в душах и памяти потомков первых коммунаров, разбросанных по всему миру. Внуки и правнуки еврейских поселенцев бережно хранят воспоминания и документы, частицы жизни своих героических предков. С открытой душой помогают друг другу в поисках и делятся драгоценными воспоминаниями. И невозможно стало не продолжить начатое, и невозможно отделить наши семейные истории одну от другой...

Мы обсуждали это с внучкой Ильи Исааковича Блехермана, сидя у своих компьютеров. Она в Майами, я — в Израиле. Наши деды дружили. Дед Виктории приехал в Соцгородок из Аргентины, мой — из Белоруссии. Вместе организовали рыболовецкую артель, делились семейными секретами. А когда вся коммуна перебралась в «Икор» наши две семьи остались в поселке. Поэтому в рассказе о семье Блехерман не предвиделось ничего неожиданного. И не потому, что судьбы героев обычны (как раз наоборот), просто их история, знакомая мне с детства по рассказам родителей, по газетным публикациям, казалось, не таила никаких сюрпризов. Но это только казалось.

Когда работа была почти закончена, обсуждены последние мелочи с сыном главного героя Исааком Ильичем (Изей), его сестра Геня Ильинична Борисова прислала фотографии из семейного архива, от которых замерло сердце, — фотографии, в которых сосредоточилась целая эпоха. И возникла масса вопросов, ответы на которые еще только предстоит найти. Опять и опять утверждаюсь в мысли, что на примере крошечного поселка Соцгородок, затерянного на краю света, можно изучать мировую историю еврейства XIX–XX веков. В некоторые странички этой истории я предлагаю сейчас заглянуть. И, конечно, начать нужно с «отца-основателя» коммуны «Икор-Соцгородок» профессора-социолога Чарлза Кунца, внесшего большой вклад в освоение земель Биро-Биджана и создание Еврейской автономной области. Его судьба не могла не заинтересовать меня.

ГЛАВА I

Чарльз Кунц. Жизнь во имя идеи

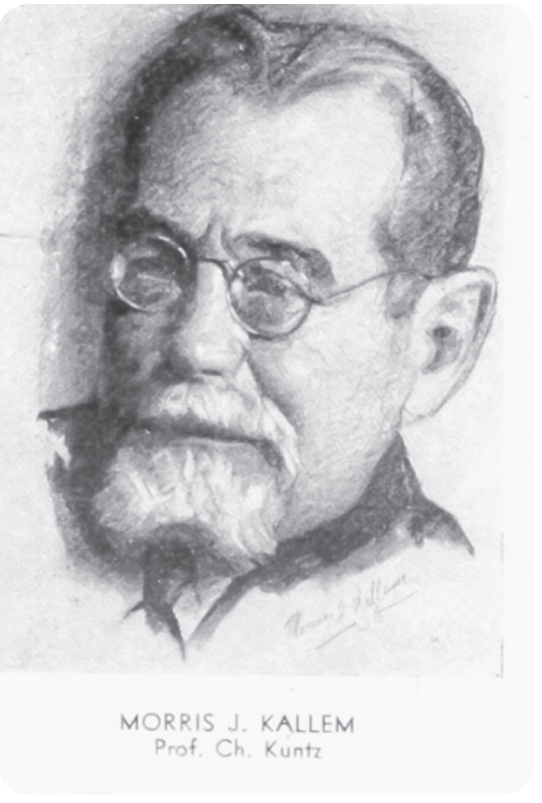
И сердце,
и тощий бумажник свой
откроем во имя
жизни без наций — грядущей жизни
без нищих и войн!
В. Маяковский

Отыскать биографические данные об этом уникальном человеке, как ни странно, оказалось довольно непросто. Все упоминания о нем в печати, как правило, связаны с деятельностью американской организации ИКОР и ее работой по переселению евреев в Биро-Биджан. Но к 1928 году, тому времени, когда Кунц стал руководителем и вдохновителем ИКОРа, за плечами у него была долгая жизнь. Что было в ней? Какие события и убеждения привели этого немолодого человека в дальневосточные дебри и болота и как складывалась его дальнейшая судьба?

Оказалось, что Чарльз Кунц родился в октябре 1870 года в местечке, недалеко от Киева, в небогатой семье. В юности он покинул Россию, вероятно, связано это было с романтической историей, когда отец его возлюбленной отказался выдать дочь за бедного еврейского учителя. С 1889 по 1893 год Кунц изучал философию в Венском университете, затем антропологию, социологию и экспериментальную психологию в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Вновь вернулся в Европу, где провел почти 4 года, чередуя исследования в Британском музее Лондона и работу в национальной библиотеке в Париже. При этом он никогда не стремился сделать научную или преподавательскую карьеру. В 1917 году Чарльз Кунц вдруг резко изменил размеренную жизнь и отправился в Петроград изучать происходящие там социальные процессы. Судьба свела его с американскими журналистами Джоном Ридом и Альбертом Рисом Вильямсом. Последнему довелось провести с Кунцем

довольно много времени, благодаря его воспоминаниям стало возможным узнать какие-то подробности из жизни профессора.

В своей книге «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны» А. Р. Вильямс отмечал, что Кунц с его очень легким, жизнерадостным характером *«сумел, не примыкая ни к какой группировке, быть со всеми накоротке»*. Он ни на минуту не сомневался в победе большевиков: *«Революция будет жить, она даже переживет империализм»*. Когда при наркомате иностранных дел Советской России был создан отдел, занимавшийся исключительно пропагандой, вся вышеназванная троица была вовлечена в его работу, причем профессор, хорошо знавший языки, — в качестве переводчика.



Профессор Чарлз Кунц.
Картина из коллекции, подаренной в 1936 г. американскими художниками Биробиджану и, к сожалению, до Биробиджана не дошедшей

22 февраля 1918 года наступление немцев стало серьезно угрожать Петербургу, Вильямс решил добровольно вступить в армию для его защиты, на что В. И. Ленин предложил ему найти единомышленников среди иностранцев. Так появился на свет Иностранный легион. Сомневаюсь, что 60 случайных людей, откликнувшихся на призыв защищать Петроград, могли бы как-то существенно повлиять на ход событий. Но идеологически это было очень важно для Ленина, как шаг к признанию и поддержке Советской России мировой общественностью, установлению экономических связей

с Америкой, в которых разоренная страна, находившаяся в изоляции, остро нуждалась.

«Когда я в первый раз сказал Кунцу, что стал добровольцем, то говорил с ним несколько вызывающе. Без сомнения, профессор смог бы пережить обстрел из ружей, тюрьму или подвергнуться пыткам ради революции. Однако проявить готовность убивать из-за нее — это означало требовать слишком много от 48-летнего человека, который приехал в Россию прямо с куриной фермы в Нью-Джерси, где, надев на себя толстовку, он проводил время среди цыплят, перемежая это чтением, писанием, обучением и воспитанием племянников и племянниц». В ответ Кунц совершенно спокойно сообщил, что он тоже записался в Интернациональный легион, изумив этим Вильямса: *«Но вы же пацифист, — не подумав, брякнул я. — Вы не убьете даже клопа»*.

Меня занимали другие детали — его возраст, его мягкость, зрение — мне кажется, на лице моем отразился ужас. Он так по-доброму, но в то же время немного насмешливо, поглядел на меня, что я рассмеялся. Я забыл, что я тоже пацифист! Или был им».

Профессор, соединяя в себе свою теорию о мирном характере революции и марксизм, возможно, не до конца понимал реальность. Как писал Альберт Рис Вильямс: «Он всегда, казалось, придерживался своей философии и оставался солнечным и добрым перед лицом многих испытаний и с огромным спокойствием встречал всяческие неудачи и невзгоды».

А. Р. Вильямс и Ч. Кунц оказались в самой гуще революционных событий, стараясь везде успеть и все увидеть собственными глазами. Оба они присутствовали 14 марта 1918 года на 4-м Чрезвычайном съезде Советов, целью которого была ратификация мирного договора. В конце апреля их, перед отъездом из Москвы, принимал Ленин, уделив не менее двух часов из своего напряженного графика, причем встреча эта была организована Кунцем. У Риса Вильямса сложилось впечатление, что всегда скромный профессор очень хорошо знал и Ленина, и его семью, хотя никогда этого не показывал. Они оба были уверены, что еще вернутся в Россию и встреча эта не последняя.

Охранной грамотой во время долгой дороги через всю страну во Владивосток, откуда они должны были вернуться в Америку, путешественникам служила телеграмма, разосланная по станциям комиссаром, ведавшим транспортными вопросами: *«Всем Советам. Кунц и Вильямс, генеральные организаторы Красной Армии, находятся на втором поезде. Прошу представителей Советов встретиться с ними для консультаций. Садовников»*. Это привело к тому, что на каждой станции собирались толпы народа, путешественникам оказывали исключительный прием, который очень смущал скромного профессора.

Некоторые авторы считают, что именно Октябрьская революция изменила взгляды аполитичного Кунца, повернула его к социалистическим идеям и заставила вспомнить о своих еврейских собратьях в России. Появление Чарлза Кунца в России за день до восстания, его давнее знакомство с Лениным, произошедшее, скорей всего, в Европе, (в своей книге А. Р. Вильямс писал о слухах, что Кунц был единственным человеком, который мог беспрепятственно навещать Ленина в Горках во время его болезни), заставляет меня усомниться в этом. Кроме того, в Нью-Джерси, где он жил, обосновалось достаточно много русско-еврейских эмигрантов, связанных с левыми движениями. Слова Ленина *«Мы противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности»* отвечали их чаяниям. О ферме Кунца рассказывали, что это, по сути, была артель, доходы от содержания которой делились поровну между всеми рабочими. Как бы там ни было, проникнутый идеалами социальной справедливости, равенства людей и наций профессор осуществил свои намерения возвратиться в Россию. В 1926 году он, имеющий давние связи с институтом агрокультуры в Нью-Джерси, приехал в Советский Союз с проектом создания современного сельскохозяйственного центра по образцу самых современных американских хозяйств. Более того, если верить данным из Интернета, через год подписал соглашение с правительством Украинской ССР о создании сельскохозяйственного колледжа и образцовой фермы возле Днепра.

В 1928 году советское правительство приняло решение выделить междуречье Биры и Биджана советским евреям. Кунц очень активно

участвовал в этом проекте, он больше года изучал состояние дел в Москве и Биро-Биджане. Руководство ИКОРа отмечало: *«В мае 1928 года профессор Чарльз Кунц поехал в Биро-Биджан как представитель ИКОРа и информировал нас о ситуации там, что мы могли и должны делать, чтобы помочь. Также он много делал для колонизации и завоевал любовь и внимание переселенцев. КомЗЕТ, ОЗЕТ и Экспертная Комиссия ИКОРа приняли его рекомендации»*.

На третьем Объединенном Пленуме ЦС и ЦП ОЗЕТа, состоявшемся в январе 1929 года, член Президиума ЦС ОЗЕТ и заместитель председателя Далькомзета И. М. Рашкес в своем докладе приводит письмо Кунца, очарованного красотами и богатством Дальнего Востока: *«Перед нашими взорами расстилалась страна, поражающая своим великолепием. Далеко вдаль уходила открытая страна, как бесконечный луг, покрытая богатой растительностью, пестрыми полевыми цветами, садами, в которых демократически смешались ирисы с лилиями, скромные полевые цветы с пятилистным красным клевером. Истинный рай для медоносных пчел! Разнообразный пейзаж как бы обрамлен отлогими Хинганскими горами, подпирающими нежный, манящий горизонт»* («Трибуна» №3 за 1929 год). А в следующем номере напечатан подробный план колонизации, разработанный Кунцем.

Чтобы познакомиться с Харбинским и Маньчжурским рынками, возможностями доставки продуктов туда из Биро-Биджана и распространять среди евреев-харбинцев идею переселения, в мае 1929 г. неугомонный профессор побывал в Харбине, во главе делегации ОЗЕТа. В результате он предложил послать в Биро-Биджан экспертную комиссию ИКОРа для изучения и оценки отведенной территории. В июне 1929 года в печати появилось сообщение: *«Комиссия американских экспертов для изучения возможностей еврейской колонизации в Биро-Биджане, Дальневосточной республики, входящей в Союз Социалистических Советских Республик, отправилась вчера в Россию»*.

Члены экспедиции в течение месяца знакомились с природными условиями Биро-Биджана, передвигаясь, где возможно, на поезде или телеге, а чаще верхом или на лодках. Если учесть, что к тому времени Кунц находился на пороге своего 60-летия, то можно понять, какой энтузиазм двигал этим человеком, впрочем, переселенцы

ICOR SENDS U. S. EXPERTS TO SURVEY BIRO BIDJAN FOR INDUSTRIAL COLONIZATION

Renew Talk of Jewish Autonomous Republic; President of Brigham Young University Heads Group

A committee of American experts to survey the possibilities for Jewish colonization in Biro Bidjan, Far Eastern Republic, a part of the Union of Socialist Soviet Republics, will sail for Russia on the Steamer Majestic Friday, an announcement issued yesterday by the Icor, American Jewish labor organization to further Jewish land settlement in Russia, stated.

The committee is headed by Prof. Franklin S. Harris, President of Brigham Young University, Provo, Utah, and formerly director of the Utah Agricultural Experiment Station, and is composed of Prof. J. B. Davidson, Professor of Agricultural Engineering at Iowa State College; Benjamin Brown, sales director of the Utah Poultry Producers Cooperative Association; Dr. Charles Kuntz of the Department of Sociology of Columbia University; B. Talmi, secretary of the Icor, and K. B. Sauls, who will act as secretary of the committee. Mr. Talmi has already arrived in Russia and Dr. Kuntz is in Biro Bidjan making preliminary preparations for the committee.

Заметка в «GEWISH DAILY BULLETIN» от 20 июня 1929 года о выезде экспедиции ИКОРа.

Члены экспедиции в лесу возле станции Ин.

отвечали ему заслуженным уважением. *«Быть может, самой ценной машиной, присланной ИКОРом в помощь «ОЗЕТу», является… профессор Кунц, не коммунист, настолько захваченный успехами и размахом нашего социалистического строительства, что он выступил с проектом социалистической колонизации Биробиджана. Проф. Кунца удивляет наше медленное продвижение к социализму, он хочет уже строить социалистическое общество в Биро-Биджане»* («Трибуна» №13, 1929 г.)

По результатам экспедиции был составлен подробный отчет и усилена экономическая помощь Биро-Биджану. Материальная помощь охотно принималась советским правительством, более того, именно для этого и было затеяно переселение иностранцев.

На четвертом съезде ИКОРа, проходившем в Нью-Йорке с 27 по 29 декабря 1929 года, Кунц доложил: *«Выдающиеся американские профессора, ученые, специалисты земледелия и колонизационных методов посетили Биро-Биджан и провели там несколько*

месяцев. Они основательно исследовали страну, изучили почву, климатические условия, людской материал, ее трудящихся — и привезли радостный отчет: Биро-Биджан — одна из плодороднейших, богатейших стран. Экспертная комиссия американского ИКОРа исколесила страну вдоль и поперек, от одного конца до другого. Американские светила науки поднимались на вершины биробиджанских хребтов, спускались в низменности и бродили по густым лесам, в непроходимой тайге, плавали по ее рекам. Они видели еврейских тружеников, орошающих своим потом биробиджанские поля, — и пришли к твердому заключению, что Биро-Биджан ожидает блестящая будущность». Не менее важной, а может быть, даже приоритетной для Чарлза Кунца была его убежденность в том, что *«Биро-Биджанский проект означает для советских евреев строительство настоящего общества, где счастье одного не будет обусловлено несчастием многих, общество, построенное массами для масс на основе полного равенства»*. ЦК ИКОРа, избранный на съезде, единогласно выбрал профессора Ч. Кунца председателем, заместителями избраны Ватенберг, М. Сильвер и М. Левин. Генеральным секретарем — Леон Тальми.

С этих пор большая часть жизни Кунца происходила в дороге между неосвоенными просторами Биро-Биджана, Москвой, где решались административные вопросы, Белоруссией и Украиной, где жили потенциальные переселенцы, Америкой и Канадой, евреи которых помогали переселению деньгами, техникой, специалистами. При этом профессор не забывает о своей мечте. 28 марта 1931 года в Хабаровске на торжественном заседании по случаю трехлетия со дня издания декрета ЦИКа СССР о переселении еврейской бедноты в Биро-Биджан Кунц представляет свой проект строительства на территории коммуны «Икор» образцового агроиндустриального соцгородка. В чем сущность колонизационного проекта Кунца? Основное — резко отрицательное отношение к кустарно-крестьянскому ведению хозяйства. Колонизация Биро-Биджана немыслима без широкой механизации — это являлось исходным положением при самом решении вопроса о Биро-Биджане. Первые трактора и машины для Биро-Биджана были заказаны раньше, чем были выданы первые наряды для переселенцев. Наиболее

рациональное применение современной техники и методов ведения хозяйства возможно не в мелком единоличном хозяйстве, а лишь при создании достаточно крупных коллективов. Исходя из этого принципа, Кунц разрабатывает и экономически обосновывает проект образцового поселения городского типа на 1000 семейств. Этакий город-сад, современный, автоматизированный, снабжающий себя продуктами питания и производящий товары для внешнего рынка. Он не только спроектировал образцовый социалистический город, но и принял активное участие в его строительстве на базе коммуны «Икор». В 1931 году первая группа переселенцев из Аргентины и Германии прибыла на место строительства города будущего. Так на карте области появился Соцгородок. Строительство его осуществлялось при непосредственном участии Кунца, который практически постоянно находился в Биро-Биджане, поддерживая переселенцев и осуществляя их связь с американским ИКОРом, оказывающим колоссальную поддержку специалистами, техникой и другими материальными и научными ресурсами.

В начале 1933 года, вернувшись из Биро-Биджана, Чарльз Кунц доложил ИКОРу о состоянии дел. Соцгородку в этом докладе уделяется особое место. Во-первых, по мнению профессора, *«он в миниатюрной форме характеризует как устремления, так и недостатки Биро-Биджана. Во-вторых, он иллюстрирует работу ИКОРа как организации»*. Если, начиная с 1928 года, когда ИКОР переориентировал свою деятельность в направлении Биро-Биджана, организация поставляла переселенцам огромное количество техники, то спустя несколько лет методы ИКОРа, как и действительность Биро-Биджана, изменились. *«Как у организации бедных рабочих элементов, ее средства никогда не были переизбыточны. Использование этих средств с максимальной выгодой требует отныне их концентрации на отдельных проектах, но главного назначения»*. Таких проектах, как Соцгородок, который может служить образцом для работы по колонизации в целом. Поэтому именно туда предлагает направить средства докладчик, помогая в *«создании лесозавода, механического цеха или в улучшении водного транспорта и тому подобного, посылая такое оборудование, которое трудно еще приобрести в пределах Советского Союза»*.

Ч. Кунц с переселенцами-иностранцами.
Из семейного архива Л. Сухой

В глазах Кунца политика Советского Союза определена целью: сделать возможность эксплуатации человека человеком невозможной. Коммуна, да еще оснащенная современной техникой, населенная высокоидейными и высококультурными товарищами, для него представляет высшую социальную форму. *«Коммуна совершила подвиг преодоления пропасти, шагнув прямиком в заветное царство».*

Кунц с восторгом описывает состояние дел в Соцгородке, который он покинул всего несколько месяцев назад, и планы на будущее. Строящийся город имеет большие перспективы. У него прекрасное местоположение на берегу большой судоходной реки, недалеко находится железная дорога и большой административный центр Хабаровск, что дает возможности для культурного и образовательного развития. Река *«прорезает большие лесные массивы, изобилующие высококачественной древесиной, пригодной для эксплуатации, и бревна удобно сплавлять вниз по реке до самого места, что делает экономически выгодным развитие здесь лесной промышленности. Более того, река вокруг кишит рыбой, это еще одна потенциальная отрасль индустрии».*

Кроме этого, вокруг большое количество свободных земель, залежи глины, пригодной для производства кирпича. Кунц докладывал не только о планах. Прошло менее двух лет с того дня, когда на сопочке появились первые переселенцы, а уже запущена лесоперерабатывающая фабрика, которая будет снабжать школы мебелью и оборудованием всех видов. В Соцгородке есть собственная строительная организация. С помощью деревообрабатывающего цеха, который готовит на станках необходимые пиломатериалы (доски, балки, двери и т. д.), бригада из 8–10 рабочих может построить двухэтажный 100 комнатный дом примерно за два месяца. В жилом секторе уже имеется достаточно жилья (построено два дома) для более или менее удовлетворительного размещения населения. После уборки урожая *«в сентябре 1932 года бригада из 14 коммунаров, большинство из которых лишены всякого опыта в этом новом деле, технически довольно плохо подготовленная, с некачественным оборудованием, без моторных лодок, выловила около двадцати тонн рыбы!»*

План на 1933 год предусматривал улучшение санитарии, пуск электростанции, строительство новых домов, школы, клуба, больницы, лесопильного завода с железнодорожными путями к нему.

«Во второй половине октября прошлого года я уезжал из Соцгородка, население которого составляет более 50% иностранцев. Прощаясь со мной, среди прочего, наши американские друзья просили меня передать сердечные приветы друзьям и родственникам. Скажите им, что, несмотря на трудности, с которыми мы здесь сталкиваемся, мы счастливы. Нет необходимости тщетно искать работу, нет беспокойства о закладных, нет грустного чувства депрессии. Их капиталистическое здание там разваливается, наше социалистическое здание здесь развивается, и мы участвуем в его возведении».

Постановление правительства о создании Еврейской автономной области еще больше укрепило веру профессора в правильности выбранного им пути.

В сентябре 1934 года Кунц принял участие в пленуме ОЗЕТа Белоруссии и после встречи с председателем ЦИК БССР тов. Червяковым

вновь уехал в Биро-Биджан. Его любимое детище — Соцгородок — находится в плачевном состоянии, коммуне вновь угрожает голодная зима. Именно в это время принимается болезненное решение о закрытии проекта. Все материальные и человеческие ресурсы перебрасываются в «Икор», на базе которого создается колхоз. Часть коммунаров разъехалась по хозяйствам области, часть возвратилась вместе с Кунцем в Америку. Видимо, это был последний его приезд в Советский Союз. Но он остался президентом ИКОРа и не оставил своей работы по поддержке проекта Биро-Биджан. В январе 1935 года профессор Чарльз Кунц выступил с большим успехом на открытом заседании в Виннипеге. Кунц рассказал об экономическом прогрессе, достигнутом в Биро-Биджане, и растущем процветании поселения, а также о том, что евреи там *«утратили свою национальную клановость»* и *«живут как братья среди людей другого расового происхождения»*.

Эта активная деятельность не прошла мимо внимания канадской полиции, в архивах которой сохранились донесения о выступлениях Кунца. В 1936 году Чарльз Кунц, анализируя прошедший период, призвал возобновить проект Соцгородок (что и было сделано, но уже силами еврейских переселенцев с Украины и Белоруссии). Между тем изменилась не только внешнеполитическая обстановка, вылившаяся летом 1938 года в конфликт между советскими и японскими войсками у озера Хасан, изменилась внутренняя политика советского правительства. Еврейскую автономную область объявили закрытой зоной, начался период репрессий, в которых пострадали прежде всего переселенцы-иностранцы. Чтобы окончательно отмежеваться от «иностранщины», колхоз «Икор» переименовали, присвоив ему в 1939 году имя 18 партсъезда.

Все разрушительные события, происходившие в области и в стране, не мешали принимать щедрые дары от американской организации, которая, под руководством Кунца, продолжала всеми силами поддерживать Биро-Биджанский проект, организуя антифашистские митинги, собирая деньги для развития национального района в надежде, что именно там евреи Европы могут найти убежище от фашизма. *«В исторический момент, когда загнанный в угол капитализм в своей борьбе за выход из его смертельного состояния*

не может найти никаких других способов кроме фашизма, — Советский Союз является маяком, показывающим человечеству единственную дорогу к спасению, дорогу угнетённого против угнетателя. Через постоянное общение с Биро-Биджаном икоровские массы не только находят утешение в факте, что на одной шестой части земного шара больше нет «еврейской проблемы», проблемы капитала и труда, но и учатся следовать примеру революционного пути, единственного пути решения проблем общества».

Во время Великой Отечественной войны эта помощь возросла, а в 1944 году, когда исход войны и ее варварские последствия для еврейского народа стали ясны, ИКОР организовал кампанию по сбору средств, с целью открытия детского дома для уцелевших еврейских сирот. Чарльз Кунц писал в августе 1944 года, что Еврейская автономная область как единственный район сосредоточения еврейского поселения в СССР, избежавший нацистской ярости, может сыграть главную роль в послевоенном строительстве страны. Многие евреи, особенно дети без родителей, найдут там *«дом без следов войны, мучающих их тяжело раненные впечатлительные души»*. Но эти усилия и собранные деньги волей руководства Советского Союза не были использованы по назначению. Ни Биробиджан, ни советские евреи не были нужны сталинскому руководству.

В октябре 1945 года ИКОР праздновал 75-летие своего руководителя, посвятившего 18 лет жизни работе в организации. В его адрес сказано немало теплых слов: *«С самого начала и до наших дней он завоевал любовь и восхищение очень многих членов и друзей ИКОРа, его слава вышла за границы организации. Все, кто имели счастье встретиться с ним или познакомиться с его трудами, неизменно становились верными почитателями или друзьями»*. В поздравительной статье отмечалось, что *«Советский Союз строит идеальное с точки зрения профессора общество, его национальная политика и построение Еврейской Автономной области соответствует идеям Кунца о равенстве людей и наций. На этом основывается его преданность идеям Биро-Биджана и работе ИКОРа. Мы гордимся нашим любимым профессором Кунцем!»*

Остается добавить, что этот удивительный человек умер в 1953 году, так и не осуществив свои давние планы, — работу на собственной

ניילעבן

אָקטאָבער, 1945 15 סענט

אינהאַלט

פראָפעסאָר טשאַרלז קונץ — ר. יוקלסאָן
אין גאָלדענעם האַרבסט (ליד) — אב. וויקטאר
דער בוי פון בירא־בידזשאַן נאָך יאָפאָנס מפלה — משה כץ
וועגן וועלט־שלום — הרב דוד ארי׳ גענוטה
ראובן יוקלסאָן — דער מענטש פון טאָט — י. א. ראָנטש
קאָרל מאַרקס, אידישע געשיכטע אין בירא־בידזשאַן — הרב אברהם ביק
אינדיאָנער זומער (ליד) — שרה פעל־יעלין
שכנא עפשטיין — לואי לעווין
קינדער־דערציילונג — שלמה דאווידמאן
אַלטע חברים — י. עמיאט
אידישע נייעס איבער דער וועלט — ב. סמאָל
אין דער אידישער אויטאָנאָמער געגנט דער איקאָר ביי דער אַרבעט — א. דזשענאָווסקי

די נאַציאָנאַלע עקזעקוטיווע פון „איקאָר" און די רעדאַקציע פון „ניילעבן"

באַגריסן דעם חשוב׳ן נאַציאָנאַלן פרעזידענט פון איקאָר און שטענדיגן מיטאַרבעטער פון „ניילעבן", דעם דענקער פאָרשער און קעמפער

פראָפ. טשאַרלז קונץ

צו זיין פינף־און־זיבעציג־יאָריגן יובילייי

און ווינטשן אים נאָך אַ סך שעפערישע יאָרן אין דינסט פון איקאָר און אַלץ וואָס איז פראָגרעסיוו און גערעכט אין אידישן לעבן.

שלום לעווין, וויצע־פרעזידענט
דזשעני פאָזנער, וויצע־פרעזידענט
מ. שטערן, נאַציאָנאַלער קאַסירער
א. דזשענאָווסקי, נאַציאָנאַלער סעקרעטאר
מ. ל. אַלקין, נאַציאָנאַלער אָרגאַנייזער
הרב אברהם ביק, משה כץ,
י. א. ראָנטש, דר. ל. שאצאָוו
פאַר דער רעדאַקציע.

Номер ежемесячника, издаваемого ИКОРом, посвященного юбилею Ч.Кунца

куриной ферме, написание пространной социологической и философской работы и авантюрных романов. Последние дни жизни он провел в одиночестве, в однокомнатной хибаре среди своих рукописей и книг, без семьи, без гроша в кармане, растратив состояние на яркую свою мечту — Биро-Биджан. Г. Ф. Сребрник, известный канадский исследователь левых движений, в своей книге «Иерусалим на Амуре» утверждает: *«Еврейское коммунистическое движение защищало российскую революцию и Советское государство до самого горького конца, который начался с разоблачений сталинских преступлений, содержавшихся в известной «секретной речи» Никиты Хрущёва в феврале 1956 года на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза»*. В таком случае, стоит порадоваться тому, что светлый идеалист Чарльз Кунц ушел из жизни, не услышав этой речи, не узнав всей правды о крушении его надежд. Еврейская автономная область не стала, как о том мечтал Кунц, национальным домом для евреев, но она стала образцом удивительного сплава людей различных наций и культур. Очень бы хотелось, чтобы люди, живущие в ней, помнили имя того, кто вложил так много собственных сил, интеллекта, материальных средств, по существу, всю свою жизнь, в ее рождение и строительство.

ГЛАВА II

Первый председатель Хоня Шапиро

Наверное, это не совсем справедливо, но в своей первой книге, рассказывая о судьбах икоровцев, я почти ничего не могла сказать о самом первом составе, тех белорусских парнях, которые в 1928 году основали коммуну «Икор», а в 1929 — поселок с тем же названием, нынешнюю Камышовку. К моей огромной радости, мои скудные сведения о них пополнились самым неожиданным образом. Оказалось, что дети первого председателя коммуны Хони Шапиро живут и здравствуют, и найти их помог мне, конечно же, Исаак Ильич Блехерман.

Он рассказал: *«Когда я в 1950 году перешёл в восьмой класс, к нам пришли несколько новичков, в том числе Феликс Шапиро из поселка Опытное Поле. О том, что его отец Хаим Шапиро был коммунаром, и они жили когда-то в Соцгородке, я узнал много позже от папы. В 1983 году, во время встречи выпускников, посвящённой 30-летию окончания школы, Феликс привёз в Биробиджан своего отца, и старые коммунары встретились.*

Воспоминаний у ветеранов было очень много, но нас, занятых своей встречей, тогда они не очень интересовали. После окончания судомеханического факультета ДВПИ во Владивостоке Феликс много лет проработал на Комсомольском судостроительном заводе, потом переехал в Керчь. В лихие 90-е он уехал в Германию, где живёт и поныне. Его сестра Лиза тоже окончила институт и работала в Комсомольске на авиационном заводе. Сейчас проживает в Израиле, в Бат-Яме, в доме напротив наших окон. Сам Хаим Шапиро похоронен в Комсомольске».

Так началась эта история. Дочь Хаима Иосифовича, Лидия (Лиза) Хаимовна Власенко, еще раз доказав, что в семейных архивах до сих пор хранятся несметные и неизведанные богатства, отыскала для меня групповую фотографию первых икоровцев. Ту самую, знакомую мне по книге Льва Лейбмана «Коммуна «Икор». В отличие

Коммуна Икор 1928г. Во втором ряду второй справа председатель Хоня Шапиро.
Из архива семьи Шапиро

от совершенно размытого и неясного печатного изображения, семейный снимок более четкий, к тому же он дополнен поясняющей подписью на обороте. И, конечно, Лидия Хаимовна уверенно узнает отца на фотографии икоровцев из фондов РЭМ (Российского этнографического музея).

У 29-летнего Хаима Иосифовича Шапиро к моменту создания коммуны и приезда в Биро-Биджан за плечами была служба в армии и кое-какой житейский опыт. Вероятно, именно поэтому выпускники сельскохозяйственной школы доверили ему возглавить свой коллектив. И не ошиблись. Коммуна очень быстро завоевала уважение и признание не только среди переселенцев, но и местных жителей.

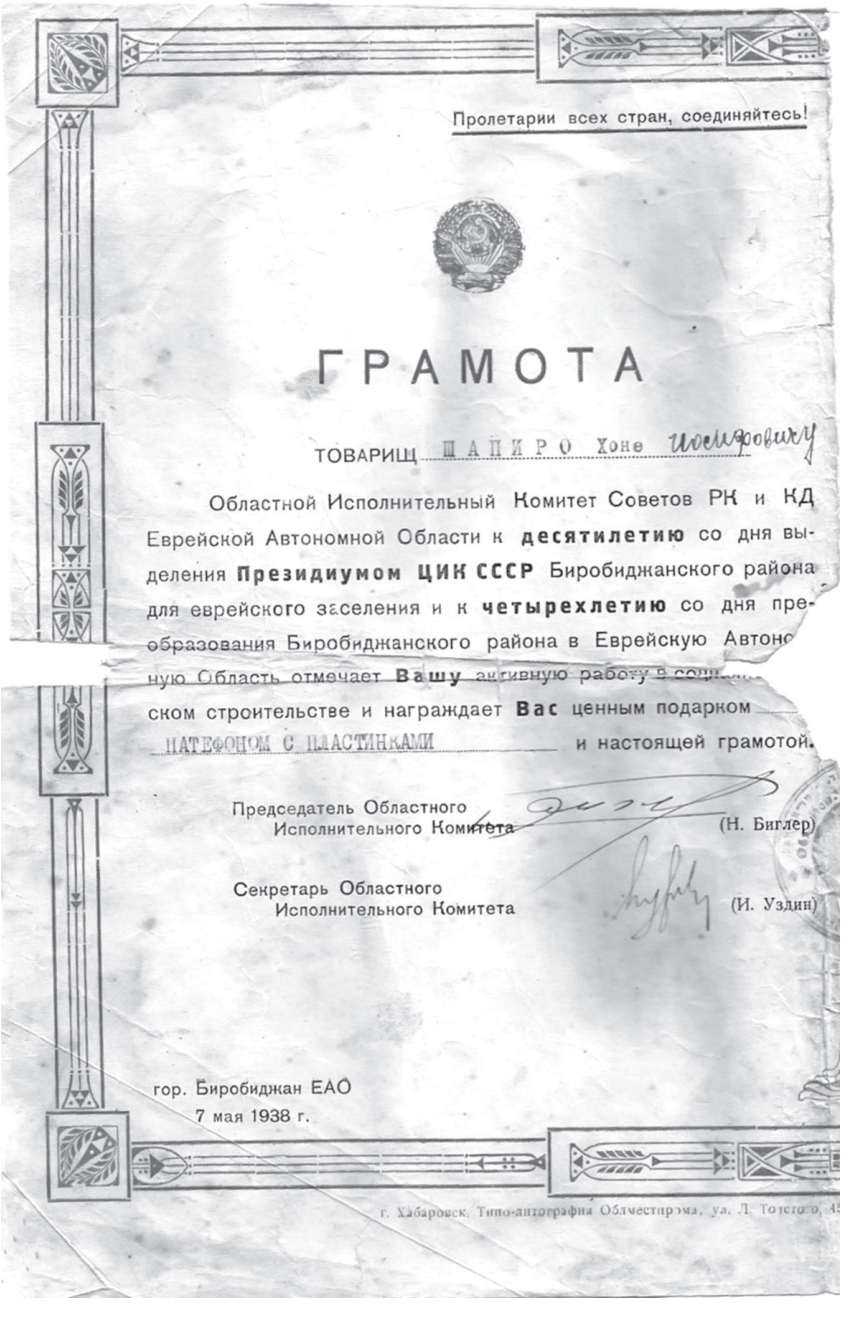
В коммуне, в ноябре 1931 года, Х. И. Шапиро стал членом ВКП(б). Он и Давид Рогинский были одними из последних коммунаров первого состава, оставшихся в «Икоре». Вслед за другими уехавшими на учебу парни поступили учиться в техникум механизации в Екатерино-Никольском. Л. Лейбман приводит отрывок из письма

студента Х. Шапиро коммунарам: *«Дорогие товарищи! Улучив свободную от занятий минутку, решил написать вам несколько слов. Вот я и студент техникума… День, когда я вышел к доске писать диктант, не забуду никогда. Тяжело мне пришлось. Пару дней я вообще ходил, как сумасшедший: мне все казалось, что я приехал не учиться, а покупать коров для коммуны. В конце концов я привык, принялся за работу и сейчас уже что-то понимаю… Я знаю, что если уж решил учиться, то должен быть готов ко всему. Как получите мое письмо, прошу сразу же ответить, напишите, что слышно в коммуне. Если б вы только знали, как сильно я по вам скучаю!»*

Постепенно все встало на свои места, упорства бывшему коммунару было не занимать. Его фамилия опять замелькала на страницах газет, но уже как пример того, как из местечковых евреев в области куются руководящие кадры. В связи с постановлением правительства о преобразовании Биробиджанского района в Еврейскую автономную область, в зерносовхозе состоялся многолюдный митинг. На митинге выступали первые переселенцы, приехавшие в 1928 году. Среди них *«бывший безграмотный рабочий, а теперь студент Биробиджанского техникума соцземледелия и парторг этого техникума Хоня Шапиро»* («Трибуна» № 6, 1934 год).

Вернуться в коммуну после окончания техникума в 1935 году Хаиму Иосифовичу не довелось, но вся его дальнейшая жизнь попрежнему была тесно связана с областью, а коммунары остались его друзьями и соратниками на долгие-долгие годы.

Из записей в его трудовой книжке известно, что он продолжил осваивать новую сельскохозяйственную технику в школе комбайнеров. После ее окончания работал директором переселенческой МТС в Бирофельде, инструктором, а затем и директором той самой школы комбайнеров в Алексеевке, в которой сам не так давно учился, был председателем сельсовета, заместителем директора на биробиджанской опытной станции и возглавлял плодово-ягодный питомник на Опытном Поле, строил школу в Бирушке. Новым поворотом в его карьере была работа десятником на кирпичном заводе, дорожным мастером. На какой бы участок ни направляли его, везде успешно справлялся, о чем свидетельствуют заслуженные награды.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГРАМОТА

ТОВАРИЩ ШАПИРО Хоне Иосифовичу

Областной Исполнительный Комитет Советов РК и КД Еврейской Автономной Области к **десятилетию** со дня выделения **Президиумом ЦИК СССР** Биробиджанского района для еврейского заселения и к **четырехлетию** со дня преобразования Биробиджанского района в Еврейскую Автономную Область отмечает **Вашу** активную работу в социалистическом строительстве и награждает **Вас** ценным подарком ПАТЕФОНОМ С ПЛАСТИНКАМИ и настоящей грамотой.

Председатель Областного Исполнительного Комитета (Н. Биглер)

Секретарь Областного Исполнительного Комитета (И. Уздин)

гор. Биробиджан ЕАО
7 мая 1938 г.

г. Хабаровск. Типо-литография Облчестпрома, ул. Л. Толстого, 4

Грамота Хаиму Иосифовичу Шапиро к десятилетию начала переселения и четырехлетию образования области.
Из семейного архива

Но для меня главным и очень важным документом, раскрывающим характер коммунара, оказались не его должности и грамоты, а его подпись под письмом в защиту своего предшественника на посту директора МТС Иосифа Баскина (письмо хранится в архиве семьи И. Баскина).

«Мы, колхозники колхоза им. Чехова Биробиджанского района знаем Баскина Иосифа Моисеевича с 1935 г., когда он работал у нас председателем райисполкома, и еще больше мы узнали в 1937–1938 гг., когда он работал директором Переселенческой МТС.

Баскин приходил на рабочие собрания, на правление колхоза, в бригады, в дома колхозников, он заботился о том, чтобы мы, колхозники-переселенцы, устроились хорошо, чтобы мы добросовестно работали в колхозе. Он никогда не мирился с рвачами, приехавшими за длинными рублями, всегда разоблачал их. Особенно хорошо работала Переселенческая МТС в 1937/38 гг. Трактора и прицепной инвентарь были вовремя и хорошо отремонтированы, посевную мы начали рано, машинами был обработан массив земли в 250 гектаров, исключительно хорошо мы посеяли пшеницу и получили хороший урожай. Мы впервые в том году организовали правильные бригадные звенья, вывезли удобрения на поля, мы чувствовали во всей нашей работе заботу честного коммуниста, преданного делу нашей партии, директора МТС — Баскина, поэтому мы очень удивились, когда узнали, что этот человек обвиняется в срыве правительственных мероприятий.

Судя по работе Баскина И. М. в нашей МТС, в колхозе, мы можем сказать, что он честный, преданный делу партии, делу Сталина коммунист.

Мы просим дело пересмотреть, проверить этого человека по его работе.

Колхозники колхоза им. Чехова Биробиджанского района Евр. авт. обл. Синявич, Лахтер М. Д.

Директор Переселенческой МТС, депутат областного Совета Шапиро».

И так далее, всего 20 подписей.

Выступление с таким заявлением во времена террора могло стоить не только свободы, но и жизни. Между тем Хаиму Иосифовичу

было что терять. В 1935 году он вернулся из отпуска с молодой женой, бросившей ради него городскую жизнь в Минске. Геня Монтвалинская родилась в 1907 году в большой и богатой семье. Ее мать умерла через неделю после рождения девочки, поэтому вначале ее воспитывала няня, а после революции она оказалась в детдоме. Может, именно этот сформировало ее сильный характер. Молодая жена Хаима была совершенно не приспособлена к деревне и биробиджанским реалиям. Ей пришлось учиться обрабатывать огород, ухаживать за скотиной, все это было очень тяжело и непривычно, но она с достоинством тянула свою ношу, научилась всему, не давала никому себя обидеть или унизить и этому же учила своих детей.

Я не могла не задаться вопросом, как при таком характере Хаиму Иосифовичу удалось «проскочить» опасные времена, когда были репрессированы его друзья, знакомые, те, с кем он начинал осваивать Биро-Биджан? Среди других был осужден Михаил Азрайлович Бейнфест, выходец из Белоруссии, организатор переселения, уполномоченный ЦС ОЗЕТ по ЕАО, который опекал коммунаров и называл их своими детьми.

Рассказывает сын Хаима Иосифовича Феликс: *«Жили мы в Бирофельде. Я учился тогда в политехническом институте во Владивостоке и приехал домой на каникулы. Совершенно случайно на глаза попалось письмо, в котором какая-то женщина из Воронежа просила отца подтвердить ей рабочий стаж. Отца дома не было, как всегда он занимался общественной деятельностью. Я спросил у мамы: «Кто эта женщина?» — у мамы испортилось настроение: «Это очень плохой человек. Видишь, вспомнила про Шапиро. Она чуть тебя без отца не оставила»!*

Разволновавшись, она быстро вышла из дома, чем еще больше разожгла мое любопытство. Позже от отца я узнал, что в 1937 году, когда мне был всего год, он работал директором МТС в Сталинском районе. Техника тогда была несовершенная, трактора часто ломались, запчастей не было, а наступила посевная. Эта женщина работала главным бухгалтером. В то время, когда она уехала в командировку в Биробиджан, отцу понадобились какие-то бухгалтерские документы. Он зашел в ее кабинет, выдвинул ящик стола и вдруг среди бумаг нашел там донесение в районное

НКВД, где было написано, что посевная срывается по вине Шапиро. Он делает это специально со своим главным механиком Покатиловским. В те времена это гарантировало приговор. Спасло то, что начальником райотдела НКВД был друг отца, который, прочитав этот донос, сказал: «Скажи спасибо, что эта бумага не успела прийти к нам! Пока бухгалтер в Биробиджане, срочно объяви ей выговор в приказе за какие-нибудь упущения в работе. Бумагу положи назад».

Это коренным образом поменяло ситуацию. Когда письмо попало в органы, донос выглядел как кляуза в отместку за полученное наказание. На мой вопрос: «Что же, после всего этого ты выполнишь ее просьбу?» — отец ответил: «Конечно. Тогда время такое было, сынок».

Сама Геня Григорьевна тоже была под стать мужу, работая почтальоном, на одном из совещаний она сказала: *«Как я могу заставлять колхозников покупать облигации, если людям есть нечего»*. Ее уволили с работы, хорошо, что не посадили.

«Доикоровская» история Хони Шапиро окутана тайной, в которую он не посвящал близких. Елизавета Хаимовна вспоминает: *«Папа был из очень бедной семьи, рано пошел работать. Рассказывал, что мама отдала его учеником к сапожнику. Наверное, совсем небольшим был — пытался кошке на ухо заклёпки ставить»*.

Местечко, в котором вырос Хоня, оказалось на границе между Западной Белоруссией, отошедшей по Брестскому договору к Польше, и территорией России. По всей видимости, именно это было решающим в том, что во время службы в армии Хаим Иосифович, хорошо знакомый с местностью, стал проводником в оперативной группе под командованием С. А. Ваушпасова, связанной с Коммунистической партией Западной Белоруссии (КПЗБ). Партия была создана в 1923 году в Вильно. Ее руководство развернуло партизанское движение, направленное на смену власти. В одной из операций по выводу членов ЦК этой партии на территорию России, в районе Ивенца, родного местечка Хаима, он был схвачен польской тайной политической полицией (дефензивой). На память об ее концлагере у Хаима на всю жизнь остались проблемы со слухом. Все могло окончиться очень плачевно, но соратники отбили его, напав на лагерь,

вынесли буквально на руках, потеряв при этом одного из своих бойцов. Из-за этой операции разразился международный скандал, подпольную деятельность группы пришлось свернуть.

Много лет спустя Герой Советского Союза С. А. Ваушпасов опубликовал книгу воспоминаний. Прочитав ее, Хаим Иосифович написал ему письмо. Бывший командир хорошо помнил своего проводника и прислал ему в ответ московский номер телефона и приглашение. Встретиться с Ваушпасовым, и не однажды, довелось сыну Хаима Иосифовича, Феликсу, во время командировок в Москву. И хотя все это происходило много лет спустя, в начале 1970-х, но даже тогда Ваушпасов не раскрыл подробности того дела.

В 1941 году Геня Григорьевна с пятилетним Феликсом поехала в отпуск в Минск, где у нее оставались братья и сестры, планировала навестить и свекровь в Западной Белоруссии, тогда уже входившей в состав Советского Союза, но не получила на это разрешения от властей. Как оказалось, к лучшему. Началась война, уехать из Минска удалось чудом. Генины сёстры Ода и Хася были замужем. Муж Оды был военный, служил на границе. Все погибли. После войны в живых остался только один брат, двое погибли в партизанах, остальные родственники покоятся в общей могиле в Минске. В базе данных на сайте Яд Вашема, музея памяти жертв Холокоста, я нашла 16 человек, носивших девичью фамилию Гени Григорьевны — Монтвалинские.

Родные Хаима, остававшиеся на оккупированной территории, тоже погибли в Холокосте, из всей родни пережил войну только племянник Изя Серебренников, именно в честь его погибшей мамы названа дочь Хаима Лиза. Изя сначала воевал в партизанском отряде, после освобождения Белоруссии дошел с Красной Армией до Берлина, а в 1945-м, как и многие оказавшиеся на оккупированной территории, да еще проживавшие до 1939 г. в Западной Белоруссии под властью Польши, очень логично получил 25 лет лагерей. Семья Шапиро не знала о таком повороте событий, хотя Хаима начало беспокоить молчание племянника. Визит на Опытное Поле представителей бдительных «органов» из Биробиджана оказался неожиданным. Феликсу тогда было уже 9 лет, он ясно помнит, как его отозвал в сторону человек в форме и пообещал огромную плитку американского

шоколада, сказочное сокровище по тем временам, если он расскажет, где отец прячет листовки и, не узнав требуемое, отпихнул в досаде ребенка. Приехавшие перевернули все пристройки во дворе, перекопали навозную кучу у сарая и, не найдя ничего, убрались восвояси.

Лидия Хаимовна рассказывает: *«Родители посылали деньги адвокату для пересмотра дела Изи. Как нашли их, не знаю, помню, что жили очень бедно: фуфайки, суконные платки, в доме никакой мебели»*. Родственника освободили только в 1956 году, он приехал к дяде в Бирофельд, за лето заработал какие-то деньги и уехал в Москву, а оттуда в Польшу и Израиль. Связь с ним постепенно потерялась.

В послевоенные годы пришла новая беда: могли арестовать за переписку с заграницей, сажали даже фронтовиков за рассказы о жизни на Западе. В архиве А. Н. Яковлева я наткнулась на интересный документ, датированный 25 июня 1949 года: донесение заместителя заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А. Дедова Сталину, в котором указывалось, что в Еврейской автономной области, помимо официальных отношений областных организаций с заграницей, широко распространены связи личные, не только рядовых граждан, но и руководящих работников. Среди целого списка фамилий — заместитель директора и парторг опытной сельскохозяйственной станции Шапиро.

Сестра Хони жила в Америке, брат на Кубе. Хаима Иосифовича вызвали на бюро райкома партии и призвали к ответу за переписку с заграничными родственниками. Помогли опять старые друзья, на сей раз члены бюро Наум Давидович Халфин и Фельдман. Коммунисту Шапиро объявили строгий выговор, но дальнейший ход делу не дали, хотя многие другие в области были исключены из партии и сняты со всех должностей с формулировкой «за сокрытие связи с Америкой». Подобные истории может рассказать почти каждая еврейская семья. Так рвались родственные связи, редко кому удалось их восстановить во времена оттепели.

Тем не менее бывший коммунар прожил свою жизнь в безоговорочной вере в партию и ее правоту и так же воспитывал своих детей. Елизавета Хаимовна подтверждает: *«Родители мои пример того,*

как объединила людей революция. Помню Опытное Поле (я ещё не ходила в школу) в праздники. Все село собиралось в клубе, были накрыты столы. Специально для этого заготавливали моченые или соленые арбузы и яблоки. Дома этого богатства не было». Да, жили бедно, но дружно, Лиза помнит теплую атмосферу родительского дома: *«Папа был веселый, пел еврейские песни. Это от него я узнала и про варнечки, и про Ицика, и про тум-балайку».*

Феликс, который много старше Лизы, в это время учился в средней школе в Биробиджане. *«В 1953 году я учился в 10 классе. Хорошо помню, как среди урока распахнулась дверь и в класс с обреченным лицом вошел, против своего обыкновения даже не извинившись перед учителем, директор школы:*

— Дети, случилась беда, умер ваш родной отец товарищ Сталин.

Заплакал весь класс, будто и в самом деле мы потеряли близкого человека.

Помню, как мама растерянно повторяла:

— Что делать, как жить будем?

А отец даже после XX съезда не верил, думал, что все это происки Хрущева».

Ушедший на заслуженный отдых Хаим Шапиро согласился на общественных началах возглавить сельсовет, а когда ему попытались заплатить за его работу небольшие деньги, написал в Москву возмущенное письмо о том, что нельзя человеку одновременно платить и пенсию, и зарплату. Закончилось все комиссией из области и скандалом. Не признавая никаких компромиссов, на посту председателя народного контроля, тоже на общественных началах, он так же был для многих не совсем удобным человеком и нажил немало недругов. Его характер не способствовал спокойной жизни даже в преклонном возрасте.

Старый коммунист Шапиро никак не мог смириться с тем, что его взрослый 40-летний сын, инженер оборонного предприятия, не член партии. Феликс Хаимович рассказал, что отец вынудил его это сделать самым неожиданным образом. Однажды его пригласил к себе в кабинет директор завода и показал письмо, отправленное в партком Хаимом Иосифовичем. Того очень тревожил вопрос:

Жители Бирофельда. Нижний ряд первый справа парторг, второй ряд сверху слева директор совхоза, Х.И.Шапиро сидит во втором ряду.
Из архива семьи

неужели Феликс недостаточно хорошо работает и недостоин того, чтобы быть членом КПСС? После этого сыну, припертому к стенке парторгом и директором завода, пришлось подать заявление о приеме, а те же директор и парторг дали ему рекомендации.

Слушая рассказ Феликса Хаимовича, я вновь и вновь удивлялась огромному убеждению и вере коммунаров в свою правоту и коммунистические идеалы, ради которых они легко, безо всякой жертвенности, поступались своими личными интересами. Такими они остались до конца своих дней, и независимо от того, принимаем мы эти идеи или нет, это не может не вызывать уважения.

ГЛАВА III

Моисей Гольдштейн

Фото с сайта pamyat-naroda.ru

Среди первостроителей коммуны «Икор — Соцгородок» был писатель Моисей (Михаил) Хацкелевич Гольдштейн, писавший на идише. Он один из тех, кто дал нам возможность узнать о коммуне из первых рук. История его семьи похожа на семейные истории многих соцгородковцев.

После волны еврейских погромов, в начале 1920-х, Моисей перебрался из местечка Лошиц (под Варшавой) в Буэнос-Айрес. Примерно в это же время туда из Белорусского местечка Телеханы с трудом и нелегкими приключениями, с тремя детьми, добирается мать его будущей жены Берты Иосифовны Костринской. Отец детей был убит погромщиками. Как и многие евреи с российских окраин, молодые люди сочувствовали социализму: Берта была связана с «Бундом», Моисей писал статьи для газет социалистического направления.

В 1931 году молодая семья — Моисей и Берта Гольдштейны — решили переехать из Аргентины в Биро-Биджан, строить еврейскую страну. В один из последних дней апреля 1931 года из порта Буэнос-Айреса отбыл корабль «Кап Аркона» и взял курс на Гамбург. Среди 300 пассажиров, ехавших третьим классом на этом судне, были переселенцы в Советскую Россию, в том числе рабочий трикотажной фабрики и начинающий писатель Моисей Гольдштейн.

В Гамбурге к аргентинской группе присоединилась группа переселенцев из Германии. В Ленинграде, а затем в Москве им устроили торжественные встречи.

Монтевидио. Моисей и Берта Гольдштейн в группе уезжающих в Биробиджан переселенцев.
Фото из семейного альбома Ю.Л.Слезкина.

В первые дни после прибытия на биробиджанскую землю переселенцы написали заявление, которое отдали в правление коммуны «Икор»: *«Мы, нижеподписавшиеся, просим принять нас в члены Соцгородка коммуны «Икор»... Мы обещаем приложить все наши силы, знания и умения, чтобы стать ценными коммунарами...»* Под этим заявлением стояло 20 подписей, и первая из них — Моисея Гольдштейна.

На борту теплохода и в коммуне Гольдштейн писал заметки и отправлял их в газеты. Первый очерк, напечатанный в «Биробиджанер штерн», был написан сразу после прибытия в Биробиджан — в августе 1931 года:

«Сейчас ночь, поют птицы, жужжат комары и мошка, а громче всех старается кукушка. А днем тишину нарушит звук топора, тракторы загудят, смех и здоровые голоса зазвучат в такт падающим деревьям: «Сильней! Вместе! Раз, два, оп!»

Тогда же «Эмес» («Правда») в Москве, а в январе 1932 года «Дер пойер» в Буэнос-Айресе поместили на своих страницах первые отчеты Гольдштейна о работе и жизни в коммуне. Публикации Моисея — в духе того времени, вполне оптимистичны.

Иностранные рабочие на перроне Октябрьского вокзала в момент прибытия из Ленинграда.
Фотография в журнале «Трибуна» №16 1931 год.

«Ровно четыре месяца мы находимся на биробиджанской земле — столько времени фактически продолжается наша работа. Так как первый шаг на сопке, где строится городок, мы сделали и первое дерево выкорчевали, теперь мы фактически жители Соцгородка. Первый дом на 32 комнаты был построен при нашем непосредственном участии. Мы, первые иностранные еврейские рабочие-переселенцы, начали строить Соцгородок, и мы его первые жители».

Далее следует подробное описание хозяйственных и общественных дел в коммуне: что уже построено, а что еще строится, что сделано и что планируется.

«Сейчас мы готовимся к зиме. К первой зиме для нас, живших долгие годы «летней жизнью». Готовимся основательно, штукатурим дом, делаем печки в комнатах. Зимней одеждой — ватными штанами, куртками, валенками, меховыми шапками и т. д. — нас обеспечит кооператив. Дрова у нас уже есть, так как Биро-Биджан богат древесиной, и о пропитании нам тоже не надо беспокоиться. Хлеба, картофеля, овощей (капусты, свеклы, соленых огурцов, помидоров и т. д.) здесь в достатке. Рыба (соленая,

копченая), чем так богат наш район, лучшая рыба, кета, в этом году кишела у берегов. Поэтому рыбой, икрой мы полностью обеспечены накануне нашей первой зимы в нашем новом доме — на нашей социалистической Родине». Такое же воодушевление чувствуется в рассказе «Праздник комсомола», в котором описывается субботник в коммуне: как люди обрезали деревья, носили песок и мелкие камни на дорогу, *«чтобы в последующие дни тракторы шли увереннее, колеса не тонули в грязи, лошади не падали, и работа в Соцгородке не останавливалась»*.

Позже в биробиджанской газете появится целый ряд очерков Гольдштейна, перепечатанных потом еврейскими изданиями мира, в которых он пишет о том же — о трудовом энтузиазме в коммуне, о новоселье в первом доме, который они построили своими руками. В одном из номеров «Биробиджанер штерн» (от 22 февраля 1932 года) Гольдштейн рассказывал о ходе заготовки древесины в волочаевском лесу: *«Товарищи из Соцгородка, которые еще недавно и понятия не имели, как готовят древесину в тайге, с первых же дней показали пример самоотверженного труда»*.

Читая его немудреные рассказы, понимаешь, что он описывал жизнь коммуны не как посторонний наблюдатель, а знал ее досконально, изнутри, до мельчайших подробностей, сам наравне с остальными коммунарами участвовал в ней, переносил тяготы и радовался первым победам. И в рассказе «В походе на Волочаевку», и в повести «Биробиджанцы на Амуре», над которой Гольдштейн начал работать всего через год своего пребывания в «Икоре», в описании местности, природы, характеров коммунаров и их отношений он наблюдателен и точен. В его заметках все вполне узнаваемо, он ничего не выдумывал, а рассказывал чуть ли не с документальной точностью, но в то же время живо и увлекательно.

Видишь название его первой заметки — «На сопке стоит церквушка», и сразу приходит на ум, что строительство будущего социалистического города начиналось на заросшей лесом сопке, возвышающейся среди пойменных лугов и болот. На ее вершине первые переселенцы увидели часовенку местного жителя Балаганского. Эта правдивость повествования особенно ценна сейчас, она помогает нам окунуться в атмосферу Соцгородка тогдашнего.

Моисею Гольдштейну знакомы и работа в поле, и косьба, и стройка, и хозяйственные заботы коммуны, везде он был непосредственным участником и исполнителем. Со знанием дела он описывал и окружающую природу, и таинства сельскохозяйственного труда. При всей тяжести последнего — кому как не деревенскому жителю открывается волшебство природы. А Моисей Гольдштейн умел не только заметить ее красоты, но и описать — трогательно и поэтично. Например, как в повести «Биробиджанцы на Амуре»: *«Впереди, точно исполняя какой-то красивый танец, шел длинный ряд косцов. Рубина захватила величественная картина. Впервые в жизни видел он такой танец: день чудесный, солнце обжигает тела, грациозно движущиеся в такт одно за другим, руки ритмически рассекают воздух, а косы срезают солнечные лучи»*. Читаешь и забываешь, что косьба — это изнуряюще тяжелый труд, а в памяти возникают картины собственного детства в Соцгородке, воздух, напоенный ароматом свежескошенной травы, купание в Тунгуске, немудреный перекус, тут же на покосе, в большой дружной компании.

Вот и Моисей наслаждался торжеством силы и духа молодых коммунаров, их единством и целеустремленностью. Чувствуется, что он был совершенно уверен, что из этой схватки с трудностями переселенческой жизни коммунары выйдут победителями. В рассказе «Поход на Волочаевку» устами поварихи Хаси он говорит:

«Такое бы мне счастье, какая здесь жизнь будет! И очень скоро! Не знаю, как вы там у себя жили, но здесь у нас жизнь будет прекрасная!»

И в то же время в крохотном эпизоде своей повести он сумел очень емко описать все сомнения и разногласия по поводу освоения Биро-Биджана, которые, несомненно, не могли его не волновать: *«Еще годик-другой и на нынешних болотах зацветут виноградники. Что большевики порешили, то непременно будет!» — говорит Ривкин, шагая босиком по траве. Брейтер смотрит на этого «пришельца с того света» и никак понять не может, чему тут, собственно, радоваться. «Черт меня занес в эту треклятую тайгу! Ничего лучшего для нас найти не могли», — думает он»*.

Но, как и для всех коммунаров, основное занятие писателя — тяжелый физический труд. Всего на несколько дней его оторвали от

обычной повседневной работы. В апреле 1932 года прибывала новая группа переселенцев из Аргентины. Для участия в делегации встречающих пригласили М. Гольдштейна. В 4 часа дня 17 апреля прибыл поезд из Иркутска, где в седьмом вагоне ехали аргентинцы. М. Гольдштейн оставил подробное описание этой встречи:

«Мы рассказали нашим новым переселенцам о состоянии и перспективах тех мест, где им предстояло поселиться. А они стояли плотно в проходе вагона и смотрели на нас сверху. Они смотрели радостными взглядами и глотали каждое слово. А мы, закаленные простой, но здоровой жизнью, рассказывали им все: о первых трудностях, о новой жизни, которая строится в Биро-Биджане» (Газета «Дер пойер», № 4, май — июнь 1932 года).

Свою первую повесть Гольдштейн закончил в августе 1933 года. Одним из ее главных героев стал парторг Погребицкий. Это тоже невыдуманный персонаж. Такой человек действительно жил и погиб в Соцгородке. Автор даже не изменил его фамилию, и у читателя этой книги будет возможность познакомиться с удивительной историей парторга Левы.

В № 25 журнала «Трибуна» (август 1932 года) опубликована заметка М. Гольдштейна «Иностранные рабочие в Биро-Биджане». Для нас она ценна еще и тем, что в ней Моисей описывает Соцгородок и называет фамилии его основателей.

«С углублением экономического кризиса в капиталистических странах число переселенцев из-за границы в Биро-Биджан растет. Если год назад аргентинцы представляли самую крупную группу переселенцев в Биро-Биджане, а Соцгородок был единственным пунктом их концентрации, то теперь в Биро-Биджане собрались переселенцы почти из всех капиталистических стран. Это говорит о том, что Биро-Биджан уже хорошо известен трудящимся зарубежья как одна из составных частей пролетарского государства, как район, занимающийся громадным строительством и имеющий большие перспективы. В Соцгородке, первом переселенческом пункте большинства иностранных групп, работают переселенцы из Аргентины, Уругвая, Германии и др. Правда, некоторые из них, не выдержав трудностей первого этапа строительства, покинули район, но большинство осталось.

Работа многих переселенцев показывает, что о бегстве из этого района они не думают.

Некоторые из иностранных товарищей выдвинуты на руководящую работу. Так, например, тов. Форер заведует с.-х. участком «Икора»; тов. Сухой — заведующий Соцгородком (оба аргентинцы), тов. Броцкий — технический руководитель по строительству; тов. Амрон — председатель сельсовета (оба американцы).

Сейчас в Соцгородке идет работа по строительству домов для новых переселенцев. Готовится к пуску мастерская по производству школьных принадлежностей. Приступили к установке электростанции, присланной американским ИКОРом».

Далее Моисей приводит в пример переселенцев-иностранцев, работающих на других участках строительства Биро-Биджана. И заключает статью так: *«Все эти факты говорят о том, что иностранные переселенцы умеют работать по-ударному, что многие из них осели в этом районе... Переселение трудящихся евреев из капиталистических стран в Бир-Ббиджан, несомненно, вполне себя оправдало. Об этом говорит ударная работа иностранных переселенцев, об этом говорит стремление их вступить в ряды партии, кандидатами которой многие из них уже состоят».*

Вполне логично, что среди этих переселенцев и сам автор. В конце ноября 1932 года в районной газете публикуется список «товарищей, подавших заявление в ВКП(б)». В нем среди многих других имя Гольдштейна М. Х. — чернорабочего.

Тон всех произведений Моисея Гольдштейна очень оптимистичный, он не оставляет сомнений в горячем патриотизме и надеждах на будущее, влюбленности в дальневосточную природу. А вот теперь время перейти к стороне жизни Моисея, скрытой от посторонних глаз. Молодая семья, как и все переселенцы в «Икоре», жила в очень тяжелых условиях. Первая же зима обернулась трагедией. Умерла, замерзнув в бараке, их новорожденная дочь. Друг семьи Леонид Стонов много позже писал:

«Берта рассказывала нам, как Михаил после смерти дочери сокрушался по поводу своего рокового решения и мечтал вернуться в Аргентину, чтобы пойти на могилу Бертиной матери

и просить у нее прощения за то, что не послушался ее горячих уговоров не ехать в Советский Союз. Он тогда еще не знал, что его ждет впереди».

А впереди было вот что. В 1933 году Гольдштейны перебрались в Москву, Моисей поступил в институт. Здесь у них родились дочери Карма (1933 г. р.) и Флора (1937 г. р.). В этом же страшном 1937 году Моисей не избежал участи многих других, он оказался в Бутырской тюрьме, арестованный за «шпионаж в пользу иностранного государства». Но в отличие от других ему повезло — несколько сотен заключенных выпустили из тюрьмы в связи со сменой руководства НКВД. В числе освобожденных был и Гольдштейн.

Но даже невзгоды не изменили тон заметок бывшего коммунара. 15 мая 1938 года «Биробиджанер штерн» печатает его заметку «Станция метро «Белорусский вокзал», которая заканчивается так: *«О розовом биробиджанском мраморе начальник шахты инженер Кузьмин очень высокого мнения. Он говорит, улыбаясь: «Розовый цвет — символ юности, свежести, а Биро-Биджан — наша самая молодая автономная область».*

В 1941 году М. Гольдштейн добровольцем ушел на фронт — военным переводчиком с немецкого. На фронте он не расставался со своей записной книжкой, продолжая писать рассказы. В 1943 году в литературном сборнике «Геймланд» («Родина»), редактором которого был Перец Маркиш, вышел его рассказ «Дер мамэс ворт» («Мамино слово»). Второй рассказ Гольдштейна «Ан айнфал фун а дайч» («Немецкая шутка») был включен в литературный сборник «К победе» в 1944 г. Это были последние публикации писателя.

Все тяжести, легшие на плечи Моисея Хацкелевича, не изменили его идеалов. В феврале 1943 г. он наказывал своей десятилетней дочери: *«Мое желание в день 25-летней годовщины славной Красной Армии, в чьих рядах я нахожусь, чтобы ты училась так, как требует великая партия Ленина — Сталина».* А 9 августа 1943 года младший лейтенант Моисей Гольдштейн писал: *«Мы ждем горячих боев. Я нахожусь там, где пульс войны бьется сильнее всего. Сейчас утро. Я сижу в окопе. Над нашими головами летают самолеты, рвутся мины и снаряды, свистят пули. Но ничуть не страшно, сердце радуется нашим успехам. Я хочу одного: дожить*

до того дня, когда на нашей земле не останется ни одного вооруженного фрица. Это обязательно произойдет: все будет хорошо!»

31 августа газета «Эйникайт» опубликовала трагическое сообщение:

«Одиннадцатого августа погиб в бою против немецких захватчиков еврейский писатель Моисей Гольдштейн. Погиб настоящий товарищ, преданный сын нашего народа, горячий патриот нашей Родины...»

Его родные и друзья долго ничего не знали о месте захоронения. Было известно только, что его могила где-то на Смоленщине. Через два с половиной года сведения о Моисее Гольдштейне были обнаружены в списке солдат и офицеров, похороненных в братской могиле в селе Большое Захаровское.

Тот же Л. Стонов продолжает свой рассказ:

«Беспомощная, плохо говорившая по-русски, ничего не понимавшая в этой стране и не имевшая никакой специальности Берта осталась одна с двумя маленькими девочками на руках. Она уже никогда не оправилась от пережитого ужаса. Достаточно было посмотреть на эту красивую, но рано увядшую женщину, чтобы понять, что это человек с разбитым сердцем. Берта говорила тихо, приглушенным голосом, с сильным акцентом и, казалось, всегда преодолевала внутреннее рыдание, ожидая несчастья... Семья бедствовала, все трое жили в одной крохотной комнате в многонаселенной коммуналке... Так как Берта не имела никакой специальности, да еще и плохо говорила по-русски, мама устроила ее ночной нянечкой в литфондовский детский сад...

Надо сказать, что все женщины в семье Михаила Гольдштейна были очень красивыми... Обе девочки были способными и музыкально одаренными, но очень разными по характеру. Флора была тихая и послушная, а Карма — смелая, горячая, своенравная, язвительная и нетерпеливая».

Карма окончила Гнесинское училище по классу скрипки. В 1955 г. вышла замуж за Льва Слезкина, уже тогда заметного ученого, кандидата исторических наук. Флора после окончания университета работала в Музее изобразительных искусств — сначала экскурсоводом, а потом научным сотрудником отдела археологии. Вскоре и она

вышла замуж за преуспевающего скрипача из московского оркестра Льва Маркиза.

Шли годы. Уехал в Америку и стал выдающимся американским историком и этнографом сын Льва и Кармы Юрий Львович Слезкин-младший, родившийся в 1956 году и окончивший МГУ.

О судьбе Флоры рассказывает в своей книге воспоминаний ее второй муж, небезызвестный И. Н. Голомшток: *«В 1981 году я получил письмо из Вены: Флора сообщала, что ее муж, московский дирижер и скрипач, получил приглашение на работу в Голландию, и они эмигрировали из СССР. Вскоре после приезда они расстались. Флора оказалась одна в чужой стране без языка, и только упорство и сила характера помогли ей освоить голландский и устроиться на работу в туристическое бюро. Возила туристов по Голландии, Франции (она хорошо владела французским), Бельгии, приезжала в Лондон (где и начался наш роман), читала лекции в Амстердамском университете, много лет преподавала на летних курсах Сахаровского университета в Баварии, писала статьи в русские газеты»*. В дальнейшем Флора с мужем проживала в Лондоне.

История эта получила совершенно неожиданное продолжение. Уже после ее написания мне посчастливилось отыскать Юрия Львовича Слезкина и получить от него датированные 1931 годом фотографии Моисея Гольдштейна и его жены Берты в группе переселенцев, отправляющихся в Биро-Биджан из Монтевидео. Он же помог распознать еще нескольких жителей Соцгородка на уже имевшемся у меня снимке 1932 года. Более того, выяснилось, что сестра Берты Костринской Сарра, также была в числе первостроителей Соцгородка. Фамилия ее мужа Исаака Пейсаховича встречается в архивных документах, они есть и на снимке, сделанном на пароходе в 1931 году. Юрий Львович рассказал, что приехали в Соцгородок они с маленьким сыном Иосифом, рожденным в 1929 или 1930 году, много лет прожили в Биробиджане.

На страницах «Трибуны» нашлась заметка «Радиовечер на госшвейной фабрике им. Кирова», в которой говорится: *«Стахановец Пейсахович в своем выступлении заявил: «В Аргентине я даже мечтать не мог о том, чтобы учиться. А здесь я учусь в вечерней*

Исаак и Сарра Пейсахович на пароходе из Аргентины.
Фото из семейного альбома Ю.Л.Слезкина.

школе, а моя жена окончила педагогическое училище». В 1937 г. Исаак Пейсахович разделил участь большинства своих соотечественников — он был арестован.

Юрий Львович рассказал: «Иосиф приехал в Москву из Биробиджана с красным дипломом поступать в институт. Какое-то время жил у Берты (видимо, в 1947-м). Время было плохое. После многих хлопот он поступил в Горный институт. В 1950-х вся семья перебралась в Москву». В Москве Пейсаховичи продолжали дружбу с семьями первостроителей Соцгородка Цви Кампеля и Хацкеля Сугальского. Эта ниточка, как и ожидалось, привела меня к новым открытиям.

Как правило, находки случаются там, где их совсем не ждешь. Однажды Николай Бородулин, который оказал мне неоценимую помощь в работе над книгой, прислал копию письма, несколько страниц, написанных на идише. Понятны в нем для меня были только надпись на русском и дата — «Соцгородок «Икор», 12 февраля 1932. Прошло немало времени, пока я, не имея никакой надежды найти

хозяев письма, удосужилась отдать его для перевода. Он получился неуклюжий, но стало ясно, что его автор — некая Броха из группы аргентинских переселенцев, прибывших в Соцгородок 13 июня 1931 года: *«Сегодня ровно 8 месяцев, как мы вышли в Хабаровске. Утром 13-го мы подплыли на маленьком кораблике по Тунгуске к коммуне. Вот так летит время»*. Несмотря на то, что Броха пишет о каких-то разногласиях в коммуне, она зовет брата к себе, потому что в капиталистических странах давно все «гниет» и распадается, а в Аргентине это происходит очень быстрыми темпами. *«Вот такая история, братик, так что ты можешь приехать уже в этом году или в следующем. Тебе могут даже устроить «протекцию» как инженеру-электрику. Тебе бы дали все условия, как дают всем иностранным инженерам-техникам. Для специалистов нет вещи, которую бы ему не обеспечили: квартиру, еду, одежду. От себя отрывают, только чтобы быстрее и лучше закончить на том или ином заводе электрификацию. Но что требуется от каждого — это самозабвенный, преданный труд, понимаешь? Никакой контрреволюционной работы, то есть нужно слушаться рабочего контроля»*.

Ну и далее личные вопросы о родных, перечисление неизвестных мне имен. Письмо помогло узнать дату приезда аргентинской группы и то, что переселенцы приезжали не только на станцию Волочаевка, но и в Хабаровск, а оттуда по Амуру и Тунгуске в Соцгородок… Прошло еще какое-то время, пока я вдруг не сообразила, что Броха и ее муж Моше, о котором она упоминает, вполне могут быть Бертой и Моисеем Гольдштейном, не так много семейных пар было в Соцгородке в 1931 году. К моей радости, все срослось: Юрий Львович Слезкин подтвердил — он на 99% уверен, что это письмо его бабушки к брату, внучке которого, проживающей в Израиле, оно в конце концов попало. Так письмо через 86 лет дошло к адресату. Правда, в связи с этим у меня возникли следующие вопросы: как это письмо могло попасть в архив Института еврейских исследований YIVO (Institute for Jewish Research), откуда его извлек Николай, и доходили ли вообще письма «заграничников» до адресатов или оседали в архивах соответствующих органов? Но это уже другая тема.

ГЛАВА IV

Куда приводят мечты

Семья Блехерман

Следующая история в общих чертах была знакома мне с детства. Имя ее главного героя — Ильи Исааковича Блехермана — часто всплывало в воспоминаниях отца. Познакомиться с ним довелось и мне, но в далеком 1966-м, когда я была еще ребенком и в какие-либо подробности не вдавалась. Зато теперь его дети Исаак Ильич и Геня Ильинична очень помогли мне в воссоздании удивительной семейной истории и сборе материалов для этой книги.

Конец XIX века. Ремесленный город Брест, в котором, по переписи 1897 года, проживало 45 568 человек, из них 30 290 — иудейской

В Польше.
Из архива семьи Блехерман.

Илья (стоит второй слева) в польской армии.
Из архива семьи Блехерман

веры. Город, имеющий давнюю историю, важное транспортное значение и в то же время — достаточно нищий, не имеющий водопровода, с одной больницей на 15 коек, четырехклассной гимназией и церковно-приходским училищем. Почти все ремесленное производство и торговля в городе сосредоточены в руках евреев.

Именно в этом городе проживала семья Ицхака Блехермана. Фамилия главы семьи указывала на родовую профессию — жестянщик. Не изменил традиции и Гилил (Илья), третий ребенок в многочисленной — одних детей 13 душ — семье.

Его молодость совпала с непростым временем. В результате военных действий Брест переходит из рук в руки. Россия, Украина, Польша… Илья успел не только овладеть профессией, но и послужить в Польской армии.

Рожденный в 1904 году, Илья хоть и учился, как все еврейские дети, в хедере, но, в отличие от глубоко веровавшего и соблюдавшего традиции отца, впитал в себя витавшие в воздухе нового века социалистические идеи. Его неугомонной натуре было тесно в рамках местечка.

Илья (сидит второй справа) на пароходе среди группы эмигрантов из Польши в Аргентину. Примерно 1926 год.
Из архива семьи Блехерман.

С очередной волной эмиграции Илья с младшим братом Янкелем и тремя сестрами — Ентой, Сурой и Мирьям — уезжает в Аргентину.

Чтобы понять, почему именно Аргентина, нужно вернуться в конец XVIII века. Погромы, нищета и голод в еврейских местечках, черта оседлости, не позволявшая жить и работать в городах, заставляли евреев уезжать в поисках лучшей доли.

Известный еврейский филантроп барон Мориц Гирш (1831–1896), создавший благотворительные фонды для развития образования среди евреев и потративший на благотворительность около 400 миллионов франков, пытаясь помочь своим российским единоверцам, планировал пожертвовать на их обучение и трудоустройство 50 млн франков. Для начала один миллион рублей был потрачен на нужды церковно-приходских школ, 400 тысяч — во время Русско-турецкой войны на устройство больниц для раненых обеих армий. Но, не найдя общего языка с царским правительством по поводу вложения дальнейших пожертвований, он изменил свои планы. Поняв, что у него нет возможности помочь евреям в России,

он решил вывезти их в другие страны, по его выражению, искать «нового отечества». Гирш основал Еврейское колонизационное общество, которое занималось организацией еврейской иммиграции в Аргентину, где оказалось много свободных земель. Барон скупил там (и не только) огромные участки земли для российских евреев. Началась массовая эмиграция — со своими надеждами и разочарованиями. После смерти барона его жена Клара де Гирш продолжила дело мужа, но это движение стало затихать. В начале XX века западные районы России оказались под властью правительства Пилсудского, и эмиграционный процесс возобновился с новой силой.

Неизвестно, как добирались молодые Блехерманы в Аргентину, но путь этот был нелегок, и, если бы не помощь МОПРа (международной организации помощи рабочим), вряд ли бы переселение состоялось. В Аргентине Илья устроился работать по своей специальности жестянщиком, но бунтарский его дух не удовлетворен. Уроженцы Брестчины хоть и звались в Аргентине «поляко», но далеко не все отождествляли себя с Польшей. Большинство из них считали эту территорию частью Российской империи, а оккупацию — временной, симпатизировали СССР и приветствовали социалистические порядки на родине. Да еще и на Америку надвигались годы Великой депрессии, повсеместно росла безработица. Поэтому слухи о строящейся на востоке России «земле обетованной для всех евреев» упали в благодатную почву. И когда в 1928 году по всему миру прозвучал призыв ехать в СССР и строить в болотах еврейское счастье, Илья с большим энтузиазмом на это откликнулся. Не остановило его и то, что брат и сестры не поддержали его порыва, а решили остаться в Аргентине. Итак, решено: Илья едет в Советскую Россию строить новую еврейскую жизнь.

Впоследствии Илья Исааковича Блехерман вспоминал: *«В 1930 году к нам в Аргентину приезжал секретарь Биро-Биджанского райкома партии Левин. Он рассказывал нам о перспективах будущей Еврейской области. Все поверили ему и приехали сюда. Все мы были коммунистами»*.

Переселением евреев в СССР из Аргентины занималась организация «ПРОКОР». В конце апреля 1930 года теплоход с группой переселенцев, полных надежд и радужных планов, покинул берега

Аргентины. Путь из Буэнос-Айреса в Европу не близок. В середине мая переселенцы прибыли во французский порт Шербур, затем, для получения визы для въезда в СССР, на поезде в Германию, где в Берлине им пришлось прожить почти целый месяц. Из Берлина морем в Ленинград, вновь на поезде в Москву, опять с задержкой для оформления разрешений на въезд. Только потом, на поезде через всю страну, — на Дальний Восток. Илья Исаакович вспоминал: *«Когда мы пересели в Гамбурге на пароход советский, нас поразило все в хорошую сторону. Во-первых, пароход был красавец, весь белый. Он курсировал Гамбург — Ленинград. Мы вместе обедали с капитаном судна. Где это видано, чтобы капитан обедал с пассажирами? Потом — висит объявление: «Лекцию на международные темы читает повар такой-то». Что это за страна, где повар читает лекции, капитан обедает со всеми? Я не мог переварить это. Я всю жизнь жил в капиталистических странах, чтобы такие чины... А когда мы высадились в Ленинграде, вообще все поразились. Нас водили показывать Ленинград, на обувную фабрику «Скороход». Там интересовались, что мы за люди, узнали, что я жестянщик, по вентиляции. Предлагали: оставайтесь у нас, у нас сидит специалист один, мы платим золотом, он хочет — работает, хочет — нет, он нами командует. Нет, как я мог остаться, я ехал строить Биро-Биджан!»*

Наивных идеалистов и мечтателей, считавших, что при социализме не может быть воров, в дороге обобрали, основательно облегчив их багаж. Наконец, 12 июня 1931 года, переселенцы прибыли на станцию Тихонькая. Их отправили в коммуну «Икор», туда, где на берегу Тунгуски энтузиастам-переселенцам предстоит строить настоящий социалистический агрогород. И название ему уже есть — Соцгородок. Пока же вместо города — сопка на берегу реки, заросшая лесом.

Позже Илья Исаакович рассказывал: *«Нам показали Балаганскую сопку — она ваша, стройте, живите.*

— Где брать стройматериалы?

— Рубите лес, для кирпичей есть глина, песок, делайте.

У нас было энтузиазма больше, чем силы. Я сейчас не представляю, как мы могли это перемолоть».

Маня Блехерман (Лейбова), переселенка из Литвы с сыном Изей.
Областной краеведческий музей ЕАО

Вот как воспоминал о коммунарах Иосиф Колин, актер ГОСЕТа:

«Соцгородок… Великолепно помню этот поселок. Всего несколько бараков в тайге. Иностранцы (евреи из Аргентины, Польши, Америки) работали там тяжело, но с великой верой в будущее, строили город. Кругом болота, тайга, а к нам на концерт зрители пришли в европейских костюмах, в накрахмаленных рубашках, женщины — в вечерних туалетах».

С прибытием новой группы коммуна превратилась в первую (и единственную в своем роде) международную еврейскую коммуну «Икор — Соцгородок». Переселенцы приехали не только из Аргентины, но и Уругвая, Америки, Польши, Литвы, Латвии, Германии, Румынии, Франции, Палестины, Бельгии. Уклад жизни у новоселов действительно коммунарский. Вместе планировали и распределяли работу, вместе питались в коммунарской столовой.

Большая помощь шла из-за рубежа от еврейских организаций: оборудование, машины, стройматериалы, инструменты. Но условия жизни и работа тяжелейшие. Первая задача — прорубить в лесу просеки для строительства домов. Городские еврейские парни стали лесорубами, пахарями, строителями и даже свиноводами. Неустроенность быта, тяжелая физическая работа, скудность питания, полчища гнуса. Выдерживают не все, очень многие уехали, но оставшиеся, и среди них Илья Блехерман, упорно работали. Вскоре построили первый дом, открыли мебельную мастерскую, создали рыболовецкую артель.

Как уже говорилось выше, в 1934 г. в силу многих причин коммуна распалась. Все приехавшие коммунары перебирались в «Икор». Семьи Блехерман и Пинзур остались жить в Соцгородке. Исроэль Пинзур на правах старшего поддерживал и наставлял Илью, который к тому времени женился, встретив красавицу Маню Лейбову, приехавшую на Дальний Восток вместе с сестрой Раей из Литвы. В 1935 у них родился первенец, мальчик Изя, названный в честь далекого деда из Бреста. Близкие его зовут очень символично — Икор.

Фотографию, где он запечатлен на руках своей мамы, символ новой зарождающейся еврейской страны, перепечатали многие издания мира. В 1936-м в молодой семье родилась дочь Туня.

Жизнь поселка возобновилась с новой силой с прибытием в 1936 г. группы новых еврейских переселенцев, в основном с Украины. Соцгородок стал культурным и спортивным центром для молодежи всей округи. Но ненадолго. Наступил страшный 1937 год. Если после убийства Кирова в декабре 1934-го у коммунаров-аргентинцев просто отобрали радиостанцию, оружие, с которыми они приехали, то сейчас начались массовые аресты.

Эти несчастья чудом не коснулись Блехермана и еще нескольких коммунаров. В основном тех, кто успел в срочном порядке тайно уехать. Позже Илья Исаакович рассказывал: *«Начальник НКВД приехал, он на фотокарточке у меня увидел свою сестру, он сам из Бреста был, рассказывал, что когда-то с Красной Армией удрал из дома, беспризорником был. Он сказал: «Илья, я несколько раз приезжал тебя брать, но у меня душа не пускает. У вас лесозаготовки идут 400 километров отсюда, в тайге, туда никто не до-*

берется. Переживешь это время. Это время изменится, не может быть». Я уезжал зимой на санях, а вернулся после этого сплавом уже, а его арестовали давно». Так вдвоем с Ааароном Литевским, еще одним переселенцем из Аргентины, они избежали страшной участи. Нужно ли говорить о том, что о переписке с родственниками в Бресте и Аргентине не могло идти и речи. Родные потеряли друг друга из вида.

В 1940 году началась война с Финляндией, Илью призвали в армию. После окончания Финской кампании ему посчастливилось вернуться домой живым и невредимым. И в это время произошли события, о которых Илья Исаакович молчал практически всю жизнь, стараясь спрятать свою боль от окружающих. В 1941 году, как раз накануне войны, Маня с маленькой дочкой поехали навестить родных в Белоруссию и попали под бомбежку. Маня и Туня стали первыми в поселке жертвами большой войны. Первыми, но далеко не последними. На фронт ушли практически все мужчины из Соцгородка. В конце 1941-го настал черед Ильи, он был призван в один день со своим воспитанником Митчеллом Беккером. Изя остался на попечении Брони Моисеевны Свердлик, молодой учительницы, направленной в Соцгородок, где тогда еще работала еврейская школа, после окончания педучилища в 1937 году. Она родилась 5 июля 1918 года на Украине в г. Красилове (Каменец-Подольская область) и позже стала второй женой Ильи Исааковича, прожила с ним долгую, не всегда легкую жизнь.

Митчелла после непродолжительной подготовки направили на фронт. Он погиб в 1944 году. Илья всю войну прослужил в Уссурийске, а 8 августа 1945 года вступил в войну с Японией, участвовал в боевых действиях, был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За победу над Японией». Демобилизовался в октябре. В Соцгородке школу к этому времени закрыли, в соседней Даниловке — только четырехлетка. Нужно было что-то решать с учебой Изи, и Илья Блехерман перебирается в город. Так семья, в которой уже подрастал еще один сын, Феликс, очутилась в Биробиджане. Но каким бы малым ни был тогда Изя, он всегда вспоминал Соцгородок, где прошло его раннее детство, с какой-то особенной теплотой. В памяти живы фамилии Блинковых,

Красниковых, Мирошник, Липовецких, Карпань, Сандлер, соседей по дому Рушки Урман и ее дочерей Любы и Хаи, Фани Русинской и ее дочки Раи. Помнит он и рыбалку на протоке, на Тунгуске и на заливе на Фаланге, где жили семьи старого Пинзура, Гурских (с Сергеем он дружил). Не забыл двух братьев Макаровых — Ивана и Яшу, которые с весны до самого снега пасли общественное стадо.

Первым в город переехал глава семьи, устроился на работу на завод металлоизделий, через пару месяцев получил квартиру, и 8 марта вся семья благополучно прибыла на новое место жительства. Жили, как, впрочем, и все в то время, очень трудно — три иждивенца на одного работника, а в 1946 году родилась Геня, и стало еще труднее. Но постепенно обзавелись хозяйством: корова, огород. Появились продукты, выращенные своими руками, молоко для детей. Через пару лет (после шестого класса) старший Изя стал на каникулах понемногу подрабатывать и помогать семье. В 1953 году он окончил школу и поступил в Высшее инженерное морское училище во Владивостоке, позже туда же поступил Феликс. А Геня окончила Томский политехнический институт.

В 1966 году совпало так, что братья встретились в отчем доме. Один приехал в командировку, второй заехал к родителям по дороге на новое место работы. Воспользовавшись тем, что вся семья в сборе, старший Блехерман привез детей в Соцгородок, в места своей коммунарской молодости. По старой памяти остановился у семьи Пензур. Только уже не у Исроэля, а у его сына Григория. Довелось встретиться и с другими старожилами села и даже сфотографироваться на память.

В 1968 году в очерке «Неделя в Биробиджане» Мотл Грубиан рассказал о встрече с Ильей Исааковичем (перевод с идиша В. Фоменко):

«Его портрет в дни больших праздников носят по улицам. У него есть Почетный диплом, в котором удостоверяется, что он, Илья Исаакович Блехерман — «Мастер — золотые руки».

— Если у вас есть такое желание, — сказал мне Илья, — мы вместе можем пройти по заводским цехам. Хотите?

И Блехерман ведет меня по просторным и вместительным цехам его завода. Я неспроста говорю «его завода». Потому что, в какой бы

Со старожилами Соцгородка.1966 год. На заднем плане справа налево Григорий Пензур, Фаня Русинская, Циля Гальперина, Илья Блехерман, Туня Пензур. Стоит Константин Пензур. На переднем плане Геня Блехерман, Шура Пензур, Маня Бондарь, Изя Блехерман, Лена Пензур (автор книги).
Из архива семьи Пензур

уголок вы здесь ни заглянули, куда бы ни обратили взгляд, нет такого места, где бы вы не увидели «кусочек» работы Ильи Блехермана.

Звание «Мастер — золотые руки» просто так, ни за что ни про что, не присваивается. Сейчас Илья на пенсии, и у него есть время поводить меня по цехам. Я прикасаюсь рукой к готовым деталям, ощущаю холод металла, и сердце мое трогает необъяснимое щемящее чувство: как далеко в прошлом осталось для меня время, когда из рук моих выходили вот такие же гладко отточенные и отливающие серебром тяжелые кругляши!

В каждом цехе меня тотчас же обступают евреи, которые в 1930-х собственными руками, располагая самыми примитивными

техническими средствами, закладывали фундамент трансформаторного завода, ставшего теперь гордостью Биробиджана и всего Дальнего Востока….

Ну и естественно будет предположить, что самый первый визит я предпочел нанести Блехерману. Дома Илья показал мне множество разных диковинок, которые он изготовил собственными руками. В числе таковых даже холодильник.

– Вы видите перед собой холодильник моего собственного изобретения, — говорил мне хозяин. — И будь у человека даже десять голов, он — можете мне поверить — ни за что не отличит этот агрегат от покупного. Да-да! Посмотрите хоть на эти вот золотые буковки на эмалированной дверце. Откройте дверцу и взгляните на отделения для продуктов. Ну или на эти вот электрические соединения. Ну, конечно же, все-все сделал я сам….

На секунду забыв о холодильнике, Илья открывает сервант, сплошь заставленный хрусталем, и я вижу в его руке толстую пачку фотографий.

— Вот посмотрите: это два моих сына — пусть они уже будут здоровы — Ицик и Феликс. Ицик работает на судоремонтном заводе на Каспии. Феликс тоже ремонтирует корабли. Но это уже на Балтийском море. И вы просто не представляете себе, как я бываю рад, когда мои «матросы» приезжают домой в гости к отцу».

Но не только коммуна «Икор — Соцгородок» тревожила память. Илья Исаакович не оставлял попыток связаться с аргентинскими родственниками. После войны через газету «Эмес», выходившую в Варшаве на идише, он разыскал своих сестер и брата в Буэнос-Айресе. Снова завязалась переписка. Они даже присылали посылки. Но все это было под пристальным вниманием всевидящих органов. В 1947 году Блехермана предупредили, что если он не хочет иметь неприятностей, то лучше эту переписку прекратить, что и было сделано. И только много позже, во времена хрущевской оттепели, общение возобновили. В 1973 году Илья Исаакович получил приглашение от сестры посетить Аргентину, чем с огромной радостью воспользовался. Когда он вернулся в Биробиджан, на расспросы о поездке, о жизни людей он рассказал, что его родные в Аргентине не могли поверить в то, что все трое детей

Блехерман Броня Моисеевна и Илья Исаакович
Из архива семьи Блехерман

жестянщика получили высшее образование. А особенно любопытным Илья неизменно отвечал, что там его язва не болела и быстро зарубцевалась. Даже в эти годы он не рисковал рассказывать подробности. Позже Илья Исаакович рассказал, что в Аргентине он встречался со многими друзьями своей юности. Некоторые из них «стали большими буржуями».

Среди этих встреч была одна особенная, вернувшая его в 1931 год. Из Аргентины в Соцгородок приехала молодая семья с годовалым ребенком. И молодая мама, и младенец очень страдали от укусов мошки. Когда однажды утром женщина проснулась настолько опухшей, что не смогла открыть глаза, коммунары решили, что семья должна вернуться назад и сами похлопотали о разрешении на отъезд. От этого мальчика, солидного владельца сети галантерейных магазинов, Илья Исаакович узнал, что родители часто вспоминали Соцгородок и рассказывали о нем сыну.

Сам Илья Исаакович на всю жизнь осел в Биробиджане и остался верен своей родовой профессии жестянщика и заводу силовых трансформаторов. Он был человеком известным в городе и области, всегда занимался общественной работой, был членом профкома. Даже достигнув пенсионного возраста, продолжал трудиться. Сорок лет он отдал родному предприятию. Всю жизнь, в свободное

Изя и Туня в Соцгородке 2015 год
Из архива семьи Блехерман

от работы время, он не выпускал из рук книги и всегда старался чему-нибудь учиться. В его доме было хорошее собрание книг, в городской библиотеке он перечитал все книги на идише, а потом взялся за русскую литературу.

В возрасте 78 лет ветеран перенес тяжелейший инфаркт, только тогда он вынужден был оставить работу и начать жизнь простого пенсионера. Каждый день он совершал длительные пешие прогулки вокруг квартала, где они жили, не пересекая дороги, потому что почти полностью ослеп. Во время одной из таких прогулок какие-то бандюги-пацаны потребовали у него деньги и избили его. И не столько от побоев, сколько от бессилия и обиды он слег и через несколько дней скончался. Это случилось в 1997-м, когда ему было 93 с половиной года. Так печально закончилась жизнь этого замечательного человека, много повидавшего на своем веку и оставшегося верным своим идеям.

Чтобы не заканчивать рассказ на этой грустной ноте, нужно вспомнить, что при жизни Илье Исааковичу посчастливилось увидеть, как станция Тихонькая превратилась в цветущий город, как разлетелись его птенцы из отчего дома по разным городам и даже странам, получили образование, создали счастливые семьи. Мог ли мечтать жестянщик Ицхак Блехерман из Бреста, что его потомки,

дети и внуки его непоседливых детей Ильи, Енты и Мирьям соберутся вместе на святой земле Израиля?!

Но были встречи и события еще более удивительные. Интернет помог найти считавшуюся погибшей дочь Ильи Исааковича Туню. Когда она после гибели матери попала в детский дом, ей не было еще 5 лет, и она мало что помнила. Воспитательница Татьяна Ильинична Лопатко сохранила за девочкой настоящую фамилию, благодаря этому через 70 лет смогли встретиться родные люди. Окончив в детдоме семь классов, Антонина (Туня) поступила в Брестское училище связи, сама того не зная оказавшись на родине своего отца. В 1955 г. после окончания была направлена в Печору, где живет и сейчас. Вышла замуж, родила трех дочерей. Все они получили высшее образование. Младшие живут со своими семьями рядом с матерью. А старшая дочь Виктория сейчас в Америке. Благодаря ей и Исааку Ильичу семья воссоединилась.

«Мы все время надеялись найти родственников, — говорит Виктория. — Со временем почти свыклись с мыслью, что никого из близких у нас больше нет. Но искать не переставали. Наша неумирающая надежда сотворила чудо. Мы, наконец, встретились с теми, кого искали всю жизнь!»

Несмотря на то, что потомки жестянщика Ицхака Блехермана из Бреста разбросаны по разным странам, они — одна дружная семья, хранящая память о своих предках и унаследовавшая от них порядочность и доброту, готовность прийти на помощь. И еще — очень любящая Биробиджан. Настолько, что даже солидный возраст не мешает вновь и вновь приезжать, встречаться со знакомыми улочками, друзьями, юностью. Мечтать о встрече с Соцгородком.

Наши мысли материальны. Если очень захотеть и стремиться к этому, оно обязательно сбудется. Осуществились и мечты семьи Блехерман. В мае 2015 года Изя вместе с Туней, покинувшей поселок в 1941 году, смогли вернуться в Соцгородок, к своим истокам.

Но история семьи этим не завершилась. Очередным сюрпризом стало то, что в 2017 году удалось связаться с семьей сестры мамы Исаака Ильича — Раисы, в прошлом также жительницы Соцгородка. Только тогда удалось выяснить девичью фамилию сестер и узнать некоторые новые подробности о родных.

ГЛАВА V

Семья Погребицких

Сквозь времена и страны

Мой рассказ о коммуне «Икор — Соцгородок» начинался с утверждения, что крохотный приамурский поселок вобрал в себя всю еврейскую историю XIX–XX веков. Но даже я, знакомая к тому времени с судьбами многих переселенцев, не могла представить, в какие времена и события увлекут меня герои моих рассказов, к каким именам приведут. Все коммунары имели у себя за плечами загадочное и удивительное прошлое и не спешили открывать его окружающим. В то же время многие из них, словно понимая, что здесь и сейчас их руками вершится история, несмотря на переезды в разные города и страны, смену времен и властей, бережно хранили в семейных архивах старые документы и фотографии, а главное — свои записи. Эти воспоминания позволяют сейчас приоткрыть неведомые ранее подробности о прошедших событиях.

Фамилия Погребицкий и история трагической гибели парторга Лёвы, который стал героем повести М. Гольдштейна «Биробиджанцы на Амуре», не раз встречались в воспоминаниях бывших коммунаров. Семья парторга коммуны Льва Погребицкого состояла из семи человек. Чтобы познакомиться с их судьбами, пришлось углубиться в далекие времена и события в разных странах. Если бы лет сорок назад кто-нибудь сказал мне, что я с большим интересом буду отыскивать свидетельства о волнениях 1905 года, о жизни Ленина в Париже, о его школе в Лонжюмо и еще о многом из истории создания РСДРП, я бы, пожалуй, не поверила. Заняться этим меня заставило желание понять, какое отношение к этим событиям имеют наши герои. Не могу сказать, что мне это удалось, но какие-то завесы чуть-чуть приоткрылись. Помогли это сделать воспоминания бывших коммунаров.

И. И. Блехерман вспоминал: *«Очень интересная семья была в Соцгородке, они из Америки приехали, фамилия Погребицкие.*

Лёва у нас парторгом был в Соцгородке. Сын у него художник. У нас была общая столовая, он в ней на всю стену нарисовал картину, такую, как люди живут и работают в коммуне. А Лёва утонул в 1932 году при заготовке сена. Мы косили далеко, километров восемнадцать от «Икора», на Тарабаровском острове в Самаро-Орловке. Началось наводнение, вода залила все. Местные жили на чердаках, наши косари забрались на стог сена. Лёва поехал снимать их. Он хорошо умел плавать, но одет был очень грузно. Я помню — ботинки зашнурованные, высокие, как сапоги, френч черный. Лодка была перегружена, Лёва выскочил и хотел доплыть до дому, недалеко было. Одной рукой он пытался поднимать выше над головой партбилет, чтобы не замочить его, и не смог выплыть. С ним в лодке были два брата Лерер, с нами из Аргентины приехали. Они не умели плавать, так и сидели в лодке, пока их не сняли. А Лёву нашли на следующий день, зацепившегося за куст. Нас было несколько человек, мы заплакали, когда увидели его с партбилетом в руке. Какие были коммунисты!

Похоронили его в Соцгородке, на сопке, но потом на это место пришли военные, заровняли все, могила не сохранилась».

20 августа 1932 года «Биробиджанер штерн» напечатала некролог, в котором говорилось: *«С глубоким прискорбием сообщаем о трагической смерти секретаря партийной ячейки «Соцгородка — Икор» Лёвы Погребицкого, старого большевика и активного социалистического строителя, который героически погиб, спасая имущество коммуны во время наводнения»*. 15 сентября в этой же газете появляется заметка Моисея Гольдштейна «Погиб коммунар и большевик» с рассказом о том, как это случилось.

Это все, что мне удалось узнать первоначально, и я закончила свой скудный рассказ фразой: «Какова была дальнейшая судьба семьи — неизвестно».

И кто бы мог подумать, что эти несколько строк приведут к знакомству с самой младшей из большой семьи Погребицких. Внучка парторга Лёвы и дочь художника Вильяма, Гита Вавиленкова, живущая ныне в Америке, рассказала о судьбе семьи и поделилась фотографиями из личного архива.

«Я — дочь Погребицкого Вильяма Львовича и внучка Льва

Погребицкого, а моя фамилия Вавиленкова Гита. Я родилась в 1930 году, к моменту написания этих воспоминаний мне исполнилось 88 годков. Это очень много, но голова моя работает хорошо. Из всей семьи, которая находилась в Биро-Биджане, я одна осталась в живых».

Я преклоняюсь перед этой женщиной, которая в своем возрасте и при слабом зрении разобралась с компьютером, переслала фотографии, записала свои воспоминания, сделала все, чтобы передать свои знания и память о своей семье, о коммунарах, будущим поколениям. Дальнейший мой рассказ я полностью основываю на записках Гиты Вильямовны, ее бабушки Гени Львовны, коллег и учеников Вильяма, лишь иногда вмешиваясь в их воспоминания, чтобы придать им хронологический порядок.

Лев Погребицкий приехал в Соцгородок в 1931 году, а в 1932-м к нему присоединилась остальная семья: жена Геня, сын Вильям с невесткой Розой и их троих детей — Петер, Рабин и малышка Гита, которой не было еще и двух лет. Какую веру в коммунистическое будущее и Советскую Россию должны были иметь эти люди, какую убежденность в том, что их место там, где строится, как они думали, новая жизнь для евреев, я, честно говоря, до сих пор представить до конца не могу. Дорога в неизвестное, через половину земного шара, в неведомые и неосвоенные земли, с маленькими детьми — как можно было решиться на такой риск?! Сейчас мы постараемся разобраться в истории очередного переселения.

Мне пришлось разделить обширный рассказ о трех поколениях этой удивительной семьи на несколько частей. Начинаем со старших, которых молодежь, населявшая коммуну, считала почти стариками. Итак, слово Гите Вильямовне Вавиленковой.

Старшее поколение. Лёва и Геня

«Бабушка Геня родилась в Литве, в Вильно, в 1878 году, в большой и бедной религиозной семье, где было 14 детей. Она рано начала работать, с 12 лет, на трикотажной фабрике. Это были неспокойные времена. При фабриках и заводах образовывались политические кружки. Геня со своими сестрами стали активно

Лева, Геня с Биллом на руках и ее сестра в Одессе.
Фото из семейного архива Гиты Вавиленковой

участвовать в одном из них, там она и познакомилась в 1900 году со своим будущим мужем, Лёвой. Через четыре года они поженились, а в 1905 году родился первенец — Билл. Их совместная жизнь была совсем не простая, сначала семья пыталась обосноваться в Киеве, но при волнениях Лёва был ранен на баррикадах, и они должны были уехать».

Вот как об этом рассказывала сама Геня Львовна: *«Я вступила в социал-демократическую партию в 1901 году в Киеве. В 1903 году в Екатеринославе (Днепропетровск) за свою революционную деятельность была арестована и просидела больше года, потом меня выслали на родину под надзор полицейской жандармерии. Я скрылась и вернулась в Киев, где продолжала вести партийную работу. В начале 1905 года я работала в нелегальной гектографии Елисаветграда* (после 1934 года — Зиновьевск, затем Кировo,

Геня и Лева Погребицкие в Париже.
Фото из семейного архива Гиты Вавиленковой

до 2016 года Кировоград, сейчас украинский Кропивницкий). *В октябрьские дни этого же года мой муж был ранен, после чего товарищи помогли нам уехать в Одессу, а затем на пароходе за границу для его лечения. Так мы оказались в Австрии, а оттуда, не найдя общего языка с еврейской религиозной общиной, перебрались в Париж. Стали посещать Плехановские сходки, а затем Ленинские кружки».*

Поражение революции 1905–1907 годов вызвало большой приток эмигрантов из России в Париж, в основном бывших ссыльных революционеров, скрывающихся от преследований и продолжающих свою деятельность из-за границы. Париж, по оценке Ленина, в это время *«самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты всех фракций, происходят*

дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2–3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д.».

В эту компанию очень органично влилась и погрузилась в активную революционную деятельность семья Погребицких. *«Там, в Париже, и познакомились бабушка и дедушка с Лениным, его сестрой Марией Ильиничной и их близким окружением. Бабушка всю жизнь гордилась этим. Папа даже нарисовал портрет своей матери с Ленинским значком. Бабушка Геня была железной леди, она никогда об этом никому не рассказывала. О прошлом Лёвы мы знаем еще меньше, никаких документов его не сохранилось, известно лишь то, что именно в Париже произошло знакомство с Плехановым и Лениным, дедушка активно участвовал в становлении РСДРП».*

В 1914 году, как выразилась Гита, по совету товарищей, пара перебралась в Америку. Я совершенно уверена, что не в поисках теплого места, а для продолжения революционной работы в коммунистической партии Америки, в создание и работу которой российские революционеры, несомненно, вложили большие усилия.

«В Нью-Йорке, где семья прожила один год, уехав из Парижа, узнали, что в Нью-Джерси в 1915 году открывается Modern School. Сыну Гени и Лёвы, Биллу, моему папе, который родился 1905 году, было уже 10 лет, он хорошо рисовал, и его с удовольствием взяли в эту школу. Лёва стал работать там же в подсобном хозяйстве, возил детей в школу, в свободное время чинил обувь. Детишки его любили за то, что он никогда на них не повышал голос, не ругал за опоздания. Бабушка следила за всеми политическими событиями, участвовала в демонстрациях и не раз попадала в полицию. Однажды устроила скандал, не дала снять отпечатки пальцев. Об этом даже писали в газете. Неудивительно, что в итоге оказалась в черных списках, не могла устроиться на работу».

Слово Гене Львовне: *«Во Франции я, как и прежде, принимала активное участие в революционной работе, не оставила ее и в Америке, куда мы перебрались позже. За что в 1929 году была арестована и пережила в американской тюрьме голодовку. После моего освобождения текстильный союз, членом которого я состояла,*

Роза в MODERN SCHOOL.
Из архива Гиты Вавиленковой

послал меня делегатом на Октябрьские празднества в Советский Союз. Это было для меня высшей наградой в моей жизни. Через шесть недель я вернулась в Америку и с новой энергией продолжала работать, снова была арестована, но меня это не остановило».

Мы ненадолго оставляем Нью-Джерси начала XX века и возвращаемся в 1887 год, на юг Польши, где в маленьком городке, который перестал существовать после Второй мировой войны, родилась вторая бабушка Гиты — Фаина. *«Десятилетней девочкой она оказалась свидетельницей кровавой резни, учиненной казаками, и только случай помог ей уцелеть. С тех давних пор у этой семьи были свои счеты и нелюбовь к царскому правительству России. Фаня подросла, вышла замуж за Дэйвида, и они решили покинуть Польшу, переехав в Англию в 1907 году. В Лондоне у них родилось двое детей: моя мама Роза — 17 августа 1908 года и ее брат Бен — 13 июня 1911. В 1912 году семья переехала в Америку».* К дальнейшей истории этой семьи мы еще вернемся, сейчас же для нас главное, что дети начали учиться в Modern School — Современной школе, рассказ о которой также ждет нас впереди.

Итак, Роза и Билл встретились, прошли годы, подросла и повзрослела Роза, и в 1926 году они поженились. Один за другим появились трое детей — Петер, Рабин и Гита.

Дальше, как практически для всех семей «заграничников», сошлись воедино кризис в Америке и призыв Советской России к евреям мира строить свою социалистическую страну. Но чем больше я знакомлюсь с судьбами строивших «Икор — Соцгородок» коммунаров, тем больше склоняюсь к мысли о том, что экономические

причины были далеко не первичны. В большинстве своем переселенцы были не жертвы, введенные в заблуждение и не ведавшие о том, что их ждет в России, а активно участвующие в преобразованиях революционеры, готовые на все ради своих убеждений. А убеждения их говорили о том, что евреи должны иметь уголок земли — неважно, в какой части света, но принадлежащий им. Уголок, в котором вечно гонимый народ наконец сможет обрести свой дом. Именно то, что влекли их в Биро-Биджан вовсе не блага материальные, а «звезда пленительного счастья», наконец взошедшая, как они думали, в России, помогало им так стойко переносить все невзгоды и трудности, выпавшие на долю первопроходцев. Избавление от социального и национального неравенства, свободный труд, радостная жизнь для всех, — разве не к этому они стремились всю свою жизнь?! Разве не к улучшению мира зовет их еврейская заповедь «тикун олам»?! Но еврейское счастье, как известно, всегда было лишь кратким промежутком между несчастьями. И вина этих людей только в том, что они не смогли вовремя распознать тех, кто, придя к власти, обернул против них самих все достижения и победы, воспользовался их жертвенностью. Надежды на счастливое будущее рухнули, придавив своими обломками жизни самих коммунаров и близких им людей. Но, изо всех сил цепляясь за эту суровую землю, борясь с катаклизмами — природными и политическими, они стали теми первыми всходами, что проросли в Еврейскую автономную область, которая, как они мечтали, должна была стать их новым домом.

В этом же 1929 году, когда Геня, вышедшая из американской тюрьмы, побывала в Советском Союзе и воодушевилась увиденным там празднеством, в Биро-Биджан, для обследования территории и решения вопроса о ее пригодности для заселения евреями, из Америки отправилась авторитетная комиссия ИКОРа. Что немаловажно, она должна была выяснить не только условия жизни будущих переселенцев, но и национальные перспективы для трудящихся евреев в Биро-Биджане. Перед возвращением члены экспедиции были приняты председателем Совнаркома СССР товарищем Рыковым, который заверил профессора Гарриса, возглавлявшего экспедицию: *«Что касается перспектив развития национальной культуры*

для еврейского населения (...), то, разумеется, основной принцип советского строя — свобода национального развития для всех народностей, входящих в СССР, — будет полностью соблюден по отношению к Биро-Биджану. Обеспечение национальных интересов еврейского населения Биро-Биджана уже заранее гарантировано соответствующим правительственным решением» («Трибуна» №21, 1929 год). Геня, как и многие другие, поверив в искренность этих заверений, загорелась идеей строительства новой жизни.

«Лёва и Геня предложили нашим родителям вернуться в Советский Союз. Все, кроме мамы, знали русский язык. Конечно, она не сразу согласилась на такой поворот в жизни, тем более что все ее родные оставались в Америке, но папа уговорил ее. Так в 1932 году вся наша семья оказалась на Дальнем Востоке». Сама Геня вспоминала, что вернулись они «в Советский Союз на постоянное жительство, с рекомендацией американской компартии».

27 марта 1931 г. в газете «Биробиджанская звезда» была опубликована небольшая заметка под заголовком «Американские рабочие едут в Биро-Биджан»: «Получено сообщение о прибытии в Москву рабочих евреев из Америки, направляющихся на работу в Биро-Биджан. На днях из Москвы на Тихонькую выезжают товарищи Лев Погребинский, рабочий-строитель, и Филипп Эпрон. Тов. Погребинский — специалист по молочному делу, окончил агрокультурную школу в Америке, будет работать в коммуне «Икор».

Несмотря на искажение фамилий, можно с уверенностью утверждать, что речь в заметке идет о Л. Погребицком и Ф. Амроне, и можно точно установить дату их переселения. То, что Лев Погребицкий направляется не просто в Биро-Биджан, а именно в Соцгородок — детище Чарлза Кунца, заставило обратить внимание еще на один факт: и Погребицкий, и профессор Кунц — из Нью-Джерси. Думаю, что это не случайное совпадение, скорей всего, знакомство этих единомышленников началось задолго до этого переезда. Следом, как и было запланировано, переехала остальная семья.

«А потом, в августе 1932 г., произошла трагедия — утонул Лёва, что было огромным потрясением не только для семьи, но и для всего населения коммуны. Но беда не приходит одна — Билл заболел малярией, сильное наводнение погубило весь урожай,

кругом сырость, мошкара, скудное до сих пор питание предвещало перерасти в настоящий голод. В одной из семей коммунаров при наступающих холодах и отсутствии врачебной помощи умерла девочка. Все это вместе привело к тому, что наша семья 1933 году решила покинуть Соцгородок. В Москве нас шесть человек — троих взрослых и троих детей — поселили в пятиметровую комнатку около чердака, на Стретенке, в Сухаревском переулке. Детские раскладушки днем убирались на чердак. Наша бабушка Геня Львовна была знакома с Марией Ильиничной Ульяновой, и та помогла Петера определить в городской детский дом, а меня и Рабина — в детский дом им. Крупской. Там мы заговорили по-русски.

В 1936 году мы вернулись к родителям. Мальчики пошли в школу, а я осталась дома с бабушкой. В 1937 году нам дали ордер на большую комнату на Четвертой Мещанской улице, где жило еще девять семей, это было таким счастьем! В этом же году я пошла в школу». Геня Львовна с 1934 года, за исключением лет эвакуации, жила на даче в поселке персональных пенсионеров на станции «Заветы Ильича» Северных железных дорог.

Началась война, нелегкие годы эвакуации. Забегая вперед, скажу, что из войны семья вышла с большими потерями: на фронте в 1945 году погиб Вильям Львович.

«Гибель отца сильно повлияла на бабушку Геню. Она полгода находилась в психиатрической больнице. Летом пришла в себя, и мы с ней уехали на дачу. Последние дни бабушки прошли в интернате, она просила работников собеса перевести ее в дом престарелых, где жили партийные люди. ”После смерти сына я осталась в одиночестве. Я никогда не говорила о своей работе и не работала для того, чтобы получить за это что-нибудь в жизни для себя, а только для лучшего будущего ”. Действительно, она в свое время отказалась от персональной пенсии для старых большевиков. Но просьбу ее не услышали. Тогда она пошла на ночь в медицинскую комнату и приняла таблетки люминала, так и заснула навечно, сидя с апельсином в руке».

Поколение второе. Художник Билл

Рассказывая о жизни семьи в Америке, Гита Вильямовна упомянула, что ее родители Вильям и Роза познакомились в Modern School — Современной школе в Стелтоне. *«Папа к учебе относился с большой прилежностью. «Художник Билл» — это имя осталось псевдонимом папы на всю его жизнь».*

Я попытаюсь в нескольких словах, если это возможно, рассказать об этом учебном заведении. Основателем «современных» или, как их еще называли, прогрессивных школ, не зависящих от государства, которые в свое время были разбросаны по многим странам мира, был испанец Франциско Феррер. Он утверждал, что правительство не может создать систему образования, которая привела бы к радикальным изменениям в обществе. Скорее, образование

Художник Билл.
Из архива Гиты Вавиленковой

научит бедных принимать без какой-либо критики существующую социально-экономическую структуру. Церковь, под контролем которой находилась система школьного обучения Испании, не простила ему этого вызова. В октябре 1909 года Феррер был казнен по ложному обвинению, что вызвало возмущение среди его многочисленных последователей во всем мире, ставших называть с тех пор школы его именем. Эти школы связывают с анархистским движением, но люди, причастные к ним, употребляют другие понятия — свободное образование, интернациональное воспитание. В Америке одна из таких школ была открыта Э. Голдман и А. Беркманом летом 1915 года на пустыре у поселка Стелтон в Нью-Джерси. Группа переселенцев, в большинстве своем евреев, выходцев из России (среди которых была семья Погребицких), основала при школе колонию с надеждой на проживание в окружении единомышленников и полноценное и разностороннее обучение детей, которое началось одновременно со строительством школы и жилых домов. Условия жизни в колонии поначалу были достаточно тяжелые, но школа была предметом особой гордости, она была неотделимой частью жизни колонистов. Ее преподаватели были убеждены: *«Дети должны учиться у окружающей среды, они должны быть свободными от правил, которые устанавливают для них взрослые, должны находить радость и удовлетворение от того, что сами создают и сами исследуют»*. Посещение школы и выбор предметов были добровольными. Ученики школы намного опережали своих сверстников в ряде дисциплин. Вот только несколько воспоминаний выпускников: *«Нас учили с малых лет творчески мыслить, не оглядываться на авторитеты, творить самостоятельно, а не копировать»; «дети из нашей колонии знали политику, разбирались в истории, культуре, понимании текущих событий настолько хорошо, что другим школьникам рядом с ними делать было нечего»*. Жизнь колонии была неотделима от школы, это была маленькая община. Дети и взрослые проводили все свободное время вместе: слушали музыку, ставили спектакли, рисовали, читали, танцевали. Причем еврейские мотивы играли ведущую роль во всей их деятельности.

«Каждое утро дети и родители собирались в аудитории, где они слушали музыку, пели и танцевали. Потом дети занимались

Билл (сидит второй слева) среди преподавателей школы.
Из архива Гиты Вавиленковой

спортом, разучивали народные танцы и песни. Впоследствии уроки танцев преобразились в творческую интерпретацию танцев. День начинался с музыки и движений. После этого дети направлялись в классы, где они изучали арифметику и английский язык, или учились шить и вязать, мастерить из дерева и рисовать». Преподавали в школе видные люди того времени, например, танцы преподавала ученица Айседоры Дункан, живопись — известный художник Хьюго (Хуго Геллерт). Его творчество было связано с рабочим движением. Геллерт — автор графических портретов Джона Рида (1920 г.), с которым его связывала дружба, В. И. Ленина (1924 г.), В. В. Маяковского (1925 г.), иллюстраций к «Капиталу» Карла Маркса (1936) и других известных работ. Он был в числе художников, передавших в 1936 году свои работы в дар Биробиджану.

Гите Вильямовне довелось застать в живых учителя Билла. На память о встрече он подарил дочери любимого ученика каталог своих работ. Как оказалось, не он один любил и помнил семью

Погребицких. Фрима Надлер, знакомая с семьей по Стелтону и дожившая до 103 лет, рассказала Гите о Лёве, а ее дочь Надя прислала выписки из книги, приуроченной к десятилетнему юбилею коммуны и школы, — «The Modern School of Stelton» («Современная Школа в Стелтоне»). Вот что писали люди, знавшие Вильяма и работавшие с ним: *«Хьюго Геллерт должен был покинуть Стелтон, и Билл Погребицкий, его протеже, занял его пост учителя живописи. Весной 1921 года было очевидно, что Билл прекрасно справляется со своими обязанностями и вдохновляет детей рисовать. Под его руководством в Нью-Йорке было организовано несколько выставок. В рисунках детей прослеживается влияние стиля Билла-модерниста. В детских рисунках видны те же тенденции. Модернисты возвращались к простоте выражения, а для детей это естественное состояние. Билл преподавал живопись, не навязывая детям свое понимание и не критикуя их».*

«Когда учитель, который вел уроки легкой атлетики, уехал из Стелтона, Билл Погребицкий начал проводить эти занятия...», позже занятия легкой атлетикой заменили ритмическим танцем, их также проводил Билл. *«Он был замечательным человеком и прекрасным преподавателем, — вспоминал Давид Фридман. — Таких людей, как он, помнишь всю жизнь. Школа наша была в то время еще очень бедной, ему приходилось рисовать на дешевой оберточной бумаге, но все, что он делал, было прекрасно!»*

Многие из учеников школы добились превосходных результатов и стали широко известны в мире науки и искусства. Все они очень тепло вспоминают о своей школе и наставниках. Колония просуществовала до 1953 года. Но те, кто когда-то был связан с ней, собрали богатейший архив фотографий, воспоминаний, документов, работ преподавателей и учеников. Немаловажным было и то, что в школе учились дети, родители которых порой принадлежали к различным социальным слоям и имели разные взгляды. Они, в независимости от своих убеждений, строили совместную жизнь и учили терпимости своих детей. Несколько колонистов позже уехали в Советский Союз строить коммунизм в Биро-Биджане. Среди них, как мы уже знаем, Билл Погребицкий.

Воспоминания об успехах сына оставила его мама, Геня Львовна.

Билл Погребицкий (в центре) за работой в редакции газеты «Moscow News».
Из архива Гиты Вавиленковой

В четырнадцать лет Вильям поступил в Художественную Академию в Нью-Йорке, но, проучившись два года, оставил ее, несмотря на отличные успехи. *«Мне мой сын сказал: “Мама, я буду вечно учиться, но не пойду в капиталистическую школу”. И он действительно все время работал над собой без перерыва. С семнадцати лет Вильям Лионович каждый год выставлял свои работы на больших выставках, и всегда его работы выделялись среди других»*.

В 1925 году работы Погребицкого пользовались особым вниманием на выставке молодых художников в Нью-Йорке. Он получал лестные предложения из Нью-Йорка и Парижа, но *«не хотел с ними иметь дело, потому что презирал капиталистическое общество и ненавидел его представителей»*. В 1927 году у Вильяма персональная выставка в рабочем клубе в Нью-Йорке. Тема его работ — рабочий класс, и продавал он свои работы на ярмарках, устраиваемых рабочими Нью-Йорка, когда были нужны деньги *«на забастовки, или чтобы взять товарищей на поруки, или помогать коммунистической печати. Его работы всегда были*

нарасхват. Будучи преподавателем в рабочей школе, где большинство учащихся были сироты, сын мой всегда для них покупал все принадлежности за свой счет, ежемесячно водил детей в кино, в музей и представлял ряд других развлечений, причем все на свой заработок. В Биро-Биджане, он работал преподавателем рисования в Соцгородке. Он помогал всем в тяжелой работе: когда нужно было, он был за водовоза, исправлял крышу, чистил рыбу, вставал в 2-3 часа (ночи) на сенокос, и где только нужна была его помощь, он всегда был готов помочь… Много раз его премировали, и он каждый раз премию отдавал в пользу коммуны».

Как мы уже знаем, обстоятельства сложились так, что семья приняла решение покинуть коммуну. 16 октября 1933 года Вильям Лейбович Погребицкий получил справку, указывающую на то, что он работал в колхозе «Икор» пионервожатым, учителем, колхозником на полевых работах. Работу выполнял по-ударному — аккуратно и в срок. В архиве ОЗЕТа обнаружились и другие документы: справка, выданная Биллу отделом народного образования Биробиджанского района, и ходатайство ОЗЕТа перед иностранным отделом Мособлисполкома о получении семьей советского гражданства.

В Москве Вильям Львович показал свои работы, привезенные из Америки и Биро-Биджана, специалистам, которые оценили его талант и посоветовали поступать в художественную академию. Но он был кормильцем в большой семье, жизнь нужно было начинать сначала, пришлось ограничиться вечерними художественными курсами. Благо работа нашлась близкая к специальности, в редакции газеты «Moscow News».

Судьба этой газеты и большинства ее сотрудников трагична. Создана она была как издание для иностранных специалистов, работающих в СССР, 5 октября 1930 года. Первый ее номер вышел под лозунгом «Советская власть и американская техника построят социализм». Непосредственный основатель газеты — американская «левая» журналистка Анна Луиза Стронг. В 1949 году, в ходе борьбы с «космополитами», газета, сотрудники которой в большинстве своем были евреи, была закрыта. Анна Луиза Стронг арестована и депортирована из страны, а редактор газеты Михаил Бородин (Грузенберг) осужден по делу еврейского антифашистского комитета и умер в застенках.

Так партия оценила заслуги коммуниста, стоявшего у ее истоков и всю жизнь преданно ей служившего. Не помогло, а может, усугубило дело многолетнее личное знакомство со Сталиным, которое началось в 1906 году на Четвертом съезде РСДРП в Стокгольме. Большинство сотрудников газеты расстреляли. Такая же участь постигла и семью Самуила Рафаэла Фридмана — лучшего друга Билла, с которым они вместе работали. Его арестовали 24 марта 1949 г. и 21 апреля 1950 г. расстреляли. Жена — Полина Роуз была арестована в 1951 году и провела пять с половиной лет на лесоповале под Иркутском. Детей «врагов народа» отправили в детский дом. Реабилитировали — 1956 году, только тогда они смогли вернуться домой. А позже младший сын покинул Советский Союз вместе со своей больной мамой. Как ни печально думать об этом, но, похоже, в Советском Союзе судьба семьи Погребицких, как и многих других, приехавших с ними, была предопределена.

О начале войны рассказывает Гита: *«Когда началась война, мы были на даче. Первым эту новость принес нам Петя, он рано вставал и убегал на речку. От ребят он узнал, что началась война, прибежал домой и начал кричать: «Война, война, война началась!» Папа не поверил, ведь был пакт о ненападении. В этот день наша семья ждала гостей, у отца 22 июня был день рождения, он немедленно отправился в Москву, предупредить друзей о том, что встреча отменяется. Вскоре над нами начали летать вражеские самолеты, и мы вернулись в Москву.*

Папа записался в ополчение. Они рыли противотанковые окопы под Можайском, когда вдруг появились фашистские танки. Отец видел, как они давили наших безоружных ребят. Несколько суток, усталый и голодный, ночами, он добирался в Москву. Я помню, как, проснувшись последней и не понимая толком, что происходит, я кричала, увидев папу: «Почему меня не разбудили?!» Несколько дней он приходил в себя, затем пошел в военкомат. Сначала разносил повестки допризывникам, а потом сам добровольцем записался в ряды Красной Армии. Мы всей семьей, от призывного пункта в Марьиной роще, провожали его до Рижского вокзала. Мама плакала: «Как я одна справлюсь с тремя детьми?» Папа просил ее, чтобы она не бросала его маму. В 1944

Вильям Львович Погребицкий. Портрет, написанный его дочерью Гитой Вавиленковой

году папа был зачислен в стрелковую часть № 811 и был отправлен на передовую. Его эшелон останавливался по пути на фронт на одном из московских вокзалов, а он даже не смог позвонить своей маме, она в 1944 году уже вернулась из эвакуации. Мы получили от него с фронта одно письмо с фотографией в военной форме, а вскоре — извещение о его гибели 23 января 1945 года.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, рядовой, стрелок Погребицкий Вильям Львович, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб 23 января 1945 года. Похоронен в деревне Подмошковицы, Кельнского воеводства, Польша.

«Это извещение мы получили в Москве, когда вернулись, а дальше было перезахоронение на другом кладбище; Католицкое воеводство, Олькуш, Польша, могила №46. Мы никогда не были там,

но я на Сретенке в книжном магазине купила книгу «Память». В ней я нашла фамилию Погребицкого Вильяма Львовича. Эту книгу я привезла сюда, в Америку».

Все свои работы Вильям Львович хранил в своей мастерской, на даче у матери, где и работал в свободное время, мечтал о собственной выставке. Геня Львовна писала: *«В 1944 году, когда я вернулась, то ничего не нашла у себя, все было разграблено, разгромлено, и остались лишь стены. Потеря работ сына составляет самую большую мою печаль после его смерти».*

Несколько сохранившихся картин сейчас украшают стены дома Гиты Вильямовны. Главное наследство, которое оставил своим детям художник Билл, это художественный дар, которым, несомненно, они были щедро награждены.

Поколение третье. Война. Петя, Рабин, Гита

Вскоре после отъезда Вильяма Львовича началась эвакуация из Москвы семей с детьми. Распределяли отъезжающих на Шаболовке. *«7 ноября, ожидая своей очереди отъезда, мы слушали по радио речь Сталина с Красной площади, откуда солдаты уходили прямо на фронт. Вражеские самолеты по ночам сбрасывали зажигательные бомбы, и наш Петя активно участвовал в дежурстве и тушении пожаров, поэтому он был очень расстроен отъездом. Целый месяц наш поезд добирался до Барнаула. В середине теплушки была печка-буржуйка, во время остановок все собирали уголь для отопления и бегали за кипятком на вокзал. Эшелон обычно стоял 20 минут, но однажды он тронулся раньше, и Петя отстал. Он догнал нас на другой остановке следующим за нами поездом. А в другой раз отстала я, хорошо, что в последний момент успела вскочить в тамбур. Думала, что поезд никогда не остановится, так продрогла на ветру. После этого случая меня никогда не посылали за кипятком. К поезду на остановках иногда подвозили горячую еду. А однажды одновременно с нами на станции остановился встречный эшелон, идущий на фронт, и вдруг из вагона вышел солдат и протянул мне кулек с печеньем. Мы были*

все так поражены, что забыть этого солдата, едущего на передовую нас защищать и делящегося с незнакомым ребенком последним, я не смогу никогда».

Из Барнаула семью направили в Зудилово. Там, на базе Дома отдыха, в годы войны открыли интернат для инвалидов Великой Отечественной войны, куда прибывали из фронтовых госпиталей солдаты с тяжелыми ранениями и контузиями, обожженные танкисты, некоторые слепые и без рук. Четыре больших корпуса обслуживали одна врач и две медсестры. Были пекарня, столовая, баня, свое подсобное хозяйство с коровами и лошадью. Роза Давидовна еще раньше, изучая русский язык, окончила курсы медицинских сестер. Все годы эвакуации она работала в госпитале, перевязывала окровавленные раны, ухаживала за инвалидами.

«Сначала мы жили за речкой в двухэтажном доме, где проживало только четыре семьи. Соседи подсказали, где брать дрова и воду из колодца. Больше всех досталось маме, ей приходилось рано вставать и добираться на работу через замерзшую речку, в любую погоду, в сильные морозы. Да и нам, детям, необходимо было учиться. Зимой вместе с другими ребятами шли в школу пешком, а весной на лодке. Два года так прожили, потом переехали на территорию интерната. Бабушка Геня осталась в деревне, снимала жилье у местных жителей. Мы навещали ее, она всегда радовалась нашему визиту. Специально для меня из одной из поездок в Барнаул она привезла стихи Симонова «Жди меня», я выучила их и помню до сих пор».

Жизнь заставила детей рано повзрослеть. Петя уехал учиться в ФЗО (фабрично-заводское училище) в Барнаул, Гита старалась помочь взрослым. Перевязочных материалов не хватало, использованные бинты не выбрасывали, их стирали, а потом скатывали. Эту нудную работу, забирающую много времени, она взяла на себя. Летом в подсобном хозяйстве ухаживала за телятами, кормила их и пасла. Рабин пас коров. *«Нам за это выдавали молоко и еду в столовой. Когда поспела тыква, варили тыквенную кашу. Рабин всегда старался принести домой что-нибудь съедобное. Выкапывал прошлогоднюю картошку, в которой сохранялся крахмал, мама варила из него кисель. А доктор Анна Трофимовна, с которой мы*

дружили до конца ее жизни, отдавала мне свою порцию пшенной каши, сама обходилась тем, что доставалось ей при снятии пробы в столовой. Летом прокормиться было легче, потому что в лесу чего только не было. А зимой всем ученикам на перемене давали кулебяки, такие пироги с капустой. Но из-за сильных морозов я не ходила в школу — нечего было надеть».

Гита была настолько истощена, что позже медицинской комиссии пришлось назначить ей дополнительный паек, что, конечно, было великим благом и помогло выжить. *«Весной всю нашу школу послали на лесоповал. Старшие ребята валили деревья с корня, другие распиливали на земле и обрубали ветки, а мы, девочки, собирали ветки в одну кучу. Было очень строго, никто не мог увильнуть от работы. Кроме того, наш военрук учил нас ходить в ногу и петь строевые песни, а также ползать по-пластунски. Все были настроены воодушевленно. Когда мне исполнилось 14 лет, я с группой школьников поехала в Барнаул, где находился райком, вступать в комсомол. С тех пор я начала очень активно участвовать в общественной жизни. Рядом с нашей комнатой жила соседка Зинаида Ивановна из Сталинграда. Ее муж был награжден орденом Ленина. Он был очень болен, ослеп и вскоре умер. Она осталась одна и предложила нам объединиться, нам дали более удобную комнату с большой русской печкой. Зинаида Ивановна была парторгом интерната и проводила у нас дома партсобрания. Петя к тому времени жил с нами и работал в подсобном хозяйстве. Он всегда с большим интересом слушал ее политинформации о событиях на фронте и тоже вступил в комсомол. Все эти годы мы получали письма от отца, я старалась их сохранять. Нам было очень досадно, когда узнали, что его воинская часть останавливалась в Свердловске, а мы не смогли увидеться».*

В 1944 году семья смогла возвратиться в Москву. В давке в переполненном поезде у Розы Давыдовны вытащили все документы. Комнатку обокрали, утащили одежду. Но все это было полбеды. В Москве ждала самая большая беда — извещение о гибели Вильяма Львовича. *«В день Победы я впервые пошла на Красную площадь одна. В центре Москвы было очень много людей. Какие у всех были*

радостные лица. Народ ликовал. Я дождалась салюта и с большой грустью пошла домой. Ведь папы нашего больше нет. Он так мечтал вернуться домой».

Но с окончанием войны беды и потери семьи не закончились. Пришел черед становиться на военный учет старшему из детей, Пете, в ноябре ему должно было исполниться 18 лет. Его отправили в Алабино, где призывников обучали армейским навыкам, готовили к сдаче присяге. *«Петя присылал нам письма, его адрес был: «Полевая почта №07160 … Ш.Ш…», но мама даже не могла поехать в военную часть его навестить. В ее паспорте было указано: Англия, Лондон».*

Между тем новобранцев отправили на восток, где началась война с Японией. Письма, которые присылал Петя с дороги, очень тревожили семью. *«Он писал, что у него отбирают часть еды, что спит в одежде и обуви, иначе украдут, и что рядом нет товарищей, с кем можно нормально общаться. Зная его взрывной характер, мы понимали, насколько ему тяжело себя сдерживать. Последнее его письмо мы получили с озера Байкал. На все дальнейшие попытки узнать что-либо о нем, был ответ: «Пропал без вести». Скорей всего, он даже не добрался до фронта. А ведь он тоже был талантлив и очень хорошо рисовал. Один рисунок, который Петя еще при папе нарисовал, я сохранила. Письма с дороги тоже целы, и папины работы, которые хранились в Москве в чемодане под кроватью, уцелели. Это наши семейные реликвии».*

Так семья потеряла представителя третьего поколения Погребицких. На сайте «Мемориал» есть только документы о призыве: Погребицкий Петр Вильямович, еврей, семья 4 человека, слесарь 4-го разряда, 1927 г. рождения, член ВЛКСМ с 1944 года, отправлен из Дзержинского райвоенкомата г. Москвы в распоряжение начальника сборного пункта Мосгорвоенкомата для дальнейшего направления в распоряжение в/части по наряду МГВК 2/4968 от 14 мая 45 г.

Роза, пережившая смерть мужа и сына, кроме того, на долгие годы оказалась оторванной от родителей и брата Бена, оставшихся в Америке. Между тем их семья никогда не забывала о российских родственниках. *«Бабушка Фаня, всю свою жизнь работавшая в дорогой модельной мастерской в Нью-Йорке, помогала нам, посылая*

в Москву продукты и одежду, которую шила сама. Только в 1957 году, через 25 лет после расставания с дочерью и внуками, в возрасте семидесяти лет она смогла прилететь в Москву. Через шесть лет ее не стало. Бен и его жена и единомышленница Сони, с которой он познакомился на демонстрации в Вашингтоне, тоже побывали в Москве, участвовали в Марше мира в парке культуры имени Горького, а потом и мы смогли погостить у него в доме. Дедушка Дэйвид тоже не забывал маму. Он умер в 1965 году. Благодаря завещанным им деньгам, она смогла приобрести кооперативную квартиру в Москве. С тех пор мы жили вместе. Мама была очень больна, умерла она 6 января 1973 года».

После гибели Вильяма и Пети за старшего мужчину в семье Погребицких остался шестнадцатилетний Рабин. После окончания семилетки он устроился рабочим на шинный завод, смог самостоятельно зарабатывать на жизнь. Любил лыжный спорт, играл хорошо в волейбол, хорошо плавал. В 1950 году был призван в армию, служил радистом в авиации. В гражданской профессии дали о себе знать художественные гены отца, он стал ретушером. Кроме того, у Рабина появилось интересное хобби. Он увлекся пластикой природной формы и вырезал из дерева различные миниатюры, которые пользовались большим спросом и давали дополнительный заработок. Ну а затем, как у всех, появилась семья, трое детей (которые вслед за отцом перебрались в 1992 году на жительство в Америку и сейчас уже имеют свои семьи). Гита Вильямовна рассказала, что, переехав в Америку, *«Рабин не оставил своего любимого занятия. Однажды, общаясь в парке с рабочими, попросил их отпилить понравившиеся ему ветки. Те были очень удивлены, когда в благодарность за их труд он подарил им свои забавные изделия, сделанные из этого бросового материала. Постепенно у мастера появилось свое рабочее место и возможность выставлять свои оригинальные скульптуры, приносящие эстетическое удовольствие и автору, и зрителям. Он показывал людям, как можно использовать свое свободное время в преклонном возрасте. Но случилась беда. В 2010 году его не стало. Жаль, что он так никогда и не увидел книгу «Городок всемирного масштаба» и не прочитал о городке на Амуре».*

Роза с детьми Рабином и Гитой,1958 год.
Из архива Гиты Вавиленковой

Гиту привезли в Россию когда ей, самой младшей в семье, было чуть больше года. Её четкие, осознанные воспоминания о любимом отце, о семье начинаются с переселения в комнату в коммунальной квартире на Четвертой Мещанской.

«Папа начал со мной заниматься английским, но мне больше нравились походы на каток в маленьком парке на Петровке, в цирк на Цветном бульваре, на детские утренники, в кафетерий на углу Самотеки. А летом на дачу, на речку, куда он брал с собой мольберт и этюдник для рисования. Мы с ним вдвоем сажали вдоль дорожки анютины глазки. Еще он мечтал о том, что после войны поведет меня в Большой театр слушать «Пиковую даму». К сожалению, слушала ее я уже без него».

По окончании семилетки она поступила в ремесленное училище — потому что там давали форму и кормили. Совершенно случайно училище оказалось художественным. *«Меня приняли в группу лепщиков. Все ребята были очень активные, все занимались спортом, ходили в кружки, я стала комсоргом. У нас такая кипучая жизнь была, что мы не знали, по крайней мере, никогда не говорили о репрессиях. Там, в училище, я серьезно занялась стрелковым спортом и попала в команду «Трудовые резервы». В 1951 году нас, выпускников, направили в Витебск. Когда мы выполнили свою работу, я уехала в Москву, уж очень мне хотелось вернуться в спорт. С большим трудом, с помощью сокурсников, работавших в Метрострое, устроилась на работу. Мы украшали станции метро и здания, принадлежавшие этой организации. Но когда к власти пришел Хрущев, он издал приказ об упрощении в архитектуре, и надобность в моей профессии отпала. К тому времени я уже была перворазрядница и попросилась на тренерскую работу в своих же «Трудовых резервах». Работала со школьниками, выезжала на соревнования, в 1956 году стала мастером спорта. За это я очень благодарна своему тренеру Илье Рафаиловичу Иохельсону. Он меня порекомендовал в сборную команду СССР, не зная, что я была невыездной, мое американское рождение напомнило о себе. Звание «Заслуженный мастер спорта» присуждали только «на Европе», я бы никогда не смогла его получить. Так закончилась моя личная спортивная карьера, хотя я продолжала работать тренером,*

готовить спортсменов к различным мероприятиям и побывала во многих городах Советского Союза. Имела много наград как за свои достижения, так и за тренерскую работу. А в 1962-м мне присвоили звание «Почетный мастер спорта СССР». В 1972 году поступила на заочное отделение в институт физкультуры, в 1976 г. получила диплом. Вот бы папа узнал! Я тогда не знала, что он тоже преподавал физкультуру и в Нью-Джерси, и в коммуне «Икор».

Однажды, попав на Таганскую площадь и увидев строительные леса вокруг особняка, спросила, нужны ли лепщики. Так уже на следующий день я оказалась в бригаде реставраторов. К моей радости, меня предоставили самой себе, никто не мешал, только иногда рабочие других профессий с любопытством спускались в подвал, наблюдая за моей «игрой в кубики». А я кропотливо собирала по кусочкам и восстанавливала огромную потолочную розетку с ангелочками, рухнувшую, когда на чердаке прорвало трубу с горячей водой».

Рассказывая о реставрации, Гита Вильямовна с воодушевлением и радостью вспоминает каждый этап работ, вновь переживает восторг от того, что ей оказалось под силу сотворить это чудо, восстановить разрушенную лепнину, сотворенную старыми мастерами. Дальше были другие объекты, Гита Вильямовна продолжала работать, восстанавливая разрушенное и создавая новое, украшая Москву. За строительство Витебского вокзала ей вписали первую благодарность в трудовую книжку, но сама она считает, что ее работа не стоит упоминания, так как были специалисты, сделавшие гораздо больше и лучше.

С началом перестройки появилась возможность установить более тесные отношения с родственниками из Америки. Сначала Роза Давидовна навестила семью брата, затем и Гита с Рабиным погостили у них и познакомились ближе со своей родиной, даже побывали в Стелтоне. И хотя от школы почти ничего не осталось, путешествие это было очень волнительное. В 1990 году Гита и Рабин решились на переезд, за ними перебралось молодое поколение. Вновь большая дружная семья потомков Погребицких и Фрумкиных, их американская и российская ветви, пройдя через времена и страны, объединилась. Мы уже знаем, что Рабин нашел себе дело по душе.

Гита занималась волонтерской работой, разведением цветов и вязаньем, сейчас ухаживает за любимым попугаем и осваивает компьютерные премудрости. Гита Вильямовна считает, что именно в этом умении радоваться каждому пришедшему дню, стремлении быть полезной, таится секрет ее долголетия.

На мой вопрос о гражданстве Гита Вильямовна рассказала историю, которая, может быть, сейчас кажется забавной, но отражает развитие советско-американских отношений. Она приехала в Россию с американскими документами о рождении. По ним же в 16 лет получила советский паспорт. Отобрали американские метрики и выдали советские только в 1988 году, в ЗАГСе. Когда Гита получала визу для первой поездки, в американском консульстве в ее заграничном паспорте написали предупреждение: «Если останетесь в Америке, попадете в тюрьму». Только при отъезде на постоянное место жительство в 1991 году восстановили метрики и выдали американский паспорт.

Вероятно, история эта, начавшаяся в конце позапрошлого века, покажется внукам Гиты и Рабина, живущим в Америке и говорящим на английском, сказочно далекой. Такой же невероятной, какой она кажется сейчас молодым жителям Соцгородка и Камышовки. Той самой коммуны «Икор — Соцгородок», которую приехали строить в начале тридцатых годов наряду с другими иностранцами, парторг Лёва, преданная Геня и вся их семья. Но это общее прошлое двух, казалось бы, столь далеких стран, которые при ближайшем рассмотрении, оказывается, не так уж далеки. Стоит ли забывать об этом?

ГЛАВА VI

Семья Коваль

Заболев историей коммуны, я продолжала поиски потомков ее основателей. Волей случая наткнулась на информацию о том, что Елена Ерошенко, внучка Иосифа Форера, председателя коммуны, ищет информацию о своем репрессированном деде. Без всякой надежды на ответ отправила письмо на электронный адрес Елены и буквально на следующий же день услышала по телефону ее взволнованный голос: «Я рядом, в Маалоте, а фото из биробиджанского музея, которое вы мне прислали, — единственное, я никогда раньше не видела деда».

Мне было очень понятно ее волнение: не так давно я пережила то же самое, когда в первый раз вглядывалась в фотографию своего деда. А Елена продолжала: «Вы знаете, мы родственники с семьей Абрама Коваля, наши бабушки — сестры, вот адрес». И через день я уже переписывалась с Людмилой Соловьевой, внучкой Шаи Коваля, о котором мне рассказывал мой отец. И снова воспоминания, уникальные фотографии. Мы задавали друг другу вопросы, сопоставляли факты и догадки, углубляясь в историю семьи Коваль. Историю совсем не рядовую. Жизнь, как всегда, удивляет своими хитросплетениями.

Авром-Бер (Абрам Исаакович) Коваль родился в местечке Телеханы Пинского уезда в 1883 году. Телеханы дореволюционного времени — типичное местечко черты оседлости. Неправильно будет сказать, что евреи местечка жили небогато. Работая по 12 часов в день, плотники, печники, жестянщики, бондари, сапожники и другие ремесленники жили в страшной нужде. А многие и вовсе существовали на случайные сезонные заработки, денежную помощь от родственников из Америки.

Как и во многих других местечках царской России, еврейская беднота страдала от нищеты и погромов. После одного из таких кровавых погромов многие телеханские евреи эмигрировали. Не стала исключением и семья Коваль. В семье было шестеро детей: Хая-Либе,

Шая в Америке.
Фото из архива семьи Коваль

Морис, Абрам, Перл, Сара и Голда. Брат эмигрировал в Аргентину, одна из сестер — в Палестину, Абрам в 1910 году — в Америку. Через год к Абраму, уже имевшему в Америке относительно неплохой заработок, приехали две сестры и его будущая жена Этель, с ранних лет работавшая на стекольной фабрике. В маленьком городе Сью-Сити в штате Айова они купили небольшой домик. Один за другим родились трое сыновей: Шая — в 1912 году, Жорж — в 1913-м и Габриель (Гейби) — в 1919-м. Абрам работал плотником, сохранились данные, что в 1916-м он вступил в профсоюз «Единое братство столяров и плотников Америки».

Жили небогато, но извечную еврейскую мечту — учить детей — осуществить смогли. Тем более что дети проявили необычайные способности к учебе. Шая окончил на отлично колледж, в память о чем хранил печатку с барельефом Вашингтона. Жорж, об успехах которого в школе писала с восторгом местная газета, поступил в инженерный институт. Младший Гейби также не отставал от братьев, его имя как отличника учебы уже появлялось в прессе.

Абрам в Америке продолжал вести активную общественную жизнь и был не последним человеком в городском отделении ИКОРа. Дети участвовали в демонстрациях по защите прав бедняков, даже в связи со своими социалистическими настроениями были

Сью Сити.1932 год. Абрам, его сестра Голда и Этель.
Фото из архива семьи Коваль

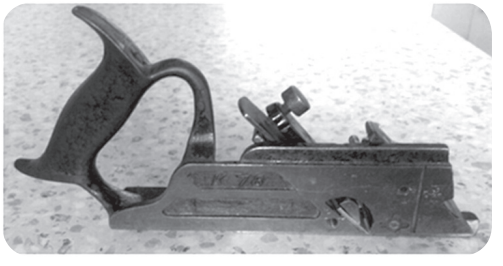
известны местной полиции. Хорошо рисующий Шая оформлял своими плакатами демонстрации. Жоржа в сентябре 1931-го в родном городе задержала полиция за то, что он был зачинщиком «захвата» служебного кабинета местного уполномоченного по делам неимущих, с требованием найти жилье для двух бездомных женщин, которых перед этим выселили из приюта. Об этом даже писала местная газета «Сью-Сити джорнэл энд трибьюн».

Но наступили годы Великой депрессии. Абрам потерял работу. Жорж, и до этого подрабатывавший, чтобы помочь семье, не смог продолжать учебу. Как всегда бывает во время кризисов, в стране обострился антисемитизм. Семья, прожив в Америке более 20 лет, решила уехать в Советскую Россию, приглашающую евреев строить социалистический Биро-Биджан. Так в 1932 году они оказались в Тихонькой, оттуда их направили в коммуну «Икор — Соцгородок».

Со строительства Соцгородка начинается жизнь Ковалей в России. Жизнь очень непростая. Наступило время холодов, Абрам добрался до коммуны серьезно больной, а в поселке — два недостроенных дома и лес вокруг. Начинали с нуля. Неприспособленные к такой жизни вчерашние горожане учились выживать у местных жителей из соседних сел. Учились ловить рыбу, заготавливать дрова, топить печи.

Тяжело было всем переселенцам, но иностранцам, горожанам, привыкшим к определенному уровню комфорта, тяжело вдвойне. Однако, как и многие другие коммунары, движимые высокими идеалами, Ковали не роптали и не жаловались, а начали строить новую жизнь. Задвинули в угол привезенные с собой стиральную машину и патефон с американскими джазовыми пластинками, бесполезные за неимением электричества. Богатый дорожный кофр со множеством отделений для мелочей заменил им шкаф для хранения одежды. Очень пригодилась хозяйке дома немецкая ручная швейная машинка, которую когда-то Этель получила в подарок от мужа. Правда, машинка понадобилась не только Этель — вскоре ее украли. Нашлась она весной, когда растаял снег, в канаве за селом. Умелые руки Шая вернули ее к жизни, и еще долгие годы Этель обшивала с ее помощью детей и внуков. Потом машинка перешла в распоряжение молодого поколения, и в 2000 году,

Абрам Коваль, ударник Икора, переселенец из США. 1936г.
Областной краеведческий музей ЕАО



Инструменты, привезенные Абрамом Ковалем из Америки.
Фотография прислана Л.Соловьевой

ко времени, когда дочь Шаи Гита подарила ее Хабаровскому краеведческому музею, была вполне работоспособна.

Абрам вернулся к своей специальности, плотничал в коммуне. Старшие дети Шая и Жорж, спрятав до времени дипломы и городские костюмы, вместе с отцом включились в жизнь коммуны, выполняя любую, даже самую неквалифицированную работу. Позже,

когда я показала своему уже престарелому отцу семейную фотографию Ковалей, он признался, что впервые видит Шаю в цивильном костюме, в его воспоминаниях он только в рабочем комбинезоне.

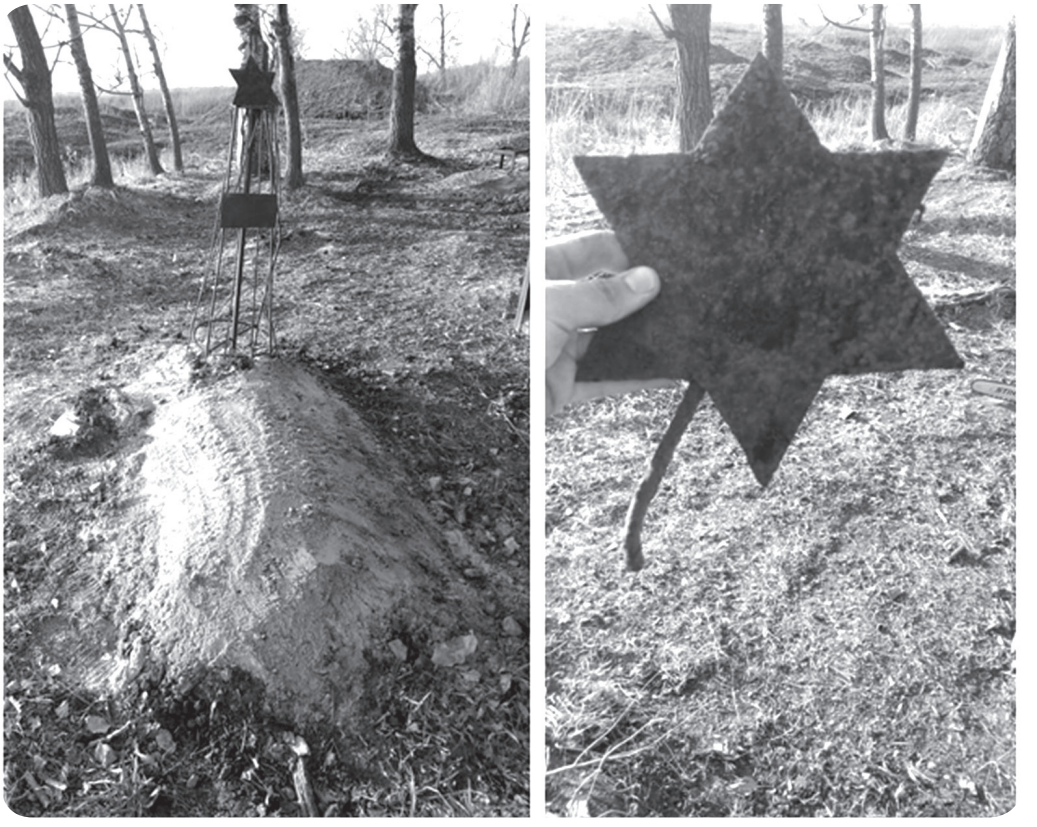
После приостановки проекта «Соцгородок» семья перебирается в «Икор», который с 1939 года носит имя 18 партсъезда, а с 1962-го — Камышовка. Абрам Коваль первоклассный плотник, работящий, добросовестный. За хороший труд в 1939 году был послан на ВДНХ. Колхозники избрали его заместителем председателя. В газетных публикациях тех лет, в воспоминаниях первых переселенцев эта фамилия не редкость. В статье Д. Маневича «Два передовых еврейских колхоза» читаем про Абрама Коваля: *«В «Икоре» он занят большей частью на ремонтных работах. За прошлый год товарищ Коваль заработал 600 трудодней. Он один капитально отремонтировал телятник на 20 голов за срок, рассчитанный на троих плотников. Такими же стахановскими темпами он отремонтировал амбар на 60 тонн семян.*

Товарищ Коваль соединяет американскую деловитость с широким размахом социалистического труда. Он — член президиума райисполкома. За честный труд и стахановские методы работы правление колхоза премировало товарища Коваля путевкой в дом отдыха».

Но не только хорошей работой запомнился Абрам Коваль односельчанам, а своей порядочностью и добрым отношением к людям. Все старожилы села произносят эту фамилию с большой теплотой и уважением. До самой старости вся округа обращалась к Абраму Исааковичу со своими просьбами. Из-под его умелых рук выходили уникальные штучные вещи — сани с гнутыми полозьями, телеги и прочая утварь, необходимая в хозяйстве.

Про колодки для изготовления обуви, привезенные хозяйственным Абрамом из Америки, и ручную мельницу мне рассказали современные жители Камышовки. Там же я услышала восторженные рассказы внуков старожилов об инструментах, которые он привез при переселении и которые, как оказалось, до сих пор хранятся в семье Ковалей.

Кроме всего сказанного, Абрам по-настоящему преданный муж,



Могила Этель и найденная при уборке кладбища волонтерами Камышовки Звезда Давида. 1919 г.

трогательно ухаживавший за своей больной женой в преклонном возрасте, заботливый отец и дед.

Здесь, в Камышовке, Абрам и его жена Этель остались на всю жизнь. Здесь они закончили свой жизненный путь. Этель — в августе 1952-го, а Абрам в январе 1965 года. К сожалению, кладбище, на котором похоронены первые коммунары, в том числе и Этель Шенитская (Коваль), заброшено, уже не различить могил, и большинство жителей села даже не догадываются о его существовании.

Совершенно по-разному складывалась жизнь детей этой необычной семьи. А судьбы их таковы, что было о чем переживать любящим родителям. Шая (Исай Абрамович), самый грамотный из коммунаров, работал на тракторе в коммуне, затем в МТС,

механиком в Волочаевском совхозе (Камышовка), а на пенсию уходил с должности главного инженера. Специалист своего дела, содержавший в идеальном порядке совхозную технику, он не забыл юношеского увлечения живописью. Писал маслом, делал чеканку. И еще занимался садоводством. Даже в суровых условиях Дальнего Востока развел сад и очень им гордился. Односельчане вспоминают, что ни у кого в селе сливы и яблони так не плодоносили, как у Ковалей. Ветви, усыпанные тяжелыми плодами, свисали через забор и привлекали ребятню, которую хозяева привечали и щедро одаривали. Не только дети, а порой и мужики села не прочь были заглянуть к Ковалям и испробовать плодов этого сада, но уже в виде фирменного домашнего молодого вина, которое делал хозяин дома, за что, само собой, ему иногда доставалось от сельских женщин.

В статье «Три поколения» в «Биробиджанер штерн» за 1965 год Ш. Конник писал об Исайе Абрамовиче: *«Это высокий, крепко сложенный мужчина с загорелым лицом и сильными натруженными руками. Когда семья Коваль приехала сюда, Шая стал трактористом. Двадцать лет просидел он за рулем трактора. Потом стал бригадиром тракторной бригады, затем механиком МТС, а затем — механиком третьего отделения совхоза. Вся сельскохозяйственная техника совхоза под его умелым руководством была вовремя отремонтирована и работает сейчас на уборке урожая без перебоев. Как рачительный хозяин готовит он уже сейчас всю свою сельхозтехнику к следующему году.*

Шая очень скромный человек — очень не любит говорить про себя. Поэтому я решил спросить, что про него говорит заведующий совхозным отделением Владимир Петрович Слинько.

«Шая Абрамович, — рассказывает он, — самый главный человек по части техники. Благодаря ему у нас в этой сфере все в порядке. Шая Коваль охотно передает свой богатый опыт юным механизаторам. Он награжден медалью «За поднятие целины», почетным знаком «Отличник социалистического земледелия», множеством почетных грамот и ценных подарков».

Жена Шаи Абрамовича Мария Петровна (Муся) Шейнфельд — тоже из первых икоровцев. Знатный овощевод, ударница колхозных

В «Икоре». Абрам, Этель с внучкой Гитой, стоят Шая с женой Мусей.
Фото из архива семьи Коваль

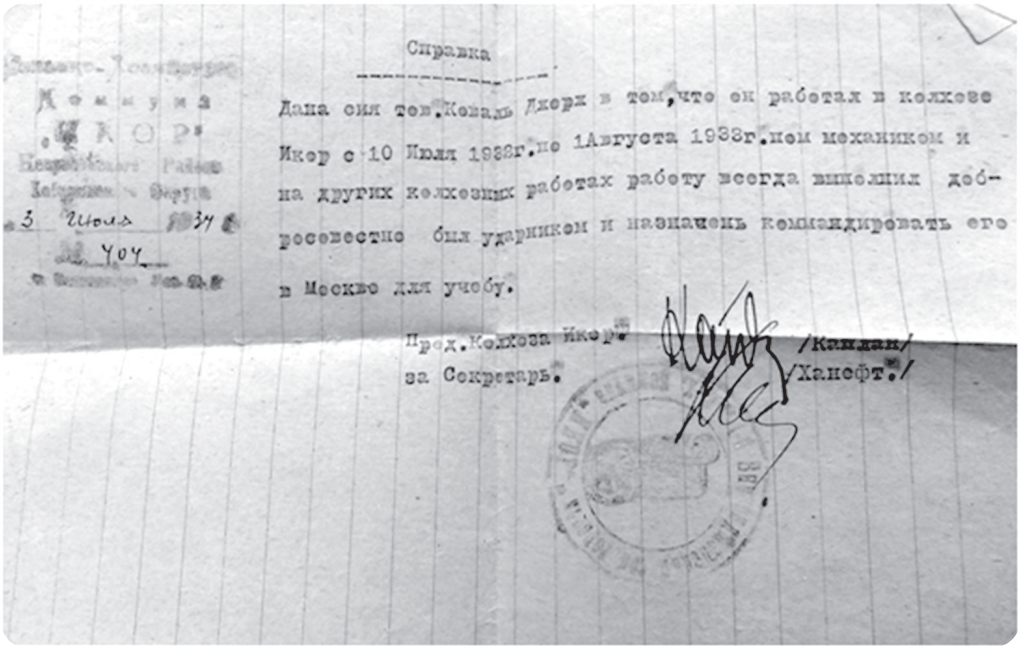
полей, а затем воспитатель в детсаду. Верная спутница Шаи с 1935 года и до конца их дней. Четверых детей родили и вырастили: дочерей Гиту, Софью и Галину и сына Геннадия. Старшая Гита успела поработать в родном селе фельдшером, Софья стала строителем, Галина — учителем и поначалу тоже работала в колхозе, только в Смидовиче, а младший Гена избрал себе профессию, уже ставшую семейной. Он, как и его дяди, окончил Менделеевку. Самое же главное, что дети вырастили молодое поколение Ковалей, за которое деду Абраму не было бы стыдно. К сожалению, в живых из детей Шаи и Марии в настоящее время осталась только Галина.

Выйдя на пенсию, Исай Абрамович переехал из Камышовки в Хабаровск, еще какое-то время работал на заводе и не бросал любимые занятия садоводством и живописью. В уже далеком 1932 году,

Мария Шейнфельд в Икоре.
Фото из архива семьи Коваль

переезжая из Америки в Россию, он привез с собой краски, кисти, в надежде продолжить заниматься любимым делом. Но не до того было, лишь теперь появилось время. Начал писать маслом, делать чеканку. Страдая от болезни Паркинсона, сделал себе скамейку-упор для рук и, держа кисть двумя руками, продолжал создавать картины. До самой смерти в 1987 году. Его работы сейчас бережно хранят внуки.

Средний сын Абрама Жорж (Георгий) проработал в коммуне недолго, но тоже успел оставить о себе память. В материалах конференции иностранных переселенцев (Биро-Биджан, 1933 г. перевод Е. Сарашевской) читаем: *«Г. Коваль — юный американский «бой», учился на третьем курсе на инженера-электрика в университете в Яве. Вместе со своими родителями приехал в июле 1932 года в Биро-Биджан. Быстро акклиматизировался и привык к тяжелым условиям труда. Выполнял всю черную работу. Теперь работает в механической мастерской. Он не отступает ни перед какими трудностями! Готов сделать все для строительства Соцгородка».*



Справка

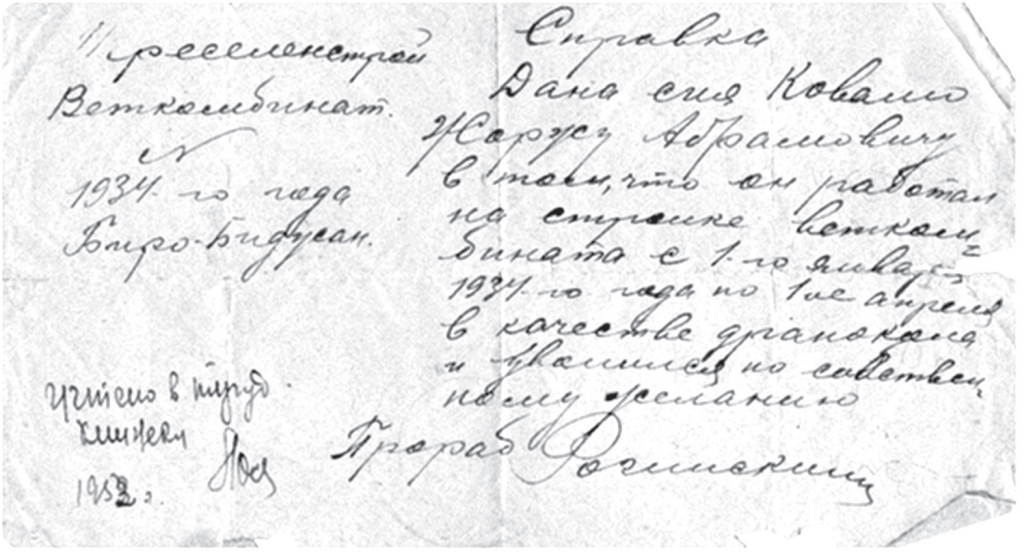
Дана сия тов. Коваль Джорж в том, что он работал в колхозе Икор с 10 Июля 1938г. по 1Августа 1938г. пом механиком и на других колхозных работах работу всегда выполнял добросовестно был ударником и назначень командировать его в Москво для учебу.

Пред. Колхоза Икор /Капланъ/
за Секретарь /Ханефт./

Справка из Коммуны «ИКОР»
о начале работы Жоржа Коваля 10 июля 1932 г.
Получена от Ю.А.Лебедева

В справке, выданной 3 июля 1934 года и подписанной председателем колхоза «Икор» Капланом и секретарем Ханефтом, говорится: *«Дана сия тов. Коваль Джорж в том, что он работал в колхозе Икор с 10 июля 1938 г. по 14 августа 1933 г. пом. механиком и на других колхозных работах, работу всегда выполнял добросовестно, был ударником и назначень командировать его в Москво для учебу»* (орфография сохранена).

Жорж в коммуне корчевал лес, работал драноколом, то есть расщеплял бревна на тонкие пласты для покрытия крыш, немного шофером, механиком. В своей автобиографии Жорж писал о том, что он в 1933 г. поехал в Москву поступать на учебу, но опоздал на прием и еще на год вернулся домой. В конце марта 1934 года Жорж устроился слесарем в механические мастерские в Биробиджане, а 27 июня уволился для повторной поездки в Москву. На этот раз всё сложилось удачно, и он стал студентом МХТИ им. Д. И. Менделеева.


Переселенстрой
Веткомбинат.
№
1934-го года
Биро-Бидусан.

Справка
Дана сия Ковалю
Жоржу Абрамовичу
в том, что он работал
на стройке веткомбината с 1-го января
1934-го года по 1ое апреля
в качестве дранокола
и уволился по собственному желанию
Прораб Рогинский

учтено в труд книжки
1952 г.

Справка о работе драноколом.
Получена от Ю.А.Лебедева

Тогда же он получил в Москве советское гражданство. Внучка Исайи Абрамовича Людмила Соловьева открыла мне маленький семейный секрет. Жорж, отправляясь в Москву, планировал поступать в МГУ. Но подвело незнание Москвы и русского языка, он просто-напросто перепутал вузы. Да и откуда ему было знать русский язык, если дома и в коммуне общались на идише. Вот английский, его второй родной язык, у него был великолепный, и это сослужило ему в дальнейшем добрую службу. А пока приемная комиссия освободила абитуриента Коваля от экзамена по русскому языку. У биографа Ж. Коваля Ю. А. Лебедева на этот счет несколько другое мнение, но познакомиться с ним лучше будет непосредственно из его книги.

Совместно с Юрием Александровичем нам удалось выяснить небольшую деталь из биографии Жоржа Абрамовича. Оказывается, в Москве, поступив на учебу, он нашел приют в крошечной комнатке Погребицких, а затем в чуть более просторной квартире Кампелей. Распавшись, коммуна продолжала существовать, ничего не изменилось в отношениях бывших коммунаров. Они всегда готовы были протянуть друг другу руку помощи, дружили сами и передали эти теплые отношения своим детям.

В 1939 году Жорж Абрамович окончил институт, защитил дипломную работу по тематике лаборатории редких газов и поступил в аспирантуру. Об этом я краем уха слышала от отца. Об остальном, как и весь мир, узнала не так давно.

25 ноября 1939 года Жорж Коваль был призван на военную службу, отчислен из аспирантуры и направлен в спецшколу ГРУ. У самого Жоржа были совсем иные планы, но отказаться от назначения не было возможности. От него зависела жизнь семьи в колхозе и его жены, имевшей «подозрительное» непролетарское происхождение. Осенью 1940 года Коваля нелегально переправили в США. Цель, поставленная перед ним, была связана с его образованием — новые отравляющие вещества, разработанные в американских лабораториях. Но внедриться под чужим именем не удалось. И тогда советский разведчик Дельмар пошел на риск, он использовал вместо легенды свое настоящее имя и документы о среднем образовании и двух курсах института, с которыми без труда удалось найти подходящую работу и установить нужные связи. Четвертого февраля 1943 года Коваля как гражданина США (американское гражданство по праву рождения осталось за ним до конца его дней) призвали в американскую армию. Он получил очень высокий балл при тестировании и был направлен на специальные курсы по изучению радиоактивных материалов при Нью-Йоркском городском колледже.

В августе 1944 года рядовой американской армии Джорж Коваль успешно окончил курсы и получил назначение на сверхсекретный объект в город Ок-Ридж. Так он оказался в самом сердце атомном центра, в котором производился обогащенный уран и плутоний.

В конце 1945 года Жоржа перевели на новое место службы — в лабораторию, которая располагалась на секретном объекте в городе Дейтон, штат Огайо. Как радиометрист он был вхож во все уголки центра.

Информация от агента Дельмара, единственного разведчика в мире, сумевшего проникнуть на атомные объекты США, сразу попадала к научному руководителю советского атомного проекта Курчатову. Своевременное создание грозного оружия в противовес американской атомной бомбе — во многом заслуга Жоржа Абрамовича.

Если бы не оно, неизвестно, как бы сложилось в дальнейшем противостояние этих двух великих держав. До сих пор американские спецслужбы выясняют, как мог случиться такой прокол в их работе, как и что именно сержант Коваль, имевший допуск самого высшего уровня государственной секретности, мог передать советскому руководству.

А между тем техник третьего разряда Джорж Коваль был уволен из армии США, имея награды «За примерное несение службы» и «За победу во Второй мировой войне», отклонив предложения о продолжении службы.

Существовала угроза, что агенты ФБР смогут установить, что американец Джорж Коваль в 1932 году вместе с родителями выехал на постоянное жительство в СССР и после этого в США не возвращался. Угроза более чем реальная: в журнале, издаваемом в США организацией ИКОР, были напечатаны фотографии семьи Коваль, выезжающей в Биро-Биджан, фото Абрама в коммуне и статьи о его новой жизни в Биро-Биджане.

В 1948 году Жорж Коваль вернулся в Москву. В июне 1949 года начальник 2-го Главного управления Генштаба генерал армии М. Захаров подписал приказ, касающийся судьбы «Дельмара» и его работы в военной разведке. В приказе говорилось, что «рядовой Жорж Коваль 1913 года рождения демобилизован из рядов Вооруженных сил СССР», а в военном билете стояла запись о том, что в боевых действиях он не участвовал. За свою работу агент Дельмар не удостоился ни званий, ни наград. С одной стороны, это была опала, с другой, вполне вероятно, что забвение спасло жизнь Жоржу, он не попал под чистки, устроенные в аппарате после смерти Берии.

По этому поводу, как гласит семейная легенда, между Жоржем Абрамовичем и спецслужбами был заключен негласный договор: он ничего не просит от них, но и они не трогают его. Я очень сомневаюсь, что со спецслужбами возможны какие-либо соглашения, но кто сейчас может сказать, как это было на самом деле? Дельмар умел хранить свои тайны.

В мирной жизни у бывшего разведчика возникли проблемы, заставившие его однажды нарушить договор, если он существовал на самом деле. Вернувшись в аспирантуру и успешно защитив

В Камышовке. В центре Абрам с правнуком Владимиром. Справа от него Муся, слева Людмила, его невестки. Стоят (справа налево) Жорж, Софа, С. Векслер – муж Гиты, Шая. На переднем плане Галина, Гена, Гита.
Фото из архива семьи Коваль

диссертацию, Жорж около года не мог найти работу. По той простой причине, что не мог объяснить чиновникам, где служил и чем занимался 10 лет, почему за это время, имея высшее образование, не заслужил даже лейтенантского звания и имеет только одну медаль «За победу над Германией».

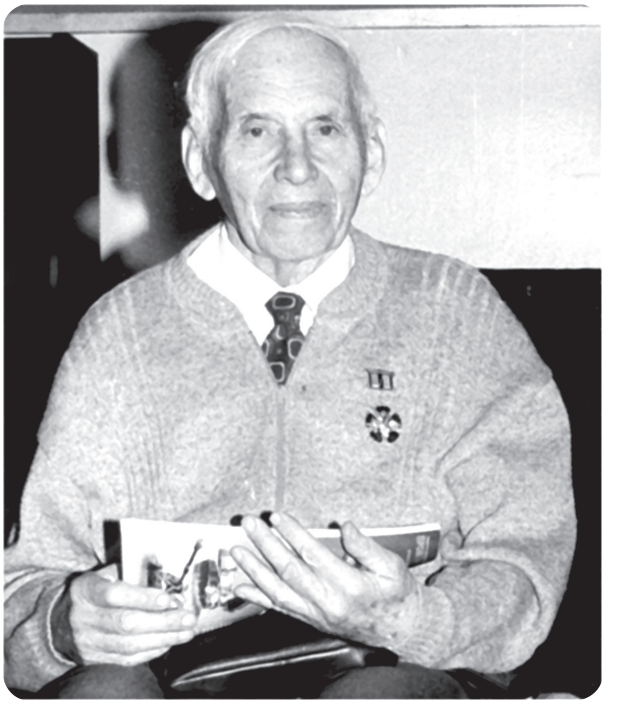
Только после вмешательства начальника ГРУ генерал-лейтенанта М. А. Шалина Жоржа Абрамовича приняли на преподавательскую работу в МХТИ, где он работал в течение сорока лет. Обучал студентов, подготовил и опубликовал около 100 серьезных научных работ. И, прожив долгую жизнь, никому не рассказывал о своем прошлом.

Вспомнили о Ковале только тогда, когда он сам напомнил о себе, обратившись в американское посольство с просьбой о выплате материального пособия, положенного ему как ветерану американской армии. Кто знает, какой мотив двигал ветераном, ход его мыслей всегда был непредсказуем. Вот тогда спохватились и родные спецслужбы, которым так кстати пришлась история Коваля, но уже для поднятия собственного имиджа. В 1999 году бывший разведчик получил удостоверение ветерана военной разведки, а в 2000 году — почетный знак ГРУ «За службу в военной разведке». Ветеранам в таком возрасте такой знак не выдается, он предназначен только для награждения действующих офицеров, но для Жоржа Абрамовича было сделано исключение. А так как рядовому Ковалю офицерский знак тем более положен не был, то в удостоверении звание указать «забыли». Тогда же ему была назначена достойная пенсия.

В 2002 году вышли в свет газетная статья, описывающая эти события, и книга В. Лоты «ГРУ и атомная бомба». Но героем книги оставался разведчик Дельмар, Жорж Абрамович не разрешил раскрыть свое настоящее имя.

Обо всем этом и еще о многих подробностях службы и личной жизни Ж. Коваля, о его встрече и переписке с А. Крамишем, известным физиком и историком, вместе с которым Жорж Абрамович во время Второй мировой войны служил в Ок-Ридже в Манхэттенском проекте, лучше прочитать в книгах ученика и исследователя жизни Жоржа Абрамовича Ю. А. Лебедева. Недавно вышедший двухтомник его исследований «Ветвления судьбы Жоржа Коваля» включает в себя множество неизвестных фактов из жизни этого удивительного

человека и уникальных фотографий. Я горжусь тем, что эта книга с дарственной надписью получена мной от автора.



Жорж Абрамович Коваль при вручении почетного знака. 2000 год.
Фото из архива семьи Коваль

Ю. А. Лебедев утверждает: «*В богатой событиями биографии Героя России Ж. А. Коваля все еще скрыто множество эпизодов, характеризующих его как чрезвычайно разностороннего человека, которому судьба дарила удивительные возможности, а он не упускал случая ими воспользоваться*». Исследователю удалось разыскать и документально подтвердить ранее неизвестные данные, например, о том, что весной 1941 года студент Жорж Коваль изучал органическую химию в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В это же время там работали знаменитые ученые-нобелианты Ферми и Юри, стоявшие у истоков изучения атомных процессов, и высока вероятность того, что Жоржу удалось услышать их лекции, что, возможно, в дальнейшем помогло его работе. Интересно, что в переписке с Крамишем, высоко ценившим Жоржа Абрамовича, два ветерана не только обсуждали современные мировые проблемы и вспоминали годы совместной службы, но и периодически возвращались к жизни Коваля в коммуне, к событиям и людям, связанным с ней. Крамиш знал о некоторых эпизодах этой поры из американской прессы, Жорж Абрамович вспоминал былое и людей, с которыми ему довелось встретиться в «Икоре».

Скончался Жорж Коваль в Москве 31 января 2006 года.

«За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания», ему было присвоено звание Героя России, но произошло это 22 октября 2007 года, после его смерти. Только тогда его коллеги и студенты узнали, что их любимый преподаватель и талантливый ученый был разведчиком.

Была еще одна сторона жизни легендарного Дельмара, известная только близким. Жорж Абрамович, как и все мужчины в семье Коваль, был опорой и надеждой как для больной жены, за которой преданно ухаживал, не доверяя никому, так и для молодого поколения. Настоящий глава семейного клана. До глубокой старости сохранивший ясный ум, он в 70 лет освоил компьютер и вел активную переписку со своими друзьями, живо интересовался происходящими событиями. На 90-летие родные подарили ему цветной принтер и приставку для набора текста с голоса, и подарок этот юбиляр активно использовал. Но душой отдыхал, когда удавалось вырваться на дачу, за город. Подержать в руках плотницкий инструмент, вдохнуть запах свежих стружек, что-то смастерить своими руками.

Общаясь с семьей Жоржа Абрамовича, я не могла удержаться от «коварного» вопроса. Как он сам относился к тому, что он, гражданин США, работал против своей страны? Оказалось, что только однажды об этом в семье зашел разговор, который Жорж Абрамович оборвал раз и навсегда, ответив, что работал он не на американское или советское правительство. Главным был для него итог: мир избежал ядерной войны.

Сейчас каждый этап жизни Жоржа Коваля тщательно исследуется, о нем написаны книги, сняты фильмы и в России, и в Америке, и желающие без труда могут с ними ознакомиться.

2 сентября 2015 года в Биробиджане в честь Героя России был открыт пилон в Сквере Победы, а в 2018 году в районном музее п. Смидович появилась новая экспозиция, посвященная Ж. А. Ковалю и первостроителям «Икора».

Самая короткая, но не менее героическая история — у младшего из сыновей Абрама Коваля.

Талантливый, как и все в их семье, хорошо играющий на гитаре, душа компании, Гейби, после окончания еврейской средней

школы №2 им. Кирова в Биробиджане, успешно окончил в 1941 году тот же институт, что и брат. На страницах «Трибуны» №23 за 1936 год опубликовано «Обращение биробиджанцев Москвы к еврейской молодежи». В нем — призыв «дать не одну сотню и тысячу смелых, отважных летчиков, танкистов, подводников, парашютистов и пехотинцев» для защиты Родины и, конечно, здравицы в честь великого вождя. Все подписавшиеся студенты — биробиджанцы московских вузов, среди них — братья Жорж и Гейби Коваль.

Гейби Коваль.
Фото из архива семьи Коваль

На защиту диплома к Габриэлю в Москву приезжала мать. Но долгожданная встреча с сыном не была радостной. Ее приезд 22 июня 1941 года совпал с началом Великой Отечественной войны. Не пробыв в Москве и суток, Этель возвратилась домой, на Дальний Восток. Семья еще не знала, что это было последнее свидание матери с младшим сыном. 26 июня Гейби защитил диплом инженера-технолога, после чего был призван в ряды вооруженных сил Биробиджанским горвоенкоматом и ушел на фронт. А дальше — только строки из Книги Памяти: *«Гвардии лейтенант, командир взвода Коваль Габриэль Абрамович погиб 1 августа 1943 года в районе села Рябинино Смоленской области»*.

Последним местом службы Габриэля Коваля была 4-я Гвардейская мотострелковая бригада. Село Рябинино, что под Ельней, было уничтожено в годы войны и не восстановлено. Но в мемориальном

комплексе в Ельне в списке павших воинов увековечено имя Габриэля Коваля. Не так давно родные смогли побывать на месте боев и поклониться его памяти.

В родном институте на мемориальной доске с именами погибших на фронте «менделеевцев» золотыми буквами выгравировано «Гейби Коваль».

В статье Андрея Шитова, опубликованной в «Российской газете» от 4 июня 2008 г., упоминается о том, что в 1936 году сестра Абрама Голда с мужем Гарри Гуштелем ездили к родственникам в колхоз на Дальний Восток. Вопреки моим сомнениям оказалось, что это правда. Голда с мужем действительно не только приезжали в гости к Ковалям в «Икор», но и побывали в Телеханах. Гурштель был не только родственником, но и верным другом Абрама Коваля и активным работником «Икора», всемерно поддерживавшим идею переселения евреев в Биро-Биджан. Множество его статей в «Найлебн» и переписка с семьей Коваль служат подтверждением этому. «Найлебн» (апрель 1937 г., №4) сообщает: *«Г-жа Г. Гурштель, сестра Коваля, и ее муж, которые проживают в Сью-Сити, отправились навестить семью Коваль летом 1936 года. По возвращении они с энтузиазмом вспоминали о том, что видели в Советском Союзе, в Биро-Биджане. Гурштель, который всегда был преданным другом ИКОРа, обещал активизировать свою деятельность в десять раз, потому что чувствует: то, что он видел в Биро-Биджане, заслуживает преданности со стороны каждого еврея во всем мире. Благодаря этому энтузиазму ему удалось получить 52 новых подписчика «Найлебн». Он утверждает, что рассматривает эту деятельность просто как свой вклад в популяризацию великой исторической главы, одним из создателей которой посчастливилось стать его шурину.*

Вся семья понимает: здесь у сыновей Коваля есть лучшие возможности для поиска своего места в жизни. Но что еще более важно — это возможность участвовать в той великой задаче, которая в настоящее время осуществляется в Биро-Биджане: создание новой еврейской нации на еврейской автономной территории».

О том, как были реализованы эти возможности и выполнена «великая задача», судить читателю.

ГЛАВА VII

Семья Форер

Виновным себя не признал

Еще одна икоровская история оказалась самой трагичной и запутанной из всех ранее написанных. В судьбе председателя коммуны «Икор» Иосифа Форера, арестованного и осужденного в 1937 году, до сих пор много загадок. До сих пор не утихла боль семьи, которая пытается разыскать сведения о нем.

Общаясь с потомками икоровцев, я часто слышала, что старшие члены семьи не хотели говорить о прошлом. Это очень понятно. Слишком тяжелым было это прошлое. Но то, что пережили члены семей репрессированных, несравнимо ни с чем. Изломанные судьбы, отвернувшиеся соседи и даже родственники и бывшие друзья, угроза ареста и постоянный изматывающий страх за своих близких. Выжившие в этой мясорубке не хотели даже мысленно возвращаться в те времена. Кроме того, в их душе навсегда поселилось не просто опасение, а всепоглощающий ужас: что, если в один миг, как тогда, в 1937-м, все изменится.

В семье Форер в коммуне «Икор» поначалу все складывалось.

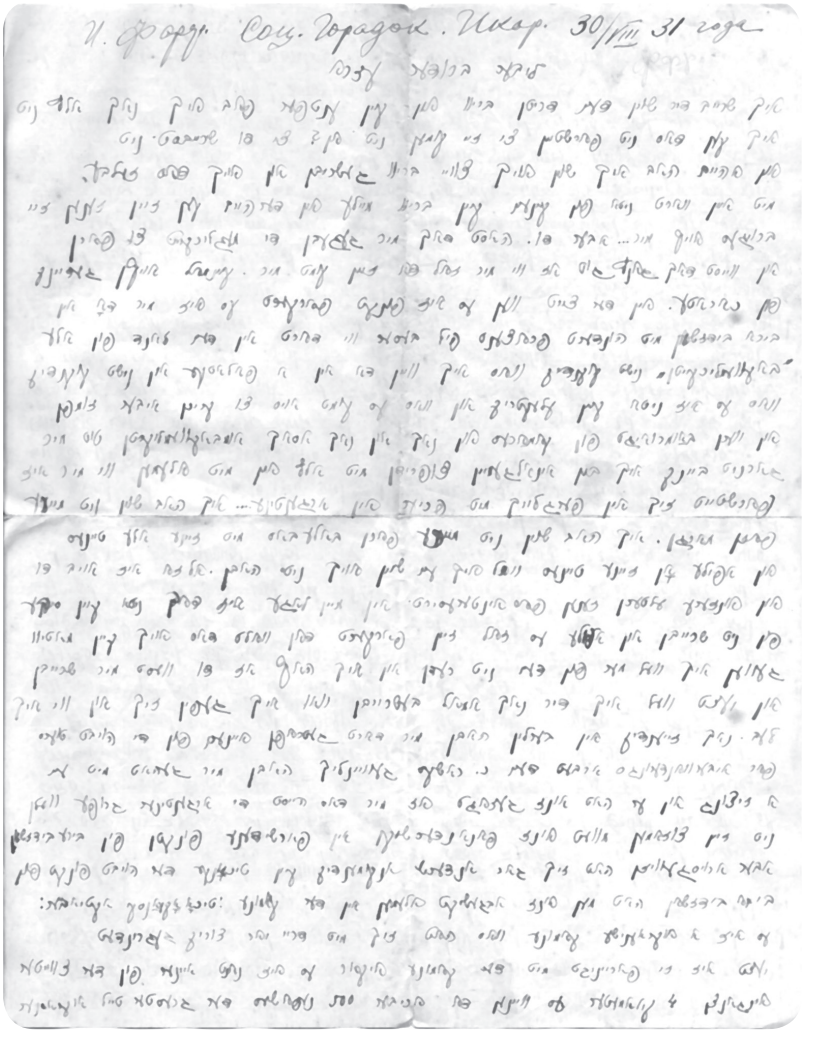
Иосиф Исаакович Форер родился 16.09.1905 г. в деревне Сосновка Гродненской губернии (Польша). В 13 лет Иосиф был вынужден оставить учебу в хедере и начать работать. Сначала чернорабочим, потом молотобойцем, а когда семья переехала в местечко Воломин Варшавской губернии, поступил на работу в столярную мастерскую. В 1923 г. на фоне усилившегося антисемитизма он вслед за братом Эзрой перебрался в Аргентину, где продолжал работать столяром, там же вступил в Союз синдикалистов. В 1930 году Иосиф Форер зарегистрировался в организации «ПРОКОР», которая занималась вопросами переселения евреев, и уже в феврале 1931 года, вопреки воле семьи, отправился на товарном бельгийском пароходе в Бельгию, а оттуда на поезде в Германию. В Берлине уже через двое суток, через сопровождающего группу секретаря еврейской секции

компартии Аргентины Розина и представителя московского «ОЗЕТ» Рашкеса, переселенцы получили от советского консульства въездную визу в СССР и выехали поездом в порт Киль, где через 5 часов сели на советский пароход «Сибирь», на котором прибыли в Ленинград. Оттуда группу примерно через два дня отправили в Москву, а через трое суток — в Биро-Биджан. Так описывал этот путь сам Иосиф, а я привожу эти подробности по той причине, что пути еврейских переселенцев до сих пор вызывают много споров у исследователей.

Всю аргентинскую группу отправили в одно место. В списках иностранных рабочих, прибывших из Аргентины 15 мая 1931 года в Соцгородок, числится столяр Иосиф Исаакович Форер, приехавший в составе группы из 46 человек. Судя по дате, он был одним из первых переселенцев из-за рубежа, начавших осваивать новые территории, которые Советский Союз выделил на Дальнем Востоке евреям, разбросанным по всему миру, призвав: «Зачем вам капиталистическая Палестина, приезжайте, стройте новую свободную жизнь на своей земле».

Для ведения агитационной работы и сбора денег на осуществление своего проекта КомЗЕТ разослал своих представителей по всему миру. Журналистка Дина Медем писала из Аргентины в 1936 году: «*Среди местечковой бедноты с небывалым подъемом проходят доклады о жизни еврейских трудящихся в СССР, о братской и шефской помощи фабрик и заводов Союза строительству молодой Еврейской автономной области, на которое советское правительство отпускает десятки, сотни миллионов*» («Трибуна» 1936 г., №11).

Освоение девственной природы давалось с большим трудом. Но в своем письме из Соцгородка брату Эзре в Аргентину в августе 1931 года Иосиф пишет: *«Никогда я даже в мыслях не испытываю сожаления. Мне в Биро-Биджане на сто процентов лучше, чем там, в стране всех «удобств», несмотря на то, что я живу в палатке, несмотря на отсутствие электричества и необходимость пробираться через топи, несмотря на беспокойство, которое причиняют насекомые, и ещё многое, что, впрочем, совершенно меня не огорчает. Я, в общем, доволен всем и всеми. Само собой разумеется,*



Письмо, отправленное И.Форером в 1931 году из Соцгородка в Аргентину брату Эзре.
Из архива Эзры Форера. Получено от его внука Хорхе-Серхио Борковского. Публикуется с разрешения семьи.

что по сравнению с прежней жизнью в Аргентине у меня нет страха перед завтрашним днём, перед хозяином со всеми его придирками. Да и самих придирок у меня также не будет...»

В этом же письме Иосиф рассказывает о жизни и проблемах переселенцев, о своих обязанностях в коммуне: *«Я снова встану на пару*

дней на корчевку, а после, как заявил заведующий Соцгородком, он хочет сделать меня своим помощником. У меня же нет желания, поскольку получается, что я буду занят больше десяти часов в день, однако деваться некуда, я вынужден был согласиться. Я очень много работаю. Надеюсь, что зимой у меня появится немного свободного времени. Прежде всего, если будет у меня пара недель, я использую их, чтобы освоить специальный курс русского языка, так как для моей работы необходимо вести книгу (учета). И сейчас у меня достаточно писанины, то есть запись всех материалов, выдача квитанций, запись всех пришедших рабочих — всё это даётся мне с большим трудом, потому что я мало знаю (русский)...»

В труднейших условиях поселенцы строили предприятия и дороги, создавали колхозы. И строили семьи. Иосиф Форер завидный жених. Анатолий Маркович Подольский вспоминал о нем так: *«Это был молодой и довольно симпатичный интеллигентный человек. Высокого роста, крепкого телосложения, эрудированный не по годам»*.

Парню удалось покорить сердце одной из сестер Шейнфельд, тоже приехавших строить новую жизнь в «Икор», только с Украины. Уже 8 июля 1934 года газета «Биробиджанская звезда» в отчете с областного слета колхозников-ударников упоминает ударницу Шейнфельд из «Икора». У Нехамы, несмотря на ее молодость, за плечами богатый послужной список. В 1919 году молодая гимназистка, оставив учебу, добровольно ушла с партизанами, в 1920-м вместе с отрядом влилась во 2-ю Конную армию, участвовала во взятии Перекопа, ей довелось работать в ремонтных мастерских, быть санитаркой на фронте и в военном госпитале. Клич партии и правительства: «Евреи, на Дальний Восток!» вновь срывает ее с места. Так она в том же 1931 году оказалась в «Икоре». И. И. Блехерман рассказывал: *«Она прибыла в Соцгородок одетая в шинель, как мужчина. Была революционерка, преданная такая»*.

В коммуне Нехама (Нина Петровна) становится женой Иосифа Форера. Вскоре к ней приехала ее младшая сестра Мария. Активистка и ударница, она вышла замуж за Шаю Коваля. С тех пор судьбы этих двух семей связаны между собой. В самые трудные годы Абрам Коваль не оставлял Нину без поддержки, Нина помогала чем могла

Нехама Шейнфельд (слева).
Из архива семьи

семье Коваль, и сейчас их внуки и правнуки не забывают о своем родстве.

А пока они в коммуне, которая в середине тридцатых годов стала колхозом. Форер уже не просто рядовой коммунар. В конце 1934 года общее собрание колхозников, оценив его трудолюбие и преданность делу, избрало Иосифа председателем.

На его долю выпал непростой период реорганизации коммуны. Ее состояние было настолько плачевным, что решено было применить радикальную меру: закрыть проект «Соцгородок» и сконцентрировать все силы в «Икоре», превратив его из коммуны, где все общее, в артель, а затем в колхоз, в котором каждый получает согласно заработанным трудодням. Процесс этот очень болезненный, далеко не всем по нраву «отлучение от общей кормушки». Часть людей начинает разъезжаться, но те, кто остался, работают и побеждают. Уже результаты 1935 года заставили колхозников поверить своему председателю. При Форере «Икор» набирает такую силу, что уже в середине 1930-х годов выходит на второе место после Валдгейма среди лучших

коллективных хозяйств Дальневосточного края. В 1934 году Иосиф Форер избран делегатом I съезда Советов Еврейской автономной национальной области с правом решающего голоса.

Д. Маневич в 1935 году в газете «Биробиджанская звезда» писал: *«Колхоз «Икор» еще до прошлого года был слабым хозяйством, с 1935 года он стал быстро развиваться. Теперь в колхозе уже есть две животноводческие рентабельные фермы... Не в пример прошлым годам переселенцы закрепляются, прибывают новые, возвращаются и некоторые из тех, кто оставил в свое время колхоз... Посевная площадь колхоза увеличивается. В нынешнем году будет поднято 300 га целины. К севу колхоз подготовился своевременно. Семена засыпаны, тракторы колхоз получает от новой Биробиджанской МТС. Для лошадей заготовлено сено на все лето. Колхозные поля полностью обеспечены удобрением. Приступили также к оборудованию парникового хозяйства... Молодой колхоз стал передовым».*

Говорилось в статье и о председателе «Икора»:

«Иосиф Форер еще молод, полон сил. Жена его тоже хорошая работница. Вначале она работала в поле, затем заведовала яслями... Он и его жена — ударники колхозных полей, участники областного слета стахановцев, премированы...

За то время, что Форер руководит колхозом, там построены школа, детские площадки, организована библиотека, выписываются газеты... Вскоре будет проведено радио».

Растет не только колхоз, растет и семья Форер. В ней уже трое сыновей с очень непривычными для еврейского уха, но выразительными именами. Револьд (1933 г. р.), Маэлс (1934 г. р.), Владлен (1937 г. р.). В честь революции и Маркса, Энгельса и Ленина. В 1936 году Россию посетила аргентино-уругвайская делегация. В журнале «Трибуна» (№11) этому событию посвящена большая приветственная статья тов. Рашкеса, в которой, в частности, говорится: *«Во время посещения Биро-Биджана они (члены делегации) увидят, как хозяйственно и культурно растет единственная в мире Еврейская автономная область. На стройках и предприятиях Биробиджана делегаты встретят немало своих товарищей из Аргентины и Уругвая — вчерашних полуголодных рабов, ставших*

Иосиф Форер, переселенец из Аргентины. Председатель колхоза Икор. 1935г.
Областной краеведческий музей ЕАО

в Советской стране преданными и счастливыми строителями социалистической Еврейской автономной области».

Иллюстрацией счастливой свободной жизни «аргентинцев» на земле Биро-Биджана служит портрет председателя Иосифа Форера. Эта выразительная фотография обошла многие издания мира.

Все закончилось в один миг. Председателя вызвали по делам в Биробиджан, оттуда он уже никогда не вернулся. 20 ноября 1937 года он был арестован, 7 января 1938 г. в тюрьме ему предъявили выписку из протокола особого совещания НКВД от 4 января. Иосиф Исаакович Форер был заочно обвинен в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу Польши, заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Первое письмо, которое хоть как-то прояснило обстановку, его жена Нина получила через 9 месяцев из Красноярского края. Труд-

но даже вообразить, что пережила молодая женщина, оставшаяся с тремя детьми, младшему из которых не было еще и года. Она отчаянно пыталась что-то узнать о судьбе мужа и помочь ему. В то же время нужно было уберечь себя и детей, просто выжить. Нина осталась без средств к существованию, у нее не было работы, так как она не могла оставить детей одних.

К тому же над Ниной висела постоянная угроза ареста, ссылки. Односельчане боялись общаться с ней, хотя многие потихоньку сочувствовали. Можно ли осуждать их за это? Каждый опасался за свою семью.

Об этом периоде жизни семья узнала много позже, когда уже не было в живых ни самой Нины Петровны, ни ее сыновей, из переписки, хранившейся в архивах надзирательных органов.

«У меня жили квартиранты, им велели уйти с квартиры. Никому не разрешили со мной разговаривать, ходить ко мне в дом... Люди проходили, опускали глаза, чтобы не глядеть мне в лицо, и боялись подойти мне помочь, чтобы им не приписали связь с врагом народа».

В отчаянии металась Нина из «Икора» в Киев к отцу, в колхоз под Житомир, к брату, семья которого сама отчаянно нуждались, к родным в Одессу. Ни в одном из этих мест она не смогла получить прописку, устроиться на работу, проживая последние накопления и те жалкие деньги, которыми могла помочь ей семья.

Видно, судьба сжалилась над ней: Нина Петровна увезла детей с Украины назад в Биробиджан перед самой войной, тем и спасла семью. Брат Наум погиб на фронте, а троих его детей, оставшихся в Радомысле в оккупации, расстреляли во дворе дома, на глазах у русской матери. Кто-то из соседей выдал немцам, что их отец еврей. Сестра Роза вместе с отцом Пейсахом Нусевичем тоже сгинули на дорогах войны. Их судьба неизвестна до сих пор. Биробиджан оказался последней надеждой, там Нина смогла найти работу на обозном заводе, а вот с пропиской возникли проблемы. Загнанная в угол женщина категорически отказалась искать себе другое место. Ей уже все равно — тюрьма, ссылка: для нее нет места во всей большой стране.

«Я категорически заявляю, что отсюда никуда не поеду,

ибо только теперь чувствую, что очутилась на твердой почве, где сумею более или менее обеспечить существование моих детей… Я скорее соглашусь на арест, нежели на переезд».

Потребовалось много писем и жалоб, чтобы получить, наконец, разрешение на проживание. Все это время, и на Украине, и в Биробиджане, Нина не оставляла попыток узнать что-то о муже, в поисках справедливого правосудия она писала письма-прошения во все инстанции.

Уже взрослые внучки пытались узнать подробности о годах ссылки своего деда. И в 1993 году на запрос Ирины, дочери Маэлса, из управления Комитета государственной безопасности СССР по Хабаровскому краю поступил ответ: *«Постановлением президиума областного суда ЕАО от 25 мая 1957г. Форер Иосиф Исаакович был полностью реабилитирован посмертно».*

Тогда же ей позволили прочитать письма, написанные в различные инстанции. Письмо Нины к Берии — крик отчаяния в последней надежде найти справедливость. Письмо-жалоба Иосифа Форера в особую инспекцию НКВД с просьбой объективно разобраться в его деле. Письма, за которыми — изломанные судьбы семьи, народа, поколения. Именно они позволяют сейчас проследить отдельные периоды жизни Нины и Иосифа Форер.

В надзирательном деле Нины Шейнфельд (Госархив ЕАО. Ф. 83. О. 7. Д. 148.), которое семье удалось получить только в 2017 году, хранятся ее обращения к прокурорам области и края, Прокурору СССР Вышинскому, Прокурору СССР Панкратьеву, к Калинину и всемогущему Берии, и даже «дорогому товарищу Сталину». Среди писем и отписок надзирательных органов жалоба отца Нины Пейсаха Нусевича Главному военному прокурору СССР (орфография и стиль писем сохранены):

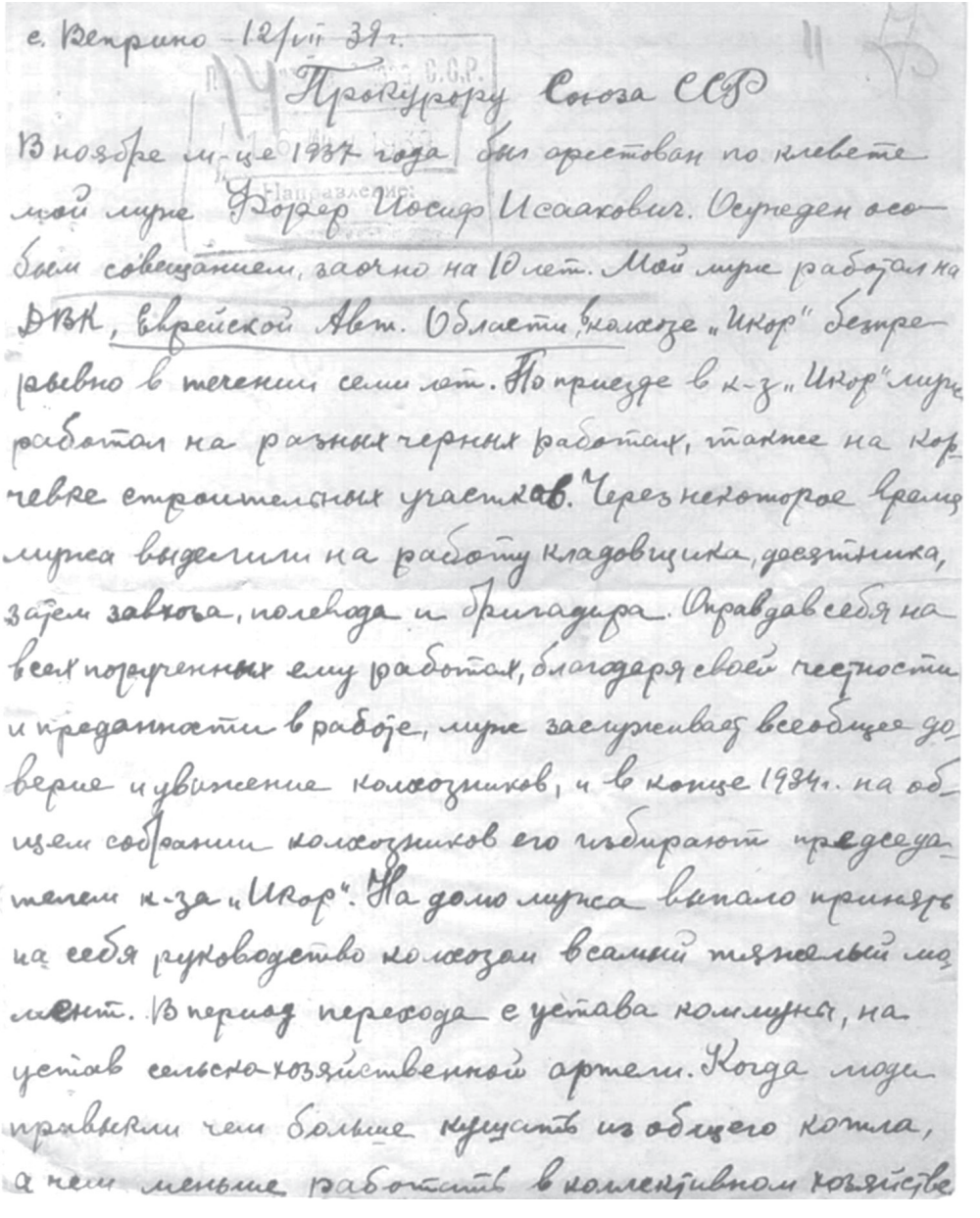
«Дочь, о которой я прошу, со средним образованием, в 1919 году поступила в партизанский отряд, в 1920 она вошла с отрядом Конной армии, пережила великую борьбу с белобандитом Григорьевым на Перекопе в Крыму, была в армии с 1919 по 1922 г. Все это она сделала не для того, чтобы получить орденов, а за свое сознание своего долга к своему отечеству трудового народа».

Перед нами страницы только одного из многих писем Нины:

от 12.07.1939 г.

Прокурору Союза ССР

В ноябре месяце 1937 года был арестован по клевете мой муж Форер Иосиф Исаакович. Осужден особым совещанием, заочно на 10 лет. Мой муж работал на ДВК, Еврейской Авт. Области, в колхозе «Икор» безпрерывно в течении семи лет. По приезде в к-з «Икор» муж работал на различных работах, также на корчевке строительных участков. Через некоторое время мужа выделили на работу кладовщика, десятника, затем завхоза, полевода и бригадира. Оправдав себя на всех порученных ему работах, благодаря своей честности и преданности в работе, муж заслуживает всеобщее доверие и уважение колхозников, и в конце 1934г. на общем собрании колхозников его избирают председателем к-за «Икор». На долю мужа выпало принять на себя руководство колхозом в самый тяжелый момент. В период перехода с устава коммуны, на устав сельскохозяйственной артели. Когда люди привыкли чем больше кушать из общего котла, а чем меньше работать в коллективном хозяйстве. Муж принял хозяйство в совершенно разрушенном виде. Один участок коммуны, где проектировался какой-то социалистический городок, нужно было ликвидировать. Все хозяйство надо было концентрировать в одном месте. Лодыри и прогульщики требовали чтобы им давали по потребностям из колхозной кладовой. Стадо было без кормов. Когда же муж стал проводить устав с/х артели, лодыри и другие темные личности заявили, что муж разгоняет людей из колхоза, и стали искать себе теплых местечек. Моловеры же, увидев отсев людей, хотя и не очень желательных для колхоза, испугались и тоже стали обвинять мужа. Муж с еще большей энергией и настойчивостью взялся за работу чтобы доказать, что с горсточкой честных и преданных колхозников можно сделать больше, чем с оравой дармоедов. Когда у стада не было кормов, муж заставил зав.фермой делать из пшеничной соломы сечку, парить ее, мешать с отрубями и давать это коровам, чтобы



с. Бенрино – 12/VII 39 г.

Прокурору Союза ССР

В ноябре м-це 1937 года был арестован по клевете моей мужа Форер Иосиф Исаакович. Осужден особым совещанием, заочно на 10 лет. Мой муж работал на ДВК, Еврейской Авт. Области, в колхозе „Икор" безпрерывно в течении семи лет. По приезде в к-з „Икор" муж работал на разных черных работах, также на корчевке строительных участков. Через некоторое время мужа выделили на работу кладовщика, десятника, затем завхоза, полевода и бригадира. Оправдав себя на всех порученных ему работах, благодаря своей честности и преданности в работе, муж заслуживал всеобщее доверие и уважение колхозников, и в конце 1934 г. на общем собрании колхозников его избирают председателем к-за „Икор". На долю мужа выпало принять на себя руководство колхозом в самый тяжелый момент. В период перехода с устава коммуны, на устав сельскохозяйственной артели. Когда люди привыкли чем больше кушать из общего котла, а чем меньше работать в коллективном хозяйстве

Страница из письма Нины. Из наблюдательного производства по жалобе Шейнфельд по делу Форера И.И.
Публикуется с разрешения семьи.

сохранить сено к весне, на самый тяжелый период для скота. Когда же зав.фермой не поверил в спасительное предложение мужа, тогда муж сам приходил на ферму заставлял и руководил составлением этих кормов и доказал, что коровы прожили на этом всю зиму, и сено сохранили к весне, когда стадо после зимнего периода сильно ослабевает. Таким образом, благодаря его настойчивости стадо вывели к весне без падежа. После этого случая, колхозники стали больше прислушиваться к советам мужа. И уже в 1935 г. к отчетному году, хозяйство приходит с хорошими результатами. Каждая по киллогр. пшеницы, по 5 кг. картофеля 3 р 13 к. деньгами, получили на т./д. кроме разных овощей. Хорошие результаты поднимают настроение колхозников и вызывают еще больше энергии и настойчивости в работе мужа. В 1936 г. под руководством был выстроен прекрасный телятник, который славился на всю область отсутствием падежа. Тогда же было построено зернохранилище. Деятельное участие муж принимает в строительстве новых домов для переселенцев. Когда в 1936 г. в колхозе появилась чума, муж повел энергичную борьбу против нее и несмотря на то, что у колхозников пали свиньи, из колхозного стада не пало ни одной. Также была укреплена дисциплина, муж знал жизнь каждой семьи, знал как относятся к детям, как ведут свое хозяйство. Знал кому чем надо было помочь. Неоднократно после работы, он заходил на квартиру к колхознику, чтобы знать чего ему еще не хватает, что надо сделать для улучшения его бытовых условий. За свою честную и преданную работу муж был на отчетном собрании 1936 г. премирован 500 р. Также честно и преданно муж работал в 1937 г. Он старается неуклонно поднять благосостояние хозяйства. С каждым годом растет доход с молочной и свино- ферм, что дает возможность расширить и укрепить хозяйство. Несмотря на плохие условия 1937 г. тоже получают на т./д. больше кг. пшеницы, около 3 р. деньгами и (?) овощей. Когда в 1937 г. загорелось колхозное сено из-за неосторожности единоличника, опаливавшего свое сено, муж, рискуя жизнью, спас колхозное сено. Когда в 1937 г. начались массовые аресты, то и на мужа посыпались клеветнические заявления и в ноябре м-це 1937 г.

клеветники добиваются его ареста. Работая с мужем рука об руку в течении семи лет знаю его как исключительно честного работника. Также отзывы о работе мужа, могут дать следующие товарищи, работавшие совместно с ним.

1. Блехерман Илья. 2. Драч Арон — мебельная фабрика «Икор». 3. Костял — председатель колхоза «Тихоокеанский Октябрь» село Даниловка. 4. Ротберг Исаак — завфермой «Икор». 5. Абрамский Иосиф — свиноводческая ферма. 6. Абрамская Фейга — доярка. 7. Коваль Абрам — колхозник. 8. Варнавицкий — колхозник. Все живут в колхозе «Икор». 9. Денисенко — стрелочник ст. Дежневка. 10. Городецкий — работник райзо Смидовичского района живет ст. Ин. 11. Косой — работник облзу живет г. Биробиджан. 12. Шварцштейн Шуня — бывший колхозник раб. нефтебазы живет г. Биробиджан.

Прошу вас тов. Прокурор, проверить как можно скорее все эти факты и показания указанных свидетелей и на этом основании приговор особого совещания опротестовать, дело прекратить и мужа, как совершенно невинного освободить из под стражи.

Просительница жена невинно пострадавшего от рук клеветников

Шейнфельд Нина».

Адрес мужа Красноярская ж.д.

Ст. Решеты Нижне-Пойманское отделение Краслага НКВД 2ой лаг пункт

Фореру Иосифу Исааковичу».

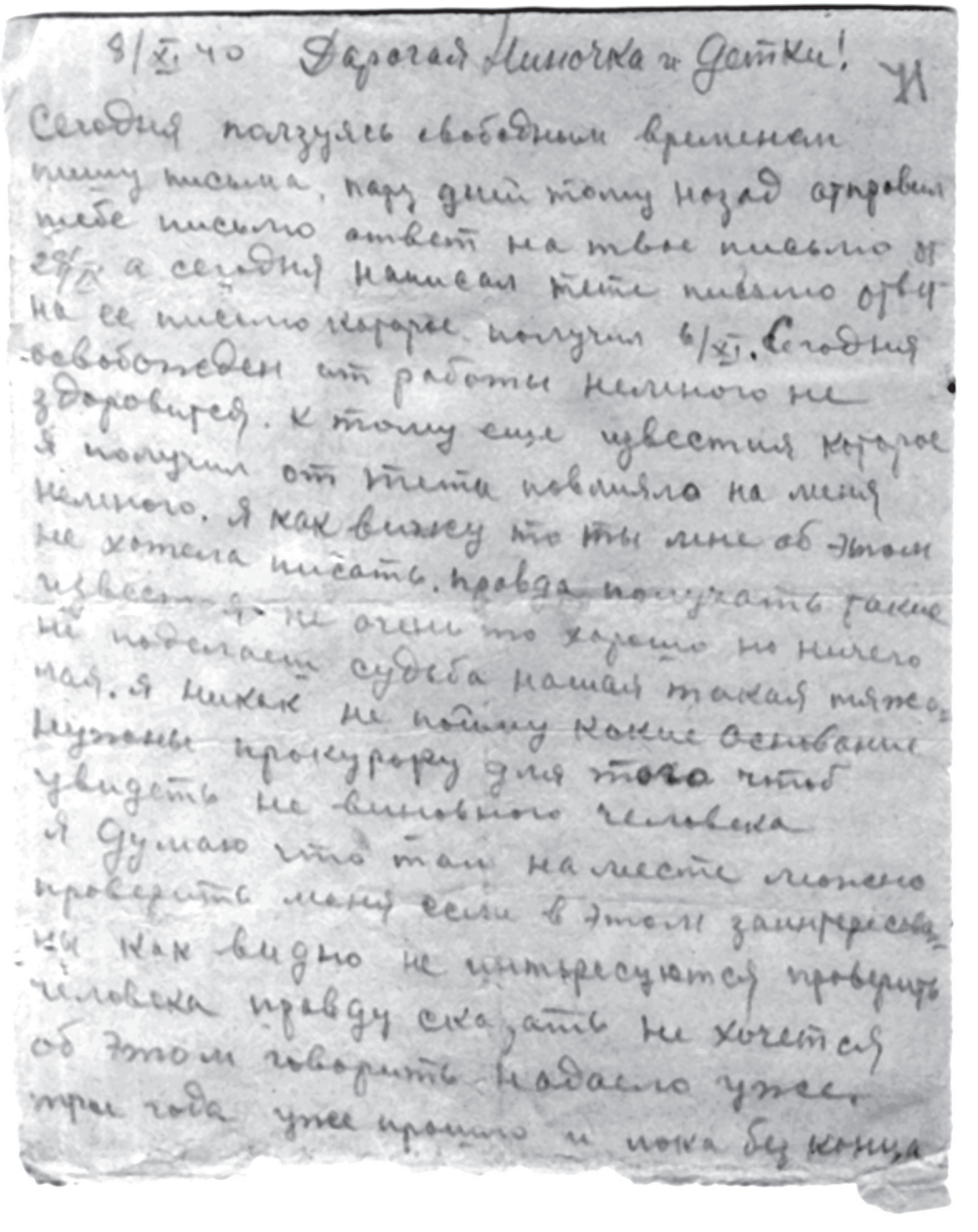
В обращении к Прокурору от 1940 года Нина добавляет еще две фамилии свидетелей, давших ей надежду на справедливость: бывшего председателя колхоза до 1934 года М. Школьника и колхозника И. Сухого, также арестованных в 1938-м, но затем освобожденных.

Это не последнее письмо к Прокурору Союза ССР. В следующем она пишет: *«Вам наверное надоели мои письма, хуже горькой*

редьки, но я не могу успокоиться пока не добьюсь категорического и точного ответа от Вас. За что и до каких пор совершенно ни в чем неповинный человек... должен отбывать тяжелое, незаслуженное наказание? Из моих многочисленных писем, дело Форера Иосифа Исааковича, Вам должно быть уже известно наизусть».

Потрясают строки из письма Нины Петровны, обращенные к заместителю прокурора ЕАО по спецделам Левитину: *«Я прошу вас во имя справедливости, во имя Сталинской конституции, обезпечивающей счастливую жизнь трудовому народу, пересмотреть дело моего мужа, Форера Иосифа Исааковича. Я прекрасно понимаю что пережила наша страна от деятельности наглых мерзких диверсантов троцкистов и др. врагов рабочего класса... Но я верю что Советское правительство еще достаточно сильно и достаточно чутко относится к человеку, чтобы исправить то, что наши враги напортили. Надо проводить в жизнь слова тов. Сталина: «Самое дорогое для нас это человек» и, что «судить человека надо не по его словам, не по его красноречию, а по его проделанным делам». Именно вы, как представитель правосудия и справедливости, должны проводить эти мудрые слова в жизнь».* В этих строках — ни тени сомнения в справедливости и правильности проводимых партией «чисток», несправедливость допущена в отношении ее мужа, которого оклеветали враги советской власти.

Рядом с этим письмом ответ Левитина, который, ознакомившись с уголовным делом, нашел, что *«доводы жалобщицы опровергаются материалами дела, из коих усматривается, что Форер, будучи антисоветски настроен, выражал сожаления расстрелянным врагам народа; Он также, являясь председателем колхоза «Икор» ЕАО, был настроен против проводимых мероприятий на селе, партийными и советскими организациями. Факты антисоветских высказываний (...) нашли подтверждение в свидетельских показаниях допрошенных по делу (указаны фамилии). И в связи с этим постановил: «Ходатайство Шейнфельд о принесении протеста на постановлении Особого Совещания по настоящему делу оставить без удовлетворения. Дело по минование надобности направить в 1-й Спецотдел НКВД».*


9/XI 40 Дорогая Миночка и Детки! И
Сегодня пользуясь свободным временем
пишу письма, пару дней тому назад отправил
тебе письмо ответ на твое письмо от
6/X а сегодня написал тете письмо отве-
на ее письмо которое получил 6/XI. Сегодня
освобожден от работы немного не
здоровится. к тому еще известия которое
я получил от тети повлияло на меня
немного. Я как вижу то ты мне об этом
не хотела писать. правда получать такие
известия не очень то хорошо но ничего
не поделаешь судьба наша такая тяже-
лая. Я никак не пойму какие основания
нужны прокурору для того чтоб
увидеть не виновного человека
Я думаю что там на месте можно
проверить меня если в этом заинтересова-
ны как видно не интересуются проверить
человека правду сказать не хочется
об этом говорить надоело уже
три года уже прошло и пока без конца

Страница из письма Иосифа к Нине. Из наблюдательного производства по жалобе Шейнфельд по делу Форера И.И.
Публикуется с разрешения семьи

В дело подшит еще один документ — письмо Иосифа Форера из лагеря: *«8/11.40 Дорогая Ниночка и детки...»* Весточка, которую так ждала семья и которую никогда не смогла прочитать. Даже этого права Нина была лишена.

18 июля 1938 года Иосиф Форер написал из лагеря письмо Прокурора Союза ССР. В нем есть такие строки: *«Почему я потерял самое ценное и дорогое в моей жизни — право свободного советского гражданина, право строителя Евр. авт. обл. Почему со мной случилось такое несчастье?(...) На следствии мне предъявили очень тяжелое обвинение: измена нашей социалистической Родине, шпионаж в пользу фашистской Польши. Следствие не показало мне никаких материалов, фактов, свидетельских показаний для подтверждения своего тяжелого обвинения и для того, чтобы я мог дать соответствующие объяснения и опровержения. Это произошло потому, что таких фактов, материалов и показаний в действительности нет и не может быть... Если следственные органы Биробиджана по-настоящему заинтересовались бы моей жизнью и работой, то перед ними прошла бы вся моя трудовая жизнь, все мои странствования в поисках работы, годы жестокой эксплуатации в Польше, Аргентине...»*

Даже в лагере он верил в справедливость, пытался доказать свою невиновность, отстоять свое честное имя:

«Здесь, на новой земле, я покончил с жизнью раба капитализма, с моими странствиями по чужим странам и государствам. Я впервые приобрел Родину. Я стал горячим патриотом новой страны, горячим патриотом колхоза «Икор», я по-настоящему полюбил колхоз, его людей. Вся моя жизнь в СССР протекала в этом колхозе. Я стал впоследствии председателем этого переселенческого колхоза «Икор». Это был наш колхоз «Икор», был передовым колхозом во всей нашей области, и это дало мне настоящее большое счастье, смыслом всей моей жизни стала работа на процветание молодой Евр. авт. обл. как части нашей Великой Родины...

Но этой моей доподлинной жизнью мои следователи мало интересовались. Они не интересовались также и тем, что меня воспитало революционное движение Аргентины. Я там был связан

с коммунистическим движением. Они мне преподнесли ни на чем не обоснованное обвинение в измене нашей социалистической родине. Я ждал настоящего разбора дела в судебных органах, но меня осудили заочно. 7-го февраля 1938 года преподнесли мне в Хабаровской тюрьме выписку из протокола особо совещания НКВД от 4 января 1938 года, где я осужден к 10 годам заключения в испр. трудовом лагере по статье КРД.

Я считаю это постановление столь же необоснованным и неправильным, как и предварительное обвинение следственных органов г. Биробиджана».

В апреле 1940 года жена Иосифа в очередном прошении пишет: *«Не примирившись с несправедливым осуждением, разбитый и подавленный морально, муж заболел. У него еще дома были слабые легкие, а 2 с половиной года ссылки его совершенно свалили с ног. Дальнейшее промедление, затяжка просмотра его дела грозит ему гибелью».*

В августе того же года вновь взывает к милосердию и справедливости: *«Почему мой муж, отдавший семь лучших лет своей жизни на строительство и развитие колхоза, не присвоивший за семь лет работы в колхозе ни единой общественной копейки, ниточки, опозорен именем врага народа и отбывает тяжелое незаслуженное наказание? Почему дети должны расти в обстановке преследования и презрения? В голоде и нужде?»*

В архивном деле на И. И. Форера указано, что наказание он отбывал в системе Севжелдорлага МВД СССР, в рабочем поселке в Коми АССР, где 17 мая 1946 г. умер. Еще ничего не зная об этом, примерно в это же время, 21 июня 1946 г. Нина пишет уполномоченному МГБ СССР по Дальнему Востоку Гоглидзе письмо, из которого следует, что тяжело больной Иосиф находится в лазарете г. Котлас Архангельской области. Семья Иосифа пыталась каким-то образом помочь ей. Но могла ли так остро нуждавшаяся Нина, в одиночку поднимавшая троих детей, принять эту помощь? В 1949 году в ответ на посылку зарубежных родственников она пишет благодарственное письмо: *«Не затрудняйтесь, у нас можно все достать как из вещей, так из продуктов».* Только нечаянное слово «достать» выдает истинное положение вещей. Подробности

Нина Форер с сыновьями в Биробиджане.
Фото из архива семьи Форер

жизни семьи неизвестны даже сейчас. Из трудовой книжки Нины Петровны Шейнфельд следует, что, вернувшись с Украины в Биробиджан, она работала на обозном заводе, а затем — на фабрике деревоширпотреба.

По воспоминаниям родственников Нины, условия проживания семьи в Биробиджане были ужасные. Под жилье был приспособлен даже не барак, а бывшая конюшня с комнатками-стойлами вдоль длинного коридора. В комнате — лежаки, стол и вместо шкафа — вбитые в стену гвозди, на которых помещался весь скудный гардероб. Зимой по помещению гуляли сквозняки, летом в крошечных комнатках страшная жара. Дежурные по бараку к вечеру мыли полы в общем коридоре, и все население вытаскивало туда на ночь свои матрацы. Большие ворота в противоположных концах барака-конюшни позволяли хоть как-то проветривать жилище. Может, именно из-за тяжелейших бытовых условий и невозможности

В Камышовке во дворе у Ковалей Мария, Нина, Ефим с женой Верой.
Фото из архива семьи Форер

содержать детей Револьд временно оказался в детском доме? Данные об этом нашлись в Госархиве ЕАО.

Стоит ли удивляться тому, что Нина-Нехама, пережив это, категорически отказывалась говорить о своем прошлом с детьми и внуками. Но как бы там ни было, ей удалось вырастить и воспитать детей, нашедших достойное место в жизни. Револьд после окончания художественного училища им. Мухиной работал в конструкторском бюро Новгородского университета. Очень хорошо рисовал и средний из братьев, Маэлс, но профессией своей он, как и младший Владлен, избрал оборонную промышленность, оба работали на одном из заводов Комсомольска-на-Амуре.

Две дочери Владлена — Елена и Марина — с семьями живут в Израиле, и я рада знакомству с ними и нашему общению. Превратности судьбы: с Мариной, моей ровесницей, мы в одно время учились

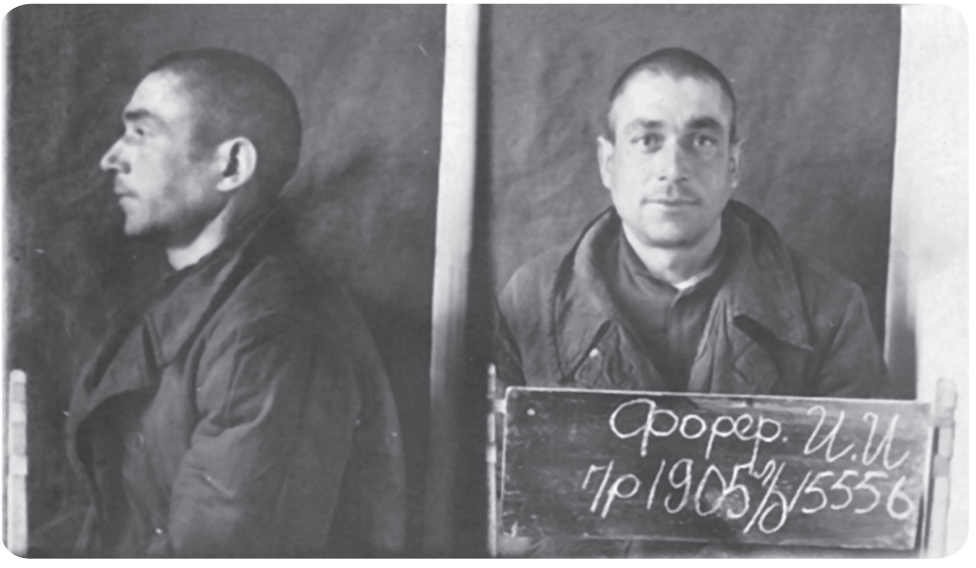
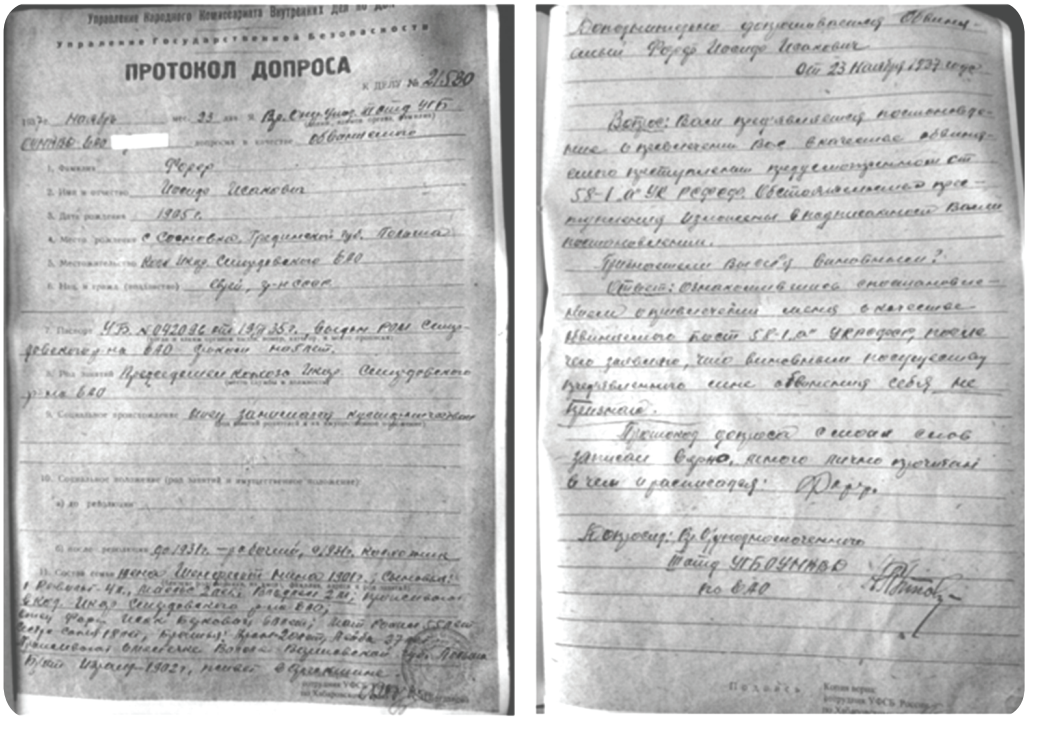


Фото из личного дела осужденного И.Форера.
Публикуется с разрешения семьи

в Хабаровском пединституте, ходили по одним коридорам и занимались в одних аудиториях, ничего не зная друг о друге. Должны были пройти годы, чтобы мы встретились. Объединил нас интерес к истории семей и коммуны «Икор». Особая благодарность Марине Ереминой за ее работу в архиве Иерусалима и перевод некоторых документов, вошедших в эту книгу.

Её усилиями обнаружены ценные документы. Среди них письмо, написанное в 1931 году Иосифом Форером из Соцгородка брату Эзре в Аргентину, письма Нины из Биробиджана в Буэнос-Айрес 1948–1949 годов и многие другие, написанные на идише.

В 2016 году было, наконец, рассекречено личное дело осужденного Иосифа Форера, хранившееся в МВД республики Коми. В 2018 году внукам удалось получить страшные свидетельства жизни и смерти в лагере их деда, осужденного 4 января 1938 года за «контрреволюционную деятельность». Прочитать выписку из протокола Особого Совещания при НКВД СССР, увидеть карты зачета рабочих дней безнадежно больного человека, отпечатки его пальцев и фотографии, акты о смерти от туберкулезной интоксикации и погребении на Болтинском кладбище 17 мая 1946 года…



ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Страницы протокола допроса И.Форера из архива УФСБ России по Хабаровскому краю.
Публикуется с разрешения семьи

В истории репрессированного председателя «Икора» остается много неясного. Давно нет в живых героев нашей истории и их детей, но система службы государственной безопасности несуществующей страны даже спустя многие годы неохотно расстается со своими тайнами. Еще хранится личное дело «врага народа» в Хабаровске, откуда из УФСБ России по Хабаровскому краю на имя его внучки Марины получены всего лишь архивная справка в отношении Форера Иосифа Исааковича, анкета арестованного и протокол первого допроса. Но в нем есть очень весомая строка, итог всей жизни председателя «Икора»: «Виновным себя не признал».

ГЛАВА VIII

Семья Герзон-Браверман

Следующая история началась с фотографии, которая без малого 80 лет хранилась в архиве семьи Коваль. Ко мне она попала от правнучки икоровца Абрама Коваля, внучки Шаи, Людмилы. На обороте фото — трогательная и о многом говорящая надпись: *«На память нашим дальневосточным «родителям», чьей отеческой заботливостью и советами были воспитаны сознательные строители новой общественной структуры — социализма»*. И подписи — Ш. Герзон, С. К. Браверман. 6.04.36 г.

Сара Браверман и Самуил Герзон в Икоре. 1936 год.
Фото из архива семьи Коваль

Строители социализма

Вглядываюсь в эти молодые лица, разбираю надпись на обратной стороне и вдруг понимаю, что Самуил (Шмуэль) Герзон — это один из первых еврейских переселенцев в коммуну «Икор — Соцгородок», чьи воспоминания лежат у меня на столе уже больше года. Он единственный, рассказывая о том, как создавалась рыболовецкая артель в «Икоре», упоминает моего деда, рыбака Исроэля Пинзура. Красиво, образно, поэтично рисует образы коммунаров и картины дальневосточной природы. Рассказывает про будни коммуны, про то, как вчерашние городские евреи становились землепашцами. Эти воспоминания были написаны для журнала «Советиш Геймланд», а перевела их с идиша дочь Герзона Рита Рознатовская.

Соцгородок расположился на возвышенности, которая своими склонами сбегает к реке. На ее берегах прошло все мое детство, при первой возможности мы исчезали из дома до самого вечера. Купались, загорали, играли тут же у реки в мягкой траве-мураве. Прямо на берегу были остатки пилорамы, бетонные площадки и металлические станины, рельсы. Привычная картина нашего детства. Никто особо и не задумывался о несоответствии тихой пасторали берега и остатков технического прогресса. Они были здесь всегда, с самого сотворения нашего детского мира. А неподалеку — два больших бетонных куба, на которые мы частенько вскарабкивались, чтобы без помех поболтать с подружками, поделиться нехитрыми секретами или просто помолчать, провожая взглядом бесконечные вереницы облаков, проплывавших над нами и уносящих из обыденности в мир фантазий. На поляне у подножья этих кубов мы собирали одуванчики для венков или полыхающую в траве землянику. Лишь потом я узнала, что это остатки фундамента электростанции, которую планировали строить в новом социалистическом городе. Американцы завезли оборудование, ящики с ним долго валялись бесхозные, а потом куда-то сгинули.

Все и всегда знали, что глубокий участок протоки, куда мы уходили купаться, назывался Перекоп. Именно там отшнуровывалась пересыхающая протока с ласковым песочком, в изобилии водились огромные раковины-жемчужницы, в прозрачной воде было полно

раков, а на берегу росли дикие яблони и черемуха. И только в свои более чем взрослые годы, прочитав воспоминания Самуила Герзона, я устроила «допрос» отцу и узнала, откуда появилось это название.

Вокруг Тунгуски и ее проток — пойменные луга. И самый большой разлив бывает, как правило, летом, когда совпадает время муссонных дождей и таяния снегов по горным рекам. Этой особенностью и воспользовались коммунары. Как раз в том месте, где у протоки высокие берега, решили обосновать заездку, перекопав реку и перегородив ее загородкой из тонких бревен, вбитых в дно. Вода в реке поднялась, затопив все кругом, с ней зашла и рыба. Когда же вода стала падать, ловушка захлопнулась, рыба, скатываясь вслед за водой, уперлась в загородку. Участок воды перед преградой буквально кипел, более крупные рыбины выпрыгивали из воды, пытаясь преодолеть заездку. Рыбаки поняли, что одним им не справиться. Остановили все сельскохозяйственные работы в коммуне, всех коммунаров, включая детей, задействовали в ловле и переработке рыбы. Об этом рассказал отец, об этом же эпизоде из жизни коммуны писал С. Герзон.

В очередной раз воспользовавшись помощью Исаака Ильича Блехермана, который, когда дело касается биробиджанцев, заменяет мне поисковую систему Интернета, я уже через неделю разговаривала с Ритой Самуиловной Рознатовской.

Ее глаза подозрительно поблескивали: «У меня сердце замерло, я сразу узнала папин почерк. Это мои родители как раз в год моего рождения». И тут же рассмеялась: «Когда я рассказываю, что родилась в кибуце на Дальнем Востоке, все думают, что я сошла с ума».

Рассказ Риты Самуиловны о родителях, о семье очередной раз удивляет причудами судьбы, испытаниями, выпавшими икоровцам, и их стойкостью.

На Дальний Восток молодые коммунары приехали с Украины, Винницкой области. Приехали еще порознь. Первой в 1931 году уехала в Биро-Биджан сестра Сары Браверман Бетя, а в 1933-м, после окончания еврейского медицинского техникума в родном городке Гайсине, и сама Сара.

Позже я нашла в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме уведомление Гайсинского еврейского медтехникума

в адрес КомЗЕТа. В прилагаемом списке выпускников, вызвавшихся добровольно ехать в Биро-Биджан, под номером 8 — Браверман С. К., 1913 года рождения, из семьи кустарей, член ЛКСМ. Получилось так, что она сменила в «Икоре» свою сестру, муж которой, Моисей Коган поступил на учебу в техникум.

Самуил Герзон родился в еврейском местечке Самгородок в той же Винницкой области. Как и во всей округе, полунищие семьи, пережившие еврейские погромы, зарабатывали на жизнь в основном ремеслом, обслуживая близлежащие села, и случайными сезонными заработками. Отец Шлойме — уважаемый человек, глубоко верующий, вернувшийся с Русско-японской войны инвалидом, георгиевский кавалер, участвовавший в битве при Порт-Артуре. Что он мог дать своим детям кроме наставления учиться? А детей пятеро: Аврум, Самуил, дочери Малка и Нехама и младшенький Аарон.

Самуил проявлял немалые способности. Он страстно хотел учиться, понимая, что только образование может вытащить его из голодной и убогой местечковой жизни. Поэтому покинул семью и уехал в Винницу учиться: сначала в ремесленном училище, где получил семилетнее образование, а потом в электромеханическом техникуме. Все эти годы подрабатывал, помогая ученикам, отстающим в учебе, и очень гордился, когда мог помочь семье. Кроме учебы занимался комсомольской работой, обучал грамоте еврейскую бедноту.

В 1932 году по комсомольской путевке он в компании таких же парней уехал на Дальний Восток. Желания не спрашивали, просто поставили в известность, что он должен ехать. Добирались поездом целый месяц. Самуил получил направление в Соцгородок, здесь он повстречал Сару. Единственный медработник в поселке, она работала и фельдшером, и акушеркой, могла заменить врача, при необходимости добираясь к больным на телеге или лодке. Хорошо хоть народ был в основном молодой и здоровый. Но случались и болезни, и травмы.

Самуил не чурался никакой работы. Был и рыбаком, и пахарем, позже председателем кооператива Волочаевского куста. Занимался заготовкой и вывозкой сельхозпродукции, что при отсутствии дорог было очень непросто. Да еще огромная материальная ответственность. Там же появилась на свет их старшая дочь Рита, названная

так в честь маминой сестры Ривки, погибшей при попытке нелегальной эмиграции в Палестину. Судя по подписи на фотографии, молодую пару опекал опытный Абрам Коваль, заменивший им далеких родителей.

В 1937–1938 годах часть коммунаров была репрессирована. Самуил Герзон тогда уже преподавал математику в вечерней школе в Николаевке, был студентом учительского института Благовещенска. Он не стал искушать судьбу. В одну ночь собрал нехитрые пожитки и тайно увез семью к родным на Украину. Там устроился преподавателем математики на офицерских курсах в Казатине, Сара работала в районной больнице. В 1939 году у них родилась еще одна дочь — Клава.

И все бы хорошо, но началась финская кампания, а за ней и Великая Отечественная война. Все мужчины многочисленной семьи Герзон-Браверман ушли на фронт. Женщин и детей удалось отправить в эвакуацию. Сначала в Куйбышев, где они смогли перевести дух у дальних родственников, а затем в шахтерский городок Пласт Челябинской области. Самуил дважды получал легкие ранения и быстро возвращался в строй. Но в бою под Белым Бором, что возле Ленинграда, в конце 1942 года танкист Герзон был не просто тяжело ранен, а еще и сильно обгорел, потерял зрение, чувствительность рук и был просто нашпигован осколками, которые еще долгое время с нарывами выходили наружу. Полгода в госпитале. Беспомощного, на носилках, его привезли к матери. Сердобольная сестричка в госпитале, дабы спасти солдатика от февральских морозов, обмотала его слоями ваты. Возвращаться в таком виде к жене и быть обузой инвалид первой группы не хотел. Но тут уже Сара проявила характер. На следующий же день она перевезла мужа домой.

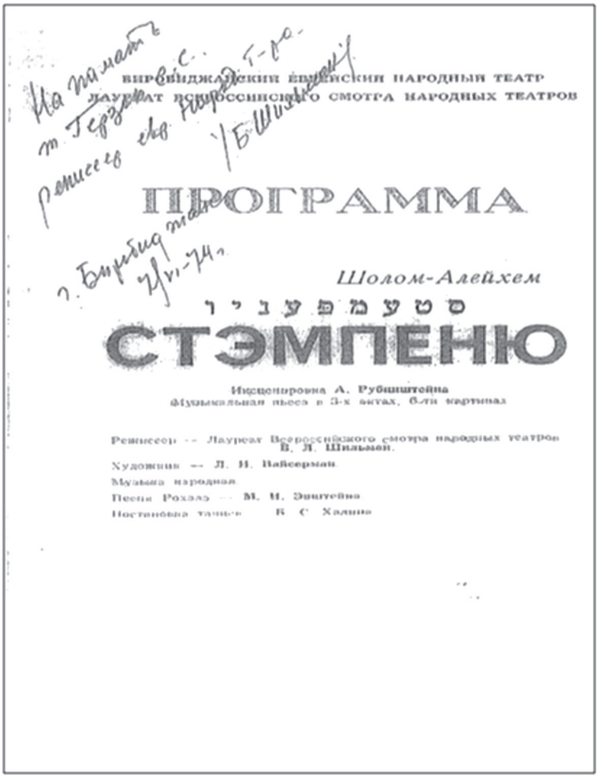
Понемногу Самуил восстанавливался, приспосабливался к новому своему состоянию. Жили они в избе с одной комнатой и насыпным земляным потолком. Сара уходила на работу, а для мужа она нашла занятие: развела кроликов, с которыми он возился, заполняя свой день. Да и подспорье к столу появилось. В 1944 родился сын Павел, который стал еще одним кормильцем в семье: на него полагалась продуктовая карточка. Но как только освободили Украину, семья двинулась домой.

Добирались на товарняках. На одной из станций Сара, в поисках еды для детей, отстала от поезда. Слепой инвалид с тремя детьми, младшему из которых было полгода, и старой матерью остался без денег и документов. Рита Самуиловна отчетливо помнит все мытарства той поездки, поиски родного дома в разрушенном городе, подбитые танки на его улицах. Детские впечатления живут в ней до сих пор. Тем более что она, как старшая, повсюду сопровождала отца. От дома остались одни стены и крыша. Но это не беда. Главное, что Саре тоже удалось добраться живой и невредимой.

Самуил Герзон.
Фото из архива семьи

Справились и с ремонтом. На территории бывшего еврейского гетто теперь разместили пленных немцев, которые помогали восстанавливать город. По утрам, при помощи дочери, Самуил конвоировал нескольких из них, выделенных инвалиду для ремонта дома, а вечером возвращал назад. В 1947 г. появился на свет еще один сын — Сергей. А в 1949-м Самуил круто развернул свою жизнь и увез жену и детей в Биробиджан, оставив на Украине мать и остальных родственников.

Биробиджанская страница жизни оказалась более спокойной для семьи. Немного улучшилось здоровье Самуила, его перевели на вторую группу инвалидности. Купили домик, развели хозяйство, огород. Дети подрастали, помогали родителям. Самуил, выучивший азбуку Брайля, преподавал в школе для слабовидящих при городской организации общества слепых, потом ему помогли устроиться в спецшколу при тюрьме. Так что даже пенсию заработал, не сидел на шее у государства. И занимался еще одним любимым делом. Унаследовав


БИРОБИДЖАНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР
ЛАУРЕАТ ВСЕРОССИЙСКОГО СМОТРА НАРОДНЫХ ТЕАТРОВ

ПРОГРАММА

Шолом-Алейхем

סטעמפעניו

СТЭМПЕНЮ

Инсценировка А. Рубинштейна
Музыкальная пьеса в 3-х актах, 6-ти картинах

Режиссер — Лауреат Всероссийского смотра народных театров В. Л. Шильман.
Художник — Л. И. Вайсерман.
Музыка народная.
Песня Рохэлэ — М. И. Эпштейна
Постановка танцев — Б. С. Халина

Програмка к спектаклю «Стэмпеню», в котором участвовал Самуил Герзон, с автографом режиссера еврейского народного театра Б.Шильман.
Из архива Р.С.Рознатовской

от отца прекрасный голос, он играл в Биробиджанском народном театре. В семье хранятся записи песен в его исполнении, сделанных для областного радио.

Рита Самуиловна показывает мне сохранившиеся программки к спектаклям, фотографии той поры. Рассказывает, что она нечасто бывала на спектаклях с участием отца. Очень волновалась за него, а он пел, танцевал, не признавая никаких ограничений. Самуил был заводилой в городской организации инвалидов, заместителем председателя городского общества слепых, организатором кассы взаимопомощи для пенсионеров, старался помочь нуждающимся. И много занимался со своими детьми, обучая их математике, игре в шашки. Тому, что сам очень хорошо умел делать, имея многие дипломы и победы на соревнованиях шашистов.

В 1979 году Самуил умер, оставив детям свои записи. В них и его история, и благодарность семье, и наказ детям и внукам. Подводя итоги своей жизни, он написал: *«Я не искал легких путей. Совесть моя перед людьми чиста»*.

Уже став взрослой, Рита поинтересовалась у отца, что толкнуло его на переезд в Биробиджан после войны. И Самуил ответил, что он понял, что на Украине никогда бы не исполнил свою мечту выучить де-

тей. Возможно, этому была еще одна причина, о которой Самуил умолчал: в послевоенные годы на Украине отмечался резкий всплеск антисемитизма, заставивший многих евреев вновь искать убежище в ЕАО. Как бы там ни было, все четверо не подвели отца, все получили высшее образование, один из сыновей — ученую степень. Все нашли достойное место в жизни. Сын Сергей, еще будучи подростком, получил приглашение в физико-математическую школу при Новосибирском Академгородке. Окончил там университет, преподавал, занимался молекулярной физикой. Рита Самуиловна преподавала в школе, в Биробиджанском областном педучилище, а ее сестра сначала в техникуме в Иркутске, а потом перешла на работу в областной отдел народного образования. Павел окончил политехнический институт в Хабаровске, работал в Улан-Удэ, в НИИ в Москве, там же защитил диссертацию. К сожалению, его жизнь рано оборвалась.

Сара Кивовна дожила до 1990-го, в этом же году Рита Самуиловна с семьей уехала в Израиль. Традиции дружной семьи не нарушились, теперь уже она помогает детям, занимается с внуками, успехами которых семья по праву может гордиться. Мне повезло познакомиться не только с ней, но и с ее братом Сергеем Самуиловичем. Удивительно красивые, интересные, интеллигентные, умные люди, которым солидные годы не мешают жить полной жизнью и активно участвовать в ней. Чтобы быть в курсе событий и общаться с друзьями, разбросанными по всему свету, они освоили компьютер, посещают лекции, концерты. От отца им передалась любовь к музыке и бережное отношение к семейным реликвиям. Невзирая на переезды, Рита Самуиловна сохранила все, что связано с родителями. Молитвенники деда, рукописи отца, газеты и журналы с его заметками и воспоминаниями, награды и тросточку, шахматы, мамины медицинские инструменты, прошедшие с ней всю войну, эвакуацию и переезды через всю страну.

Израиль — страна, где случаются удивительные встречи. Однажды к Рите подошла молодая женщина со словами благодарности в адрес Самуила: «Его помощь изменила жизнь моей сестры». Слепая с рождения девочка обрела профессию, дом, семью. Рита Самуиловна отыскала для меня в семейном архиве заметку из областной газеты, рассказывающую об этом случае. Ее отец не только учил эту девочку, но сам ездил с ней в Хабаровск, добился для нее рабочего места и жилья.

Случай же свел ее с земляком Изей Палатниковым (Илан Палат), молодость которого прошла в Биро-Биджане. Он был глубоко растроган встречей с землячкой, воспоминаниями о биробиджанской молодости. В память о встрече он прислал ей из Сан-Франциско свою книгу воспоминаний «Солдат из Биробиджана» и альбом фотографий ветеранов города — в дар музею города Кармиэля.

Мое знакомство с Ритой Самуиловной перешло в прочные отношения, и она радует меня своей помощью и поддержкой, она же любезно поделилась с нами воспоминаниями ее отца Самуила Герзона, которые вновь переносят нас в коммуну.

Незабываемые дни

Самуил ГЕРЗОН
(Воспоминания)

Наша коммуна «Икор» находится на расстоянии менее 3 километров от разъезда Дежневка и в 12 километрах от Волочаевки. Это приподнимает наше настроение. Еще бы! Жить и работать по соседству с легендарной Волочаевкой! На расстоянии пяти километров от реки Тунгуски расположено наше поселение Соцгородок, а вокруг шумит дикая тайга, тянутся непроходимые болота, а над ними клубятся мириады комаров, мошкары и слепней, которые безжалостно сосут кровь у всего живого. Правда, по ночам порхают вокруг фантастические разноцветные бабочки-мотыльки, а зеленые поля покрыты такими яркими цветами, каких мы не видели ни в Белоруссии, ни на Украине. Коммунары в большинстве своем молодые парни, которых комсомол послал на Дальний Восток осваивать богатства обширных целинных земель. Лишь некоторые приехали со своими семьями. Всем было тяжело забыть свой отчий дом, землю, на которой родились и росли.

Авраам Терновский, красивый, широкоплечий парень, признавался: «Как увижу на станции пассажирский поезд, услышу гудок паровоза — тяжело на сердце, тянет домой».

Переселение действительно дается нелегко, трудно привыкнуть к новым условиям. Большинство парней — портные, сапожники,

столяры или вообще без профессии, они никогда прежде никакого отношения к земледелию не имели. Но все мы с большим энтузиазмом осваиваем новые земли: корчуем тайгу, пашем целину, с ранней зари и до поздней ночи работаем с топорами, кирками, лопатами. Нашей бригадой в 11 человек руководит Аарон Литевский, очень энергичный парень, выходец из Польши. Зимой мы выезжали на лесозаготовки, и там он показал свою хватку и организаторские способности.

Мойше-Арн Пищиц

В этом году хорошо уродились зерновые, и мы приступили к жатве. Работает косилка, но кроме нее нужны косари. Кого поставить? Ведь никто косы в руках не держал! Инициативу проявил Мойше-Арн Пищиц. Он первым становится в начале поля. За ним оба его сына — Юдл и Авраам. Начали! Косы издали резкий режущий свист.

«Как у Левина в «Анне Карениной», — выкрикнул Исаак Сухой и тоже взялся за косу. Глядя на них, становятся рядом другие коммунары. Не все получается: косы не хотят резать, трава не хочет ложиться ровными рядами.

«Пока это еще не родное дело», — говорит Сухой.

Понемногу приспосабливаемся, дело пошло. Но где поставить и как сметать стог сена, да так, чтобы он стоял? Кто это умеет делать? И на это, оказывается, тоже способен Мойше-Арн Пищиц. Он кладет копны, стога аккуратно и прямо. Мы откровенно удивляемся: откуда у городского еврея взялось такое мастерство? Более того, его стога видел сам Микола Збанчук, старожил соседнего колхоза. Он долго курил трубку и в конце концов высказался: «О це гарно! Діло будэ! Цой чоловік врожденный скірдоправ!»

Молотилку нам дала МТС, но как, с какой стороны к ней подобраться? Кто из нас может на ней работать? Мойше-Арн Пищиц может! Он человек хладнокровный. В самые трудные минуты берет он кусок газеты, сворачивает козью ножку толщиной в палец и закуривает молча. Мы уже знаем: в это время у него в голове рождаются самые богатые идеи.

«Не расстраивайтесь, — говорит он, — все будет хорошо».

Небольшое совещание, в котором принимают участие Форер, Сухой, Спольский, Пищиц и другие. Выносится решение, что

барабанщиком на молотилке будет Мойше-Арн, потому что к этому надо иметь большое терпение и осторожность. К барабану ставятся самые ловкие. Мы достаем первые копна из стога. Вскоре появляются исключительные работники: Хоня Шапиро и Арон Литевский. Они настолько умелы в работе, что соседние русские и украинские колхозы просят их помочь обмолотить зерно.

Но не все было так хорошо. К началу уборки овощей зарядили проливные дожди, разливается наша Тунгуска и затапливает все до самых домов. Урожай, который мы растили все лето, пропал, оказавшись под водой. Ночью поднимается крик: тонет стадо. Все поселенцы с веревками и досками бегут спасать колхозное добро.

Рыба

Государство выделяет муку и другие продукты для нас, но попробуйте привезти все это из Волочаевки в коммуну, когда все вокруг на десятки километров залито водой. Часто можно было увидеть караван людей, шагающих по шпалам железной дороги с мешками муки и других продуктов на плечах, а с обеих сторон железной дороги — море воды. Короче, с продуктами в коммуне были большие трудности. Поэтому ухватились за мысль: восполнить недостаток продуктов рыбой. Живем же на берегу Тунгуски, в которой столько рыбы! Рыба буквально просится: «Возьмите меня».

Все коммунары помнили вкус субботней фаршированной рыбы, которую их мамы готовили в местечках, но о том, как ловить самим, вялить, сохранять от порчи, об этом никто, кроме Пинзура, не имел никакого представления.

Исроэль приехал в коммуну из Белоруссии. Ему приходилось ловить рыбу в Днепре, и он имел представление о том, как плетут сети, как навешивают грузила, как делают удочки. Хотя я сам жил в Виннице на реке Буга, потом в Киеве на Днепре, но о ловле рыбы имел очень туманное представление. Именно здесь, в коммуне «Икор», на берегу реки Тунгуски, мне пришлось испытать себя в ловле рыбы.

Получив консультации у Пинзура, в один из жарких летних дней, после тяжелой работы в поле, пошел я на протоку, что в пяти

минутах ходьбы от моего жилья. Захватил с собой две удочки и коробочку с червями. Спускаюсь к оморочке, привязанной к дереву у самого берега. Я любил эту лодочку: оттолкнешься веслом — и она мчится стрелой, только держи равновесие. Протока была узкой, с обеих сторон рос высокий тальник, его переплетенные густые ветки образовывали темный коридор.

Было около девяти часов вечера, но еще светло, время, когда рыба хорошо ловится. Я закинул удочки в воду без особой надежды, что из этого что-то получится, но сразу обе лески потянули в глубину. Они натянулись, как две струны, и я едва смог их удержать. Тяну... Блеснула золотистая чешуя на спине большого сазана.

«Вот это парень! — подумал я. — С ним надо быть осторожным, не то он сломает удочку и исчезнет в воде...» Я его немного помучил, водя по протоке, и только потом с большим трудом затащил в оморочку, затолкал его в брючину штанов, накрепко привязал веревкой, чтобы он не сделал сальто-мортале опять в реку. На вторую удочку попался королевский карась. И началось... Караси и косатки, с такими острыми плавниками, что резали руки, рвали наживку, сами косяками летели на крючок, дрались за кусочек дождевого червя. Я складывал улов, как поленницу дров, на дно оморочки. Но что это? Кто-то под водой с силой тянет у меня удилище, прямо из рук вырывает. Потихоньку я тяну леску из-под лодки. Сильный карась глянул на меня своими мутными глазами. Я подтягиваю его ближе, ближе, сопротивление становится все сильнее. Тяну изо всех сил, вот карась уже в лодке. Что же оказалось? Что вы скажете на такое нахальство?! Большая сильная щука килограмм на восемь, не меньше, своей большой волчьей пастью с зубами-иглами заглотила до половины несчастного карася и ни в коем случае не хочет его отпустить. За свою жадность и упрямство щука была наказана. Она тоже легла на дно оморочки по соседству со своей жертвой... Я не успеваю снимать рыбу с крючков и насаживать новую наживку.

Домой я шел в полной темноте, с трудом таща богатый улов, примерно 30 килограмм рыбы. Удивительно, что столько наловил за такое короткое время! Еле дотащил! Что делать с таким количеством рыбы в такую жару? В «Икоре» было несколько многодетных семей, которые нуждались в помощи, такие, например, как семья

кузнеца Ойхмана, погонщика лошадей Табачника, Финкельберга и др. Им я сразу отдал большую часть улова. Все были рады, и уже минут через сорок из открытых окон слышны были приглашения: «Товарищ Герзон! Самуил! Идите кушать жареную рыбу!..»

Я благодарю: «Я еще свою не ел!»

Остаток рыбы я держал в ванне с водой. Вода придавала свежесть комнате, а плавающая рыба была интересным зрелищем для соседских детей.

Я еще долго был под впечатлением от моего первого удачного улова: столько рыбы! Такая спокойная река! Ни одна моторная лодка не нарушает тишины! Нерестилища чистые и прозрачные. Ни одной капли бензина не было тогда в реке. Вокруг ни одного рыбака.

Мы сидим в правлении и думаем: что делать? Не ждать же, пока вода спадет...

Мойше-Арн Пищиц вынул, по своему обыкновению, из кармана кусок газеты и сделал самокрутку толщиной в палец. Мы поняли: готовится новая идея, сейчас Мойше-Арн выдаст ее на-гора. Он сидит. Курит, молча смотрит на нас оценивающим взглядом. Мы уже не ожидали услышать от него живого слова, как вдруг он произносит: «Раз живем у Амура-батюшки, надо ловить рыбу».

А Мойше Сухой добавляет: «Да, рыба — это дешевая еда. Но чем ловить? Кипой раввина?»

Мойше-Арн Пищиц: «Руками».

Правлению коммуны эта мысль понравилась. Была создана бригада из четырех человек. В нее вошли: опытный рыбак Исроэль Пинзур, Арн Литевский, Илья Блехерман и я. Илья за свои организаторские способности был избран бригадиром. В резерве были Юда Пищиц и недавно приехавший из Бердичева Яков Габай. Решили также, что при необходимости на помощь придут все коммунары.

Несколько человек откомандировали в Хабаровск, и они привезли оттуда (достали с большим трудом) сеть длиной 200 метров. Теперь мы настоящие рыбаки!

Подготовили соль, бочки, ножи. В полном составе наша бригада отправилась изучать места, где, по нашим понятиям, можно будет ловить рыбу в больших количествах.

Когда Тунгуска разливается после продолжительных летних дождей, вода заливает обширные территории. Ни проехать, ни пройти. Но там, где протока впадает в Тунгуску, было узкое место между крутых берегов. Там мы и решили обосновать заездку, перегородить это узкое место загородкой, используя тонкие бревна, накрепко вбивая их в речное дно.

Я помню, в те дни у нас в коммуне было одно из самых боевых собраний. Сама идея всем понравилась, но, чтобы сделать заездку, нужны время и люди. А где гарантия большого улова? Блехерман и Литевский (аргентинские евреи, приехавшие из Буэнос-Айреса) поговорили между собой по-испански, похлопали друг друга по плечу, усмехнулись, они были оптимисты, и объявили: «Все будет хорошо!»

Рыболовецкая бригада сразу принялась за работу: заготовку древесины. И спустя короткое время мы смогли отрапортовать правлению коммуны: «Заездка готова!»

Стали ждать разлива реки, чтобы мы смогли доказать правильность нашей идеи. Долго ждать не пришлось. Начались проливные дожди. В заграждении мы оставили широкие проходы, чтобы рыба могла, пользуясь паводком, свободно заплывать, не бояться заграждений. Вода в Тунгуске поднялась до двух метров и залила, как всегда, обширные земли до самой станции Волочаевка. Рыба косяками пустилась в залитый водой кочкарник, зарылась в мягкую зеленую траву.

Несколько дней вода держалась на одном уровне, а потом медленно начала спадать. Это почувствовала рыба, начала подплывать к сети и пробовать ртом, можно ли спастись. Но не тут-то было. Все проходы были закрыты.

Рыбы было действительно много. Мы поняли, что силами нашей одной бригады нам не справиться. Блехерман кричит: «Полундра! Нужно позвать больше людей!» Мы приступили к первой тони. Сеть была очень тяжелой, мы ее еле тащили. Рыба с большой силой тянула нас в реку.

Крик стоит до облаков! Все рады! Столько рыбы! Большие, сильные сазаны, что попали в первом улове, до 18 килограмм весом, им нужно много воды, а вода все мелеет. Рыбы бьются о перегородку с еще большей силой, пытаются перепрыгнуть через заграждение.

Некоторым это удается — такова сила жизни, инстинкт самосохранения. Мы используем все силы, чтобы не выпустить рыбу.

Коммунары обрабатывают пойманную рыбу, сортируют, солят, укладывают в бочки под строгим наблюдением Пинзура. Он в этом деле знаток.

Отходы идут к Абрамскому на свиноферму. Он стоит и радуется тому, что его крикунам перепадет столько вкусной еды.

Солнце безжалостно палит, все в поту. Работаем без перерыва. Улов необходимо сразу обработать, иначе рыба испортится. В двух котлах варится лучшая рыба. Жена Спольского Ципора Вербицкая знает свое дело. Уха заправляется молодой картошкой, кореньями, специями. Ароматный запах разносится далеко и возбуждает аппетит. Порции такие большие, каких нет даже в лучших ресторанах: в каждой порции по полкилограмма рыбы, если не больше. Коммунары впервые с удовольствием едят досыта вкусную, свежую уху. Отобедав, все с новыми силами принялись за работу. Чем дальше, тем рыбы больше. Вода спокойная и заметно убывает.

Забрасываем невод второй раз. Он снова полон, с трудом тянем. Вынуждены приоткрыть отверстие в загородке и выпустить немного рыбы, иначе порвут сеть. Почти все коммунары — от мала до велика — участвуют в этой непривычной для них работе. Споро несут корзины с рыбой от неводов к столам обработчиков. Нельзя допустить, чтобы пропала хоть одна рыбина.

За дни путины коммунары насытились лучшими рыбными блюдами, заготовили запасы рыбы на зиму. Много рыбы оставили для продажи в Биробиджане и Хабаровске. А за нашей четверкой — Блехерман, Литевский, Пинзур и я — в коммуне утвердилось прозвище «рыбаки».

Слава о нашей рыболовецкой бригаде вскоре дошла до самого Хабаровска и даже до Москвы. В газете «Дэр Эмес» был напечатан очерк о первой еврейской рыболовецкой бригаде в Биро-Биджане.

Правление коммуны «Икор» убедилось в нашей высокой квалификации и решило создать из нас стабильную бригаду рыбаков. Мы стали готовиться к осеннему ходу рыбы не только в притоках, но и в самой Тунгуске.

Райисполком выделил нам участок для ловли рыбы в Тунгуске под названием «Коса», длиною около одного километра. Нужно

было стальными тросами прочистить речное русло от потопленных бревен и коряг, занесенных сюда притоками рек Кура и Урми. Иначе будут рваться сети. И потом, после очистки дна реки, надо постоянно следить, чтобы этот участок не засорялся бревнами и ветками подмытых деревьев. Мы часто забрасываем сети, проверяем, не попала ли в них кетина. Следить нужно очень внимательно, чтобы не пропустить начало осенней путины, не пропустить первый ход рыбы, когда кета идет косяками. Опоздать в эти дни — значит проиграть путину. Погода изменилась, начались дожди, похолодало. Река день ото дня вздувается, вода поднялась на 2-3 метра. Мы делаем пробу — и в сетях 2-3 рыбы, первые гонцы. Это обычно самая сильная рыба, которая первой спешит доплыть к местам нереста, к истокам горных рек. Такие гости предупреждают нас о том, что завтрашний день будет полон тяжелой работы. Ловить рыбу в реке — это таки романтичное дело, но далеко не легкое. Во-первых, это физически тяжело: тянуть невод с 20–30 рыбинами враз. Ты тянешь невод, а он тянет тебя. Но мы держимся. Наш бригадир Илья Блехерман подбадривает нас: «Не дрейфьте, парни! Рыба есть рыба! Река – это река. И мы рыбаки! Удачи! – напутствует он нас. – Разжигайте костер, обсушитесь немного перед работой. Дежурные будут меняться каждые три часа. Нельзя спускать глаз с воды».

К рассвету все уже были на ногах. Лодки уходили на лов одна за другой. Улов 20–30 кетин за один раз — это больше центнера рыбы. Поднялся ветер, усилился дождь, но мы не уходили с реки. Забрасываем сеть, подтягиваем ее к берегу. Но вода не отпускает сеть, вертит ее, сеть тащит нас. Внезапно мы почувствовали сильные удары по ногам, как будто нас бьют палками. Это рыба забилась в сетях у берега. Мы тогда вытащили более 150 рыбин, наша радость была неописуема.

Внезапно мы услышали чей-то доброжелательный голос: «Покажите-ка разрешение на ловлю рыбы».

Рядом с нами стоял сильный мужчина лет пятидесяти с широкой черной бородой. Это Афанасий Алексеевич Михайлов, инспектор рыбнадзора, известный на всем Дальнем Востоке специалист по рыбной ловле.

«Ах, какие молодцы! — воскликнул он. — Я плыву по реке в такую

плохую погоду и вижу несколько смельчаков, противоборствующих разбушевавшейся реке. Ну, думаю, — невод уже не ваш. Но вы молодцы, не отпускаете его. Ну-ка, я гляну в сеть... Рыбаки первого класса! — восхищенно сказал он. — Вам следует магарыч!»

Это была для нас высшая аттестация.

Фотография

Перебирая свои старые бумаги, сохранившиеся еще со времен моей работы в коммуне «Икор», я нашел фотографию коня. Он занимал весь передний план фотокарточки, а за конем едва виднелся нечеткий силуэт человека. Что это за конь и чем он заслужил, чтобы наш фотограф, бывший хмельницкий часовщик, учетчик коммуны, всегда честный Яша Лифшиц увековечил его для будущих поколений? И я вспомнил!

Год 1933-й, коммуна «Икор». Наша плотницкая бригада тогда построила новую просторную конюшню (до этого лошадей содержали в разных местах). Хозяином этой конюшни сделали Иосифа Иткина, которого коммунары в шутку прозвали Лошадиный Король и часто обращались к нему: «Ваше лошадиное высочество!» Иосиф Иткин, парень лет двадцати, прибыл на Дальний Восток по комсомольской путевке из белорусского местечка. Был он рослым, худощавым, круглое загорелое лицо обсыпано симпатичными веснушками, которые видны были только в очень солнечные дни. На лице Иосифа светились умные, лукавые черные глаза. Был он ловким, гибким, спортивным. Он мог ходить на руках лучше, чем другой ногами, был он большой шутник, большой труженик, а главное — один из энтузиастов, на которых держалась коммуна в те трудные годы. Была у Иосифа слабость к лошадям, может быть, наследственная, от отца, который был извозчиком.

В его отношении к лошадям была, я бы сказал, артистичность. И этот самый конь, запечатленный на фотографии, особо выделял Иткина среди других коммунаров. Если до появления Иосифа он спокойно и медленно хрустел зубами сено или стоял, погрузившись в свои лошадиные мысли, то при виде Иткина на нем будто менялась

шкура. Конь перевоплощался. Звали коня Валёк. Почему такая кличка и откуда Валёк появился в нашей конюшне, я до сих пор не знаю. Это был вороной красавец, стройный, с гибкой шеей. Понимающие говорили, что, если бы не белые шкарпетки у копыт, его бы взяли в цирк. Глаза были черные, горящие, удивительные. Не каждого он подпускал к себе... Правда, он не кусался, как другие норовистые кони, не брыкался, но не позволял запрячь себя в повозку. А если уж удавалось его запрячь в оглобли, то он тащил самые тяжелые грузы. Однако коммунары не могли иметь с ним дело.

«Трудный конь, — говорили они. — Хоть назначай его старостой!»

И только к одному к Иосифу Иткину Валёк был неравнодушен. Его приказы конь выполнял всегда. Ему он терпеливо позволял запрягать себя в телегу или под седло. Еще издали он слышал свист Иосифа и отвечал ему счастливым ржанием. А какая радость была при этой встрече! Валёк вытягивал к Иткину длинную шею, обнюхивал Иосифа со всех сторон, щекотал его лицо своими чувствительными губами, обдавая Иосифа приятным запахом свежескошенной травы. Вечерами на улицах Соцгородка видели Иткина, ведущего Валька к реке купаться. Иногда Иосиф приказывал Вальку стать на задние ноги и радовать окружающих танцем. Валёк это делал очень смешно, как настоящий циркач, а Иткин сиял от счастья. Мойше-Арн Пищиц, имея склонность к философским размышлениям, однажды, глядя на танцующего коня, сказал: «Конь тоже может быть умником, иногда он умнее своего хозяина».

Но вот пришло время, когда Иосиф должен был ехать в Биробиджан в военкомат становиться на воинский учет. В Биробиджане он пробыл несколько дней, а когда вернулся, не узнал Валька. Запряженный в большую телегу, нагруженную тяжелыми мешками и бочками, он стоял какой-то прибитый, хмурый, с выражением большой грусти в глазах. Конь скучал по Иосифу. Он перестал есть и равнодушно позволял запрягать себя в тяжелые возы. Увидев своего любимца в таком состоянии, Иосиф чуть не плакал. Он сразу согнал возчика с телеги, обнял голову коня и стал шептать ему в ухо добрые слова, какие только мог придумать в эту минуту. После этого Иосиф впрягся вместе с Вальком в телегу и помог коню везти тяжелый груз. В одной упряжке они прошли километра полтора.

Валёк ожил, уплетал за обе щеки еду, беря реванш за те дни, которые он постился с горя. В эти дни его и сфотографировал Яша Лифшиц, а как эта фотография сохранилась среди моих бумаг, не знаю. Иосиф Иткин ушел служить в армию, мы слышали, что его послали в кавалерийскую школу. Потом, как и другие коммунары, в первые дни Великой Отечественной войны он ушел на фронт. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Иосиф Иткин, где ты?

Картофель

Приехав домой в «Икор (а я был на съезде районных активистов, на котором обсуждались проблемы посевной), застаю телеграмму на свое имя: третьего июня я должен быть в Биробиджане у председателя облисполкома. «Какое отношение имею я к этим высоким окнам?» — удивленно подумал я. Согласно должности, которую я тогда занимал (председатель кооператива Волочаевского куста), я имел дело с работниками Смидовичского района. Но приказ есть приказ — и к указанному времени я был в приемной председателя облисполкома Либерберга. Оказалось, что вызвал меня первый секретарь обкома ВКП(б) товарищ Хавкин. В кабинете у Хавкина уже сидели его заместитель Певзнер, председатель областной кооперации Кеслер и другие люди. Я не знал всех, и для них я тоже не был знакомым лицом.

Когда я вошел, все прервали разговор и повернулись ко мне.

«Так это тот, о ком шла речь? — спросил Хавкин, осматривая меня. — Женат?»

Я знал о привычке Хавкина начинать беседу с какой-то неожиданной стороны. Но такого вопроса я не ожидал. Отвечаю: «Пока нет». Хавкин кивает головой: «Как вам это нравится? — обращается он к окружающим. — Он еще холостяк».

Мне тогда было чуть больше двадцати лет. Я набрался мужества и пошутил: «Так что, меня вызвали сюда, чтобы сосватать?» Все улыбнулись, но через секунду их лица стали серьезными.

«Ты угадал», — сказал Либерберг. Это был мужчина примерно сорока лет, высокий, стройный, с военной выправкой, одним

словом, красавец. Я знал, что еще совсем недавно он был профессором истории и руководил институтом обществоведения в Киеве.

«Ты угадал, — снова повторил он. — Мы действительно хотим тебя сосватать... На заготовку пятидесяти тонн посевного картофеля для биробиджанских пригородных хозяйств. В нашем районе картофеля нет. Единственная надежда на ваш Смидовичский район».

У меня защемило сердце: хорошее сватовство! Кто-кто, а я знал, что это за работа после такого неурожая, как в прошлом году! Либерберг закончил разговор: «О подробностях вы непосредственно поговорите с Певзнером».

Певзнер — человек с большой круглой головой, в пенсне, ввел меня в свой кабинет на втором этаже. За нами вошли Кеслер и председатель облфинотдела Торговников. Певзнер тоже заговорил о важности заготовки посевного картофеля для Биробиджанского района.

«Мы знаем, — сказал он, глядя на меня через пенсне, — что ваш Волочаевский куст выполнил свои государственные поставки. Никто не может заставить коммунаров и колхозников продать свой картофель по 50 копеек за килограмм, в то время как они могут взять в Хабаровске большую цену».

«Так вы же сами все знаете», — вырвалось у меня.

«Да, мы это знаем. Но мы знаем также, — его губы растянулись в широкую улыбку, — мы знаем, что коммунары и колхозники Волочаевского куста уважают вас. Вы для них большой авторитет, поэтому мы и обратились к вам. Не принимайте это как приказ. Это просьба, которую нужно выполнить».

«Что же за это получат колхозники? — спросил я. — Они тоже должны быть чем-то вознаграждены за помощь городу».

«Это другой вопрос. Вот сидит товарищ Кеслер, — Певзнер блеснул в его сторону стеклами своих очков, — лучшее и самое красивое, что только есть на его базе, будет продано колхозникам по самой дешевой цене».

Кеслер, еще молодой мужчина в начищенных до блеска хромовых сапогах и в полувоенном кителе, франтовато на нем сидевшем и придававшем ему вид важного государственного деятеля старых времен, повел усами, сделал движение рукой, что означало: «Нет. Это невозможно. Это сделать невозможно. То, что находится на базе, строго лимитировано!»

«Для коммунаров и колхозников лимита не будет! — сказал Певзнер. — Главное, чтобы был картофель. Лишь бы был картофель», — повторил он, давая понять особенную важность этого задания.

Для меня началось очень тяжелое время. Я отложил в сторону все свои дела и начал мотаться по всем поселкам нашего куста, собирать собрания колхозников. И коммунары, и колхозники с пониманием откликнулись на просьбу руководителей области. Немалое значение имело обещание получить возможность купить на базе дефицитные товары. Так или иначе, но в течение нескольких дней на заготовительных пунктах уже были запланированные 50 тонн картофеля, еще и с гаком! Рассчитывался я квитанциями, так как наличных денег у меня не было, но люди мне верили. Мне помогало то, что и коммунары, и колхозники знали меня как честного человека, чье слово — закон, и который в то нелегкое время, как мог, старался удовлетворить их потребности в промтоварах.

Итак, на заготовительном пункте лежит в мешках 50 тонн семенного картофеля. Я был героем дня! Мне удалось с лихвой выполнить такое сложное задание! Но на душе не было радости, а было большое волнение: как переправить это богатство в Биробиджан? Везти этот картофель до станции Волочаевка было не на чем: Амур в ту весну разлился особенно сильно, сильнее, чем в предыдущие годы. Все вокруг, сколько видел глаз, было залито водой. Но, как говорят, нужда ломает железо. Мне пришла мысль, которая могла появиться только в моем безвыходном положении: обратиться за помощью к строителям железнодорожной ветки Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. Они базировались рядом с поселком. Прорваться к начальнику стройки Ардатьеву было практически невозможно. Он всегда был занят на стройке, на собраниях, заседаниях. Приемная всегда была полна вызванными им людьми.

С большим трудом я все же пробился в его кабинет. Он встретил меня удивленно, взглядом спрашивая, зачем я пришел к нему. Прежде всего, я показал ему мои документы. Ардатьев пригласил меня сесть и внимательно выслушал. Я рассказал о заготовленном картофеле, который нужно переправить в Биробиджан, и о дорогах, залитых водой.

— Да... — сочувственно кивнул он головой. — Но чем же я могу вам помочь?

Я знал, что в его хозяйстве есть несколько катеров и барж.

— Дайте нам катер с баржей, мы переправим картофель из Соцгородка в Николаевку по Тунгуске, а дальше повезем по железной дороге.

— Я бы вам, конечно, помог, — сказал он, — но обе мои баржи ушли груженые. Вернутся не раньше, чем через три недели.

— Что же делать? — воскликнул я удрученно. — Ведь пропадет труд многих людей!

Тут у меня появилась счастливая мысль. На берегу я видел большую баржу, в которую вошел бы весь наш картофель. Надо было только проверить, не протекает ли ее корпус. Об этом я сказал Ардатьеву.

— А где взять людей, чтобы гнать эту баржу?

— Вода сама понесет ее по течению.

Ардатьеву эта мысль понравилась. «Хорошо, — согласился он, — за баржу отвечаешь ты, а кто будет отвечать за вас?»

Я поднял руки к потолку: «Всевышний и наше собственное везенье!»

Ардатьев улыбнулся и распорядился выдать нам баржу. Я расписался на бланке со штампом в том, что для обеспечения нужд посевной в мое распоряжение переходит баржа из его хозяйства.

«Завтра, — сказал он, — твою баржу осмотрят, приведут в порядок и доставят в указанное место».

Я тут же дал телеграмму в Биробиджан Певзнеру, чтобы он выслал нам в помощь людей из пригородных хозяйств, заинтересованных в получении семян. Утром в моей комнате стояли два человека — директор биробиджанской швейной фабрики Лошак и член областной кооперации Бен. Вскоре мне передали, что баржа стоит на якоре и ждет нас. Надо было грузить картофель.

Я мобилизовал всех, кто мог грузить мешки. При этом внимательно следил, чтобы груз прямиком попадал в трюм и раскладывался равномерно, чтобы баржа не кренилась. Под тяжелым грузом баржа заметно оседала в воду.

Я стал у руля, а двое приехавших горожан, стоя на палубе у борта, пытались восьмиметровыми тяжелыми баграми оттолкнуть нашу

посудину от берега. Баржа легко, будто делая нам одолжение, качнулась и осталась стоять на своем месте. Лошак — широкоплечий, с усами, как у моржа, с кривыми ногами бывшего кавалериста, в тяжелых кирзовых сапогах — стоял с удрученным видом. Он думал о том, что это пустая затея, что он не должен был ввязываться в эту авантюру. Зато Бен, спокойный человек, бывший столяр, а потом выдвиженец, доказывал Лошаку, что безвыходных положений вообще не бывает. При этом он рассказал, по своему обычаю, несколько легендарных эпизодов из своего военного прошлого — он воевал против Врангеля на Сиваше. А там бывали положения — не сравнить с нашим.

И как доказательство этому высказыванию на берегу показался мой старый знакомый Григорий Костял, председатель Даниловского колхоза, широкоплечий, седовласый великан с красным, обветренным таежными ветрами лицом. Его именем была названа речная протока Костяловская.

Костял внимательно оглядел баржу и ее экипаж.

«Здорово, бесстрашные морские волки!» — поприветствовал он нас. Бен приложил руку к козырьку и выкрикнул: «Полундра!»

«Да, лучше полундра, чем SOS», — ответил Костял. Он быстро послал за трактором, тросом, лебедкой, собрал человек 20, вооружил их длинными кольями. Трактор надрывно зарычал, будто он был зол на заупрямившуюся баржу. Рывок! Еще рывок! Ура! Баржа сдвинулась с места и с важным видом медленно поплыла к Тунгуске. Почувствовав фарватер, она слегка пошатнулась, на мгновение остановилась, будто прощаясь с оставшимися на берегу, и... поплыла. Люди проводили нас радостными криками, бросали в воздух шапки, желали нам успешной навигации по бушующей воде.

Два часа дня. Солнце в зените и жжет без жалости, но мокрые мы не от жары, а от большого напряжения. Я, капитан, стою за рулем... Мои матросы — с кольями в руках — проверяют глубину воды, чтобы не сойти с фарватера и не сесть на мель. А потерять фарватер было очень легко, вокруг бушевало половодье. Только кое-где из воды торчали кроны тальника. Мимо нас проплывали крутые берега, поросшие густым лесом. Ни одного поселения вокруг. Баржа идет медленно, со скоростью 2-3 километра в час.

Красивы солнечные закаты на Амуре, они заливают небосвод

ярким светом и отражаются в воде такими яркими красками, что глазам больно. Раскаленный солнечный круг останавливается надолго на реке, будто хочет прощальным взглядом в последний раз осмотреть мир, и начинает медленно затухать, опускаясь в воду. И тут раздается многоголосье птичьего гама. Это птицы торопятся к своим гнездам, пока еще не погас последний луч света.

Очень скоро на реку опустилась ночь, в густой темноте мы не видим друг друга. К тому же по Тунгуске разлился густой туман, воздух очень скоро стал влажным. Холод пробирал нас до костей. Мы вынуждены надеть на себя дождевики, которые прихватили с собой на всякий случай: знали, что в пути может быть и дождь, и холод. Плохо было то, что спички отсырели и не зажигались. Закурить было невозможно. Но наша баржа, несмотря ни на что, плывет по Тунгуске.

Ночью случилась неожиданность. По Тунгуске сплавом пустили бревна, которые заготавливали на берегах Куры и Урми. Мы видели, как толстые бревна дико несутся по реке, перегоняя нашу груженую, почти неуправляемую баржу. Их столкновения с баржей очень опасны для нас. Днем мы отталкивали бревна кольями, а в темноте это было невозможно. Мы только слышали, как бревна со страшной силой терлись с обеих сторон у бортов баржи, как вода внизу оглушительно шумела.

Опасность велика, но мы ее не видим в полном мраке. Я рулю вслепую. Мы очень измотаны этим путешествием. Голодные, едва держимся на ногах. «Матросы» споро орудуют тяжелыми кольями, отталкивая бревна.

Но внезапно что-то случилось. Баржа вдруг остановилась на полном ходу, нас качнуло так сильно, что мы чуть не свалились в воду.

«Проверьте глубину!» — кричу я.

«Дно не прощупывается», — звучит в ответ. Слава богу, мы не на мели! Тогда почему? В чем причина остановки? И тут баржа затряслась как в лихорадке и начала вращаться в бушующем водовороте. Часа полтора нас крутило на одном месте, пока мы внезапно не вырвались из этого капкана.

Мы сдвинулись с места, но нас опять атаковали бревна — то в одиночку, то целыми ордами, перегоняя нас, угрожая каждую минуту похоронить нас в кипящем водовороте. Единственным утешением

было то, что по движению бревен мы чувствовали, что не уходим с фарватера...

Я не помню, как долго тащилась наша баржа, но вдруг мы почувствовали сильный удар, от которого наша посудина вся затряслась. Мы сообразили, что баржа уперлась в загородку, которую соорудили для деревообрабатывающего завода в Николаевке. Загородка задерживала бревна, идущие сплавом, и не выпускала их в Амур.

Только теперь мы поняли, в какую беду попали, ведь бревна могут затянуть нас на дно. В лучшем случае мы можем здесь застрять надолго со своим картофелем. Мы подняли красный флаг. Но кто нас увидит в этом густом ночном тумане?

Едва дождались утра. Небо над далекими сопками стало розоветь. Никогда еще мы с такой радостью не встречали рассвет. Первые теплые лучи солнца после холодной, туманной, полной опасностей ночи.

Первым наш сигнал заметил дежурный на пожарной каланче. Вскоре к нам с большими трудностями подплыла лодка с двумя пожарными. Мы попросили их передать директору лесозавода Кацу, чтобы он помог привести баржу в порт, куда подходят железнодорожные вагоны. Через полчаса подъехали другие пожарные — и очень вовремя, так как мы уже были окружены плотным кольцом бревен. Пожарные растолкали их баграми, тросом подцепили баржу и подъемным краном подтянули нас к причалу. Начальник станции Николаевка Судейкин прислал нам два вагона для перевозки картофеля. Эти же пожарные создали бригады и перенесли мешки с картофелем в вагоны. После окончания работы они в придачу к деньгам получили от нас водку и закуску. Сами же мы смертельно устали, но были на седьмом небе от радости.

А уж если везет, то везет до конца. Судейкин оформил документы на наш картофель как на первоочередной груз. Диспетчер прицепил наши вагоны к первому же идущему через Биробиджан поезду. Это был поезд «Максим», следовавший маршрутом «Хабаровск — Иркутск». Я дал телеграмму Певзнеру и в облисполком, что в 11 часов мы выезжаем из Николаевки и везем 50 тонн картофеля. Медленно, останавливаясь на каждом разъезде, но мы едем. Часов через пять наш поезд со свистом подошел к Биробиджану. Локомотив напряженно пыхтел. На перроне было много

представителей кооптorга, облисполкома и других организаций. Встретили нас радостно, как героев. Лошак и Бен стояли навытяжку, грудь вперед, как воины, вернувшиеся с победой с поля битвы.

На этом закончилась моя картофельная эпопея. Но эти несколько напряженных дней и ночей моих далеких молодых лет живут в памяти до сих пор со всеми подробностями, будто все это происходило вчера.

Хороший человек

Среди коммунаров было много приехавших из разных капиталистических стран с целью создавать и благоустраивать территорию, отведенную под еврейский национальный район.

Мне особенно запомнился Яков Эдлин из далекого американского штата Филадельфия. Невысокий, сухощавый, с красивым интеллигентным лицом и большими серыми глазами, он имел в себе что-то такое, что привлекало к нему каждого.

Было ему 42 года, но семьи, несмотря на возраст, у него не было. Жил он один в маленькой комнате барака и содержал ее в безупречной чистоте.

Работал Эдлин... Нет, легче сказать, где он не работал. В коммуне он добросовестно выполнял обязанности заведующего складом, ночного сторожа при конюшнях, коровниках и свиноферме. У него были и другие должности, с которыми он блестяще справлялся. К примеру, идет проливной дождь, Эдлин бросает все и мчится выдавать коммунарам дождевики и резиновые сапоги. Начинают протекать крыши в бараках — Эдлин тащит кровельное железо, заделывает дыры. Из Волочаевки прибыли запчасти для тракторов. Их надо было как можно быстрее выгрузить. Чтобы не отрывать других коммунаров от работы, за это дело тоже берется Эдлин. В свободное время и ночами он ухаживал за животными: то сено подносил лошадям, то, как заправский ветеринар, помогал появиться на свет теленку.

Коммунары часто приставали к Эдлину с вопросом: «Когда же ты спишь?» Он отвечал на это молчаливой улыбкой. Это было удивительно — всегда свежий, бодрый, без тени усталости в ясном внимательном взоре. Невозможно было понять, откуда берутся

силы на самые тяжелые работы у этого вегетарианца (ведь кроме молочного и овощей он ничего не ел). При этом он был всегда добрым, терпеливым, вежливым. Он всегда успокаивал спорщиков. Если кто-то упорствовал, советовал изгнать из себя черта (есть такая английская поговорка), а уже потом вернуться к продолжению беседы.

У Эдлина всегда было множество самых разных идей. Он активно вмешивался во все вопросы сельского хозяйства, упорно отстаивал свое мнение во всем. К примеру, настаивал на том, что помидоры и огурцы надо срывать в свой срок.

«Не навредите, — говорил он нетерпеливым. — Еще несколько дней на поле, и увеличится их вес, улучшится качество».

Сломать ветку в присутствии Эдлина никто себе не позволял. Боже упаси при нем топтать свежую траву, портить дерево — получишь вырванные годы.

Кто себя прекрасно чувствовал рядом с ним, так это наши коммунарские дети, они буквально липли к нему. Он рассказывал им сказки, истории из дальних странствий, пробуждал у детей любовь к природе, земле, тайге, животным.

По-рыцарски относился Эдлин к женщинам коммуны. Его всегда тревожило их положение. После тяжкого труда в поле и на других работах они должны были еще управляться по дому, растить детей, стирать, варить, убирать. Женщины ему тоже симпатизировали. По-доброму интересовались, когда же он покончит со своей холостяцкой жизнью. «Когда же мы погуляем у вас на свадьбе?» — не давали они покоя Эдлину. Он их выслушивал со спокойной улыбкой и обещал, что скоро будет и выпивка, и обильное угощение.

Почти все коммунары были вхожи в его скромное, но уютно обставленное жилье. Маленькая комнатка превращалась тогда в красный уголок. Стол накрывался красной атласной скатертью. На столе газеты и журналы. Для любителей живописи и музыки была богатая коллекция цветных репродукций известных картин и большая коллекция пластинок с записями великих певцов и актеров, еврейских в том числе. Случалось, комната Эдлина не вмещала всех желающих, тогда люди стояли в длинном коридоре у раскрытой двери.

Встречи у Эдлина обычно начинались с бесед о проделанной

работе, о делах коммуны, о новостях в мире, а потом сыпались просьбы, заказы.

— Пожалуйста, Чайковского «Сентиментальный вальс».

— Товарищ Эдлин, из «Двухсот тысяч».

— Глинку, «Иван Сусанин».

Несколько человек, которые еще помнили канторов, просили поставить пластинки с записью канторских напевов. Эти концерты затягивались до поздней ночи, несмотря на то, что завтра надо было рано подниматься на работу. Особенно долго засиживались все, когда приходила Рохеле Гимельфарт.

Рохеле

Рохеле окончила Одесский пединститут и вызвалась ехать на Дальний Восток. В коммуне она преподавала русский язык и литературу, а также английский. Это была девушка чуть старше двадцати, редкая красавица. Серый костюм и белоснежная блузка придавали ей особенную элегантность горожанки. Неудивительно, что почти все парни в коммуне были влюблены в нее. Надо сказать, что и женщины тоже любили Рохеле за доброту, милую веселость и общительность. Работы у Рохеле было много. Дневная школа, вечерняя школа для взрослых, общественные дела — на все у нее хватало времени. Ее приход вызывал оживление присутствующих. Казалось, в комнате становилось светлее, мужчины шутили, соревновались в остроумии, вызывая улыбку девушки.

Эдлин встречал Рохеле особенно учтиво, усаживал на видное место, сразу включал пластинку, которую она просила. Рохеле любила Шаляпина. По всем признакам нам было ясно, что этот сорокалетний мужчина влюблен в нее безнадежной поздней любовью.

Однажды Рохеле предстала перед нами с новой стороны. В этот день стадо с поля пригнали немного раньше обычного. Одна корова подошла к кормушке, ожидая хозяйку, но никто не встретил ее, хозяева были еще в поле. Из тяжелого переполненного вымени молоко капало прямо на песок. Восьмилетняя дочь хозяйки не знала, что делать, стояла и плакала. Попросили помочь учителей вечерней школы. Они, конечно, хотели помочь девочке, но никто

из них ни разу в жизни не доил корову. Спасла положение Рохеле. Она пошла в избу, надела халат, вымыла руки и коровье вымя, села на маленький стульчик, который вынесла девочка, и стала доить. Тут как из-под земли появился Эдлин. Он подошел к корове с другой стороны, опустился на одно колено и тоже стал доить корову. У него это получилось естественно, как и все, что он делал.

С тех пор в коммуне Рохеле стали называть «мать Рахиль», а Эдлина – «отец Иаков». Ко всеобщему огорчению, Рохеле вскоре покинула нас. Произошло это так. Родственник одного из коммунаров, Биньямин Ванштейн, окончил в Москве Военную академию имени Фрунзе, и его направили на Дальний Восток. Перед отъездом в свою часть он заехал в «Икор» повидаться с друзьями. Это был геройский парень с военной выправкой, с тремя шпалами на гимнастерке. Из коммуны он уехал не один — с Рохеле. Мы им сыграли великолепную свадьбу, красиво их проводили. Все были веселы, рады за нее. Эдлин же долгое время ходил, по выражению коммунаров, как вчерашний. Грустный и задумчивый, он искал для себя новые занятия, работу, чтобы забыться от тоски. «Красивый сон», — сказал он мне как-то. Я понял, что он имел в виду.

Верхом на бугае

Об Эдлине коммунары говорили, что он и мухи не обидит. Что правда, то правда: животных он очень любил, особенно лошадей. Еще о нем говорили, что коровы и лошади из хозяйства коммуны целуют ему руки от большой любви. Возможно, они таки считали его лучшим другом, но в действительности это было из-за большого куска соли, который Эдлин всегда носил с собой в мешочке. Те, кто не знал об этом секрете, всегда с большим удивлением смотрели, как животные радостно мычали, завидев Эдлина, облизывались, в ожидании угощения. Эти добрые отношения между ним и животными спасли ему однажды жизнь.

Был в нашем стаде бык, которого нарекли собачьим именем Рябчик — из-за черных и белых пятен на его шкуре. Заведующий

коровником Ротберг говорил об этом быке: «Вы думаете, что я здесь хозяин? Как бы не так! Настоящий хозяин — он!» И показывал на этого быка.

Рябчик был молодой бык голландской породы, красивый, крепкий, с сильным торсом. Рябчика почтительно величали «Его высокопроизводительство». А он вел себя с достоинством, знал свою мощь, силу, держал себя как настоящий король. О силе Рябчика ходили легенды. Все в коммуне помнили известный бой между Рябчиком и бугаем из соседнего Даниловского стада, типичным представителем чистой симментальской породы огненно-рыжей масти.

Эти два быка однажды сошлись в чистом поле голова к голове, рога к рогам. Оглушительный рев разнесся вокруг как знак предстоящей битвы. Внезапно рев стих, наступила оглушающая тишина. Животные всматривались друг в друга, били копытами землю. И вот первый удар сильными бычьими лбами. Посыпались искры, глаза налились кровавой ненавистью и злым бычьим упрямством. Облаком поднялась густая пыль, в ход пошли острые рога.

Долго длилась упрямая битва между двумя лидерами. Побеждал то один, то другой. Но Рябчик, сделав хитрый маневр, достал даниловского бугая решительным ударом, тот упал ногами кверху. От этого толчка затряслась земля. Рябчик постоял минуту над своим поверженным врагом, внимательно посмотрел на него сверху и, как джентльмен, не стал добивать упавшего, а ушел с высоко поднятой головой в свой коровник.

Этот силач Рябчик, перед которым все дрожали, всегда встречал Эдлина радостным ревом, уже издали завидев его. Однажды Рябчик насмерть перепугал всех коммунаров. Это было вечером. Только что пригнали стадо с поля. Как всегда, впереди всех горделиво шел Рябчик. И тут Эдлин вышел со склада и направился в контору. Увидев Эдлина, Рябчик рванулся к нему с наставленными рогами. Каждого, кто видел это, охватил страх. Сейчас от Эдлина останется мокрое место. Люди схватили вилы, чтобы отогнать быка. Но произошло чудо. Рябчик подбежал к Эдлину и спокойно остановился перед ним, ожидая чего-то. Потом стал медленно и осторожно касаться его рогами. Эдлин вынул из кармана кусочек соли и угостил быка. Рябчик даже зажмурился от удовольствия. Покончив

с лакомством и облизнувшись, Рябчик отблагодарил друга на свой бычий манер. На глазах у всех он наклонил голову и поднял Эдлина себе на загривок. Затем Рябчик триумфально прошествовал перед собравшимся народом и бережно опустил Эдлина на землю.

Спрятанный диплом

В коммуну «Икор» часто приезжали горожане покупать продукты для своих организаций. Все они имели дело с Эдлиным. Однажды в коммуне появились два незнакомца, которые ничего не покупали, а все вертелись вокруг Эдлина, стараясь завести с ним разговор. Но Яков, занятый своими многочисленными делами, не обращал на них никакого внимания: мало ли кто приезжает в коммуну. Ночью, как обычно, он зажег фонарь «летучая мышь» и пошел к коровнику. Не успел он переступить порог дома, как почувствовал удар по голове чем-то тупым и тяжелым. Он упал, оглушенный, и тут же в него вонзилась финка. Этот разбой совершили те самые незнакомцы, которые приехали утром. Бандиты знали, что у Эдлина в общинной кассе должна быть большая сумма денег.

Летом ночи короткие. Часа в три, когда забрезжил рассвет, и скотники вышли на работу, их удивило, что в коровнике нет света. Открыв двери, они увидели Эдлина, лежащего без сознания в луже крови. Поднялся крик. Прибежавший фельдшер сделала укол и велела тут же отправить раненого в Хабаровск. Его положили на носилки, укрыли и с большой осторожностью понесли из «Икора» к разъезду Дежневка. Больше трех месяцев пролежал Эдлин в хабаровской больнице, был больше на том свете, чем на этом, перенес несколько операций. Бледный, осунувшийся, ослабевший, но, как всегда, жизнерадостный он вернулся домой. Коммунары встретили его с большой радостью.

Придя из больницы Эдлин вытащил спрятанные в секретном месте деньги и документы. Среди них присутствующие увидели маленькую книжечку с золотыми тиснеными буквами. Прочесть эти буквы смог Шая Коваль, переселенец из США. Эдлин с улыбкой взял книжечку и спрятал ее в нагрудный карман. Позже Шая объяснил,

что это был диплом об окончании Филадельфийского университета, что специальность Эдлина — преподаватель английского языка. Об этом никто раньше не знал.

По материалам журнала «Советиш Геймланд»
№11 за 1978 год и №11 за 1979 год

Коммунар Эдлин

О коммунаре Эдлине, которому С. Герзон уделил так много внимания, о покушении на него, об истории с быком я слышала от своего отца, о нем же можно прочитать у Д. Вайсермана. Воспоминания Анатолия Марковича Подольского, записанные им, повторяют уже знакомое мне:

«В 1933 году моего отца, шорника с Украины, завербовали в Биро-Биджан. Помню, что мы почти месяц ехали на поезде под названием «Максимка». В районный центр поезд прибыл в апреле 1933 года... А 2 мая этого же года по желанию отца наша семья приехала жить в коммуну «Икор». Хорошо запомнил многих людей — Левинзона, например, очень высокого и статного мужчину. Вообще, в «Икоре» все были как на подбор — высокие, стройные молодые люди и почему-то все в основном холостяки. Особенно хотелось бы выделить двух икоровцев, приехавших из США, — Пимштейна и Эдлина. Не помню, как их звали, но никогда не забуду, какие это были веселые, жизнерадостные люди. Где они — там смех, шутки, веселье.

А Эдлин был вообще душой коммуны. Этот балагур и весельчак был лысым и самым маленьким по росту среди иностранцев-коммунаров. Он и внешне выделялся, всегда ходил в красных ботинках, комбинезоне серого цвета, с застежками-молниями. Во время работы он был малоразговорчив, зато в свободное от работы время выплескивал накопленную энергию. Работал Эдлин и завскладом, и ночным сторожем. Нередко его можно было увидеть на корчевании, севе, рыбалке, уборке сои».

Совершенно неожиданным образом разговор об Эдлине возник

во время общения с семьей Коваль. Оказывается, Жорж Абрамович хорошо помнил его и делился этими воспоминаниями в переписке со своим американским другом и бывшим сослуживцем Арнольдом Крамишем. Вот строчки из этих писем, которые касаются «Икора».

Крамиш — Ковалю, декабрь 2004 года: *«Небольшое воспоминание к твоему дню рождения: в 1936 году Пол Новик приезжал в Биро-Биджан. Он написал, что, прогуливаясь по колхозным полям, встретил Эдлина, казначея коллектива, и Шаю Коваля из Сью-Сити, Айова, который иммигрировал с родителями и двумя братьями в Биро-Биджан в 1932 и был там одним из лучших трактористов. Два его брата изучали химию в Москве, как сказала его мать Новику, чем она очень гордилась».*

Коваль — Крамишу, март 2005 года: *«Спасибо за напоминание про Биро-Биджан. Откуда ты берешь эти факты? Конечно, я ничего не знал о тех событиях в Нью-Йорке, о которых ты упоминал. Я избегал всего, что могло привести к встрече с людьми, которые знали меня там, и, соответственно, к неудобным вопросам. В предыдущем письме ты упоминал человека по имени Эдлин. Я довольно хорошо его знал, хотя мы не очень много времени провели вместе. Как многие из тех, кто приехал со всех концов мира строить новую Еврейскую Родину, он был интересной личностью. Он был любителем музыки, его миссией было нести хорошую музыку в массы. Он привез с собой из США коллекцию записей и фонограф и по вечерам часто собирал в бараке, где мы жили, небольшую аудиторию на концерт. Насколько я помню, особенно популярно было «Лебединое озеро» Чайковского. Он был холостяком — не очень-то молодым — и (я знаю это по слухам) стал посмешищем, ухаживая за очень симпатичной 16-летней девушкой… Мне сказали, что, когда начались чистки в 1938, он спасся, перемещаясь по стране на разных поездах. Я не знаю конца этой истории. Возможно, в итоге он вернулся в США. Я надеюсь, что все это закончилось хорошо. Он был очень хорошим человеком».*

Позже оказалось, что Эдлина хорошо помнили все коммунары. «Настоящий был человек».

ГЛАВА IX

Семья Пищиц-Брагинские

Но не только фамилия Эдлина, но и другие имена и события, о которых шла речь в воспоминаниях С. Герзона, были мне известны. Захотелось узнать о них больше, проследить дальнейшую судьбу. Постепенно, начав с воспоминаний моих родителей, я собрала целую серию икоровских рассказов. Думая об этом, я пыталась подобрать более точное определение происходящему. Что это? Расписная русская матрешка, раскрывая которую мы обнаруживаем внутри другую, не менее красивую, или бесконечная восточная сказка, в которой окончание одной истории становится началом новой?

Нет, конечно, ни то и ни другое. В услужливой памяти всплывает деревянный сруб колодца из моего детства. Это было одно из первых сооружений нового поселка. Выкопали его первые поселенцы по всем правилам. Не там, где почва легче и вода ближе, а на высоком месте. Так, чтобы сточные воды в него не попадали, а дождевые проходили через естественный многослойный фильтр скальных пород. Вот и получился колодец глубокий, больше 60 метров, пахнущий сыростью, немного прелью, даже в самую жару веющий прохладой и манящий чуть жутковатой неизвестностью. Но если потихонечку перегнуться через край сруба, заглянуть в черную неведомую темень и дать глазам привыкнуть, то в глубине, на самом дне, можно увидеть приглушенный блеск живительной воды.

Таковы и судьбы первых коммунаров — далекие, глубокие и таинственные, и кажется, что их никогда уже не разгадать. Чем дальше в глубь времен, тем меньше надежды проникнуть в их тайны, распутать клубки событий, ставших историей. Иногда всплывает в сознании обрывочная мысль: «А вот надо спросить у...» И понимаешь, что спросить-то уже не у кого. Тот ушел, этого тоже нет. Кто может сейчас рассказать о событиях почти вековой давности?! Дети и внуки первых коммунаров дружно твердят мне о том, что ничего не сохранилось, никто ничего не знает и узнать за давностью лет не может. Но потихоньку, капля за каплей, как вода на дне колодца, накапливаются воспоминания, документы и фотографии. И странным

Бригадир Абрам Пищиц (слева) и парторг Исаак Пимштейн.
Областной краеведческий музей ЕАО

образом черпаем мы из этого неиссякаемого колодца времени новые знания.

С большим усилием, потом все легче, виток за витком вращается ворот колодца. Вначале слышна только тишина. Кажется, что все безвозвратно исчезло в черной колодезной бездне… Затем доносится тихий плеск пролившейся воды, позвякивание цепи, удерживающей то ли ведро, то ли судьбу еще одной переселенческой семьи. В поисках одних людей непременно касаемся других, жизни коммунаров переплетены, как звенья на той длинной цепи колодца моего детства.

Так история моей семьи, переселенцев из Белоруссии и Украины — Пинзур и Бондарь, зацепилась за истории американца Коваля и аргентинцев Блехермана и Форера, те, в свою очередь, привели к знакомству с икоровцами Шейнфельд, Герзон и Браверман, Гольдштейн и Пейсахович. Вся эта почтенная компания вернулась

ко мне с новыми воспоминаниями, по пути прихватив еще несколько семей, которые также упоминает в своих записках Самуил Герзон.

Первой капелькой, начавшей новый рассказ, была крошечная заметка в газете тех лет. В списке лучших колхозников «Икора»: *«Пищиц – барабанщик, перевыполняющий свою норму, машинист товарищ Прилуцкий, сам починивший молотилку и хорошо организовавший бригаду, шофер т. Шлейзенгер — ударник, вывезший зерно с полей в амбар и на станцию. Ударницы — колхозницы Берта Ротберг и Поля Бруштейн»*.

Еще капелька — одна из фотографий икоровцев, сохранившаяся в Госархиве ЕАО. На ней запечатлены два молодых жизнерадостных парня, один из них — Абрам Пищиц. К этому присоединяется ручеек информации из воспоминаний Самуила Герзона, в которых есть и рассказ о Мойше-Арн Пищице и его сыновьях.

Понятно, что семья Пищиц очень заинтересовала меня, и я приложила немало сил, чтобы найти ее. Много узнать не довелось, до сих пор больше вопросов, чем ответов, но попутно выяснилось, что эта семья в родстве с большой семьей Брагинских, а Софья Моисеевна Неудачина (по мужу), чьи воспоминания об «Икоре» записал в свое время Давид Вайсерман, — одна из дочерей Мойше (Моисея) Ушеровича Пищица. Ее привезли в «Икор» восьмилетним ребенком.

Софья Моисеевна рассказывала: *«В «Икор» семья приехала в 1932 году из Кировограда. С нами вместе добирались с Украины в Биро-Биджан семьи Брагинских, Пищиц, Спольских и Вербицких. Жили мы в «Икоре» до 1935 года»*.

Отыскать следы семьи и на этот раз помогли биробиджанцы, которые, как известно, бывшими не бывают. Рита Самуиловна Рознатовская нашла для меня телефон Евгении (Гени) Ефимовны Шрубщик, урожденной Брагинской.

С ее помощью мы пытаемся разобраться в родословной семьи. Она с сожалением вспоминает о том, как в праздники, когда вся большая семья собиралась за семейным столом, разговоры и воспоминания всегда велись на идише и были недоступны пониманию детей. Но все же кое-что проясняется.

Семья Брагинских 1929 год. В центре Алтер Брагинский и его жена Хася.
Из архива семьи

Дочь Гени Лена, слушая рассказ об «Икоре», упрекает мать: «Почему я этого раньше не знала?» И я тут же получаю адреса и телефоны еще нескольких членов этой большой и дружной семьи. Уже через несколько часов я разговариваю с Аллой Матвеевной Алексеевой, двоюродной сестрой Гени. Так, все вместе, мы выясняем подробности.

Вместе с главой семьи Мойше Пищицем приехали в «Икор» два взрослых сына Юда и Абрам и две дочери — Екатерина и Софья. Жена Мойше, Голда, носила фамилию Брагинская.

Приехали они из Израилевки, что под Кировоградом. Конечно, я попыталась выяснить что-нибудь о местечке с таким необычным названием. Возле Кировограда находилась одна из первых еврейских колоний Новороссии, основанная в 1807 году евреями — переселенцами из Черниговской губернии на их же деньги. Поселенцы не особо процветали, в свободное от сельскохозяйственных работ время подрабатывали ремеслом и извозом. После революции грабежи, погромы привели к голоду в 1920–1921 годах. Тогда население

уменьшилось в 1,5 раза. А в 1932–1933 годах, несмотря на помощь «Джойнта», пострадали от новой волны голода.

Глава семьи Брагинских — Алтер — был сапожником, шил модельную обувь, но при этом у его детей была одна пара обуви на всех. На парадном семейном фото, для которого все одеты в лучшие свои наряды, дети босые, а детей у Алтера и его жены Хаси было ни много ни мало одиннадцать душ. Даже прокормить многочисленную семью и то было проблематично. Двое детей в начале 1930-х умерли от голода. Вот что рассказывал о жизни в Израилевке Ефим Брагинский, отец Гени. Он, рожденный в 1911 году, был самым младшим среди детей в семье: *«Был ребе, и к нему ходили дети, учились читать по-еврейски. Я тоже ходил к ребе в хедер год или два. Моей маме, единственной женщине в местечке, умеющей писать и читать на идише, раввин сказал, что, когда я немного подрасту, он будет меня учить, готовить на раввина. Но помешал голод. Папа носил калоши 44 размера, мне тогда лет 10 было, так его калоши не лезли на мои ноги, такие они были опухшие.*

Врача у нас не было, был фельдшер, мама со мной пришла к нему, он ее спрашивает:

— Ну что вы его привели?

Она ему говорит:

— Он же понимающий, дайте ему что-нибудь, чтобы он жил с надеждой.

— Ну нет у меня ничего такого.

В это время пришла его жена и принесла горячие лепешки, отломила и дает мне. Мама спрашивает:

— А ему можно горячее?

Тот махнул рукой и говорит:

— Ему все можно…

А потом мы переехали из колонии в город, не в этот год, на другой. Я иду из школы и вижу, идет врач мой. Я подхожу и говорю:

— Я из колонии.

Он схватился за голову, не верил, что я выжил, так удивился, обрадовался.

В Кировограде я окончил 4 класса. Все ребята уходили работать, я тоже не хотел оставаться, поехал в Кременчуг к сестре,

а ее муж был столяр, хороший столяр. Там я начал учиться столярному делу. Но он болел и не мог работать, а без него я ничего не мог делать. Я вернулся обратно».

Брат Гени Ефимовны Алексей Ефимович добавляет: «Папа в 1932 году по призыву комсомола уехал работать на шахту в Донбассе. После первого же спуска в шахту из группы новобранцев в 200 человек осталось только двое. Ефим же, знакомый с нуждой и голодом, отработал целый год, а приехав домой в отпуск, узнал, что семья собралась на Дальний Восток».

Переехали всей большой семьей: три дочери — Голда, Соня, Ида и сыновья Наум, Матвей (Мотл), Исаак, Самуил, Хаим (Ефим). Восемь детей привез с собой старый Алтер. Но и это еще не все. Мы уже знаем, что Голда замужем за Мойше (в семье его звали Мишарин) Пищицем и у них тоже четверо детей. Сын Алтера, Матвей, кузнец по профессии, женившись на Розе Спольской, хоть и перебрался жить в Кировоград и работал там на заводе «Красная звезда», но в Биро-Биджан поехал вместе со всеми, да не один, а с семьей Розы, ее братом Давидом, отцом Зиновием Мееровичем и его второй женой Цилей Исааковной Вербицкой.

Все это огромное семейство мастеровых, привыкших к труду людей через всю страну целый месяц в теплушке добиралось до станции Тихонькой, а оттуда в «Икор». Ехали с приподнятым настроением, с надеждой на будущее, на лучшую жизнь, с желанием создать свой мир, где евреи смогли бы жить без страха, погромов, унижений, без ущемления своих прав.

Первое впечатление от нового места — полчища гнуса, к которому трудно привыкнуть. Только теперь переселенцы нашли объяснение тому, что поначалу показалось им странным. Местные жители, встречающие поезда на станциях, почему-то странно приплясывали и взмахивали руками, словно исполняли какой-то беспорядочный танец. А это просто мошка не давала стоять на месте, заползая под одежду, забиваясь в нос и рот при разговоре. А места укусов безжалостно чесались, вызывая нестерпимые страдания. Непривычными оказались и бесконечные дожди, вода, слякоть и грязь, поглощающие всходы и надежды на будущий урожай. Но и это выдержали новоиспеченные дальневосточники и, как мы уже убедились, успешно

Семья Пищиц-Брагинских перед отъездом в Биробиджан.
Фотография из архива семьи Брагинских

включились в работу коммуны. Алла Матвеевна, рассуждая о своей семье, говорит о том, что ее родные честно, с энтузиазмом работали, преодолевая трудности, лишения неустроенного быта, приобретая новые трудовые профессии, не думая о том, что каждый ими прожитый день был подвигом. Они были просто порядочными, трудолюбивыми и ответственными людьми. И хотя больших регалий не получали, они тем не менее достойны быть отмеченными в памяти потомков. С этим, конечно, нельзя не согласиться.

Когда «Икор» пришел в упадок, семья полным составом перебралась в Амурзет. Но задержался в Амурзете только один из братьев Брагинских — Наум. Он прожил там с семьей около 30 лет. Самуил единственный из семьи вернулся на Украину перед войной, воевал, награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа» и, уцелев на фронте, остался жить в Киеве. Остальные члены этой большой переселенческой семьи переехали в 1937 году в Биробиджан.

Отец Гени, Ефим, в Амурзете обзавелся семьей: на танцах он

встретил свою красавицу Батью и остался с ней на всю жизнь. Они прожили вместе 66 лет. У шестнадцатилетней детдомовки, приехавшей по вербовке, было 5 классов образования и никакого имущества. Платье для выхода в «свет» ей одолжила хозяйка квартиры. В Амурзете родился их первенец Лёня. Но брак они смогли зарегистрировать только через год, когда Батье исполнилось 18 лет. В 1936 году они переехали в Биробиджан. Как рассказывали их земляки, многие парни и девушки приходили в буфет на вокзал, куда устроилась работать Батья, посмотреть на самую красивую женщину города.

Евгения Ефимовна подарила нам замечательную историю из жизни семьи. Началась она на Украине, в те времена, когда семья маленького Хаима бедствовала и голодала. Неподалеку от них жил лавочник Борис Ложкин, жена которого, каждый день принося в лавку товар и видя голодные глаза мальчишки, украдкой совала ему в руку пирожок. Надо ли говорить о том, что, получив угощение однажды, голодный пацаненок каждый день поджидал свою благодетельницу. Много лет спустя, будучи семейным человеком, Ефим поступил в Хабаровский финансовый техникум, снял комнату на время сдачи экзаменов. Хозяином этой квартиры оказался тот самый лавочник Ложкин. И когда Ефим спросил, знает ли он, что его жена спасла ребенка от голодной смерти, Борис рассмеялся. Подсчитывая выручку, он никак не мог понять, откуда у него постоянная недостача.

Прошло еще много лет, семья Ефима Брагинского перебиралась из Биробиджана в Хабаровск. Глава семьи обомлел, когда увидел, кто откликнулся на объявление об обмене. Навстречу ему вышел тот самый Ложкин. Конечно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что это сын его старых знакомых.

И в этом случае переезд на Дальний Восток спас семью. В списке жителей Израилевки, уничтоженных фашистами, три человека с этой фамилией, да трое погибших на фронте.

Евгения Ефимовна рассказала мне, что старшее поколение не только разговаривало, но и читало на идише, особенно любили «Тевье-молочника». Как правило, вслух читал для всех Матвей, взрослые смеялись, обсуждали услышанное, а она умирала от желания понять, о чем речь. Поэтому, повзрослев, в первую очередь купила себе книгу Шолом-Алейхема, переведенную на русский язык.

Взрослые не пропускали ни одного спектакля еврейского театра. А когда для идиша наступили не лучшие времена, чтобы поддержать любимую газету «Биробиджанер штерн», Ефим иногда скупал все номера газеты, продававшиеся в ближайшем киоске. И опять в разговор вступает Лена. Оказывается, она никак не могла понять, откуда у дедушки эта странная привычка приносить домой пачки газет. Позже подобные истории я услышала и от других биробиджанцев, которые любили свой язык, свою газету и изо всех сил пытались ей помочь.

С началом Великой Отечественной войны Ефим ушел на фронт, к этому времени в семье росло двое детей. Гене, родившейся в 1939 году, отчетливо врезался в память только момент возвращения отца. Давно прошедшие события помог восстановить ее брат, Алексей, который, хотя и появился на свет гораздо позже, в 1950 году, сохранил в памяти рассказы отца. Кроме того, он прислал мне старую видеозапись с воспоминаниями отца о войне.

15 мая 1941 года Ефима Адольфовича призвали на месячный курс переподготовки, лагерь располагался в Хабаровске-2, на его территории находились 5 тысяч солдат из разных районов Хабаровского края, стояли 500 палаток, спортивные орудия.

«22 июня в 4 часа дня мы отдыхали. Вдруг подъем, тревога! Хватаем шинели, скатки, противогазы, винтовки, патронташи. Выбегаем строиться, слышим: «Трусить матрацы, снять палатки, снять орудия, спортивный инвентарь!» Мы поняли, что это не обычная тревога. Все сделали, ждем, в 7 часов нас собрали по частям и объявили, что началась война, едем обратно в Биробиджан. В 12 часов погрузили всю технику, тяжелые вещи на машину, а сами пошли пешком. Отошли километров 10 — начался дождь, грязь стала налипать на сапоги, ноги вязли.

Получилось, что взяли меня на 30 дней на подготовку, а прослужил я 4,5 года. Месяца полтора проучились в Биробиджане. Затем нас, группу, отправили обратно в Хабаровск. Там создали отдельную зенитно-пулеметную роту, я туда попал телефонистом. Прослужил немного, потом рота стала батальоном, каждый месяц брали 5–10 человек на фронт. Нас было всего 106 человек, 24 взвода, в каждом 4 отделения, 4 крупнокалиберных пулемета

Дегтярева. Мы подготовили вагоны и начали курсировать от Архары в сторону Хабаровска и Владивостока, 750 километров, ждали нападения Японии». В задачу охранников входило открывать огонь из пулеметов по самолетам противника, пытавшимся разбомбить поезда. На новом месте службы призывники должны были прежде всего оборудовать вагоны. Утеплить, сделать люки для пулеметов, соорудить место для сна. Умелые руки и опыт работы с деревом помогли Ефиму с напарниками управиться раньше всех. Увидев его ответственность и старательность, замполит предложил Ефиму вступить в партию.

Вновь слово Ефиму Адольфовичу: *«Нас был целый эшелон, 100 человек отправили на запад в конце 1942-го. Я сразу попал под Москву. В конце 1942-го самолеты летали через Тулу, пытались разрушить Москву, особенно Кремль, но это им не удалось. Мы слышали самолеты километров за 10, открывали огонь трассирующими снарядами, освещающими все небо. Они не рисковали, поворачивали, уходили обратно. Мы все время от Москвы до линии фронта передвигались, сколько можно было проехать. Немцы отступали, взорвали пути. Работали восстановительные составы. Только мастера, бригадиры были мужчины. Женщины делали все: таскали рельсы, шпалы, ровняли землю. Сразу шли эшелоны с людьми, техникой, продовольствием, горюче-смазочными материалами. Их надо было беречь как зеницу ока, не дай бог, разбомбят. Эшелон — это же две тысячи солдат и офицеров. Налеты были ежедневно. Дежурили 24 часа в сутки. У меня есть медали «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».*

В 1943 году Ефим чудом уцелел при бомбежке. В командный вагон, обшитый броней, попала бомба, полностью разбив его. Но его броня все же сослужила добрую службу, защитив от осколков находящихся в соседних вагонах бойцов.

После Победы Е. Брагинский оставался служить до февраля 1946 года. В августе 1945-го, когда Советский Союз вступил в войну с Японией, Ефим просился на фронт, рассчитывая, что, когда война кончится, он будет на Дальнем Востоке, почти дома. Но у начальства были свои планы. В части ранили переводчика, а Ефим, хорошо зная идиш, за несколько месяцев службы в Германии начал свободно понимать

немецкую речь. Кроме того, его назначили начальником финансовой части батальона. Подробнее узнать о боевом прошлом помогли документы, размещенные на сайте «Подвиг народа». Приказом от 23 октября 1944 года старший сержант, парторг 2-го дивизиона 55 полка ПВО ж.д. эшелонов Ефим Адольфович Брагинский был награжден медалью «За боевые заслуги», 25 августа 1945 г. — медалью «За победу над Германией», 2 ноября 1945 года он, уже старшина и командир пулеметного отделения, представлен к ордену Красной Звезды.

Его взвод сопроводил 255 транспортов без единой потери, отразил 7 атак вражеской авиации. *«При отражении атак старшина Брагинский Е. А. проявил исключительную выдержку, находчивость и отвагу»*, — так говорится в наградном листе.

По возвращении в Биробиджан, Ефима, ознакомившись с его документами, направили работать в областное управление финансов. До самой пенсии он отработал заведующим центральной сберегательной кассой. Его жена Батья с 1942 по 1946 год была директором ресторана «Биробиджан», а с 1947 до 1955 — директором центрального гастронома.

Повествование продолжает Алла Матвеевна, дочь Матвея Брагинского и Розы Спольской, которая родилась через два дня после смерти деда Алтера. Взрослые всегда много и тяжело работали, лишнего времени уделять детям не могли. Но по субботам все сыновья с семьями собирались в родительском доме. Бабушка Хася накрывала семейный стол — и начинались разговоры. Внукам запомнились бабушкины «сказки», которые она всегда им рассказывала. Только спустя годы Алла Матвеевна поняла, что сказки эти были главами из Торы.

Родители Аллы Матвеевны какое-то время работали при Биробиджанском еврейском театре, дружили с актерами Михаилом Шейном и Бертой Шильман, которые после расформирования театра вынуждены были уехать из города. Матвей с женой перешли работать на обозный завод, он по своей специальности — кузнецом, а Роза литейщицей. Репрессии не задели семью, но из воспоминаний бывшего актера театра Мотла Сироты, опубликованных в 2008 году в №8 журнала «Лехаим», стало ясно, что еще раньше, в 1937 году, беда тоже ходила рядом: *«В это время к дверям красного уголка*

1947 год. Семья Пищиц-Брагинских Биробиджане.
Фото из архива семьи Брагинских

подошли два человека из НКВД, которых я знал и которые знали меня хорошо, и попросили меня вызвать Брагинского. Я подумал, что он понадобился им как комендант театра и жилых домов, по какому-то противопожарному или подобному вопросу. А когда он вышел, я посмотрел ему вслед и по обращению с ним понял, что это — арест. Ему даже не разрешили зайти домой, хотя жил он напротив красного уголка. Его посадили в машину и тут же увезли. После выхода Брагинского некоторые товарищи посмотрели в окно и тоже увидели всю эту сцену...»

Брат Аллы Меер-Гедалий (Майор), которого в «Икор» привезли пятилетним ребенком, в 1943 году 16-летним подростком добровольцем ушел на фронт. Вначале его направили в морскую школу радиометристов, а после окончания учебы — служить на крейсер Черноморского флота, который принимал участие в боевых действиях.

После войны Меер продолжил службу на Тихоокеанском флоте,

Бывшие икоровцы Р.С.Рознатовская, С.М.Неудачина (Пищиц), Е.А.Брагинский в Биробиджане

принимал участие в составе тральщиков в разминировании вод Татарского пролива, служил на Чукотке. При разминировании был ранен... Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», орденом Отечественной войны. Надо ли говорить о том, как гордились им близкие. В семейном архиве хранится замечательная фотография, на которой запечатлены родственники, оставившие свои дела и специально собравшиеся в городском фотоателье по случаю приезда в отпуск Майорчика, как любовно называли его в семье.

Демобилизовался Меер Матвеевич в 1950 году и вернулся в Биробиджан. Пошел работать на обозный завод, носил звание «Мастер — золотые руки». Одновременно с работой окончил вечерний механический техникум, прошел все этапы роста от рабочего до руководителя одного из ответственных цехов завода. За свою трудовую деятельность награжден орденом «Знак Почета».

Эта большая переселенческая семья оставила добрый след в Биробиджане. Абрам Пищиц работал на трикотажной фабрике, Юда

— на обувной. Еще трое работников этой фабрики тоже носили фамилию Пищиц.

Софья Матвеевна Неудачина (Пищиц) училась во 2-й школе, работала 33 года на почте и девять лет в редакции «Биробиджанер штерн». Даже выйдя на пенсию, активно участвовала в общественной жизни, преподавала идиш для детей в детском саду. О Елене Абрамовне Вербицкой, дочери Цили Исааковны, до сих пор помнят благодарные ученики. В отчете отдела народного образования за 1940–1947 годы руководимая ею школа №10 названа одной из лучших в области. В семье есть врачи, учителя и на удивление много людей творческих профессий — художники и архитектор, дизайнер и кинематографист. Долгие годы, пока жило старшее поколение, родство поддерживалось и сохранялось. Но старели родители, подрастали дети, создавались новые семьи, уже меньше стало встреч. Подросшие внуки и правнуки этой большой и дружной семьи разъехались по миру. Кто-то сейчас живет в Израиле, кто-то в США, Германии, Украине, и, конечно, в Биробиджане. Но все же связь друг с другом стараются не терять.

ГЛАВА X

Семья Пензур

Памятью сердца

Следующий рассказ — о моей семье, семье моего отца Григория Израилевича Пензура.

16 ноября 2015 года завершил свой земной путь один из последних первых икоровцев. И, несомненно, единственный, проживший в Соцгородке с 1932 года (то есть практически со времени его создания) до 1998-го. Григорий Пензур стал свидетелем становления коммуны «Икор — Соцгородок» и ее распада, видел новый расцвет и упадок поселка, вложил в его строительство так много сил, что местные жители до сих пор помнят его дела. Он, никогда в жизни не покидавший свой Соцгородок более чем на пару недель (за исключением лет армейской службы), не поддававшийся никаким уговорам и посулам лучшей работы, квартиры, уступил давлению детей и внуков — уехал в Израиль, но до конца жизни помыслами и сердцем оставался там, в Соцгородке.

Мой дед Исроэль Пинзур приехал в Соцгородок из Белорусского Дубровно и привез с собой жену Хаю-Ривку (Шумячер) и четверых детей. Старшему Куше (Косте) было 12 лет, Бэрлу (Борису) — 10, Фэйгл (Фане) — 6, а младшему, моему будущему отцу, исполнилось на тот момент четыре года. Разлив воды в этот год был настолько большой, что первое яркое воспоминание маленького Цви-Гирша (Григория) о поселке — кругом вода, и он на руках у отца. Переселенец Исроэль не совсем обычный. В коммуне в основном парни и девчата — молодые, несемейные, а у этого четверо детишек, да и возраст явно некомсомольский. Почему семья решилась на такой переезд, для меня всегда оставалось загадкой.

Еще одна загадка заключалась в том, что я никогда не встречала упоминания нашей фамилии в скудных сведениях об «Икоре», а так хотелось узнать хоть что-то.

Уже в Израиле ко мне попали воспоминания коммунара Самуила Герзона, где я наконец-то встретила упоминание о рыбаке «Икора» Пинзуре: *«Но как ловить рыбу, вялить, хранить — об этом никто, кроме Пинзура, не имел никакого представления… Исроэль приехал в коммуну из Белоруссии. Ему приходилось ловить рыбу в Днепре, и он имел представление о том, как плетут сеть, навешивают грузила, делают удочку»*.

И — как дар небес — на сайте «Историческое и культурное наследие ЕАО» нахожу книгу Г. Блоштейна «Биробиджанские зарисовки» (1934 г.), а в ней очерк «Полный тяжелый невод», полностью посвященный моему деду Исроэлю Пинзуру. Ни много ни мало через 80 лет после ее издания читаю такие дорогие мне подробности о жизни деда. Правда, фамилия наша звучит сейчас как Пензур. На каком этапе произошла замена буквы, никто сейчас сказать не может, но отец всегда настаивал на первом варианте как верном.

Несмотря на то, что отец много рассказывал про деда, которого я никогда не видела, о жизни в Дубровно он и сам знал только из рассказов старших.

Его рассказы почти всегда были связаны с Соцгородком. Мы же, слушая отца, не очень вдавались в подробности. Да, протока, к которой сбегает с сопки одна из улиц Соцгородка, называется Пинзуровская, но это все знают. И мальчишки со всей округи ходят купаться на Еврейскую протоку, где на Перекопе понырять можно и понежиться на теплом песочке. А лодки на протоке (приходи, бери любую, только закрепить покрепче не забудь) привязывались к торчащим из земли рельсам. И подружки, приходившие к бабушке, разговаривали на другом, непонятном нам языке. Каким образом это касалось нашей семьи, откуда взялись на берегу реки рельсы — об этом тогда не задумывались, а расспрашивать о прошлом отца или его брата Константина, жившего рядом в поселке, просто не приходило в голову. Поэтому о жизни семьи в Дубровно мне известно немногое. Единственное, я помнила рассказ отца о том, что бабушка Хая-Ривка ткала талесы (талес или талит — молитвенное облачение в иудаизме, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало). Информацию пришлось искать в интернете.

Еще с XVIII века основным занятием евреев Дубровно было кустарное ткачество. Сложились целые династии потомственных ткачей. Дубровно являлось центром производства талесов для всей России, экспортировались они и в другие страны. В начале XX века еврейскими меценатами была построена ткацкая фабрика. Работали на ней одни евреи.

У Исроэля были сестры, они уехали в Америку и, вероятно, сменили фамилии, выйдя замуж. Позже я нашла несколько человек, носивших фамилии Пинзур и Шумячер, в базе данных «Яд Вашема». Они, как и большинство евреев Дубровно, были уничтожены фашистами. К моему изумлению, один из двух листов свидетельских показаний, заполненных моим отцом, был совсем не знаком мне. В нем значился Шмуэль, брат моего деда Исроэля. Я ничего не знаю о нем. Какую семью имел, чем занимался, почему не уехал в Биро-Биджан вместе с братом? Какие еще семейные тайны и беды хранил в своей душе мой отец? В Белоруссии Исроэль сапожничал, даже имел небольшую сапожную мастерскую, рыбачил, иногда приторговывал на рынке, арендовал сады и был неплохим огородником, что вообще-то не совсем свойственно городскому еврею. То есть крутился как мог, обеспечивая свою немалую семью. Так что же заставило его двинуться с насиженного места?

В очерке Блоштейна «Полный тяжелый невод» нашла намек: *«Теперь я вижу, что ошибался значительную часть своей жизни. Что-то мне первое время советская власть не шла в голову. Теперь я знаю, что это моя власть». — Три года тому назад Пинзур прибыл в Биро-Биджан. Как трудящийся переселенец, он получил избирательное право».*

Читаю эти строки и предполагаю, а не из лишенцев ли мой дед? Кончились времена НЭПа, и кустарям пришлось несладко. Вот и решил дед переселиться. Иначе с чего бы это автор подчеркнул получение избирательного права, которого были лишены кустари и мелкие торговцы? Похоже, правда, как говорил старший из братьев Константин, — вынудили.

Соцгородок, куда в мае 1932 года переселилась семья, существовал только на бумаге. Поселок только начинал строиться, в наличии была лишь сопка, окруженная водой и поросшая лесом. Но уже

Рыбак «Икора» Исроэль Пинзур. 1935г.
Областной краеведческий музей ЕАО

жили и работали в нем первые коммунары. Еврей на то и еврей, чтобы вопреки жизненным невзгодам приспосабливаться к обстоятельствам и продолжать жить и растить детей. Говоря об отеческой любви к молодым коммунарам, Пинзур не кривил душой. Пример тому — его дружба с Ильей Блехерманом, продолжавшаяся многие годы, несмотря на разницу в возрасте.

Открытый, оптимистичный, со своей готовностью к работе и самопожертвованию, в коммуне Исроэль быстро нашел свое место. Рукастый, неунывающий отец семейства включился в жизнь коммуны. И настолько успешно, что уже вскоре его наградили премией за ударный труд, о нем писали в газетах, его фотография напечатана в центральном журнале.

По правде сказать, когда отец рассказывал об этом, я верила и не верила. Где Москва, а где затерянный в приамурских болотах Соцгородок. Мало ли что могло показаться ребенку, что-то не так понял, запомнил. Через много лет, вглядываясь в старое фото, я убедилась в правоте отца. На фотографии дед точно такой, каким описал его отец, — улыбающийся, с сетью на плече. Рыбак-ударник из коммуны «Икор», награжденный за свой труд. Позже я встретила это фото

Веселый рыбак из «Икора».
Областной краеведческий музей ЕАО.

в журнале «Трибуна», но, к моему огорчению, за другой подписью. Нашла еще одно фото, о котором, наверное, даже отец не знал: снимок веселого рыбака из «Икора» из фотоочерка Л. Гершковича в журнале «Огонек» (№ 23, 1937 г.).

Автор пишет: *«У родителей веселого рыбака Израиля Пинзура из колхоза «Икор» было свое представление о рыбе. Они знали, что рыбу (и то не всякую) полагалось есть только по субботам, и она пожирала весь недельный бюджет семьи. Это было дорогое малодоступное беднякам удовольствие. В Биро-Биджане рыба, как говорят биробиджанцы, «стоит в очереди за рыбаком». Здесь изобилие крупной форели и сазанов, сладких и жирных, прилипающих к устам, как мед. Ее ловят переселенцы, выезжающие на рыбную ловлю на лодках с сетями и неводами, с фонарями и баграми»*.

А позже, уже из Америки, Н. Бородулин прислал фотографию обложки журнала «Найлебн» за 1936 год, издававшегося ИКОРом на идише. И на всю обложку — изображение рыбака из «Икора».

Вглядываясь в эти фотографии и сравнивая лица, мы на семейном совете засомневались в том, что «веселый рыбак из Икора» — Исроэль: слишком молодой человек изображен на фото, чтобы быть отцом солидного семейства. Но в том, что это член семьи, нет сомнения: характерные и фигура, и черты лица. Несложные вычисления говорят о том, что старшему из сыновей, Косте, помогавшему отцу, в то время было около 16 лет, может, это он на снимке? Тем более что внук Константина Израилевича, Костя, в свои юные годы очень уж был похож на этого молодого рыбака. Сын Константина Израилевича Анатолий без тени сомнения вынес вердикт: «Батя!»

Исроэль был знаком с рыбалкой еще в Белоруссии, но на Дальнем Востоке свои особенности. Поначалу он получил консультацию у местных рыбаков, наблюдал за поведением рыбы и постепенно стал самым главным знатоком рыбалки в округе. А сноровка и смекалка помогли своими руками сделать лодку и снасти. После выхода фильма «Искатели счастья» поселковые девчата распевали: «У Тунгуски у реки тянут сети Пинзуры», — фильм-то про них, про их жизнь, как же могло быть иначе!

Несмотря на то, что Гирша-Григория привезли в Соцгородок совсем маленьким, цепкая детская память запечатлела многие детали

коммунарского быта, лица и имена людей, сохранила рассказы отца. Читая воспоминания бывших икоровцев, рассказы о крошечном поселке, которых оказалась немало, я, удивляясь про себя, отмечала, что очень многое в них мне знакомо.

Во времена коммуны железная дорога на Комсомольск только строилась, и все товары доставляли со станции Волочаевка-1, где находилась коммунарская база. Во время разлива — на своих плечах. У Моисея Гольдштейна об этом есть рассказ «Поход на Волочаевку»: *«Люди молча шли по грудь в воде и не замечали проливного дождя, который завесой прикрывал эту удивительную процессию. Долго еще взбаламученная река кидалась на берега. Дождь продолжался»*.

Когда построили лодку, перевозчиком стал Исроэль Пинзур, ему помогали старшие сыновья. Перевозка косарей была также его обязанностью. Иногда возвращались домой затемно. Тогда в коммунарской столовой для них оставляли обед.

Когда я читала воспоминания бывшего икоровца Самуила Герзона, то с замиранием сердца отмечала каждую знакомую фамилию, каждый штришок знакомого быта или описания поселка, реки и окрестностей. Вот Герзон пишет про рыбалку — это все знакомо, вот дает замечательный портрет коммунара Эдлина — про историю покушения на него мы слышали от отца. И про свирепого быка, которого боялась вся округа. А милая учительница Рохеле — возможно, эта та самая, которая подарила маленькому Гиршу тетрадь за правильно разгаданный ребус. Настоящую тетрадь! Он запомнил это на всю жизнь. И историю гибели Погребицкого, и фамилии Либерберга и других репрессированных руководителей области, и удивительную историю семьи Блехерман, и еще многое другое мы знали не из книг, а из рассказов отца...

Илья Исаакович Блехерман вспоминал, как однажды парторг Словин решил, что бригада рыбаков получает слишком много сметаны на обед. Он, ничего не понимая в рыбалке, решил проверить, так ли тяжело работают рыбаки. Находчивые парни разыграли контролера, дав ему непосильное задание и поставив Пинзура страховать незадачливого рыбака, чтобы невод не утянул его в реку. Вернувшись с рыбалки, Словин распорядился дать рыбакам усиленный

паек за их тяжелую работу. Так, сочетая трудности с шутками и смехом, строили коммунары свой город, свою жизнь.

В 1934 году проект «Соцгородок» был закрыт, и все коммунары перебрались в «Икор» (нынешняя Камышовка). Но сено косили, как и прежде, на Пинзуровских угодьях, и косари никогда не проходили мимо гостеприимного дома на берегу залива у подножия сопки, заходили на чай, на разговоры, угоститься самодельным табаком, который Пинзур выращивал и резал сам. Да что табак! На своем участке, сбегающем южным склоном к реке, он умудрился сад с грушами и сливами развести, а на огороде не только овощи, но и огромные арбузы выращивать. Кому обувь починить, кому самодельную крупорушку одолжить, рыбой угостить или на рыбалке пособить: даже спустя много лет старожилы вспоминали Исроэля Пинзура, его бескорыстность и отзывчивость. А мама всегда вспоминает беспросветную нищету этой семьи. Чаще всего за свою работу старый Исроэль вовсе не брал денег.

Заготовленное сено в стогах на полозьях зацепляли тросами и трактором перетаскивали через труднопроходимые низкие и влажные участки, доставляя на фермы «Икора». Возглавлял работы самый грамотный Шая Коваль. Таким, в рабочем комбинезоне, его и запомнил мой отец. А когда Шая еще и брал мальца к себе на трактор, то восторгам не было предела. И, как сказку, слушали коммунары рассказ Абрама Коваля о его поездке в Москву к среднему сыну Жоржу, о том, какую диковинную технику, передающую изображение, он видел там.

Новая жизнь своим чередом, но и традиции помнить не грех. Зимними вечерами, свободными от работы, пересказывал иш-хахам Исроэль своим сыновьям на древнееврейском языке отрывки из Торы, а потом переводил их на идиш.

В 1935–1936 годах в Соцгородок начали приезжать еврейские семьи из Украины, Белоруссии, и начался новый расцвет поселка. Но и он был недолгим. Начались репрессии, а затем война. Соцгородок вновь опустел. С началом войны старшего Костю отправили на строительство военного завода сначала в Комсомольск, затем на заготовку мяса и рыбы в Анадырь, Бориса — на фронт, как оказалось, навсегда. Данные о том, что Борис пропал без вести 19 ноября 1941 года

в битве за деревню Быково (Тульская область), я нашла только в 2016 году, уже после смерти отца.

С началом войны младший Гриша оставляет 4 класс школы. Сначала помогал отцу рыбачить, а затем, как и все жители поселка, начал работать на мебельной фабрике. Трое детей Исроэля Пинзура остались жить в Соцгородке, здесь обзавелись семьями, здесь работали и растили детей. И оставили по себе добрую память. Земляки знали, что Григорий Пензур умеет все и никому не отказывает в помощи. Не имея практически никакого образования, мой отец был высококлассным столяром, отличным механиком, электриком, сапожником, рыбаком. Я даже не могу сказать, чего он не умел. Бывало, и инженеры приезжали к нему за советом, когда возникала какая-то неразрешимая проблема. Он всегда что-то изобретал, мастерил, и не только для семьи — для всей округи, для овощезаготовительного пункта, которым заведовал брат Константин, для совхоза, в котором полно друзей и знакомых, для соседней воинской части. Делал лодки, снасти, мебель, гнул полозья для саней и самодельные лыжи, паял, мог

Григорий Пензур с уловом.
Фото из архива семьи Пензур. Примерно 1960 год.

построить дом, разобрать и собрать любой мотор, отремонтировать обувь, а при необходимости сесть за швейную машину.

Привычная картина детства: долгими зимними вечерами на кухне догорают, потрескивая, дрова в печи, после ужина отец садится подшивать валенки или вяжет ячейка за ячейкой бесконечные рыболовные сети. И при этом всегда потихоньку напевает на идише…

Ох, этот идиш, знакомый до боли и неизвестный, звучание которого я отличу от любого языка. И горькое сожаление, что понятны мне, как и большинству из моего поколения, лишь отдельные слова и выражения. Утекло богатство между пальцев, не удержали… И зависть к тем, кто может прочесть и впитать тот кладезь, что несет мамэ-лошн. И поздние жалкие мои попытки вернуть время и язык… А в памяти — книги Шолом-Алейхема на идише на бабушкиной этажерке и вечные споры родителей, чей язык правильней: мама несла диалект украинских евреев, папа — белорусских. С уходом последних еврейских старушек общаться они могли только друг с другом, да с соседкой, их ровесницей, иногда помогая друг другу вспомнить то или иное забытое слово. Когда мои родители, совершенно ошалевшие от замены понятного, привычного, тихого и захолустного Соцгородка на бурлящий, галдящий, шумный Израиль, поняли, что они не совсем немые, что могут общаться с ровесниками в доме и на лавочке в парке на идише, откуда что взялось. Вспомнились слова, о наличии которых в своем лексиконе они даже не подозревали! И пошел, пошел язык из каких-то неведомых времен и глубин.

Но это потом, а тогда, много лет назад, старый друг семьи И. И. Блехерман пытался перетянуть отца в Биробиджан на завод, но все старания были напрасны. В трудовой книжке Григория Пензура осталось три записи: «Принят в артель им. Чкалова — 12.02.1943, 1949–1952 — служба в рядах Советской Армии, 03.02.1992 уволен в связи с уходом на пенсию». На самом же деле еще лет пять после официальной записи в трудовой книжке, будучи пенсионером, отец продолжал выполнять разные поручения на мебельной фабрике, следил за водозаборной колонкой в поселке.

А вот за помощью в решении трудных задач все поселковые ученики ходили к Константину Израилевичу. У него за плечами семилетка и техникум. Объяснит, да еще и не выпустит, пока не убедится,

что все хорошо поняли. Так и осталось у меня в памяти то ощущение спокойствия, мудрости, обстоятельности, которые нес в себе мой дядя Костя.

Но и отец, не имевший практически никакого образования, вопреки всему черпал знания, откуда только мог, от корки до корки прочитывая все попадавшие ему в руки книги и журналы, которых выписывал множество. Особенно любил «Науку и жизнь». Он, не особенно друживший с ручкой и бумагой, знал наизусть почти всего Лермонтова, открыл для нас Джека Лондона, я не говорю уже о дальневосточных писателях, книги которых он читал и любил. Даже законы Ома и другие основы физики, химии, биологии тоже были ему знакомы. Помогали какая-то врожденная смекалка и любознательность. Из каждой поездки в Хабаровск, кроме обычных хозяйственных покупок, родители обязательно привозили книги. При своей вечной занятости, трудностях сельского быта — огороды, покосы, заготовка дров и т. д., отец всегда находил время для нас. Походы на природу, летом на реку, в лес за грибами-ягодами, зимой на горку и каток, качели-карусели для соседской ребятни, игрушки-самоделки, не перечислишь всего. А главное мы смогли оценить позже. Во всех этих развлечениях отец ненавязчиво учил нас наблюдать за природой и видеть и ценить ее красоту и целесообразность. Незаметно учил и работе, и дружбе, и доброму отношению к людям, всем человеческим ценностям. А потом уже и наши дети на все каникулы и выходные дни переселялись в Соцгородок, в его теплую атмосферу коммуны, которая не исчезла. Уж что-что, а выручка и взаимопомощь всегда были свойственны соцгородовцам. Так уж повелось: и работа, и веселье — все было вместе. До сих пор не прерывается связь с разъехавшимися по городам и странам земляками.

Мне казалось, что коммунарский дух ушел навсегда вместе с последними еврейскими семьями Соцгородка, но теперь, когда я вижу, как помогают мне внуки и правнуки коммунаров в моих поисках, понимаю, что вовсе нет. Те первые строители новой жизни и ЕАО, героические, отважные, пусть и немного наивные, передали его своим детям, внукам. Неважно, где живут они сейчас, важно, что хранят они в своем сердце добро и щедро делятся им.

В этом рассказе мне совсем не хочется ставить точку. Очень

горько, когда уходят родные люди. Но уже сравнялись по возрасту с Исроэлем тогдашним его правнуки, такие же мастеровые и отзывчивые, как и прадед (в иврите для прадеда есть очень красивое слово «саба-раба», буквально — «большой дед»). Уже в голове моего внука постоянно рождаются и живут какие-то необычные идеи, которые он тут же своими руками спешит воплотить. Как и прадед Григорий.

Туня и Григорий Пензур.
Фото из архива семьи Пензур.

А на мецейве (плите) на могиле моего отца высечено два имени: одно, под которым он жил, — Григорий, второе, данное ему при рождении, Цви-Гирш бен Исроэль.

Человек жив, пока его помнят. А в том, что Пензура не забыли в поселке, я убедилась, побывав в Соцгородке. Знакомые и даже незнакомые люди останавливали меня, чтобы сказать добрые слова об отце. Я очень признательна им за это.

После опубликования статьи о моей семье в «Биробиджанер штерн» произошло вовсе невероятное. Неизвестная мне ранее русскоговорящая ветвь семьи Пинзур помогла связаться с представителями нашего, как оказалось, огромного семейства, разбросанного по всему свету. Это потомки тех, кто эмигрировал в начале прошлого века из Дубровны, сохранив тем самым свою жизнь, все оставшиеся в Белоруссии погибли в Холокосте.

Полный тяжелый невод

Отрывок из книги Г. Блоштейна
«Биробиджанские зарисовки»

Блоштейн Гирш Давидович. Родился в 1895 году в семье портного, в местечке Кейданы Ковенской губернии. Поэт, прозаик, публицист, с 1912 г. печатался в периодической прессе, публиковал рассказы и стихи в харьковских и одесских еврейских изданиях. Преподавал в еврейской школе на Кубани. В 1925 эмигрировал в Аргентину, работал учителем, печатался. За подпольную революционную деятельность был выслан в СССР, поселился в Харькове. Автор многих книг. Умер в 1979 году в Черновцах.

Российская еврейская энциклопедия

За обедом в палатке рыболовной бригады колхоза «Икор». Над нами конусообразная сопка, покрытая густым лесом, с вершиной, купающейся в ярком солнечном золоте начала августа. Рядом рукав реки Тунгуски, загороженный в узком месте заездкой — загородкой, обтянутой сетями. Водяная поверхность гладка. Лишь время от времени зарябит рыба. Мелькнет в воздухе серебром и опять погрузится вглубь.

Наш обед — густой борщ из капусты, помидоров и картошки. В колхозе «Икор», как и во всем Биро-Биджане, нынче большой урожай помидоров. На второе — сазан, жаренный в собственном жиру.

Товарищ Пинзур, старейший в бригаде, философствует:

— Кета не плоха, щука тоже неплохая рыба. Но сазан — всем рыбам рыба. У него жиру больше, чем мяса; к тому же он имеет обыкновение плодиться, как некогда мы в маленьких городах. Ну, скажите сами, товарищ писатель, можно ли голодать в Биро-Биджане? Река просится. Хочешь щуку — вот те щука. Хочешь сазана — приходи и бери. Спустя несколько месяцев я предложу

тебе кету. Сам не будешь знать, какой рукой ее брать. Готовь только тару и соль.

На реке взвивается большая рыба. Товарищ Пинзур напряженно повертывает голову к реке. В солнечном сиянии на его голове блестят куски серебра, как чешуя рыбы на реке.

— Это щука, — говорит Пинзур. — Я узнаю по высоте прыжка. У меня в книге записано, как высоко прыгает каждая рыба. Вообще это очень интересно, когда есть время, сидеть на берегу и изучать, как высоко они прыгают.

— Это не только интересно, — прибавляет Блехерман, бригадир рыболовной бригады, молодой широкогрудый аргентинский переселенец, — не только интересно, но и необходимо для того, чтобы знать, как высоко делать загородку. Товарищ Пинзур — большой знаток рыбьего балета...

— Вероятно, старый рыбак еще из дому?

— Нет, мой друг, в Дубровне, в Белоруссии, я не ловил рыбы. Там я помогал ловить простаков в религиозные сети. Я ткал талейсим в некогда знаменитой Дубровинской мануфактурной фабрике. Рыбаком я стал лишь здесь, с этими вашими парнями — с аргентинцами, с Блехерманом, Литевским, Капланом. Они меня втянули в эту работу, они меня подучили.

— Теперь он уже знает дело лучше нас, — перебивает его высокий мускулистый Литевский.

Минуту спустя я уже знаю, что Пинзур не только ткал талейсим, но в годы НЭПа ухитрился уже иметь сапожную мастерскую и поторговывать на базаре. И даже гнать самогон.

Премированный ударник рыбной ловли Пинзур рассказывает о своем прошлом с грустной улыбкой:

— Теперь я вижу, что ошибался значительную часть своей жизни. Что-то мне первое время советская власть не шла в голову. Теперь я знаю, что это моя власть.

Три года назад Пинзур прибыл в Биро-Биджан. Как трудящийся переселенец, он получил избирательное право. И оправдал себя на все сто процентов. Коммунист Литевский и кандидат партии Блехерман не могут нахвалиться охотой и редкой преданностью к труду Пинзура, его изобретательностью в рыбной ловле.

— Должен вам сказать правду, — говорит Пинзур. — Видите вот эту компанию? Вначале я смотрел на нее, как на мальчишек. Но эти парни так со мною сблизились, как дети с матерью, и я их искренне полюбил.

— И мы его тоже.

Пинзур очень доволен своей теперешней жизнью. Всем сердцем полюбил он честную трудовую жизнь.

— Эх, — вдруг говорит он мне, — если бы мои дубровинские могли видеть, как Пинзур едет на самодельной лодочке, тащит рыбу им самим изготовленной сетью и снабжает каждый день колхоз своей рыбой!

Но Пинзур имеет и свои огорчения. Мало оборудования. На самые пустые мелочи приходится ухлопывать целые дни, ездить за ними в Хабаровск.

Рыболовецкая бригада Ильи Блехермана. И.Блехерман слева, в центре, предположительно, И.Пензур, справа его сын Константин.
Иллюстрация из журнала «Трибуна».

— Вот видите, — тычет он мне кусочек коры, который привязывают к краю невода. — Это кора бархатного дерева. До недавнего времени мы это получали с большим трудом и за большие деньги. Как-то раз иду по сопке и нахожу целый лес деревьев с этой корой.

Парни рассказывают, что Пинзур, открыв бархатную кору на сопке, засучил брюки и пустился в пляс.

Под вечер на широкой улице собрание. В воздухе загораются летающие светлячки. В близком поле красное пламя костра возле палатки бригады косарей. После моего доклада выступает секретарь партийной ячейки Словин. Он рассказывает о достижениях и трудностях. В середине его речи я замечаю — поднимаются и уходят Пинзур, Блехерман, Литевский, Каплан.

Я останавливаю компанию:

— Куда? Посидим еще.

Говорит Пинзур:

— Вы слыхали, что сказал в своей речи товарищ Словин? «Завтра-послезавтра, — сказал он, — мы снова будем иметь свежую рыбу для детских ясель». Надо позаботиться, чтобы он не оказался лгуном. И так-таки не послезавтра, а завтра. Ночью ловится всегда хорошо».

Поздняя ночь. Мне не спится. На сердце как-то чудно. С закрытыми глазами я все вижу, как Пинзур стоит по колено в воде и тянет полную тяжелую сеть. А в сети его новая, перестроенная жизнь, здоровая и полная».

Позже в «Трибуне» №9 за 1933 год я прочитала публикацию Блоштейна, в которой среди прочего говорилось: *«Колхоз «Икор» является единственным местом, где почти каждый день подается к столу превосходная свежая рыба. И это потому, что он имеет свою рыболовную бригаду».*

ГЛАВА XI

Семейная история

Рассказав о семье моего отца, я не могу не вспомнить и семью мамы, переселившуюся в Соцгородок с Украины.

Начну с потрясшей меня истории бабушки Мани, Малки Бондарь (урожденной Мурило). Семейная легенда утверждает, что наши корни идут от испанских евреев, из города Мурильо. В то же время есть версия менее романтичная: фамилия обычна для украинского населения района, в котором проживала семья. Никто сейчас не может сказать это точно. Слишком малы были Молка (Маня) 1906 г. р., Абрам 1908 г. р., Шейндл (Женя) 1913 г. р. и совсем маленький Муся, когда оказались в приюте. Их родители с четырьмя старшими детьми были убиты петлюровцами при погроме.

Ольтер и Сурка Снитивкер.
Фото из семейного альбома

Младшие, скорей всего, погибли бы, если бы не мумэ Сурка, сестра отца. Она и ее муж Ольтер Снитивкер забрали четверых сирот из приюта, да еще четверых таких же бедолаг, родных со стороны мужа. Восьмерых детей поставили на ноги, да еще и соседям умудрялись помогать. За доброту и милосердие в Лучинцах, где они жили, Сурку прозвали Пипиха. Кто спасает одну жизнь, спасает

целый мир, а они спасли восьмерых. Благословенна их память! Даже имен бабушкиных родителей мы не знаем точно, предположительно, Фейга и Мойше. Они и есть родоначальники нашего рода.

Известно про них очень мало. Жили в одном из сел Винницкой области. Семья бедная, восемь детей. Ни своей земли, ни жилья не было, поэтому снимали дом там, где дешевле. Глава семьи был столяром-краснодеревщиком, вся мебель в доме сестры была сделана его руками. Мебель добротная, красивая, резная, намного пережившая своего мастера.

Шмиль Бондарь (справа) с Исааком Передниковым. 1939 год.
Фото из семейного альбома

На стене в доме моей бабушки всегда висел портрет тети Сурки, заменившей детям мать и вложившей в них свою душу. Всем дали образование. Маня и Женя учились в местной школе-семилетке, Муся окончил школу и техникум, все дети прекрасно говорили, писали и читали на идише и русском, говорили практически без акцента.

Во время войны Ольтер и Сурка оставались в Лучинцах. Городок обнесли колючей проволокой и превратили в гетто. В доме у них поселились румыны, а сами они ютились в уличном погребе. Посчастливилось пережить оккупацию. Спасло еще и то, что в погребе хранились большие запасы продуктов. Ольтер умер в 1948-м, а Сурка в 1964 г. Похоронены в Лучинцах на еврейском кладбище.

Бабушка Маня избежала гетто, потому что в 1939 году с тремя малыми детьми вслед за мужем Шмилем Исааковичем Бондарем, уехавшим в 1936 году, переехала на Дальний Восток. Несколько дней в Биробиджане, а затем — Соцгородок, куда Шмиль направлен заведующим производством на мебельную фабрику. Семье сначала дали комнату в двухэтажном бараке-общежитии, а затем и квартиру в одном из недавно построенных каменных домов. Вся мебель в доме была сделана руками Шмиля. У Мани была швейная машина, она неплохо шила, одевая своих детей и себя, так справлялись с проблемами. В 1940 году в семье родилась еще одна дочь.

А дальше начинаются вопросы. В руках у меня фото 1939 года. На обороте надпись на ломаном русском, из которой можно понять, что на нем запечатлены дед с другом Передниковым И. С. во время учебы на курсах по механической деревообработке при Семеновском техникуме.

Молодые, красивые, образованные. Вся жизнь впереди. Я попыталась выяснить судьбу дедушкиного друга — и очередное потрясение! Интернет выдал вот эту информацию: *«Передников Исаак Самойлович 1915 г. р. Место рождения — Украина, г. Первомайск Николаевской области. Один из первых стахановцев нашей области, работал в артели им. Димитрова фрезеровщиком, выполнял норму на 530%. В 1941 призван на фронт, п/п 32154. В 1942 году пропал без вести. Радист. Жена Козодой Броня Моисеевна. В Биробиджане проживал по адресу ул. Калинина, 39. Член ВКП(б) с 1938 года»*.

Его имя часто мелькало на страницах газет той поры. Например: *«Стахановец Передников — комсомолец, переселившийся в 1932 году одиночкой, 16-летним подростком, раньше выполнял свою норму на 200 проц., а теперь дает 350–400 проц.»* («Трибуна» № 4, 1936 г.).

Может, его дети, внуки до сих пор живут в Биробиджане и кому-то дорого это фото?..

В 1941 году практически все мужчины ушли на фронт. Как я уже рассказывала, Шмиль из-за проблем со слухом не воевал, а в 1942 г. был призван военкоматом на строительство военного завода в Комсомольск-на-Амуре. Там он погиб от рук бандитов, убивших его из-за хлебных карточек. Так как Шмиль погиб не на фронте,

Маня (Малка) Бондарь с детьми. Примерно 1946 год.
Фото из семейного альбома

помощи от государства бабушка не получала. Работала почтальоном, затем до самой пенсии на мебельной фабрике, растила четверых детей одна.

При всем этом она умудрялась помогать соседям, посылала пожертвования в синагогу. Это милосердие, самопожертвование осталось с ней навсегда. Уже на нашей памяти в доме часто бывали гости, друзья, друзья друзей. Жили неделями и месяцами. Как только готовилось что-то вкусное, обязательно посылалось соседям, урожаем делились с городскими знакомыми. Обязательной считалась помощь одинокой старушке Колтун, как продуктами, так и работой на ее огороде. Рядом с поселком была военная часть, и бабушка с пакетом пирогов у калитки частенько поджидала солдат, чтобы угостить их домашней снедью.

Поиски привели меня к встречам (сначала виртуальным, потом и реальным) с моими родственниками, дальними и не очень, с кото-

рыми я ранее не общалась, но всегда знала об их существовании. И вот мы немалой российско-израильской компанией потомков нашего прадеда Ицика Бондаря собрались в Иерусалиме, у патриарха, самого старейшего в нашей семье Захара Мойшевича (Зелика) Бондаря. Ему накануне исполнилось 90 лет, но у него живой взгляд умных глаз и ясная память. И уже наши внуки, раскрыв рты, слушают рассказ о его родном местечке Озаринцы, о многочисленной родне из той же Винницкой области, рассматривают книгу «Местечко, которого нет» Бориса Хандроса, повествующую об истории штетла и его жителях. На книге дарственная надпись автора.

Озаринцы раскинулись на реке Немия в горной местности в 10 километрах на север от Могилева-Подольского. Год первого упоминания 1431-й. В селе были и костел, и церковь, и синагога. В XVIII в. из примерно 5 тысяч общего населения там жило 753 еврея, у которых в руках были почти все ремесла.

Там жил и был похоронен самый старший из известных нам предков — Ицик (Айзек, Исаак) Гершевич Бондарь (1860–1934). Как писалась фамилия изначально, неизвестно. Встречается и Бондер, и Бондар. Ицик «дер васерфирер» (водовоз) был сам себе и водовозом, и клячей. То есть сам впрягался в бочку и развозил по местечку воду. Когда он, наконец, обзавелся лошадкой, не было в Озаринцах более счастливого человека. Водовоз стоял на одной из самых низких ступеней местечковой иерархии, он не был родовитым (фун дем ихес), а был обыкновенным тружеником, который обеспечивал водой из рынвы все местечко, получая за это плату раз в неделю. Полкопейки за два ведра. И лишь позже он смог встать на ноги, построить дом и обеспечить жизнь семьи. Но в местечке его иначе как реб Ицик не называли. В синагоге ему всегда было обеспечено почетное место возле раввина. Он знал наизусть все разделы Торы и Талмуда, хорошо читал и писал на русском, долгое время служил в царской армии, в драгунском полку, участвовал в Русско-японской войне и общался с самыми уважаемыми людьми в местечке.

Двухэтажное здание синагоги в местечке было построено в XVIII веке. В 1919 г. атаман Петлюра у стен костела призывал жителей бороться за независимую Украину. Затем в городе на митинге выступал разгромивший его Щорс. В 1929 г. началась коллективизация,

а в 1931-м в местечке вспыхнул антиколхозный бунт. Многие сельчане были высланы в Сибирь. В голодомор погибла почти половина жителей села. В 1937-м не обошли стороной репрессии. А в годы войны там было гетто для евреев Бессарабии и Буковины. Мы впервые слышим о гетто в Озаринцах, через которое прошли наши родные.

26 июля 1941 года в местечко вошли румыны, которые в первый день на базарной площади порезали 28 человек. Румыны не расстреливали, они рубили людей на куски, выкалывали глаза. В тот день Зелик успел спрятать беспомощного слепого отца в какой-то укромный закуток на чердаке, получившийся при постройке дома, уцелели оба. Оставшихся в живых евреев согнали за колючую проволоку. Начались мучительные дни в гетто. Людей практически не кормили, иногда смельчакам удавалось выбраться в село и раздобыть немного еды. Еврейские дома в селе были разграблены, из них была вынесена не то что еда, но и вся домашняя утварь. Однако были и такие односельчане, которые вопреки запретам властей пытались помочь соседям.

Из гетто гоняли на работу, на добычу торфа, в Тульчинский лагерь. Изможденные, голодные люди работали по пояс в воде, а румын-жандарм бил их по голове, по рукам. Улучив момент, Зелик еще с двумя узниками сбежал. Одного из них убили, а второго он потерял во время скитаний. В итоге румыны поймали мальчишку и отправили в концлагерь Печора.

Концлагерь в местечке Печора был создан 1 декабря 1941 года. Умерщвляли в нем не газом, а голодом. И какая из этих смертей милосерднее — неизвестно. От отчаяния некоторые пытались бежать: уж лучше скорая смерть от пули, чем долгая и мучительная от голодухи. Лагерь находился в румынской зоне оккупации, на территории так называемой Транснистрии. Тульчинское и другие окрестные гетто по сравнению с этим концлагерем, который заключенные евреи называли «мертвая петля», казались земным раем. Сотни евреев умирали от голода, холода и тифа. Заместитель коменданта лагеря, румын по кличке Лев, ходил с плеткой и собакой, которую мог спустить в любой момент, чтобы она разорвала в клочья свою жертву. Евреи любым путем пытались выбраться из лагеря, но кто попадал в руки полицаям, умирал от побоев. Полуживых — кожа

Захар (Зелик) Мойшевич Бондарь.
Фото из семейного альбома

да кости — людей выбрасывали в сарай, а потом подъезжали сани и на них, как дрова, грузили окоченевшие тела.

Однажды Зелик попал в такую похоронную команду. Покойников сбрасывали в танковый ров за пределами лагеря. Похоронную команду сопровождали два полицая. Улучив момент, когда они отвлеклись на еду, подросток сбежал и спрятался в траву. От слабости уйти далеко не смог, забился неподалеку в какой-то кустарник и уснул. На рассвете его разбудил шум стада. Он вылез из укрытия и попытался заговорить с местными жителями, но они обругали его и пригрозили сдать в полицию. Снова бежал и бродил по незнакомой местности, пока не наткнулся на советских разведчиков. Те взяли его с собой, через сутки вышли к штабу, где его допросили. Беглец был так слаб и истощен, что поверили, что он не вражеский лазутчик, а бежавший из лагеря заключенный. Так он начал свой военный путь.

Первое ранение получил еще до принятия присяги. Автоматной очередью его прошило в области живота. По счастью, пули не задели жизненно важные органы, поэтому ранение было квалифицировано как легкое. Со Вторым Украинским фронтом уже красноармеец Бондарь дошел до Венгрии. Был тяжело ранен в голову и отправлен в тыловой госпиталь в Тбилиси. В результате этого ранения

он ослеп на один глаз, частично оглох на одно ухо и был признан годным к нестроевой службе. На деле это означало — сапер Третьего Белорусского фронта. Задачей саперной роты было идти впереди армии и готовить переправы, мосты. Добровольцем ушел на передовую. Воевал в Восточной Пруссии. В апреле, в самом конце войны, Захар Мойшевич получил еще одно ранение, легкое. После нескольких недель военно-полевого госпиталя вернулся в строй. Войну окончил в Кенигсберге, там и в Пилау боевые действия продолжались еще в июне. А потом началась Советско-японская война, бойцов перебросили на Дальний Восток.

Правда, здесь повезло чуть больше, уже под Читой узнали, что война кончилась. Но состав следовал дальше, до станции «Волочаевка». Здесь их выгрузили и расформировали. Потом был Благовещенск, где грамотных (а Захар Мойшевич со своими семью классами считался таковым) отобрали в военные училища. Но после всего выпавшего на его долю он был так слаб физически, что по состоянию здоровья из училища был отчислен и отправлен на строительство железной дороги в район Красноярска. Для работы с тачкой он оказался пригоден. Позже он был зачислен на курсы паровозников. Работал сначала кочегаром, потом помощником машиниста на паровозе ОВ («овечка»). После полутора лет курсов машинистов работал машинистом на перегоне Сковородино — Ерофей Павлович. Заболел малярией, и его перевели на работу в депо, механиком. То работал, то отлеживался от сильнейших приступов. Врачи велели поменять климат. Только тогда его комиссовали и освободили от службы. За этим последовал переезд и высокая должность в Калуге…

Когда ветеран достал парадный костюм для торжественной семейной фотографии, открылись рты не только у младшего поколения — столько мы увидели наград. А мой сын прикрепляет к пиджаку Захара Мойшевича только что присланную из Белоруссии медаль за освобождение страны. Мы рассматриваем удостоверение на орден Красной Звезды и бережно берем в руки рассыпающиеся от старости справки о ранениях. И расспрашиваем, расспрашиваем, пока мой внук шепотом не упрекает отца, что мы совсем замучили деда. А я еще раз благодарю судьбу за то, что успели, хоть и поздно, услышать, спросить, познакомить детей и внуков с самой Историей.

Абрам Исаакович Бондарь.
Фото из семейного альбома

А потом до поздней ночи сидим на кухне с моим троюродным братом Даниилом и делимся крупицами воспоминаний и знаний о своих дедах.

Его дед Абрам Бондарь — младший брат моего деда Шмиля. Он родился и жил в Озаринцах. В школе Абрам считался одним из лучших учеников. После ее окончания, практически мальчишкой, ведал бухгалтерией районной кооперации, определив себе профессию на всю жизнь. Двадцатилетним парнем в 1934 г. вместе еще с одним братом, Ефимом, уехал в Биробиджан. Здесь работал, создал семью, женившись на Тубе (Татьяне) Геллер, тоже переселенке с Украины. Позже, будучи в армии, попал в Шкотово, где в 1944 г. родился их сын Ян — отец Даниила. В армии Абрам продолжал служить как финансист. После окончания войны с Японией старший лейтенант интендантской службы Абрам Исаакович Бондарь был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизовавшись, уехал в Москву. Работал по специальности, его очень ценили как специалиста. Все годы семья Абрама Исааковича не забывала мою бабушку Маню, и мы, бывая в Москве, обязательно останавливались в их гостеприимном доме. А еще помню посылки из Москвы, присланные Абрамом Исааковичем к Песаху, с такой диковинной для Дальнего Востока мацой.

Даниил загорается мыслью побывать в Озаринцах, где еще сохранилось старое еврейское кладбище, на могиле прадеда. И добраться до Майами, где живут потомки старшего из детей прадеда, Бена, уехавшего в Америку еще в 1917 году. И с Дальним Востоком нас так многое связывает. А я точно знаю, что и в Израиль он еще вернется, потому что здесь обосновалась большая часть семьи... Значительную часть намеченных во время того ночного разговора планов он уже выполнил. И сейчас оказывает мне огромную помощь в издании этой книги...

Через некоторое время моя внучка, выполняя школьное задание после посещения музея «Лохамей гетаот» («Воины гетто»), рассказывает о Зелике, о нашей семье. И это греет мне душу. Значит, не напрасны все мои поиски. Значит, дети будут помнить своих предков и гордиться ими.

А еще благодаря этим поискам у нас теперь есть два очень дорогих «трофея». Это снимки двух близких и дорогих мне людей, которых я никогда не видела раньше даже на фотографиях: моего деда Исроэля Пинзура, одного из основателей Соцгородка, и моего прадеда Ицика Бондаря.

Казалось бы, то, что я рассказала, — история сугубо семейная. Но... Вот это «но» все время не дает мне покоя. Почему мы не расспрашивали своих родных, почему они сами нам не рассказывали о своей жизни? Виденное и пережитое, вынесенное на их плечах не должно уйти вместе со старшим поколением. Внуки не должны повторять, как я сейчас: «Ну почему нам об этом не рассказывали?!»

ГЛАВА XII

Литевский

С главными героями очерка Блоштейна Ильей Блехерманом и Исроэлем Пинзуром мы уже знакомы. Имя Аарона Литевского, одного из первых икоровцев, также не раз встречалось на этих страницах в воспоминаниях С. Герзона, семьи Блехерман. Биробиджанцы помогли мне отыскать его дочь Люсю, живущую в Нацрат-Элите.

Аарон Абрамович родился в Плоцке, в Польше, в семье раввина. У матери было небольшое собственное дело — пекарня. Дети же увлеклись идеями социализма. Аарон был активным участником молодежного движения. Одна из его сестер уехала в Америку, вышла там замуж. Аарон планировал переехать к ней, но по неизвестной причине планы изменились, и он эмигрировал в Аргентину. Оттуда в 1931 году приехал в Соцгородок. За ударную работу не раз награждался, его имя упоминается в «Трибуне» (№ 12, 15 декабря 1933 года): *«6 ноября 1933 года в Москву приехала интернациональная делегация ударников из Биро-Биджана в составе 24 человек, премированных экскурсией в Москву и крупнейшие центры СССР. В составе делегации — рабочие промышленных предприятий, железнодорожного транспорта, совхозов, колхозов и промартелей, а также культработники, красноармейцы и др. Среди них 15 переселенцев-евреев, в том числе 9 переселившихся в Биро-Биджан из капиталистических стран (Аргентины, Франции, Бельгии, Германии и Польши), 5 русских рабочих и колхозников, украинец, кореец, гольд и тунгус»*.

Один из членов делегации — ударник Литевский.

«Среди группы передовиков переселенец из Аргентины, первостроитель коммуны «Икор — Соцгородок» Аарон Литевский. В коммуне он всего два года, но его имя уже мелькает на страницах газет, он «трижды премирован за лучшие показатели работы: на стройке, на сенокосе, а теперь на рыбной ловле».

Биробиджанцы посетили в Москве ряд музеев, Центральный дом Красной Армии, зоопарк, театры. Но основной целью приезда

Делегация из Биробиджана в приемной у Н.К.Крупской. Аарон Литевский второй справа.
Фото из архива Л.А.Литевской.

все же были не экскурсии и развлечения, а задачи идеологические и пропагандистские. Поэтому программа пребывания в столице была очень насыщенной. Делегация приняла участие в Октябрьской демонстрации. Было много встреч на заводах и фабриках Москвы. ОЗЕТ и редакция газеты «Дер Эмес» организовали интернациональный вечер встречи московских рабочих с ударниками Биро-Биджана и крымских переселенческих колхозов. Гостей принимало руководство КомЗЕТа, они были приглашены на встречу с советскими еврейскими писателями и артистами, которая состоялась в помещении еврейского театрального техникума. С большой речью к собравшимся обратился заслуженный артист Михоэлс. 14 ноября члены делегации были приняты Калининым, Крупской, Эпштейном (наркомпрос), секретарем редакции «Правда». Все эти встречи сопровождались обстоятельными беседами о состоянии дел в Биро-Биджане, его нуждах и задачах.

Л. А. Литевская поделилась документами из семейного архива. Среди них фотографии ее отца в Аргентине, с друзьями в «Икоре», с экскурсантами в Москве в приемной Н. К. Крупской.

Вся жизнь А. Литевского оказалась связанной с ЕАО. После окончания сельскохозяйственного техникума в Амурзете он работал в Бирофельде, где женился на учительнице еврейского языка Чарне Данилович. Чарна Исааковна приехала на Дальний Восток после окончания Смоленского еврейского педтехникума и Одесского пединститута. В предвоенные годы молодая пара перебралась на жительство в Биробиджан. Аарон работал на обозном заводе, его жена заведовала еврейским фондом областной библиотеки, преподавала еврейский язык в школе №2, а позже была библиотекарем школы №10.

В Биробиджане семья постоянно поддерживала связь с бывшими икоровцами — семьей Пищиц, семьями Герзон-Браверман и Блехерман. В хрущевские времена, когда полякам был разрешен выезд в Польшу, Аарон с дочерью навещал сестру, жившую в Варшаве, проездом в Москве останавливался у Ж. Коваля, встречался с жившими в Москве коммунарами. Друзья молодости звали его вернуться в Польшу на постоянное жительство, но он отказался. Умер в 1972 году в Биробиджане. Люся Ароновна показала мне вырезку из польской газеты с некрологом, опубликованным его соратниками по молодежному движению, хранившими память о нем все эти долгие годы.

ГЛАВА XIII

Еще один председатель.

Михл Школьник

Михаил Школьник. 1940 г.
Из архива Н.А. Бобылевой

Имя одного из бывших председателей Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся Михаила Давидовича Школьника в области достаточно известно. Как, впрочем, и то, что он начал свою жизнь на Биро-Биджанской земле в 1928 году в Валдгейме. Но мало кто знает о другом факте его биографии: Школьник на своем пути становления руководителем прошел школу коммуны «Икор». Появился он в коммуне в марте 1932 года, позволю предположить, что назначение коммуниста М. Школьника позволяло воплотить в жизнь провозглашенный на Втором Всесоюзном съезде ОЗЕТа лозунг: «Превратим ОЗЕТ в верного помощника партии и советской власти». Кроме того, его успешный опыт организатора в Валдгейме мог бы помочь сгладить шероховатости и разногласия, возникшие в коммуне «Икор — Соцгородок».

Публикация моего очерка о бывшем председателе М. Д. Школьнике на страницах «Биробиджанер штерн» в очередной раз доказала, что газету читают и любят не только в Биробиджане, но и в других городах и даже странах. Вот и в этом случае на статью откликнулась родственница Михаила Давидовича Надежда Александровна Бобылева, живущая в Барнауле. Она записала воспоминания о нем родных и сослуживцев, помогла отыскать личное дело бывшего председателя, хранящееся в архиве Алтайского краевого управления лесного хозяйства, и тем восполнить неизвестные до сих пор моменты в истории всей семьи, внесшей большой вклад в освоение области.

Семья Школьник проживала в городе Екатеринославе (Днепр). Дед Михла был шорником, бондарем, отец, вероятно, тоже занимался мелким ремесленничеством. Такая судьба ждала и детей. Надежда Александровна вспоминает: «Еще ребенком Михаил Давидович был подмастерьем у художника в синагоге, мало кто знал, что он неплохо рисовал, мог любую масляную или акварельную краску по цвету назвать, умел ими пользоваться». Среди документов, присланных ею, оказалась автобиография, написанная рукой самого М. Д. Школьника, так что слово ему самому:

«Я, Школьник Михаил Давидович, родился в 1900 году. До 1914 года я учился в школе, а с 1914 по 1919 работал портным по найму у кустарей города Екатеринослава.

С мая 1919 года по март 1922 года находился в РККА в 402 полку 45 дивизии. С февраля 1922 года по конец 1927 года работал ломовым извозчиком на своей лошади — как кустарь-одиночка. Весь 1928 год я работал председателем кооператива транспортной артели «Возпраця».

С конца 1928 года я переселенец на Дальний Восток. С декабря 1928 г. по октябрь 1929 года работал в должности председателя сельскохозяйственного товарищества «Найланд» в Биробиджанском районе. С ноября 1929 по апрель 1930 года председателем сельсовета «Валдгейм». С апреля 1930 по февраль 1932 года председателем колхоза «Валдгейм». С марта 1932 года по август 1933 — председателем колхоза «Икор» Биробиджанского района. С августа 1933 по август 1934 года — начальник переселенческого отдела Биробиджанского

района. С сентября 1934 года по апрель 1935 года председатель Смидовичского райисполкома ЕАО. С марта 1935 по декабрь 1937 года — председатель Бирского райисполкома ЕАО. С января 1938 г. по конец 1939 года — председатель Биробиджанского райисполкома. С ноября 1939 года по февраль 1941 года директором мебельной фабрики «Им. Димитрова» г. Биробиджан. С февраля 1941 года по май 1941 председатель Облпромсоюза ЕАО».

Итак, на Дальний Восток Михл Школьник с группой переселенцев переехал из Днепропетровска осенью 1928 года. К этому времени он был уже вполне сложившимся, отслужившим армию семейным человеком. Первым его местом жительства стала Кирма (или, как ее называли неофициально, в обиходе, Худзиновка), где весной обосновались несколько переселенческих еврейских семей. В Госархиве Еврейской автономной области хранятся воспоминания Лейбы Школьника, датированные 1935 годом, их записал Григорий Добин, еврейский прозаик, живший в Биробиджане с 1932 по 1940 год. В 2004 году они были переведены с идиша на русский язык Еленой Беляевой. Н. А. Бобылева оказалась внучкой автора этих воспоминаний. Надо ли говорить о том, насколько трогательны эти моменты узнавания, прикосновения к семейной истории, позволяющие больше узнать о родных людях, прожить заново их жизнь: «Это ведь мой дед! Здесь, в Барнауле, его все называли Лев Рафаилович. Он был старше Михаила Давидовича, был его дядей. Родился в Пинске, женился на родной сестре Михаила Давидовича — Михле Давидовне».

Лейба Школьник до переезда в Биро-Биджан работал скорняком, чернорабочим, извозчиком. Он вспоминал: *«В Днепропетровске в 1928 году мы переживали трудные времена. Работы не было. Хуже всего было тому, у кого была огромная семья, как у моего тестя Миши Школьника. Каждый делал что только мог, чтобы заработать на пропитание. Но жизнью это назвать было нельзя. Однажды Миша Школьник принес нам новость, что есть такой край Биро-Биджан, куда принимают еврейских переселенцев. Рассказывают, что край этот уникальный, полон богатств и, говорят, там будут строить еврейское государство. Он стал меня уговаривать туда ехать. Я подумал: «Заработка все равно нет,*

работы нет… Почему и нет? Работать можно зимой на лесозаготовке в Биро-Биджане и заработать неплохо. Обещали нам много, сказали, что и на обратный проезд хватит». Посовещались, решили, что терять все равно нечего, и рискнули. Вместе с еще семью единомышленниками организовали коллектив под именем «Найланд». Председателем выбрали Михаила Школьника. Пока добрались до Хабаровска, пока Михаил и еще один переселенец вернулись из Сибири с купленными лошадьми, наступил декабрь.

Часть первых ходоков, не выдержав трудностей, вернулась, оставшиеся, осмотревшись на новом месте и поняв, что жить можно, весной вызвали к себе семьи, жизнь стала налаживаться». Но устав коммуны, при котором была уравниловка, а доходы распределялись вне зависимости от вложенного труда, не устраивал людей. Первой взбунтовалась и стала уходить молодежь. В итоге имущество разделили и коллектив распустили. Худзиновка же продолжала строиться и развиваться. «К Октябрьскому празднику, когда мы уже перебрались в дома, приобрела вид села. Праздник мы отметили очень весело. Это был первый праздник, который мы отмечали в домах. В этот радостный день мы все собрались на собрание и выбрали совет села. Председателем избрали Мишу Школьника. Имя селу мы дали Валдгейм. Новоизбранному Совету записали в наказ, что мы просим создать здесь, в Валдгейме, к весне 1930 года из всех разрозненных коллективов единый колхоз».

Этому событию союзного значения посвящена заметка: *«7-го ноября открылся третий еврейский сельсовет «Валдгейм», в 12-ти километрах от Тихонькой (пос. Кирма). Валдгеймское население состоит из 190 душ. В поселке выстроено 35 домов. Председателем сельсовета избран тов. Школьник из Днепропетровска. Одновременно с сельсоветом состоялось также открытие еврейской трудовой школы и молочно-производственного коллектива»* («Трибуна» №21, 1929 год).

Весной 1931 года в колхоз прислали молодого агронома, делавшую свои первые самостоятельные шаги Таню Москову. Позже Татьяна Израилевна оставит своим детям подробные воспоминания, в том числе о Валдгейме, его людях и о своей работе. Этими

воспоминаниями любезно поделился ее сын Наум Баскин. Искренность Татьяны Израилевны, внимательность к деталям погружают нас в атмосферу периода освоения области, позволяют представить события и характеры переселенцев. О председателе колхоза она писала: *«Приходил часто Миша Школьник. Это был мужчина лет 40, семейный, бывший ремесленник с Украины, очень красивый, умный и способный человек. Образования у него не было, но знания и культура были. Миша Школьник приходил посмотреть, как идут дела, и помочь. Приходил он еще с кем-нибудь из начальства и с собакой. Забирались мы на чердак, где можно было, спасаясь от жары и мошкары, спокойно посидеть часок и составить план дальнейшей работы.*

Среди переселенцев было много молодежи. Это были боевые парни и девушки, окончившие техникумы — медицинские, технические, педагогические — и ринувшиеся по призыву комсомола строить Дальний Восток. Мы это строительство начали раньше строительства города Комсомольска, и в не менее трудных условиях. Получилось так, что вокруг всеми уважаемого и даже любимого Миши Школьника, председателя колхоза, сгруппировались у руководства женщины. Председателем сельсовета была Мина Шравинская, парторгом Глузман Соня, строгая, уверенная в себе учительница из Гайсина, директором школы-семилетки Сара Красная».

В газете «Тихоокеанская звезда» от 28 марта 1931 года я нашла большую статью, посвященную Валдгейму и Михаилу Школьнику. Ее автор А. Бурский предсказывал: «*О людях артели «Валдгейм напишут книги. И первая глава ее будет посвящена председателю совета артели тов. Школьник».* Именно Михаилу, пишет автор, принадлежала инициатива объединения нескольких разрозненных артелей в единое хозяйство, и само название «Валдгейм» («дом в лесу») — тоже идея председателя. *«Школьник — организатор и вдохновитель артели Валдгейм. Колхозный работник из Школьника вырос в Биро-Биджане. Это биробиджанская продукция. Здесь же, в Валдгейме, в Биро-Биджане он из рабочего активиста вырос в члены партии. (Михаил член ВКП(б) с 1930 года). Он привлекает своим спокойствием и выдержкой».*

Большая статья переполнена цифрами и расчетами, подтверждающими успехи колхоза и его председателя. Но незамысловатый рассказ жены председателя Клары Марковны дает гораздо больше для понимания жизни переселенцев: *«Сначала приехал муж. Здесь он прожил год. Эта работа для него непривычная. В Днепропетровске Михаил работал у подрядчика ломовым извозчиком. Когда он вернулся за нами, то в Днепропетровске встречали его, как вернувшегося с того света. Я никогда не работала на огороде… Первое время было тяжело. Но мучила не работа, а мошка. Она налетала целыми тучами, застилала солнце, набивалась в уши, рот — нельзя даже говорить, слепила глаза… Я несколько раз плакала, а муж ничего, говорил, что не кусают. Сестра его тоже уверяла — а меня не кусают. Сначала верила ему, а потом, увидев однажды распухшую от укусов шею, поняла — терпит. Решила тоже терпеть. Работала, плакала от мошки, а терпела. Второе лето уже было легче»*.

В марте 1932 года М. Школьник становится сначала директором Соцгородка, а затем председателем коммуны, а в августе 1933 года он назначен заведующим переселенческим отделом Биробиджанского района. Через год Михаил Давидович вновь возвращается в Смидовичский район, но уже на должность председателя райисполкома. Среди материалов первого съезда Советов Еврейской автономной национальной области, который состоялся 18 декабря 1934 года, анкеты делегатов — председателя колхоза «Икор» И. Форера и председателя исполкома Смидовичского района М. Д. Школьника. В анкете указано образование последнего — *«нисшее»*, он ударник, член ВКП(б) с 1932 года, проживает в п. Смидович, избирается на съезд, в Совет или исполком в четвертый раз. Карьера для бывшего ломового извозчика без всякого образования довольно успешная.

В Смидовиче он также не задерживается надолго, с апреля 1934 по декабрь 1937 года Школьник председатель исполкома Бирского района.

Вот что писал И.Д. Школьник (думаю, в инициалах ошибка, скорее всего, это Лейб Давидович, который с октября 1934 г. работал инструктором по пчеловодству) в преддверии переписи населения: *«Как труден и приятен путь от извозчика до зоотехника.*

Приехав в 1929 году в Биро-Биджан, я стал заниматься в кружке по ликвидации неграмотности, активно посещать библиотеку и читальню, а уже в 1932 г. получил образование и подготовку в техникум. Закончив учебу в техникуме, я вновь вернулся в Биро-Биджан на работу. Гордость, с которой мы будем отвечать на вопросы переписи — вполне законная. Ведь за прошедшие 10 лет мы стали другими. В нашей семье нет неграмотных, не осталось извозчиков. Я выучился на зоотехника, мой брат Михл сейчас не только грамотен, но руководит целым районом. Он сейчас председатель Бирского райисполкома» («Биробиджанская звезда» от 1 января 1937 г.). В этих словах еще один ответ на вопрос, что заставило евреев ехать в дикие биробиджанские земли.

Об образовании Михаила Школьника я хочу сказать отдельно. Во всех дальнейших документах он указывает наличие у себя неполного среднего образования, я не нашла никаких документов о его учебе, но невозможно не отметить тот факт, что писал он на русском языке практически без ошибок. Эта грамотность не могла появиться на пустом месте у взрослого человека с *«нисшим»* образованием. В 14 лет Михл начал самостоятельную трудовую жизнь, в одной из анкет он указывал, что учился в «народной» школе, полагаю, что, скорей всего, как и все еврейские мальчики, он учился в хедере на родном идише. Так что его грамотность, которую отмечали все знавшие его лично, могла сформироваться только в результате больших усилий по самообразованию.

Поднимаясь на новую управленческую ступень, с января 1938 года Михаил Давидович получил высокую должность председателя Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся. Конец карьеры, увы, очень логичен для того времени, об этом также писала Т.И. Мосткова: *«Узнаем, что Школьник уехал в отпуск, что его телеграммой вернули и посадили»*. 2 июня 1938 года в связи с арестом Михаил Давидович был выведен из состава президиума горсовета, исключен из рядов партии и снят с работы. Но дальнейший поворот его судьбы, скорее, является исключением из правил: так как предъявленные обвинения Школьнику М. Д. при проверке не подтвердились, бюро обкома ВКП(б) в ноябре 1939 г. восстановило его в партии.

«Школьник Михаил Давидович, 1900, урожен. г. Екатеринослава, еврей. Председатель Биробиджанского городского Совета депутатов трудящихся (январь — июнь 1938). Место жительства: Биробиджан. Арестован 02.06.1938 года, 27.10.1939 г. уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения, реабилитирован» (Архивное дело: П-84707).

Должность его, конечно, уже занимал другой человек, и бывшему председателю предложили возглавить мебельную фабрику «Им. Димитрова». С начала 1941 года Михаил Давидович был назначен председателем Облпромсоюза, но занимал этот пост недолго. В июне 1941 г. семья выехала в Днепропетровск. Скорей всего, чудом вырвавшийся на свободу Школьник понимал, что «недоказанность обвинения» легко может превратиться в повторный арест, оставаться в Биробиджане небезопасно, и Школьник покинул его при первом удобном случае. В те времена для выезда из закрытой территории ЕАО требовалось специальное разрешение, поводом для его получения послужило «слабое состояние здоровья жены».

Ни в одной последующей автобиографии и анкете бывший председатель не упоминает факт ареста, указывая, что должность председателя Биробиджанского городского Совета он занимал до ноября 1939 года. Но отъезд из области не уберег его от очередного злоключения. Накануне войны Днепропетровский райком партии направил вновь прибывшего коммуниста с богатым опытом руководящей работы в Сталиндорфский район, где требовался человек на место директора швейно-трикотажной фабрики. Он, еще мальчишкой работавший портным, разбирался в тканях, в оборудовании. Это помогло быстро освоить производство, но недолго продолжалась спокойная жизнь. С началом войны Михаил Давидович отправил семью к сестре в Биробиджан, завод готовился к эвакуации работников и оборудования фабрики. Все, что невозможно было вывезти, подлежало уничтожению. Подробности дальнейшего описывает сам Михаил Давидович: *«8 августа 1941 года, в день эвакуации, из-за отсутствия наличности в банке я разрешил рабочим фабрики в счет их зарплаты (выдать) готовую продукцию фабрики, из-за чего был привлечен к уголовной ответственности по 109 статье Уголовного кодекса (злоупотребление служебным положением*

в корыстных целях) к 3 годам лишения свободы. То есть до августа 1944 года. Срок наказания я отбывал в ИТК-8 в Томской области».

Позже судимость была снята, но попытки восстановить партийность не увенчались успехом. В личном деле коммуниста Школьника оказалось письмо, отправленное, судя по тексту, в 1951 году в адрес Биробиджанского райкома партии с просьбой решить вопрос о партийности. В нем он подробнейшим образом описывает тот суматошный день, завершившийся арестом. За два часа руководство фабрики должно было рассчитать рабочих и отправить их в эвакуацию. В заключение своего рассказа Михаил Давидович пишет: *«При аресте в 1941 году раймилицией у меня был изъят партийный билет. Я считал, что личное дело находится в Сталинодорфском райкоме партии и туда же должен был быть направлен, но оказывается, что личное дело осталось в Биробиджанском горкоме ВКП(б). Было ли решение райкома о моей партийности — мне неизвестно. Я лично до сих пор считаю, что был осужден неправильно, так как мои действия исходили из правильного указания райкома партии, полученного мною со слов секретаря парторганизации тов. Рабинович. На последнем совещании в райкоме партии было указано, что при получении указания об эвакуации все ценности из-за отсутствия подвижного состава должны быть полностью уничтожены, поэтому я считал, что при отсутствии денег в банке для расчета рабочих сделал правильно, выдав рабочим готовые изделия, которые так или иначе должны были быть уничтожены, а рабочим это было единственным источником существования в пути следования»*... То ли личное дело где-то затерялось, то ли никто из работников райкома не захотел брать на себя ответственность в этой сомнительной ситуации, но ответа на свой вопрос Михаил Давидович не получил.

Зная об окончании заключения мужа, Клара Марковна с дочерьми Зиной и Цилей выехали из Биробиджана к нему в Томск. После отбывания наказания Михаила оставили работать в детской колонии № 2, также в должности начальника цеха. В личном деле записаны награды М. Школьника: *«Работая директором мебельной фабрики, за освоение выпуска бесшурупного венского стула был награжден значком отличника промкооперации. 5 ноября 1945 года*

Михля Давидовна и Лев Рафаилович Школьник.
Из архива Н.А. Бобылевой

— в ознаменование 28 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции премировали хромовыми сапогами. 30 апреля 1946 года — премирован хромовыми полуботинками. В 1946 году указом Президиума Верховного Совета СССР награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Жизнь непредсказуема, в одной семье соединилось, казалось бы, несовместимое. В Томске их дочь Циля познакомилась с репрессированным немцем и вышла за него замуж. Младшая дочь Таня, окончив медицинскую школу в Биробиджане, была оставлена в резерве в связи с напряженной обстановкой на границе. В Биробиджане в 1942 году она вышла замуж за офицера СМЕРШа, у них родилось двое детей. В 1945 году, перед войной с Японией, он отправил

семью в Барнаул, сам приехал через год, после мобилизации. В конце 1947 года Михаил Давидович с женой перебирались к ним. После смерти Сталина освободили репрессированных немцев, и Циля семьей приехала к родителям. Так и жили большой дружной семьей.

С этих пор и до выхода на пенсию М. Школьник работал в управлении лесного хозяйства. Обратите внимание на должности, которые последовательно занимал человек, имевший семь классов образования: экономист, главный инженер, начальник отдела переработки Алтайского краевого управления лесного хозяйства. И опять награды: медали «За освоение целинных земель» и «Участнику Всесоюзной сельскохозяйственной выставки», значок «Отличник социалистического соревнования», почетные грамоты, благодарности и премии.

Осенью 1961 года, после смерти Клары Марковны, в Барнаул из Биробиджана переехали сестра Михаила Михля Давидовна и её муж Лев Рафаилович. Оба уже были пенсионерами, продали дом, собрали нехитрый скарб, упаковали ульи с пчелами, которые стали не только любовью Лейбы Школьника на всю жизнь, но и его профессией. В 1940 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве он представлял область не просто как пчеловод, но как инструктор по пчеловодству Биробиджанского района. В центральном журнале «Пчеловодство» был опубликован его рассказ о выставке и пчеловодах области.

В марте 1971 года Михли Давидовны не стало. Немногим пережил ее Лев Рафаилович, в августе 1973 года он ушёл из жизни. Их внучка Надежда Бобылева говорит: «Дядя Миша заменил мне и дедушку, и отца». Понятно, почему так тепло и подробно она вспоминает о Михаиле Давидовиче, одном из самых близких людей в ее жизни.

В начале 1970-х годов начальник управления лесной промышленности Алтайского края Василий Степанович Вашкевич предлагал Михаилу Давидовичу ещё раз написать прошение о восстановлении в партии, обещал дать отличную характеристику и рекомендацию, но тот отказался: *«Не хочу ещё раз через всё это пройти, рассказывать молодым щеглам о пережитом. Я глубоко предан Родине и партии и живу по коммунистическим принципам, но уже не в том возрасте, чтобы стоять, как подросток, и оправдываться»*.

Михаил Давидович Школьник. 1950 г.
Из архива Н.А. Бобылевой

Михаил Давидович и в семье не любил рассказывать о своих перипетиях с арестами, но иногда, по словам Надежды Александровны, «его прошибало». В такие моменты становилось понятно, что воспоминания эти по-прежнему очень болезненны, скорей всего, в его душе осталась обида на несправедливость, но, несмотря на выпавшие испытания, он не озлобился, работал так же добросовестно и честно, как привык работать всю свою жизнь, не изменил свое отношение к людям.

В личном деле М. Д. Школьника хранится несколько стандартных производственных характеристик, написанных в разные годы. В них отмечается его техническая грамотность, добросовестность, требовательность. Но лучше всех официальных характеристик — воспоминания тех, кому довелось с ним работать. Рассказывает Владимир Иванович Цуканов (Барнаул): *«Я познакомился с Михаилом Давидовичем Школьником в октябре 1974 года, когда молодым 26-летним специалистом устроился в управление лесного хозяйства Алтайского края. Это был уже немолодой, невысокого роста мужчина с очень добрыми, внимательными карими глазами. Был очень аккуратен, всегда в наглаженных брюках, отутюженной рубашке с длинным рукавом и обязательно в галстуке. А ещё он носил нарукавники, чтобы уберечь от офисной пыли рукава рубашки. Это было непривычно и умиляло нас.*

По роду своей работы я часто общался с Михаилом Давидовичем. Он отличался работоспособностью, был очень грамотен в технических вопросах, знаком с деревообрабатывающим оборудованием, отлично разбирался в чертежах и технической литературе. К нему можно было обратиться в любое время по рабочему вопросу и получить высокую профессиональную консультацию. Не было случая, чтобы Михаил Давидович позволил себе кому-либо отказать в помощи. Был примером и авторитетом не только для молодых, но и для опытных специалистов. Всегда был вежлив, дипломатичен, корректен».

В этих воспоминаниях встретилась фраза, которая мысленно вернула меня в Валдгейм. Агроном Татьяна Мосткова вспоминала: *«Заглядывал он во все углы и находил всегда что-нибудь, требующее переделки, но не ругался, а смотрел прямо в глаза с уверенностью, что все будет хорошо. И у нас было хорошо…»* Владимир Иванович тоже отмечает: *«Как обычно, всегда находятся какие-то недоделки, нарушения в технологических процессах. Михаил Давидович не был «кровожадным» проверяющим, находил добрые слова, хвалил за успехи. И его старались никогда не подводить».*

В.И. Цуканову, как он выразился сам, «посчастливилось проживать по соседству». Михаил Давыдович и в домашней обстановке не изменял себе: *«Был всегда доброжелателен, миролюбив и общителен. Все, чем бы он ни занимался, делал с энтузиазмом и удовольствием: рубил дрова, чистил снег, ухаживал за садом и т.д. Угощал нас, неопытных садоводов-огородников, выращенным урожаем, делился советами. Изготавливал птичьи домики и кормушки, развешивал их не только на своём участке, но и в ближайших окрестностях».*

И еще деликатно, ненавязчиво помогал молодым в сложных житейских ситуациях, в том числе материальных затруднениях.

Из воспоминаний Н. А. Бобылевой

Дед часто писал письма в Биробиджан на идише. Вероятно, оставшимся там друзьям и родственникам.

Мы часто бывали в гостях у бабушки с дедушкой и дяди Миши.

В рабочие дни ужинали все вместе. Никто не садился за стол, пока не придёт с работы дядя Миша. Я на всю жизнь запомнила семейные обеды по выходным. За стол собирались всей семьёй. Первой начинала ужинать бабушка — это была такая традиция, дань уважения к хозяйке. Рано утром дядя Миша затапливал печь, огонь весело потрескивал, бабушка хлопотала на кухне, по дому разносился пьянящий запах свежеиспеченного печенья. Дед разжигал на улице самовар, заносил в дом, мы усаживались за круглый стол, застеленный красивой скатертью. Бабушка наливала всем чай в чашки с блюдцами, ставила разное варенье, мёд, обязательно колотый сахар и мы пили чай вприкуску.

Были особенные дни, когда в доме дяди Миши собиралась вся большая семья: 9 ноября — в день рождения Михаила Дмитриевича, 8 марта — в день рождения бабушки, в новогодние и Первомайские праздники. Накануне этих дней бабушка много готовила всяких вкусностей: печенье, штрудель, коврижки, тушеного кролика с картошкой, котлеты, обязательно фаршированную щуку и рыбу в сладком соусе. Все родственники собирались на «тёти Манину» рыбу.

Особенными были новогодние праздники. Дядя Миша приносил бумагу, мы с дедом шили из неё пакеты, бабушка полными тазами готовила выпечку, дедушка с дядей ходили на рынок, закупали сухофрукты, арахис, яблоки, конфеты. И потом мы собирали подарки, складывали их в спальне на большой комод. 1 января собирались все дети, внуки, правнуки Михаила Давидовича. Грели руки у печки (зимы были очень морозными), водили носами от заманчивых запахов. Была очень смешная история: самым младшим правнукам дядя Миша вынес сладкие подарки в пакетах, остальные в ожидании. «Дед, а нам?» — «Так вы же сами уже родители!» — «Дед, но мы же тоже твои внуки!» Он пошёл в спальню и вынес тазы с подарками, всех одарил! Затем старшие шли в лес кататься на лыжах, младшие — играть на улице в снежки, кататься на санках, прыгать в сугробы. И потом все разрумяненные и весёлые усаживались за стол. Детям накрывали отдельный стол. В тесноте, да не в обиде! В первую очередь сметали фаршированную щуку, форшмак, ну и далее по списку!

С утра 6 и 7 марта 1972 года бабушка как всегда готовила праздничные блюда, а вечером 7 марта её не стало, не выдержало сердце. Горе потрясло всех. 9 марта мы похоронили нашу Бабушку. Приехав с кладбища после похорон, кто-то с горечью сказал: «Вот и наготовила тётя Маня себе на поминки...»

Оправившись после похорон, дядя Миша поговорил с дедом, и они решили забрать нас с мамой к себе в дом. Дядя Миша работал, дед готовить не умел, земля уходила у них из-под ног после потери заботливой хозяйки. Мама после работы прибегала готовить ужин и обед на следующий день, в выходные убирала в квартире и стирала. У всех детей и внуков есть крыша над головой, а мы на съемной квартире. На том и порешили. Мы переехали.

Немногим пережив бабушку, в августе 1973 года ушёл из жизни Лев Рафаилович, мой дедушка. Дядя Миша заменил мне и дедушку, и отца.

По утрам мы вместе собирались, он — на работу, я — в школу. Зимой на трамвайной остановке он укрывал меня от пронизывающего ветра: расстёгивал верхнюю пуговицу пальто, я утыкалась носом в его шарф, и так мы ждали трамвая.

Когда в школе нам предложили на выбор, какой иностранный язык изучать, английский или немецкий, дядя Миша созвал семейный совет. Предложил изучать немецкий язык, чтобы помогать мне в занятиях.

После ужина он обязательно читал газеты, журналы. Мы выписывали много периодических изданий, больше всех в нашем посёлке. У нас в школе по понедельникам проводили политинформацию, ученики готовились по очереди, мы делали вырезки из газет, рассказывали классу о событиях в стране и за рубежом. Дядя Миша помогал мне правильно читать газеты, находить суть темы и кратко её излагать.

Никогда не забывал о родственниках, друзьях, соседях. Покупал по 30–40 поздравительных открыток на каждый праздник. Вечерами мы все вместе усаживались в большой комнате за стол. Он доставал тетрадь с адресами, мы с мамой на открытках подписывали адреса получателей, а дядя Миша писал поздравления.

Часто, чтобы проверить какую-либо техническую документацию, подготовиться к командировкам или совещаниям, он брал документы домой и допоздна с ними работал. Из командировок всегда привозил нам подарки. И меня научил правильно работать с документацией и различной литературой.

Даже достигнув пенсионного возраста, он не ушёл на заслуженный отдых. Начальник управления упросил его остаться в должности начальника отдела, старшего инженера. У него в подчинении были специалисты с высшим образованием (при его-то 7 классах!), а по возрасту они годились ему в дети и внуки. Мог определить любую древесную породу, знал её характеристики (вот и пригодился опыт, приобретенный в Томской колонии). Он был очень внимателен к молодым сотрудникам, был настоящим наставником. Его просто обожали женщины! Всегда был душой компании, любил хорошие шутки, сам был с хорошим чувством юмора.

Помню, было мне лет 11-12, я научилась кататься на соседском велосипеде, своего не было. И дядя Миша решил, что мне нужен велосипед, чтобы не завидовала соседским ребятишкам. Мы поехали в магазин. А в магазине — отдел с фототоварами, а я мечтала фотографировать! Он увидел мои глаза и… купил мне фотоаппарат! А через месяц всё равно с мамой поехали и приобрели велосипед. Мы вместе сколачивали скворечники для птиц, к зиме готовили для них кормушки. Специально в книжном магазине приобрёл книгу о перелётных и зимующих птицах, и мы с ажиотажем принялись определять, какие же пичужки прилетели к нам подкормиться.

Я очень любила рисовать, и, когда окончила школу, Михаил Давидович предложил мне попробовать поработать в цехе росписи деревянной посуды в лесхозе, который он курировал. Он отлично разбирался в любых красках, лаках (вот вам и опыт работы в синагоге у художника). Задержалась в цехе на несколько лет. Нас, работниц цеха, почему-то именовали в приказах «работник росписи по дереву». Нам это казалось несправедливым — должны именоваться «художниками». Взрослые женщины, проработавшие по нескольку лет, не могли ничего доказать и добиться правильного именования нашей профессии. Как-то, придя с работы, я рассказала дяде Мише о нашем конфликте с начальником цеха и технологом. Ничего

не сказав, он утром ушёл на работу. Через несколько дней принес мне «Единый квалификационный справочник профессий» (заложил закладку на нужной странице). «А теперь в бой, — сказал он мне. — Вы сами должны отстоять свои права, вы члены профсоюза». До сих пор никто не знает, что с лёгкой руки Михаила Давидовича Школьника рабочих росписи по дереву стали именовать художниками росписи по дереву. Это стало звучать гордо!

В январе 1978 года дядя Миша окончательно ушёл с работы, здоровье стало подводить, да и зрение сильно ослабло — катаракта.

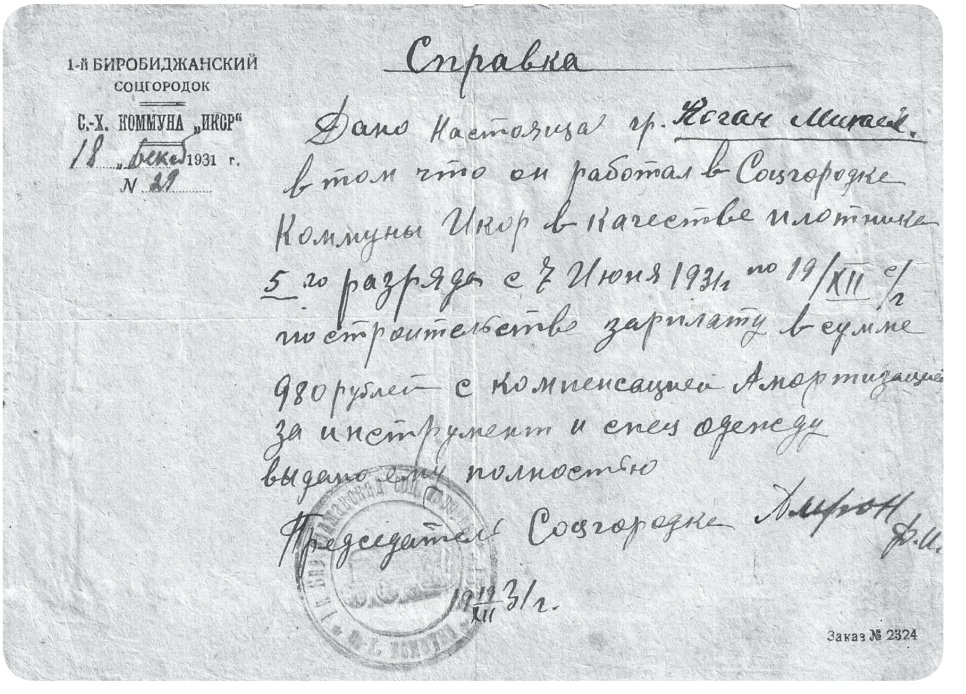
Я повзрослела, вышла замуж, решила получить дополнительно образование художника-оформителя. Во время учебы, в 1981 году, родила дочку Дашу. Но надо было защищать дипломную работу, закончить обучение. Дядя Миша принимает решение: «Лида, увольняйся, поднимай внучку. Проживём на мою пенсию, Наде нельзя бросать обучение». В начале 1980-х годов прилавки наших магазинов стояли пустыми, продукты выдавали по талонам. Для больных сахарным диабетом выдавали в специализированных магазинах дополнительное питание: гречку, сливочное масло, куриное мясо, консервы. Михаил Давидович был болен диабетом и получал раз в месяц эти продукты. В то время ему сделали операции на глаза, нельзя было поднимать грузы более трёх килограммов. Чтобы забрать продукты, он по 2-3 раза за день ездил в магазин на общественном транспорте. Масло, гречка и курица доставались маленькой Даше. Специально ездил на рынок и покупал Даше самые крупные и красивые яблоки. Сам даже кусочка не съедал.

Земной путь М.Д. Школьника завершился в 1986 году. Оценкой прожитой им жизни могут стать слова Надежды Александровны Бобылевой: «Пройдя через все жизненные трагедии, Михаил Давидович никогда не роптал на судьбу, говорил, что жизнь удивительна и прекрасна, и, *если нам посланы испытания, мы должны их пройти с достоинством, без лжи и предательства. Он всегда был честен перед людьми, и в первую очередь перед самим собой*».

ГЛАВА XIV

Один из первых. Моисей Коган

«Накануне Ленинского юбилея, вождя и учителя всего прогрессивного человечества, советский народ сверяет свои дела с учением великого гения. Примером торжества ленинской национальной политики является образование и расцвет нашей равной среди равных дважды орденоносной Еврейской автономной области, освоение которой началось уже в годы советской власти. По призыву партии молодежь, специалисты ехали на Дальний Восток строить города и села, обрабатывать земли в тайге между Бирой и Биджаном». Этот помпезный текст — отрывок из сопровождающей записки к папке с личным архивом Михаила Лазаревича Когана, составленной сотрудником областного краеведческого музея



1-й БИРОБИДЖАНСКИЙ
СОЦГОРОДОК
С.-Х. КОММУНА „ИКОР"
18 „Бекл" 1931 г.
N 29

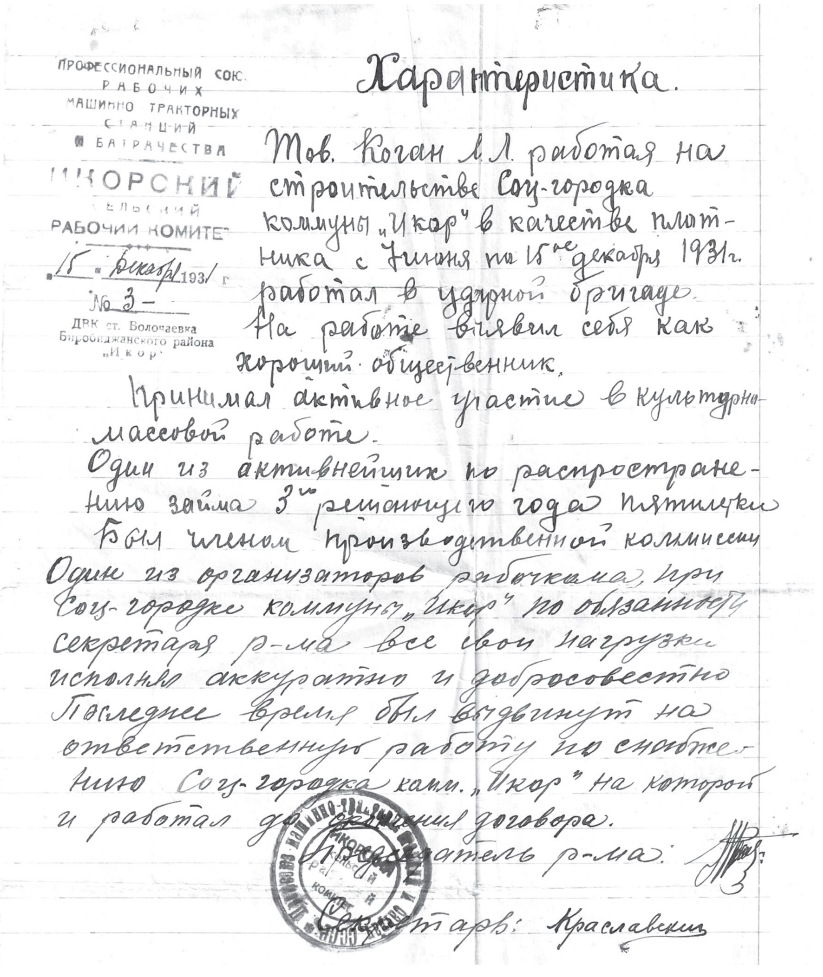
Справка

Дано Настоящая гр. Коган Михаил.
в том что он работал в Соцгородке
Коммуны Икор в качестве плотника
5-го разряда с 7 Июня 1931 г. по 19/XII с/г
по строительству зарплату в сумме
980 рублей с компенсацией Амортизацией
за инструмент и спец одежду
выдано ему полностью
Председатель Соцгородка Амрон Ф.И.
19 19/XII 31 г.

Заказ № 2324

Справка о работе в Соцгородке. 1933 г.
Областной краеведческий музей ЕАО.

Биробиджана. Я просто не смогла не привести этот образец корявого формального языка нашей молодости и свидетельства атмосферы ушедшего устройства общества, который сам по себе сейчас является интересным историческим документом. Попутно замечу, что «неудобное» слово «евреи» даже в Еврейской области автор не употребил, ехали просто «молодежь и специалисты». Можно даже не удивляться, что в тогдашней атмосфере Моисеи превращались в Михаилов, Шимоны в Семенов, Рахели в Раис, и никто не помнит



ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ МАШИННО ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ И БАТРАЧЕСТВА
ИКОРСКИЙ СЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ КОМИТЕТ
15 декабря 1931 г.
№ 3
ДВК ст. Волочаевка Биробиджанского района „Икор"

Характеристика.

Тов. Коган М.Л. работая на строительстве Соц-городка коммуны „Икор" в качестве плотника с 7 июня по 15-ое декабря 1931 г. работал в ударной бригаде. На работе выявил себя как хороший общественник.

Принимал активное участие в культурно-массовой работе.

Один из активнейших по распространению займа 3-го решающего года пятилетки. Был членом производственной комиссии.

Один из организаторов рабочкома, при Соц-городке коммуны „Икор" по обязанности секретаря р-ма все свои нагрузки исполнял аккуратно и добросовестно. Последнее время был выдвинут на ответственную работу по снабжению Соц-городка комм. „Икор" на которой и работал до окончания договора.

Председатель р-ма:

Секретарь: Краславский

Характеристика, данная М. Когану рабочим комитетом коммуны "Икор-Соцгородок". 1933год.
Областной краеведческий музей ЕАО.

названия «Икор» и его уникальной истории, к которой возвращает нас судьба Моисея Когана, фамилия которого упоминалось в книге А. Лейбмана «Коммуна «Икор». Но так как среди евреев Коганов примерно столько, сколько среди русских Ивановых, я долгое время ничего не могла узнать о человеке с такой распространенной в еврейском мире фамилией.

«Судьба Михаила Лазаревича подобна судьбам многих первостроителей», — говорится в записке. Если в «торжестве ленинской национальной политики» можно усомниться, то с утверждением о типичности судеб многих первостроителей нельзя не согласиться. Оказалось, бывший икоровец Моисей Лазаревич Коган был довольно известной в Биробиджане личностью. В 15 лет оставшись без родителей, умерших от тифа в тяжелом и голодном 1920 году, он не был избалован судьбой. Зарабатывал на жизнь тяжелым физическим трудом, был разнорабочим на строительстве завода им. Ворошилова в Донбассе, затем работал в Полтаве ткачем в промартели.

Поэтому парень не побоялся суровости Биро-Биджана, когда по наряду КомЗЕТа 24 апреля 1930 года оказался на курсах плотников в Валдгейме, а затем в «Икоре». В личном архиве Моисея Лазаревича, хранящемся в краеведческом музее ЕАО, 28 документов. Среди них есть уникальные, например, «Довідка», выдал ее «Полтавський округовий Виконавчий Комитет Ради робітничих, селянських та червоноармійських депутатів 31.III.1930 року». Согласно этому документу, товарищ М. Л. Коган направлялся «до Біро-Біджану по наряду КомЗЕТу».

В коммуне Моисей Коган появился не совсем обычным способом. Вот что об этом рассказывал он сам в книге А. Лейбмана «Коммуна «Икор»: *«По наряду ОЗЕТа меня послали на строительные курсы в Биро-Биджан. Теорию и практику мы проходили в колхозе «Валдгейм». Первое время работать было тяжело, не хватало еды. Жилья тоже не хватало. Но та еврейская молодежь, которая понимала цели и задачи, старательно взялась за работу. Тайга нам понравилась. Полноводная Бира и местные озера кишели рыбой. В свободное время мы ходили на рыбалку. По окончании курсов нас распределили: часть людей направили в Амурзет, часть (среди них был и я) остались в Валдгейме. Несмотря на недоверие*

техперсонала, нам все-таки поручили мастерить подводы, чтобы вывозить с полей зерно, затем мы строили шестиквартирный дом. Работа над этим домом доказала, что парни на курсах таки изучали строительное дело.

Затем нас послали в коммуну «Икор». Первое время были задержки с поставкой материалов. Не хватало техперсонала, рабочих рук, особенно квалифицированных специалистов. Чтобы восполнить недостаток стройматериалов, мы сами ходили в лес и рубили деревья. Таким образом, мы, несмотря на все трудности, продолжали работать. Сегодня ситуация изменилась. Стройматериалами мы обеспечены, строим новые здания».

В этой же книге об этом рассказывает один из первых коммунаров Подгорный: *«Зимой не хватало спецодежды, не было рукавиц, валенок. И строители отказались работать. Однако к этому времени подоспели 10 еврейских строителей, только что окончивших курсы строителей в колхозе «Валдгейм». В 45-градусный мороз они отправились в лес рубить деревья, готовить материалы».*

Работа и жизнь с коммунарами так увлекла Моисея, что он стал одним из лучших строителей в коммуне и подал заявление с просьбой о вступлении в нее. Возможно, немалую роль в этом сыграло то, что в 1931 году в коммуну приехала выпускница фельдшерского отделения Гайсинского медицинского техникума Бетя Кивовна Браверман. Поступив на учебу в техникум, Моисей увез с собой из коммуны Бетю и их первенца Лёню, родившегося в 1932 году. Правда, коммуна не осталась без медработника, Бетю заменила ее сестра Сара, окончившая тот же техникум в 1933 году. В характеристике от 15 декабря 1933 года, данной Моисею при отъезде из коммуны, отмечалось, что: *«Тов. Коган М. Л., работая на строительстве Соцгородка коммуны «Икор» в качестве плотника с 7 июня по 15 декабря 1931 г., работал в ударной бригаде. На работе выявил себя как хороший общественник. Принимал участие в культмассовой работе. Один из активнейших по распространению займа 3-го решающего года 1-ой пятилетки. Был членом производственной комиссии. Один из организаторов рабочкома при Соцгородке коммуны «Икор» по обязанности секретаря р-ма. Все свои нагрузки выполнял аккуратно и добросовестно. Последнее время был выдвинут на ответственную*

Выпуск сельскохозяйственного техникума. 2-ой справа в нижнем ряду М. Коган. 1936г.
Областной краеведческий музей ЕАО

работу по снабжению Соц-городка комм. «Икор», на которой работал до окончания договора». Характеристика подписана секретарем рабочего комитета Краславским.

Этот и еще один документ, удостоверяющий, что Коган М. Л. является в коммуне секретарем сельрабочкома МТС и батрачества, приоткрыли для меня еще одну неизвестную страничку в истории «Икора». На бланках угловые штампы, на одном —Хабаровского районного городского рабочего комитета профсоюза рабочих машинотракторных станций и батрачества, на другом — икорского сельского рабочего комитета этого профсоюза. До сих пор документы о работе в коммуне этой организации мне не встречались.

В 1936 году вместе с документом об окончании техникума молодой специалист получил грамоту, которая гласит: «Дирекция

и профком Биробиджанского техникума механизации сельского хозяйства награждает тов. Когана М. Л. почетным званием ударника учебы и общественной работы за отличную сдачу государственных экзаменов». Молодого специалиста направили на работу в Волочаевский свиносовхоз на должность механика автотракторного парка, а после расформирования совхоза — на должность завмастерскими Биробиджанской МТС.

Предвоенный 1940 год отмечен сразу несколькими важными событиями: М. Л. Коган вступил в ряды коммунистической партии, принял участие в работе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки как заведующий машинотракторной мастерской Биробиджанской МТС, а в 1940 году стал директором этой МТС.

Во время работы Моисей Лазаревич хорошо освоил работу локомобилей — передвижных паровых машин для привода различных сельскохозяйственных механизмов и выработки электричества в полевых условиях, работал на дизельной электростанции. Возможно, когда подбирали кандидатуру первого директора биробиджанской теплоэлектростанции, учли его опыт. Директором ТЭЦ он проработал до самого ухода на пенсию в 1968 году.

Хороший хозяйственник, душой болеющий за дело, он пользовался всеобщим уважением не только сотрудников ТЭЦ, но и жителей Биробиджана. Его сын Владимир Моисеевич вспоминает: «С папой невозможно было ходить по городу. На каждом шагу его останавливали, не просто здороваясь, а заводя беседу, рассказывая о своих проблемах или делясь новостями, прося совета. Когда мы пытались торопить его, он всегда отвечал, что он не может иначе, люди хотят говорить, и он не может не отвечать им. Мама называла его «мировой судья».

И в заключение еще такая деталь биографии первого директора. На должность руководителя биробиджанской ТЭЦ Моисей Лазаревич пришел, будучи депутатом Биробиджанского городского Совета депутатов. На этот пост он избирался на протяжении восьми созывов! Такой рекорд депутатского долголетия еще поискать!

Его верная жена Бетя Кивовна следовала за ним: работала в медпункте Амурзета, с 1937 года и до ухода на пенсию — в Биробиджанской санэпидемстанции. За это время семья приросла еще двумя детьми, Владимиром и Ритой (1941–2017).

ГЛАВА XV

Семья Беккер

Очередной рассказ — о нерядовой судьбе еще одной икоровской семьи, оказавшейся тесно связанной с соседним селом. Рассказ, который тоже собирался по капелькам. Истоки его в воспоминаниях моего отца.

Имя Митчелла Беккера было известно мне с детства, но в то же время я не знала о нем и его семье чего-то определенного. Подросток, который жил почему-то у Ильи Блехермана и, соответственно, общался с детьми из семьи Пинзур. А поскольку мой отец был значительно младше Митчелла, то и воспоминания у него были в основном о совместных играх. Что-то дополнили Исаак Ильич Блехерман и старожилы, помнящие эти события, что-то, включая фотографию семьи Беккер, нашла в книге «Забытый Сион Сталина». В целом сложилась очень непростая, если не сказать трагичная, картина. Так бы и осталась эта история недописанной, но в поиски, как обычно, вмешались случай и биробиджанцы, но теперь уже из Нью-Йорка. Николай Бородулин, страстный пропагандист языка идиш и идишской культуры, прислал мне копию газетной статьи двадцатитрехлетней давности.

«Альбукерке Джорнал» 7 августа 1993 года описывает историю Дии Виноград, американки, жительницы Санта-Фе, посетившей далекую неизвестную Россию в поисках родственников, уехавших строить Биро-Биджан более 60 лет назад. Самое удивительное даже не то, что Диа отправилась в это авантюрное путешествие в тысячи миль, а то, что ей удалось найти свою троюродную сестру. В довершение этих самих по себе необычных событий оказалось, что речь идет о так интересующей меня семье Беккер.

Николай Бородулин помог мне связаться с Дией Виноград из Санта-Фе и Аллой Владимировной Баукиной, проживающей в Комсомольске-на-Амуре, —представительницами американской и российской ветвей когда-то единого дерева, имеющего еврейские корни. В совместном общении, выяснении и уточнении отдельных событий сложилась эта история, которую я иногда буду прерывать воспоминаниями Аллы и Дии.

Встреча на Вокзале в Биробиджане.
Из архива Дии Виноград.

С помощью Владимира Белинкера, тогдашнего редактора газеты «Биробиджанер штерн», и старожилов Биробиджана С. М. Неудачиной (Пищиц), М. Г. Варновицкого, иногда встречавшегося с Элизабет в связи с работой в одном ведомстве, и Я.А. Штеймана, учившегося в Биробиджане с Митчеллом, Дии удалось найти следы

родственников. Она узнала о том, что 68-летняя Элизабет живет в Комсомольске-на-Амуре. И вскоре они уже разговаривали по телефону, а чуть позже смогли обнять друг друга.

Приехали, конечно, не с пустыми руками. Что можно было в 1990-е привезти из Комсомольска в подарок иностранной родственнице, кроме семейных фотографий и старых писем? Воображение рисует, как растерянные от нежданного известия, радостные и взволнованные одновременно, они обсуждают этот вопрос в кругу семьи в поисках чего-нибудь особенного, необычного и экзотичного, чтобы не ударить в грязь лицом.

Диа Виноград рассказала: Элизабет и Алла прибыли после 20-часовой дороги в поезде. Они привезли банку икры, коробку конфет, красивый расписной самовар и две огромные копченые красные рыбины, которую в Америке называют рыба-соломон. Встреча была очень эмоциональной. Вновь обретшие друг друга родственники общались четыре дня. Диа рассказывала о Монровии, Калифорнии, Элизабет — о своей жизни. У Элизабет сохранилось письмо, написанное в 1953 году дедом Дии. Среди привезенных фотографий оказалось несколько одинаковых. Одно из писем в архиве Дии было тем самым последним письмом, которое Элизабет написала семье Виноград в 1947 году. Единственным живым родственником в Калифорнии, которого помнила Элизабет, был дядя Дии Самуэль, с которым они, наконец, смогли поговорить по телефону. Это был их первый разговор с 1931 года. Элизабет, конечно, забыла свой английский, разговаривать им пришлось при помощи переводчика Игоря Файмана. Самуэлю в Америке также помогал его русскоговорящий сосед. Но это вовсе не уменьшило эмоций и слез таких далеких, но по-прежнему близких людей! Теперь они уже не теряют друг друга из вида. Памятный подарок, настоящий самовар, и сейчас занимает центральное место в «русской коллекции» Дии.

Диа Виноград рассказывает: *«Я всегда знала о Морисе, Розе и Митчелле и Элизабет. Мы собирали одежду, игрушки и конфеты и отправляли их в Россию, когда я была ребенком. Мы с дядей Самуэлем всегда считали, что это было неправильно, что лишившиеся родителей дети остались в России, а не воспитывались родственниками. Думаю, что эта история очень повлияла на мою жизнь.*

Когда мне было около 20 лет, я приехала жить в Нью-Мексико, потому что хотела жить в сельских общинах хиппи. Я никогда не говорила на идише, хотя и понимала язык своей бабушки. В поездке в Биробиджан у меня был англо-идишский словарь, мне приходилось искать каждое слово, но через несколько дней я с удивлением обнаружила, что могу говорить, не очень хорошо, но достаточно, чтобы общаться. Это было замечательно. С помощью словаря я записала свою речь на идише и смогла прочитать ее на телевидении».

По словам Аллы Владимировны, до встречи с Дией ее мама почти никогда не говорила о своем прошлом, не знали о нем и коллеги по работе. В Биробиджане Элизабет с дочерью встретились не только со своей родственницей, но и с бывшими икоровцами. Подружка по играм в Соцгородке Соня Пищиц (Софья Моисеевна Неудачина) то и дело трогательно повторяла: «А помнишь, когда мы были в кибуце...» Илья Исаакович Блехерман, несомненно, помнил о жизни в коммуне гораздо больше. Он рассказал родным о том, какой интеллигентной женщиной была Роза, начитанной, знающей и понимающей музыку, как она хорошо играла на пианино и всегда устраивала веселые праздники, дни рождения детям. О Морисе, которого в коммуне переименовали в Бориса, о том, какой он был мастер на все руки, как любил выращивать растения и умел правильно ухаживать за ними. Был, как говорится, человеком «от земли», в коммуне вместо агронома. Именно он отговорил правление от безумной идеи посадить на влажных дальневосточных землях и при нехватке рабочих рук три гектара лука. Морис везде старался использовать технику и приучал к этому коммунаров. Вместе с Елизаветой Морисовной они вспоминали о том, как на месте старого свинарника ее отец вместе с заключенными, жившими в селе, разработал большой огород, на котором вырастили отменный урожай, а осенью заложили его в ими же выкопанный погреб. Алле Владимировне очень запомнился Илья Исаакович, то, с каким теплом он вспоминал Соцгородок и своих друзей. Она была поражена тем, что, рассказывая о трудностях, которые пришлось пережить первостроителям, этот немолодой человек сказал с огромной убежденностью: *«Если бы мне предложили прожить жизнь заново, я повторил бы ту, что прожил».*

Диа Виноград отыскала в своих архивах аудиозаписи этих встреч

в 1993 году, которые она привезла из России. С замиранием сердца я слушала рассказ этих пожилых людей о прожитом, знакомый голос Ильи Исааковича Блехермана, до конца дней не избавившегося от характерного акцента, оживленную речь Софьи Моисеевны Неудачиной, поначалу несмелые вопросы Елизаветы Морисовны. Забыв обо всем, о присутствии переводчика и корреспондента, перебивая друг друга, переходя с русского на идиш, вспоминают, вспоминают, вспоминают.

Они уже там, в Соцгородке 1930-х годов, в его атмосфере, трудностях и радостях его жизни. Перебирают былые трагичные и смешные случаи, называют уже знакомые мне фамилии, среди них звучат Исроэль Пинзур, Иосиф Форер, Григорий Костял… Лишь изредка кто-нибудь спохватывается, успевает ли переводчик Игорь Файман записывать и переводить Дии их рассказы. И снова с головой уходят в прошлое. Вот уже Елизавета Морисовна, общаясь с людьми, окружавшими ее в детстве, вспоминает, казалось, давно забытое. Она рассказывает собеседникам о своей семье в Калифорнии, о дороге в Советскую Россию, о Соцгородке и своей дальнейшей самостоятельной жизни.

Итак, история семьи Беккер, приехавшей в Соцгородок в 1932 году из Монровии, что в Калифорнии. Глава семьи Морис, его жена Роуз (Роза Ривкина) и двое маленьких детей Митчелл и Элизабет. Мать Мориса Бесси Беккер эмигрировала из России в США, когда тот еще был подростком. Семья жила в Хартфорде (штат Коннектикут) и зарабатывала на жизнь фермерством. В семье Беккер росло пятеро сыновей и дочь. Старший из сыновей, Самуэль, был довольно известным человеком, ему посвящена статья в Российской еврейской энциклопедии: *«БЕККЕР Самуэль (1882 – 1910, Хартфорт, Коннектикут, США), обществ. деятель. С 1892 — в США. Окончил с.-х. школу (1904), основанную бароном Гиршем, купил ферму близ Хартфорда. С 1905 начал покупать фермы в Коннектикуте для евр. семей, эмигрировавших из России, обучал вновь прибывших фермеров. В 1907 создал в Эллингтоне (шт. Коннектикут) Ассоциацию евр. фермеров, в 1909 организовал и возглавил Ассоциацию евр. фермеров в Америке»*.

Второй сын стал актером еврейского театра, еще один уехал на Аляску, он стал фотографом, некоторые его снимки широко известны.

Диа рассказывала мне: *«Я думаю, что у Бесси Беккер была небольшая ферма. Вероятней всего, земля и несколько коров. Возможно, она имела доход, разделив большой участок и продавая мелкие участки земли. Я выросла на улице, которая когда-то была фермой. Дома были очень близки друг к другу. Дочь Бесси вышла замуж за очень богатого человека, мистера Россоу. Но самая необычная история, несомненно, сложилась у Мориса»*.

В Хартфорде он женился на Роуз, ее семья эмигрировала из Белоруссии, у них тоже была ферма. Через несколько лет молодая семья переехала в Монровию (штат Калифорния). Несмотря на то, что Роуз с головой ушла в политическую работу, трудолюбие и умелые руки Мориса помогали семье решать финансовые проблемы. Жили они на Примроуз-авеню в Монровии, улице, о которой сложена песня «Life is a holiday on Primrose Lane» — «Жизнь — это праздник на Примроуз-лейн». Эта улица не была богатой, но считалась эталоном удобства и стабильности для жизни американцев. Елизавета Морисовна вспоминала, что отец занимался своей небольшой фермой, у них была апельсиновая плантация и деревянный дом — три комнаты и кухня. В доме были все удобства: ванна, канализация, телефон. Не выходя из дома, можно было заказать такси. По утрам разносчики товаров на улице кричали: «Лед, свежая рыба!»

После вояжа в Биробиджан в 1993 году, Диа не могла не поехать туда, где жили Морис и Роуз. Их дом не сохранился, но ей повезло встретить человека, который всю жизнь прожил там. Он хорошо помнил старых соседей и совместные игры с Митчеллом.

Но вернемся к героям нашей истории. Роуз, выросшая в еврейской ортодоксальной семье, вопреки родителям и их вере была настолько увлечена идеями социализма, что порвала всякие отношения с семьей. Если с родителями Мориса молодая пара поддерживала отношения, то бабушку со стороны матери Ида-Элизабет, так назвали Елизавету Морисовну при рождении, не помнит совсем. Родители не одобряли образа жизни своей дочери и никогда ее не навещали. Роуз в своих идеях доходила до фанатизма. Закончилось тем, что после очередной демонстрации она попала в тюрьму и пробыла там довольно долго. Заботу о детях пришлось взять на себя бабушке.

Морис и Роза Беккер со своими детьми Элизабет и Митчелом. Калифорния 1930 г.
Из архива Дии Виноград.

Морис то ли проникся идеями жены, то ли просто смирился с ее образом жизни, тем более что его родные, похоже, так же, как и многие, сочувствовали и помогали ИКОРовскому движению. Как только первая в мире страна социализма позвала создавать и обустраивать новый еврейский дом, молодая семья, в которой к тому времени было уже двое детей, с готовностью оставила свою устроенную жизнь в Америке.

Роза была счастлива своим отъездом в свободную страну и открыто демонстрировала это. Детям купила синюю пионерскую форму, пилотки, галстуки. Морис же, словно предчувствуя расставание с родными навсегда, не мог сдержать слез.

Прежде чем отправиться в Россию, Морис и Роуз продали свою ферму в благодатном южном краю и вернулись в Хартфорд. Понятно, что родители Роуз так и не смогли примириться с решением дочери уехать в Советскую Россию. Родные Мориса также не одобряли их планы, считая, что надо быть сумасшедшими фанатиками, чтобы ехать в Сибирь. Но так как переубедить детей не удалось, семья подключилась к сборам. Морис взял с собой много сельскохозяйственных орудий и инструментов, которые могли пригодиться на новом месте.

Элизабет и Митчел Беккер.
Из архива Аллы Баукиной

Осенью 1931 года отправились в неблизкий путь, сначала прекрасным огромным пароходом из США в Германию, откуда на небольшом судне в Ленинград. Элизабет запомнила бросившуюся в глаза даже ребенку ветхость, ржавчину, скудное питание, селедку, которую она отказывалась есть. Зато в Ленинграде, в Москве им устроили торжественные встречи. На станции Тихонькой на перроне тоже был митинг, играл оркестр.

Морису, свободно владевшему многими языками, предлагали остаться в Ленинграде работать переводчиком, но он отказался. Семья устремилась строить социализм в Биро-Биджане. Из Тихонькой переселенцев направили в коммуну «Икор», в Соцгородок, который только начал строиться. К месту жительства из Волочаевки пришлось добираться на лодке. Семье выделили комнату в новом, только что отстроенном деревянном двухэтажном доме.

Позже Элизабет рассказывала о том, что весь сельскохозяйственный инвентарь, который везли с собой переселенцы, остался в Ленинграде, но вещей все равно было очень много. Родители вложили в сборы все деньги от проданной фермы, везли с собой одежду, постельные принадлежности, меховые зимние вещи и «даже

шелковые платочки». В маленькой комнатке-пенале, выделенной им, для всего этого не было места. Морис собственными руками соорудил стеллажи, которые стали единственной мебелью для семьи.

В Америке еще оставался участок земли, сданный в аренду. Брат Мориса исправно переводил за него деньги. В Хабаровске и Биробиджане существовали магазины «Торгсин», торгующие за валюту. Получая деньги, Морис покупал крупы, муку, масло. Таким образом, семья, в реалиях голодающего Соцгородка вовсе не бедствовала. Тем не менее в этих непростых условиях, да еще при тяжелой работе на свиноферме, социалистический энтузиазм Розы поугас. А главное, действительность оказалась далека от представлений об идеальном социалистическом обществе. Было и воровство, и распри в коллективе, кто-то отлынивал от работы, кто-то спекулировал, используя нехватку продуктов и вещей с целью наживы. Часть переселенцев уезжала в поисках более пригодного для существования места.

Неизвестно, строила ли планы о возвращении семья Беккер, даже если да, им не суждено было осуществиться. Однажды со свинофермы сбежала и утонула в выгребной яме огромная свиноматка. У Розы от пережитых волнений случился сердечный приступ. Спасти ее не удалось. После смерти жены Морис начал распродавать вещи и собирался уехать с детьми к своей тете в Харьков, но не успел. Примерно через год-полтора, в январе он уехал в Хабаровск и назад не вернулся. Говорили, что он заболел и попал в больницу. Только в мае детям сказали о его смерти. Дети — Митчелл (14 лет) и Элизабет (11 лет) — остались сиротами. Младшую Элизабет взяла к себе семья Безверхий из соседней Даниловки. Митчелл после окончания семилетней школы уехал учиться в Биробиджан в железнодорожный техникум, приезжая в коммуну на выходные дни, под опеку молодой семьи Блехерман.

У техникума своя история. 1 января 1935 года в молодом Биробиджане был открыт горно-металлургический техникум, очень популярный среди молодежи. В ЕАО надеялись в ближайшие сроки начать разработку месторождений железных руд, построить металлургический комбинат. Но все изменилось в 1937 году. Директора техникума, выходца из Польши Михаила Лейбовича Полгона, как иностранного шпиона приговорили к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. А техникум в 1939 году преобразовали в железнодорожный.

Фотография учащихся этого техникума, среди которых был и Митчелл, отыскалась в семейном архиве Лилии Израилевны Лисовской. Ее отец Израиль Моисеевич Гликенфрейд преподавал в нем. Техникум перед самой войной военизировали и перевели в Хабаровск. В Биробиджане осталась школа машинистов, а потом не стало и ее.

В конце 1941 года Смидовичский РВК призвал Митчелла в армию. После непродолжительных курсов дорога на фронт. Все это время брат и сестра поддерживали связь, последнее письмо Элизабет получила из госпиталя, где он лечился после ранения. Поиски не дали никаких результатов. Дальнейшую судьбу Митчела помогли узнать документы, выложенные в открытый доступ сравнительно недавно, уже после смерти Элизабет. 18 октября 1944 года Беккер Михаил Морисович, старший сержант, командир отделения, был убит в бою под деревней Будвеце в Литве. Страшная судьба многих парней той поры, не успевших доучиться, завести семью, не успевших жить.

Что же Элизабет? Удочерившие ее заведующая детсадом Валентина Петровна и ее муж, колхозный счетовод Федор Тарасович Безверхий, жили в двухэтажном доме в центре Даниловки. Нижний этаж дома занимала школа, верхний был жилым. В семье было трое детей. Алексей учился в Хабаровске, Андрей окончил речное училище и в дальнейшем работал в Амурском пароходстве, дочь вышла замуж за директора школы и жила в Даниловке.

Елизавета Морисовна очень тепло вспоминает об этой семье. Она не была удочерена официально, но относились к ней как к родной. Заботились не только о том, чтобы она была сыта и одета, но и об ее обучении и воспитании. Еще при жизни отца Лиза перешла учиться из еврейской школы в Соцгородке в русскую школу с. Даниловка. Федор Тарасович помогал ей освоить язык и мечтал о том, что Лиза получит хорошее образование. Но его планам помешала жестокая действительность. Однажды, когда домочадцы мирно обедали, в дом вошли трое и увели с собой главу семьи. Валентина Петровна едва успела сунуть ему в руки одеяло с завернутыми в него попавшимися под руку вещами. После этого были многочисленные поездки в Хабаровск по разным инстанциям и тюрьмам, в которых девочка сопровождала свою «тетю Валю». Все было безрезультатно. Только когда через довольно большой промежуток времени в дом вошла

Семья Безверхих.
Из архива Аллы Баукиной

соседка и передала хозяйке то злополучное одеяло, она поняла, что это конец и искать больше некого.

Сведения о семье, приютившей девочку, нашлись в Книге Памяти Хабаровского края: Безверхий Федор Тарасович, 1888, урожен. с. Терновка Киевской губ., украинец. Счетовод колхоза им. Постышева. ЕАО, Смидовичский р-н, с. Даниловка. Дата ареста 22.11.1937 г. Смидовичским РО УНКВД по ЕАО. Осужд. 31.12.1937 тройкой при УНКВД по ДВК по ст. 58-7 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян 29.01.1938 в г. Хабаровске. Реабилитирован 17.11.1961 облсудом ЕАО за отсутствием состава преступления. Архивное дело П-8285.

Элизабет после окончания 7-летней школы отправили учиться в Биробиджан в педучилище, но случилось несчастье, она заболела менингитом. Ее спас профессор из Хабаровской больницы, но учиться ей запретил. С этих пор начались новые мытарства девочки. В.П. Безверхий к тому времени вернулась к родным на Украину. Алеша,

Лиза с мужем Владимиром Зыковым. 1947 г.
Из архива Аллы Баукиной

которому из-за репрессированного отца не разрешили поступить учиться, работал в райцентре и снимал там комнату. Он взял Элизабет к себе. Но вскоре военкомат призвал его на переподготовку. О судьбе Алексея Федоровича 1916 года рождения, призванного Смидовичским РВК в 1941 г., известно, что замполит А.Ф. Безверхий погиб в бою и захоронен на окраине с. Спартаковка Сталинградской области.

Уехать на Украину к Валентине Петровне, которая звала ее к себе, Лиза не успела, началась война. Ей довелось работать в Даниловке, Волочаевке, на станции Литовко, Комсомольского отделения Дальневосточной железной дороги. Позже девушка вышла замуж за Владимира Николаевича Зыкова. В дальнейшем в документах она — Елизавета Морисовна Зыкова. В 1947 она вышла замуж и переехала с мужем в Комсомольск-на-Амуре, где муж устроился работать на завод электромонтажником.

Американские родственники пытались поддерживать Лизу

посылками с продуктами, деньгами. Но получать в те времена что-либо из-за границы было в Советском Союзе делом практически нереальным и опасным. Обстановка по обе стороны океана вовсе не способствовала общению, постепенно родные потеряли друг друга. Так продолжалось до начала 1990-х годов, до того времени, когда отважная Диа, дочь Виктории, при моральной и материальной поддержке своего дяди Самуэля не приехала в Биробиджан.

Убеленные сединой икоровцы вспоминали свою юность, друзей, называли фамилии людей, работавших и живших рядом с ними. Многие из этих фамилий мы уже встречали на этих страницах: знаменитый свиновод Абрамский, парторг Словин, пожилой уже Пинзур, Ротберг, Брагинские, Шнур, Дон, Аарон Литевский, Зяма Беркович, Прилуцкий, Абрам Коваль с сыновьями, Нина Шейнфельд, китаец Миша Ван Зин Зян, женившийся на еврейке Мане (он учил коммунаров садить картошку глазками, а угощая гостей в доме, показывал, как пользоваться палочками) и многие другие. Много хороших слов сказали об Эдлине. Не могли не вспомнить друзей, пострадавших в сталинских лагерях. Председатель Форер, учитель Вайс из Кировограда, аргентинец Сухой. Ханефта взяли в Биробиджане прямо на улице, парторга Шадойкиса из Даниловки тоже посадили, арестован и расстрелян Миша Шлафит.

Илья Исаакович Блехерман заключил: *«Пережили тяжелые времена. Сначала мы думали, что это правильно, вычищают врагов народа, а потом перестали верить»*.

И подвел итог: *«Когда большой энтузиазм, трудностей не замечаешь. Вы не знали этих людей. Это были патриоты, фанаты, таких людей сейчас нет. Они бы жизнь отдали за социализм. Мы жили в такой вере, в таком духе, что все будут равные, не будет угнетенных. Это как у Кампанеллы, мы строили город Солнца»*.

Обращает на себя внимание то, что при всей тяжести пережитого, никто из ветеранов не высказывал жалоб, упреков и сожаления о том, что им пришлось перенести. Они вполне довольны своей жизнью, активны и деятельны, а самое главное, очень позитивны в своем отношении к миру. Наверное, именно это помогло им не сломаться, выстоять, прожить достойную жизнь и оставить свой след в истории области.

ГЛАВА XVI

Неизвестное об известном. Моисей Бенгельсдорф

Вольф и Мирьям Хараш

Эта история началась не совсем обычно. Ко мне обратился Владимир Михайлович Бураков с просьбой помочь разобраться с историей его дедушки и бабушки, Вольфа и Мирьям Хараш, приехавших в Биро-Биджан из Аргентины, то ли в 1931-м, то ли 1932 году.

Хараш Вольф Исаакович. Биробиджан 1937г.
Из архива Владимира Буракова

Бабушка Владимира, Хараш Мария Зеликовна (девичья фамилия Фрейд), 1906 года рождения. В Аргентину она попала из Польского местечка Бело-Поляско, уехав к старшей сестре, которая не только помогла ей эмигрировать, но и устроила на швейную фабрику. Для этого пришлось исправить год рождения на 1905-й и стать на год взрослее. Фамилия Хараш была мне уже знакома по материалам Первой конференции иностранных переселенцев, состоявшейся 5-6 февраля 1933 года в Биробиджане. В них он упоминался как первостроитель

Соцгородка. *«Велвл Хараш родился в Польше. Переселился в Биро-Биджан из Аргентины в 1932 году. Квалифицированный столяр. 20 июля был выдвинут на ответственную хозяйственную должность в артели. Своим трудом может служить примером всем рабочим. Он везде первый. Принимает самое активное участие в общественной, культурной и политической жизни. Член правления, член культурной комиссии, производственной комиссии, рабкор газеты «Биробиджанер штерн». Принимает активное участие в строительстве, не пропустил ни одного субботника. Бережет имущество артели как свое собственное. К Октябрьским праздникам был премирован книжкой ударника, грамотой и подарком. Кандидат в члены партии»*.

Казалось, все должно становиться на свои места, но в этих же документах приводится выступление В. Хараша, переселенца из Аргентины, где он сурово осуждает «обратников»: *«В основной своей массе иностранные переселенцы привыкают к местным трудностям. Убегают немногие. Они заслуживают наказания»*. При этом указано, что он работает в артели «Мехмебельщик».

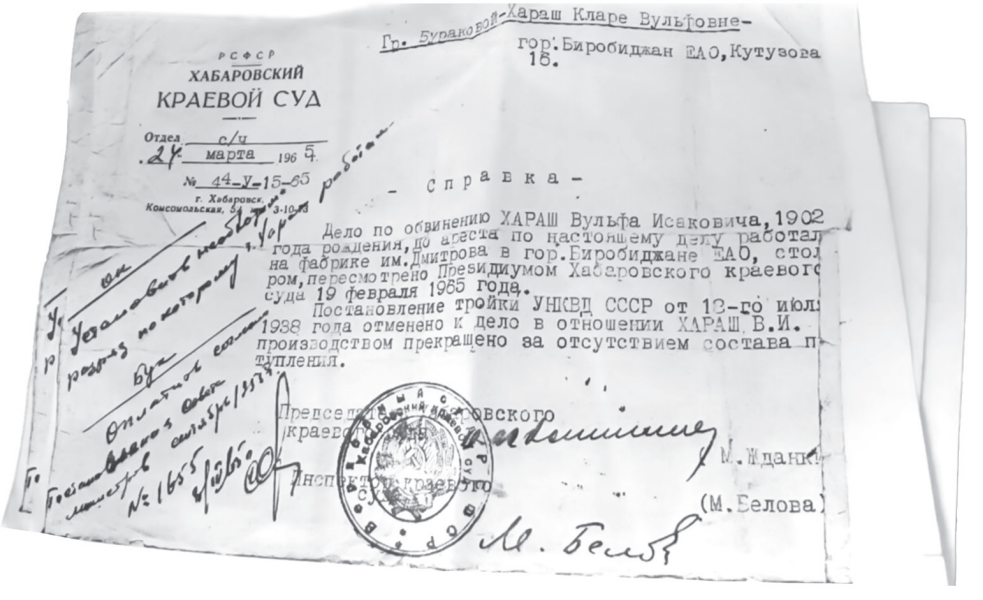
В архиве еврейской истории в Иерусалиме нашлось «Письмо рабочих Биробиджанской мебельной фабрики им. Димитрова к еврейским трудящимся Малина и Житомира», в котором упоминается имя Вольфа Хараша, переселенца из Аргентины. Еще несколько заметок о передовом столяре В. Хараше найдены в различных газетах.

Наверное, не столь важно, в Соцгородке или нет начинали свою жизнь на Дальнем Востоке родные Владимира. Несомненно, одно: они принадлежали к тем первым переселенцам, которые вынесли на себе все тяготы, легшие на плечи первостроителей области. Расплату за свой труд, как и многие другие, приехавшие на Дальний Восток строить свой мир и счастливую жизнь для всего человечества, они тоже получили сполна. Первого октября 1937 года столяр биробиджанской мебельной фабрики имени Димитрова, Вольф Исаакович Хараш, переселенец из Аргентины, родившийся в 1902 году в польском местечке Бело-Поляско, был арестован. 18 июля 1938 г. он осужден по статье 58, п. 10 УК РСФСР и менее чем через месяц, 10 августа, расстрелян в Хабаровске.

А Владимир продолжает рассказ: *«Вместе с дедушкой арестовали мужа Цили Вайсерман (его имя мама не помнит) и Макса (он приехал с женой из Франции). После освобождения он стал замкнутым, ни с кем практически не разговаривал, ходил все время без шапки, даже в лютые морозы, его я тоже застал и помню»*. Оказалось, Макса помнят многие биробиджанцы, они же рассказали, что в известном фильме «Биробиджан. Биробиджан» Марека Хальтера есть эпизод, где об отце рассказывает сын Макса Шарль Мельман: *«Он был убежденным коммунистом и поэтому загорелся идеей Биро-Биджана. И отправился туда вместе со многими евреями, искавшими возможность создания своего государства. Это был одновременно и еврейский, и коммунистический проект»*. В Биробиджане Макс с завидным постоянством писал письма хаверу Сталину со своими предложениями по улучшению работы и критическими замечаниями, писал на своем родном идише, будучи совершенно уверенным, что «отец народов» сможет их прочесть. Закончилось это тем, что автора вызвали в горком партии и предъявили всю пачку писем, которые, конечно, в Москву, тем более к Сталину, никогда не попали. А вскоре их автор был арестован.

Жен арестованных в течении 24 часов выслали из Биробиджана в Бердичев. Там оказались Мирьям Зеликовна с дочерью Кларой, Циля Мейделевна Вайсерман с сыном и еще одна Мирьям, диктор биробиджанского радио, ведущая передачи на идише, которая приехала с ними в одной группе из Аргентины и фамилия которой стерлась из памяти мамы Владимира. Мирьям Хараш в Бердичиве очень выручил аргентинский опыт, она устроилась работать на швейную фабрику и тем стала зарабатывать на жизнь. Вернуться в Биробиджан им разрешили только перед войной. «Бабушке вернуться в Биробиджан помогла Надежда Константиновна Крупская. Бабушка с тетей Цилей ездили к ней на приём в Кремль, она дала им справку, что те не представляют угрозу для советского государства».

Диктор Мирьям уехала назад в Аргентину, звала с собой подруг, но они отказались, надеясь, что недоразумение прояснится и мужей выпустят. Они вернулись в Биробиджан. «Выяснилось» четверть века спустя. Вольфа Исааковича реабилитировали 19 февраля 1965 года. Постановлением президиума Хабаровского краевого суда дело


Гр. Бураковой-Хараш Кларе Вульфовне-
гор. Биробиджан ЕАО, Кутузова 18.
РСФСР
ХАБАРОВСКИЙ
КРАЕВОЙ СУД
Отдел с/у
24 марта 1965
№ 44-У-15-65
г. Хабаровск, Комсомольская, 64
- С п р а в к а -
Дело по обвинению ХАРАШ Вульфа Исаковича, 1902 года рождения, по которому работал на фабрике им. Дмитрова в гор. Биробиджане ЕАО, стол ром, пересмотрено Президиумом Хабаровского краевого суда 19 февраля 1965 года.
Постановление тройки УНКВД СССР от 18-го июл 1938 года отменено и дело в отношении ХАРАШ В.И. производством прекращено за отсутствием состава п тупления.
Председатель Хабаровского краевого суда
М. Жданк
Инспектор краевого суда
(М. Белова)

Справка о реабилитации. 1965 г.
Из архива Владимира Буракова

было прекращено за отсутствием состава преступления. В свидетельстве о смерти, выданном семье ЗАГСом Центрального района Хабаровска, нет никаких данных, кроме даты смерти — 10 августа 1938 года. Не указано ни место, ни причина смерти, а сам факт смерти зафиксирован в апреле 1956 года, через 18 лет после расстрела.

24 марта 1965 года Хабаровский краевой суд выдал гражданке Бураковой-Хараш справку о том, что дело Вольфа Исааковича пересмотрено. На справке приписка от руки для бухгалтерии с указанием установить разряд, по которому работал гражданин Хараш, и оплатить согласно постановлению Совета министров. Честно говоря, эта приписка потрясла меня больше, чем справки. Какими деньгами можно компенсировать убийства и разрушенные жизни членов семей репрессированных?!

Мирьям Зейликовне пришлось строить жизнь заново. Со временем она вышла замуж за Соломона Моисеевича Гарба, появились еще дети, новая любимая работа в детском саду, который находился как раз напротив педучилища и относился к промстрахкассе, потом она стала заведовать детсадом №3. Ее подруга и коллега Циля

Мейделевна Вайсерман во втором замужестве стала Аржанской, на ее попечении тоже был детсад — №4, что в Швейгородке. Жизнь наладилась, но фотографии, на которых запечатлены двое красивых и мечтательных молодых людей — Мирьям и Вольф — на пути к новой счастливой жизни в Биро-Биджане, бережно хранятся в семье, напоминая о былой трагедии.

Фотография Вольфа Исааковича без подписи обнаружена в архиве РЭМ, с помощью Владимира удалось вернуть ей имя.

Владимир Бураков перечислял мне малейшие детали из их воспоминаний. Из письма Владимира от 6 апреля 2018 года: *«Они добирались на корабле через Францию. Я слышал об этом от мамы и тети. С ними в одной группе был Вайцехович, позже они жили в одном доме по ул. Димитрова, об этом тоже рассказала мне мама. С бабушкой в одной группе были Бенгельсдорф, Бранс. Каппер Роза тоже из Аргентины, но мама не помнит, в одной ли группе они приехали. Еще родители Майи Меер (фамилия по мужу, девичью мама не помнит). С ними еще Сара и Исаак Пейсахович приехали, он работал на швейной фабрике закройщиком»*. То, что семья приехала вместе с семьей Пейсахович, тоже косвенно указывало на Соцгородок, где среди первых иностранных переселенцев начинали Сара и Исаак.

Моисей Бенгельсдорф

Прочитав, что Мирьям, бабушка Владимира Буракова, приехала в одной группе с Бенгельсдорфом, я свободно вздохнула, самонадеянно решив, что все сейчас встанет на свои места. Семья Моисея Бенгельсдорфа и Любы Вассерман известна далеко за пределами Биробиджана, о ней очень много написано. Их сын Серго тоже очень известный человек, к тому же живет в Израиле, человек он очень активный и публичный, это значило, что не составит труда получить нужную информацию.

Но не тут-то было. Все найденное мной, включая и воспоминания самого Серго Моисеевича, начиналось в основном с рассказа о периоде театральной деятельности его отца. Меня же интересовало, что было до этого. Откуда и почему он попал в Аргентину, когда

В Биробиджане. Моисей Бенгельсдорф и Илья Блехерман.
Из архива Серго Бенгельсдорфа

и где начал свою новую жизнь в Советском Союзе. Авторы всех публикаций отделывались фразой о том, что Моисей в Биро-Биджане был на лесозаготовках. На какие-то размышления навела фотография, присланная дочерью И.И. Блехермана Геней Ильиничной, на которой она, еще подросток, снята вместе с отцом и Моисеем Бенгельсдорфом. Несомненное свидетельство о близком знакомстве этих семей. Это подтвердил и ее брат Исаак Ильич: *«Я знаю, что наши семьи были дружны, что они часто бывали у нас дома, особенно Серёжина мама Люба Вассерман еврейская поэтесса. Они с папой проводили многие часы в беседах на различные темы»*.

Начала искать в этом направлении. Прежде всего послала Серго Моисеевичу имеющиеся у меня фотографии. Оказалось, что снимок, присланный Геней Ильиничной, сделан самим юным Серго.

Фотография, сделанная в Монтевидео перед отъездом аргентинской группы в Биро-Биджан (ее прислал мне внук Моисея

Гольдштейна Ю.Л. Слезкин), нашлась и в архиве Серго Моисеевича. Серго указал на своего отца. На заднем плане, как раз между бабушкой и дедом Юрия Львовича, Моисеем и Бертой, стоит элегантный красавец в шляпе — будущая биробиджанская знаменитость, актер и режиссер еврейского театра Моисей Бенгельсдорф. А в прошлом, которое он готов оставить за бортом океанского корабля, — прозаичный портной, правда, всей душой влюбленный в театр. На других фотографиях Серго Моисеевич безошибочно узнает чету Пейсаховичей, с которыми родители дружили, И. Блехермана, А. Литевского, с которым его отец был знаком еще в Аргентине. Вот так, крошечными шагами, мы продвигаемся к разгадке неизвестного.

В Аргентине. Примерно 1930 год.
Из архива Серго Бенгельсдорфа

К моей радости, Серго Моисеевич соглашается уделить мне время. Больше того, он находит более удобный для меня вариант встречи и привозит дорогой подарок — свою книгу «Жизнь в еврейской культуре», которую он посвятил своим родителям, и фотографии, драгоценные свидетельства их жизни. Мы проговорили больше двух часов, и этого времени оказалось совершенно недостаточно. С Серго Моисеевичем можно говорить бесконечно. Кажется, не иссякнут его истории о родителях, о театре и музыке, об удивительных людях, с которыми свела его жизнь, совместная концертная деятельность, любовь

к идишу и еврейской истории и культуре, которую он пропагандировал всю жизнь и продолжает это делать всеми силами и сейчас. Сын этих замечательных людей не менее талантлив, чем его родители. Из-под его легкого пера вышло много публикаций, он член Правления Союза идишских писателей Израиля. Концерты, ученики, журналистская работа, клуб любителей идиша — пенсионером на лавочке Серго Бенгельсдорфа представить совершенно невозможно.

Но главной целью нашей встречи было попытаться восстановить историю жизни его отца Моисея Абрамовича и связь с коммуной «Икор». Мы сопоставляли факты и даты, воспоминания Серго Моисеевича и детей других «икоровцев». Вот что получилось в итоге. Родился Моисей Бенгельсдорф в Польше, в городке Ломжа, в 1900 году (хотя по паспорту его год рождения был записан 1896). Как и многие соседские дети, он очень рано начал работать и помогать семье, обучившись портняжному делу. Во время Первой мировой войны семья перебралась в Украину, в Проскуров. Там и вовсе пришлось работать грузчиком. После войны родные вернулись в Ломжу, где и погибли во время Холокоста от рук фашистов.

Моисею избежать этой участи помогла эмиграция. Из Проскурова он планировал перебраться в Америку, где уже жили родственники. Но пути эмигрантов, может, в силу их малограмотности, были очень тернисты. Вот и Моисей оказался почему-то в Аргентине, в Буэнос-Айресе, где у него не было ни родных, ни знакомых. Подобная история не единична, о таком я слышала и от других семей. Наиболее вероятно, что причиной изменения маршрута были ограничения на въезд эмигрантов из ряда стран Восточной Европы, введенные в 1921 и 1924 годах в США (т. н. законы Джонсона). Именно они привели к тому, что основной поток эмиграции из Восточной Европы был перенаправлен из США в Южную Америку.

Со своей специальностью подмастерья портного Моисей устроился шить на хозяина и неплохо обеспечивал себя материально. Постепенно встал на ноги, вечерами появилось время для участия в работе самодеятельного еврейского театра, созданного, скорей всего, при Бунде, организации, очень трепетно относившейся к развитию еврейской культуры. Парню очень нравилось это занятие, к тому же у него обнаружились неплохие актёрские способности.

Любительский театр в Аргентине.
Из архива Серго Бенгельсдорфа

Но начавшийся мировой кризис вновь поднял его с насиженного места, оставаться без постоянной работы здоровый молодой человек вовсе не собирался. Кроме того, он наивно рассуждал: если, работая неполную неделю на хозяина, он в состоянии обеспечить себя, то как же хорошо можно будет жить в свободной справедливой стране всеобщего равенства, где безработицы вовсе не существует.

Рассказывает Серго Моисеевич: *«И тут приехали из Биро-Биджана зазывалы, обещая еврейский социалистический рай, где человек человеку брат, где нет безработицы, где евреи будут строить свою страну. На пароходе, который вышел из Буэнос-Айреса, было много переселенцев, среди них Блехерман, с которым папа был дружен в Биро-Биджане. Встречаясь, они говорили по-испански. Они прибыли в Ленинград и оттуда поездом ехали на Дальний Восток. Аргентинцы все попали в Волочаевку, в коммуну «Икор», их отправили в тайгу на лесоповал. Конечно, воспоминания об этом периоде жизни у папы были не лучшие. Как он попал из Волочаевки в Биро-Биджан, не могу точно сказать».*

Его слова о коммуне подтверждают воспоминания Мари Ледер, которая попала в Соцгородок вместе с родителями в 1931 году и через непродолжительное время уехала оттуда к родственникам в Москву. В своей книге «Моя жизнь в Сталинской России» она пишет: *«Билеты были готовы и зарезервированы на экспресс Владивосток — Москва на следующую неделю, для меня и для М. Бенгельсдорфа, аргентинца из коммуны «Икор», который был принят в еврейскую театральную школу в Москве. Мы встретили Бенгельсдорфа после прибытия в коммуну, как раз перед тем, как он уехал в Тихонькую, чтобы решить свои дела. Мои родители попросили его попытаться устроить мою поездку вместе с ним, для них было облегчением знать, что мне не придется совершать эту поездку самостоятельно».*

Что способствовало отъезду Моисея из Соцгородка и какие дела его ждали в Тихонькой, можно только предполагать. Вероятно, это было связано со следующими событиями: 22 июля 1931 года состоялось расширенное заседание Президиума Далькомзета под председательством тов. Крутова, одним из главных вопросов, рассматривавшихся на нем, был Соцгородок, проблемы строительства и положение иностранных переселенцев в нем. Среди принятых решений было: «*Предложить правлению правильно использовать труд новых переселенцев, особенно заграничников, не допуская использования труда квалифицированных на неквалифицированной работе, кроме особенно экстренных случаев»*. Возможно, выполнение этого решения содействовало тому, что Моисея Абрамовича направили в Тихонькую, тем более что 25 июля там *«открылись 12-дневные курсы по подготовке руководителей для драмкружков при совхозах, колхозах и предприятиях»*. Руководили этими курсами находившиеся в Биро-Биджане на творческой практике студенты театрального техникума, который действовал при ГОСЕТе.

Кроме курсов, на которых обучается более 20 слушателей, *«в Тихонькой организуется опорный образцовый драмкружок»* («Трибуна» № 22-23, 1931 год). По воспоминаниям Серго Моисеевича, его отец до поступления в театральный техникум руководил какой-то самодеятельной студией, только какой, он точно не знает. Может, эти скудные сведения хоть немного приближают нас к пониманию того, как Моисей оказался в Москве у великого Михоэлса.

Бенгельсдорф уезжал, уже зная, что после окончания учебы он должен вернуться работать в Биробиджан. Именно это дает мне основания связать его отъезд с еще одним событием. В 1932 году группа из 13 студентов театрального училища при Московском ГОСЕТе приехала на Дальний Восток на студенческую практику. Будущие артисты побывали во многих колхозах, воинских частях. Во время этой поездки был подписан договор о том, что после окончания учебы студенты вернутся всем курсом в Биробиджан. После театрального училища молодых актеров решено было оставить на год в Москве для подготовки репертуара. Тогда же к выпускникам присоединились несколько актеров из других еврейских театров. Подтверждением этому служат некоторые документы из архива ОЗЕТа.

Латнер С.М. 14/06-33
ИНО МОСОБЛИСПОЛКОМА

Предъявитель сего гр. Латнер С.М. по содействию Аргентинской организации «ПРОКОР» приехал в апреле 1932 г. в СССР для работы в Биро-Биджане, где проработал по 26/09-1932 г. и был командирован в Московский еврейский театральный техникум в качестве студента, где и сейчас находится. Просьба оформить гражданство гр. Латнера.

На руках у гр. Латнера имеется польский паспорт.

ОТВ.СЕКРЕТАРЬ КомЗЕТ:
/Д. Барщевский/

Тов. Липскому С.О.
г. Смоленск,
Воровского 3, кв.10
Копия — ЗапОблкомзету.

Ваше предложение поехать на работу в Биробиджан нами принято к сведению.

Еврейский Биробиджанский театр, который сейчас организуется в Москве, выразил свое желание вести с Вами переговоры о работе в этом театре.

В Биробиджан театр выезжает в марте 1934 года.

Вам необходимо связаться непосредственно с директором театра т. Казакевичем

по указанному адресу: Москва, Трехгорный п., д. 4 — театр им. Ленина.

Дир. Б.Б. театра т. Казакевичу.

ОТВ. СЕКРЕТАРЬ КомЗЕТ:
/Д. Барщевский/

В мае 1934 года театральная труппа с уже готовыми спектаклями приезжает в молодой город, в котором даже еще не построено театральное здание. На торжественном открытии Биробиджанского еврейского государственного театра, которое состоялось 13 мая, присутствуют не только руководители области, но и представители краевых организаций. Вместе с театром возвратился в Биробиджан начинающий актер Моисей Бенгельсдорф. В его жизни произошли значительные перемены, он не только приобрел новую любимую профессию, но и привез в город молодую жену, поэтессу и журналистку Любу Вассерман. Любому уважающему себя биробиджанцу сейчас знакомо ее имя, ее стихи о родном городе и ее нелегкая судьба. Уже тогда за плечами этой молодой женщины была эмиграция в 1926 году из польского местечка Славатич, где она родилась, в Палестину к жившему там брату Иосифу. Тяжелая физическая работа не помешала ей выпустить там свою первую книгу стихов «Фарнахтн», а борьба с английскими властями и участие в демонстрациях привели к нескольким арестам и к высылке в 1931 году. С помощью МОПР (международная организация рабочего движения) Люба приезжает в Москву, где во время учебы на рабфаке при еврейском отделении Московского университета она и познакомилась с Моисеем.

Понятно, что появление своего театра стало очень значимым

событием в истории города, к тому же оно совпало с провозглашением Еврейской автономной области. Биробиджанцы не пропускали ни одного спектакля, знали наизусть весь репертуар, обсуждали театральные новости. Театр любили, им гордились, он дарил городу праздник. В те трудные годы 13 марта 1935 года президиум облисполкома Еврейской автономной области ДВК принимает постановление *«Об улучшении материально-бытовых условий артистов Еврейского Гостеатра»* за подписью председателя облисполкома ЕАО Либерберга и секретаря Когана. В нем говорится:

1. В целях улучшения материально-бытовых условий артистов построить в Биробиджане в 1935 году один жилой дом, ассигновав на строительство дома 160.000 руб. Поручить директору Гостеатра т. Корману немедленно приступить к подготовке к строительству. Горсовету т. Морейко немедленно отвести участок для строительства дома.

2. Для снабжения артистов литературой отпустить 5000 руб. на покупку и выдачу литературного пайка.

3. Предложить директору Пищеторга т. Паластину и директору Промторга т. Равинскому выделить продовольственных и промышленных товаров на 12.000 руб. для снабжения артистов.

Молодому театру уделяется большое внимание и поддержка со стороны прессы.

4 мая 1935 года коллектив приезжает в отпуск в Москву. МосОЗЕТ организовал встречу труппы с еврейскими писателями, журналистами, представителями КомЗЕТа и ОЗЕТа. В выступлениях говорится о том, что вопреки сомнениям скептиков и всем трудностям, которые приходится преодолевать театру, он «является значительным культурным фактором в жизни трудящихся области», коллектив театра связал себя с областью, молодой творческий коллектив доказал, что в среде его имеются незаурядные актеры.

Газеты отмечают, что второй сезон театр начал во всеоружии, пополнив свою труппу старыми опытными актерами из разных городов Советского Союза и подготовив новые спектакли.

Шмуэль Клитеник в «Трибуне» № 14 за 1937 г. пишет: *«С первого*

дня своего существования театр находится в авангарде культурного творчества Еврейской автономной области. Биробиджанский театр ровесник Еврейской автономной области. Вместе они росли, развивались, делили все трудности, радости и печали».

Таким образом, первые годы жизни молодоженов в Биробиджане довольно безмятежны и счастливы. Любимая работа, семья, друзья — что еще нужно человеку?

В 1937 году в молодой семье родился сын Серго. Слово ему: *«Меня часто спрашивают: откуда у человека из еврейской семьи такое странное имя — Серго? Как рассказывали мои родители, они собирались назвать новорожденного красивым еврейским именем деда (маминого отца) — Шамай, что отвечает нашим традициям. Но в советские времена не всё решали родители. Маме в роддом позвонил Эммануил Казакевич, будущий знаменитый русский писатель, поздравил с рождением сына и среди новостей сообщил о кончине Серго Орджоникидзе, который был очень популярен в народе. Мама выразила соболезнование и сказала, что она уверена в рождении новых Серго. На следующий день в «Биробиджанер штерн» появилась заметка: поэтесса Люба Вассерман родила сына и назвала его в память Орджоникидзе. Именно в этот год безумство сталинского режима достигло апогея. Люди тысячами исчезали по ночам из своих квартир и больше никогда уже не возвращались. Как считала мама, я был ее спасителем, потому что с грудными младенцами на руках не арестовывали. А папа, когда ему сообщили по секрету добрые знакомые, что за ним должны прийти, срочно уехал, будто бы на курорт, и более года не появлялся в Биробиджане».*

Так что для театра и актеров, как и для области и ее жителей времена бывали разные. От взлета, когда на премьеры съезжались известные театральные деятели чуть ли не со всей страны, до репрессий, когда в 1938 были арестованы один за другим два его директора: Натан Израилевич Корман и Натан Григорьевич Вайнгауз. В журнале «Лехаим» (№8 2008 г.) опубликованы воспоминания об этом времени бывшего актера театра Мотла Сироты: *«И пошло… Каждое утро встаешь и узнаешь, что арестовали одного,*

другого... А город ведь маленький. И арестовывали людей заметных... Арестовали нашего артиста Фейгина. Это был страшный удар для театра — добираются и к нам... Мы начали волноваться за свой театр. Не знали, кого могут забрать завтра. Смотрели друг на друга, как враг на врага, и каждый думал, неужели среди нас имеются враги народа. Ведь мы друг друга как будто бы хорошо знали и не верили, что среди нас есть люди, которых надо арестовать... Не верили, но людей арестовывали. И каждый поневоле думал, что ждет его завтра...» Обстановка накалялась, и все понимали, что надо быстрей уезжать подальше из города. Поэтому очень кстати пришлись путевки, полученные от обкома профсоюза. *«Сообщили, что меня не поставили в известность заранее, так как собрание — неплановое. Получено письмо обкома профсоюза по вопросу путевок на текущий год, и местком решил рассмотреть этот вопрос. Я, конечно, понял, почему такая спешка: каждый хотел поскорее получить путевку и побыстрее уехать из Биробиджана...»* Чуть позже театр спешно выехал на длительные гастроли, чему все актеры были несказанно рады. В эти страшные времена были арестованы не только официальные лица, репрессированы были многие зрители, все меньше оставалось биробиджанцев, владеющих родным языком.

С трудом и лишениями театр пережил войну и первые послевоенные годы. Актеры частенько работали без зарплаты. Люба в эти годы работала на радио, делала литературные программы на идише, печаталась в «Биробиджанер штерн» и в альманахе «Биробиджан». Вот мы и добрались до «мамэ-лошн», языка идиш, на котором говорила большая часть жителей Биробиджана, на котором говорили в родительском доме Серго и который он изучал с 1944 по 1949 год в школе. Идиш — это любовь на всю жизнь, за которую он благодарен родителям и Биробиджану. Я спрашиваю у Серго Моисеевича, откуда у местечкового портного Мойше богатый литературный идиш? Известно же, каждый еврей считает, что только его идиш правильный, потому что так говорили в родном доме, а сколько местечек, столько языковых вариаций. Ответ короткий и убедительный: школа Михоэлса. Знаменитый актер и режиссер был очень требователен к своим питомцам и не терпел никаких речевых

ошибок. И тут же рассказывает случай, произошедший в Кишиневе, когда Серго привел своего знаменитого папу на спектакль еврейского театра, а тот после спектакля устроил безжалостный разнос актерам именно из-за их недостаточно правильного идиша. Но не просто высказал замечания, а согласился, жертвуя своим отпускным временем, провести с ними несколько занятий, чтобы помочь исправить ошибки.

Я намеренно не касаюсь в своем рассказе репертуара Биробиджанского театра. О спектаклях театра очень много и профессионально написано и специалистами, и людьми, которым повезло их видеть. Но, рассказывая о М.А. Бенгельсдорфе, обойти эту тему невозможно. Поэтому я вновь обращаюсь к Серго Моисеевичу. Кто может описать театральную жизнь лучше него, выросшего за кулисами. В то время, когда Любовь Шамовна вечерами была занята на работе, он отправлялся с отцом в театр. *«В детстве я пересмотрел все спектакли этого театра, а многие из них запомнил почти наизусть, потому что папа брал меня с собой даже на репетиции. Помню «Колдунью» Гольдфадена, «Двести тысяч», «Тевье-молочник», «Стемпеню» Шолом-Алейхема, «Уриэль Акоста» Гуцкова, «Восстание в гетто» Галкина, «Бойтрэ», «Бар-Кохба»... Были и пьесы современных биробиджанских авторов: «Милк ун hоныk» («Молоко и мед») Эммануила Казакевича, «Эр из фун Биробиджан» («Он из Биробиджана») Бузи Миллера. По моим детским понятиям, это был замечательный театр с яркими актерами — воспитанниками Михоэлса, с изобретательной режиссурой (среди которой выделялись спектакли Гольдблата), с талантливой сценографией и профессионально крепким оркестром. Зрительный зал был всегда заполнен, спектакли принимали с большим энтузиазмом»*. Эти слова могли бы подтвердить все старые биробиджанцы. Стоит им вспомнить родной город, разговор обязательно зайдет о театре и любимых спектаклях.

25-26 июня 1949 года в Биробиджане состоялась 7 партийная конференция «О задачах областной парторганизации по развитию экономики и культуры». По иронии судьбы, проводилась она как раз в здании Биробиджанского государственного еврейского театра им. Кагановича. Маленький городок, в котором все знают всех

и в котором слухи разносятся очень быстро, затих в тревожном ожидании. И последствия не заставили себя ждать. То, что случилось дальше, старожилы-биробиджанцы называют одним страшным словом — «погром». А как еще можно назвать костер из книг еврейских авторов, писавших на родном языке, горящий во дворе библиотеки им. Шолом-Алейхема на улице Ленина в Биробиджане, столице еврейской области? Закрыли еврейские библиотеки и школы, постарались выкорчевать память о языке и его носителях, обезглавили газету «Биробиджанер штерн», арестовав ее главного редактора Бузи Миллера. Арестовали не только руководителей области, но и еврейских писателей: Сальвадора Боржеса, переселившегося в ЕАО из Бразилии, и Гешла Рабинкова, работавших в Биробиджане с 1935 года; Бера Слуцкого и Исроэла Эмиота, приехавших в послевоенные годы; ведущего актера БирГОСЕТа Файвиша Аронеса и поэтессу Любу Вассерман. Все они проходили по так называемому «Биробиджанскому делу». «Враги народа» и «буржуазные националисты», вся вина которых была в том, что они писали на идише и развивали еврейскую культуру. А Любе, кроме всего прочего, вспомнив ее палестинское прошлое, приписали сионизм.

К концу года закрыли и театр. Официальная причина закрытия: *«Ввиду того, что деятельность театра систематически является убыточной»*. Имущество, декорации еврейского театра с энтузиазмом растащили приезжие гонцы из других театров Дальнего Востока.

Я позволю себе привести здесь строки, которые биробиджанец Яков Дехтяр посвятил занавесу растерзанного театра. В них, на мой взгляд, сконцентрированы любовь и обожание жителей, которые они дарили своему театру и его актерам: *«Когда закрыли еврейский государственный театр, то из занавеса этого театра сшили чехлы для сидений обкомовской машины. Что само по себе было кощунством. Занавес — это не просто высокохудожественная работа мастеров. Занавес — это величайшая часть любого театрального действия. Любой театр, даже самого изысканного великолепия и творческого состава, выглядит сиротой или инвалидом без достойного и немногословного занавеса, который сам по себе уже является произведением искусства. Материя театрального*

занавеса была самой счастливой тканью на земле. Она как бы впитывала волшебное действо артистического перевоплощения из обыденного — в возвышенно-духовное, героическое, сверхестественное или лирическое. То, что заставляло зрителей сопереживать, узнавая в происходящем на сцене себя и друзей, свои чаяния, надежды и мечты…

И этот занавес превратили в чехлы машины первого нового секретаря обкома КПСС ЕАО. В чехлы машины с таким подходящим для этого случая названием — «Победа». Да, это была большая победа сталинской партии над еврейскими «националистами» и «космополитами».

Историю с занавесом Яков узнал, как говорится, из первых уст — от своего «тотыле», бывшего фронтового шофера, а позже водителя обкомовской машины Ефима (Хони) Борунова. Эти чехлы из театрального занавеса упоминал в одном из своих очерков А.Л. Драбкин. Симонов, по словам того же Борунова, антисемит и запойный пьяница, приехавший на смену первому секретарю обкома ЕАО «националисту» Бахмутскому, навел в области порядок — такой, каким он его видел, предав на долгие годы забвению еврейский язык, литературу, еврейскую культуру и мечты переселенцев о своем городе и свободной жизни.

Семьи репрессированных пытались как-то поддерживать друг друга, вместе возили передачи в тюрьму Хабаровска, где почти год томились в ожидании приговора родные. Приговор был очень жесток — 10 лет исправительно-трудовых лагерей, больше шести из которых Люба провела в Тайшетлаге. Хрупкая женщина, оторванная от жизни, от любимых мужа и сына, наказанная за стихи и любовь к Биробиджану. Как перенесла она это безумие, какие силы помогли ей выстоять и вернуться к семье? 14 сентября 1956 года президиум областного суда ЕАО по протесту Прокуратуры СССР прекратил за недоказанностью обвинения дело, по которому была осуждена Люба и ее «подельники». Но что значила эта реабилитация, когда разрушена жизнь? Разве ее можно повернуть вспять?

Моисей оставался на свободе, но в одночасье остался без работы, без жены и друзей, которые во избежание ареста начали спешно покидать Биробиджан. Нужно было как-то жить самому и растить

Серго Бенгельсдорф с отцом Моисеем Абрамовичем. Биробиджан, 1950-51 г
Из архива Серго Бенгельсдорфа

сына, которому исполнилось 12 лет. Актер вынужден был вспомнить свою первую профессию и устроиться работать на швейную фабрику, а Серго, чтобы поддержать отца, в 13 лет начал подрабатывать пианистом в культпросветучилище.

Все эти годы шпиономания в области то затихала, то разгоралась с новой силой. Давид Вайсерман в своей книге «Биробиджан. Мечты и трагедии» рассказал о том, что на партийном собрании Биробиджанской швейной фабрики, где работал Моисей, *«звучала резкая критика в адрес партийной организации, дирекции, за то, что на руководящих должностях находятся такие люди, как мастер Бенгельсдорф, жена которого (Люба Вассерман) арестована за пропаганду буржуазного национализма, а сам он приехал из Аргентины»*. Этот же факт из жизни отца подтвердил Серго Моисеевич.

После возвращения из ГУЛАГа. Биробиджан 1956 г.
Из архива Серго Бенгельсдорфа

Но даже перенесенные невзгоды не смогли убить в Моисее Абрамовиче любовь к театру. В 1965 году, как только появилась возможность, М.А. Бенгельсдорф вместе с единомышленниками, несколькими актерами прежнего еврейского театра, оставшимися в Биробиджане, организовали небольшую самодеятельную группу, которая через два года превратилась в еврейский народный, а впоследствии народный музыкально-драматический театр. Официально Биробиджанский еврейский народный театр был открыт 1 мая 1967 года при Дворце культуры на основании решения исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся. В 1968 году коллектив театра состоял уже из сорока пяти человек вместе с музыкантами и танцорами. Уже первые постановки принесли успех. На краевом смотре народных театров в Хабаровске режиссеру Михаилу Бенгельсдорфу и самому театру присвоили звания лауреатов Всероссийского смотра народных театров. Театр также наградили дипломом первой степени. В 1968 году был

опубликован очерк столичного писателя Мотла Грубиана, который вспоминал свою встречу с режиссером театра. Привожу отрывок из этого очерка в переводе Валерия Фоменко:

— Никуда вы не поедете и не полетите, — категорически заявил мой «гость». — Нам, биробиджанским артистам, только что присудили первое место на краевом смотре драматических коллективов! Первое место, слышите! А вы — «билет на самолет»! Мы, конечно, могли бы вам показать свое представление даже утром, и даже очень рано. Но что вам стоит немного подождать вечера?

И, представьте себе, организатор и режиссер Биробиджанского народного театра Моисей Бенгельсдорф меня победил. Ох уж эти мне актеры! И как это они, скажите мне, пожалуйста, умеют вас околдовать, заморочить вам голову, заставить смеяться или даже проливать слезы, всего лишь чуть-чуть подрумянив щеки и слегка подведя глаза? А у меня, признаюсь вам честно, захватывает дыхание, когда я вижу сцену и вдыхаю особенный воздух зрительного зала. И как бы, и кто бы ни пробовал описать мир под названием «Закулисье», тема эта так и останется неисчерпаемой. Ну а если кому-то однажды посчастливится оказаться в зрительном зале, когда на сцене дают комедию Гершензона «Гершеле Остропoлер», от которой весь Биробиджан, что называется, ходором ходит, то вам позавидуют в самой Москве. И мне вы позавидовать можете! Потому что мне довелось испытать на себе то, о чем я сказал. Зрители смеются и плачут, зал то замирает, затаив дыхание, то неистовствует, взрываясь громом оваций, и актеров все никак не хотят отпустить со сцены…

Биробиджанцы соскучились по своему театру и принимали все его спектакли с большой любовью и теплом. Но в 1971 году Моисей Бенгельсдорф — режиссер, руководитель и душа театра — ушел из жизни. Для театра, для города это была огромная потеря. Его жена, единомышленница, спутница всей его жизни Люба Вассерман очень тяжело переживала смерть любимого: «Живу, как будто корни обрубили…» Последние свои годы она прожила в Кишиневе, рядом со своим сыном Серго. Судьба вновь разлучила ее с любимым, но ненадолго. Всего на четыре года она пережила мужа.

ГЛАВА XVII

Москва. Цви Кампель и другие аргентинцы

Как всегда, новые знакомства возникли нежданно-негаданно. Моя единомышленница Марина Еремина, внучка коммунаров Иосифа Форера и Нехамы Шейнфельд, в поисках информации о ПРОКОРе, организации, аналогичной ИКОРу, но работавшей в Южной Америке, наткнулась на вышедшую в 2019 году книгу Эдуарда Гурвича «Роман графомана», а в ней — на страницы с уже знакомыми именами.

Автор книги оказался сыном Заля Гурвича, приехавшего в Советскую Россию в 1931 году с группой переселенцев из Аргентины и волей случая оказавшегося среди первостроителей Соцгородка. Правда, пробыл он там недолго. Хлебнув досыта дальневосточной романтики, вскоре уехал в Москву, где и остался на всю жизнь. Но для меня это не имело большого значения, потому что в Москву несколькими годами позже перебрались многие коммунары. Они продолжали дружить и общаться между собой, это давало мне шанс узнать не только о судьбе самого Гурвича, но и о других заграничниках, и упустить его я, конечно, не могла. И ожидания меня не обманули. Его дочь Нелли, телефон которой помог найти внук аргентинцев Мойши Гольдштейна и Берты Костринской Лев Слезкин, ныне живущий в Америке, познакомила меня с друзьями ее московского детства, детьми бывших коммунаров из Соцгородка. Как сказала дочь Хацкеля Исааковича Сугальского Флора: «Наши семьи — Сугальские, Гольдштейны, Гурвичи, Кампели — были очень близки, ближе родственников. Например, на лето меня отправляли к Гурвичам, потому что там рядом была река».

Итак, в нашей компании прибыло. Мои новые знакомые — Владимир, сын Цви Кампеля, Лиля, дочь Исаака Сухого, Флора, дочь Хацкеля Сугальского — все дети бывших переселенцев из Южной Америки. В их воспоминаниях зазвучали уже знакомые фамилии

Встреча в Москве. Стоят Литевский и Сугальский. Сидят Кампель, Гурвич и Цукерман.
Из архива семьи Кампель

друзей их родителей — Беатуса, Слонимского, Жоржа и Милы Ковалей, Блехермана, Бенгельсдорфа, Пейсаховичей. И не только зазвучали, а материализовались в виде фотографий, рассказывающих о былой дружбе и встречах. Так начались новые истории о жизни нескольких поколений еврейских семей, которых куда только не забрасывала судьба и беспокойные характеры. Начались со слов, ставших уже привычными: «Родители не рассказывали много о своем прошлом». Но общими усилиями исправляются ошибки, допущенные в хранящихся в архивах отчетах, вписываются новые имена на общей фотографии, сделанной в Соцгородке в 1932 году.

Начинает Владимир Кампель. Мой первый вопрос к нему, как звали отца. Мне было известно имя Цви, но в описи иностранцев, находившихся в Москве, напротив его фамилии другие инициалы.

Оказывается, ошибочны не только они, Цви-Гирш Ханович Кампель приехал в Соцгородок в первой партии переселенцев, но не из Аргентины, как значится в описи, а из Уругвая. Приехал не один, а с женой Сарой Рубиновной и годовалой дочерью. И опять я изумленно выдыхаю: «Как? Как могли они решиться на такое безумие?!» Что стоит за этим? Полное отсутствие информации о новом месте или обман агитаторов? Бесконечная вера в первое советское государство или безнадежность бытия на месте проживания? Или то и другое сразу?

Сара Рубиновна родилась в 1905 году в Ченстохове (Польша), в большой семье, у нее было 6 братьев и 3 сестры. Позже, после смерти жены, ее отец с двумя младшими детьми уехал в Палестину. Саре тогда было 14 лет.

Семья Кампелей, проживавшая в Бережанах (бывшая Австро-Венгрия, а нынешняя Тернопольская обл.), во время Первой мировой войны бежала в Венгрию, где жила доходами от небольшой пекарни «Кампель». Цви обучался столярному делу, вступил в «Бейтар» и уехал в Палестину. Работал на охране кибуцев, в Тель-Авиве познакомился с Сарой. Вопреки воле ее родителей, называвшим Цви коммунистом, в феврале 1926 года они поженились. Отношения не налаживались, и молодые уехали в Уругвай, к одному из родственников жены. Цви устроился работать по своей специальности столяром, но из-за своего активного участия в профсоюзном движении потерял работу.

В 1931 году с первой группой строителей будущего Соцгородка семья уехала из Монтевидео в Биро-Биджан. Цви Кампель был мастером на все руки, деловой, умелый, его очень ценили коммунары, но создать нормальные условия жизни для маленького ребенка было практически невозможно. Уехать из Биро-Биджана тоже было непросто, требовалось разрешение. Малышка же постоянно болела. В 1933 году, после того как умерла дочь Гольдштейнов, врачи выдали справку, что нужно менять климат. Разрешение на выезд было получено.

Владимир рассказывает: «Планировалось переехать в Крым,

в еврейские кибуцы, но в дороге перед Москвой сестра заболела тифом, ее положили в больницу, затем заболела мама и тоже попала в больницу. По воспоминаниям отца, он месяц жил на Курском вокзале и решил пойти работать в Метрострой. Почти сразу получил жилье — комнату в 20 метров, перегороженную ширмочкой, за которой жило еще четверо «иностранцев». Так они остались в Москве. У моей семьи не было родственников в Союзе, поэтому почти все их друзья были бывшие коммунары. Когда они приезжали в гости, все укладывались вповалку на пол». Нужно сказать, что эта комната иногда служила не только членам семьи. Жорж Коваль, приехавший поступать на учебу, вначале нашел приют у Погребицких, но те сами ютились в крохотной комнатенке, тогда руку помощи протянули Кампели, благо соседи к тому времени съехали. Какое еще нужно доказательство коммунарскому братству?!

Грамотный специалист и умелец Цви быстро продвинулся и стал мастером эскалаторной службы. В 1936 году его отстранили от работы под предлогом того, что ему поручено набрать и обучить группу рабочих для второй линии метро, а через две недели уволили. Год был без работы, находя случайные заработки, выполняя столярные работы в квартирах состоятельных заказчиков в обмен на еду. За работы, выполненные для швейного ателье, в награду получил костюм, который бессменно прослужил хозяину долгие годы. Высокая квалификация краснодеревщика, мастера инкрустации помогла устроиться на завод в той же системе Метростроя и доработать на одном месте до самой пенсии. Все столяры на заводе были его учениками. Во время войны Цви, будучи ценным специалистом, получил бронь: он выполнял работы по оборудованию комнат-убежищ в метро, предназначенных для правительства. Однажды ход работ проверил сам Сталин.

Только в 1959 году семье выделили отдельную квартиру, но Цви уступил одну комнату сослуживице, не имевшей жилья, так прожили еще 8 лет.

Семья Кампелей похоронена в Москве. Сара умерла 17 декабря 1982 года, 9 апреля 1986 года не стало Цви.

Их сын Владимир окончил МХТИ. «Где-то в середине семидесятых годов я нашел «золотую жилу» в химии, — рассказывает он. — Опубликовал много статей, защитился. Этой темой я занимался 15 лет, до отъезда в Израиль в декабре 1990 года. Я иногда приезжал в МХТИ на защиту диссертаций, Жорж Абрамович Коваль был членом ученого совета, мы общались. Но тесные отношения он, конечно, поддерживал с моими родителями. Сейчас я работаю в Тель-Авивском университете, занимаюсь синтезом».

На нашу встречу Владимир привез фотографии друзей-икоровцев, некоторые из них домашние — застолья по поводу каких-то праздников. Он называет мне уже знакомые фамилии: Беатус, Гольдштейн, Коваль, Гурвич и другие. А вот официальные фото, это Литевский был проездом. Спустя многие годы они также дружили, отмечали вместе праздники, поддерживали друг друга.

Что удивительно: эти же фотографии я обнаружила в альбоме Лилии Исааковны Сухой, а ее сестра Фрида, когда я спросила о Гурвиче, сразу вспомнила, что тот прислал ей на свадьбу подарок. Хотя отец их никогда не жил в Москве, но все долгие годы поддерживал связь с друзьями своей молодости.

ГЛАВА XVIII

Исаак Сухой

Исаак Сухой в Аргентине.
Из архива семьи

Имя Исаака Сухого довольно часто встречается в воспоминаниях икоровцев и в старых газетных публикациях. Причем коммунары всегда отмечали солидный возраст и умудренность жизненным опытом хавера Сухого. Илья Блехерман вспоминал: «Сухой был пожилой, старше нас намного». И только когда я встретилась с его дочерью Лилией Исааковной, я с удивлением узнала, что в 1931 году, когда он приехал из Аргентины строить социалистический город на биробиджанской земле, ему было 32 года. Как же молодо было остальное население Соцгородка, что тридцатилетний Исаак им казался человеком другого поколения!

Огромное спасибо Лилии Исааковне за то, что она собрала все фотографии, документы, письма и даже незначительные записки, связанные с жизнью отца. Знакомясь с ее архивом, я внутренне удивлялась тому, что, проехав города и страны, пройдя через все жизненные невзгоды, семья смогла сохранить это богатство. Не только для себя. Позже я разослала семьям бывших икоровцев небольшие, но такие ценные подарки из прошлого их родных:

ГРАМОТА

награждает

товарища

почётным званием ударника

по

года пятилетки передового

борца на фронте Социалистиче

ского Строительства, активно

проявившего себя в борьбе за вы

полнение пятилетки в года, за

повышение

№

193 года

Грамота, полученная за работу в Соцгородке.
Из архива семьи

фотографии, газетные статьи, записки. С радостью передаю Лилии Исааковне их благодарность. Чего стоят слова Серго Моисеевича Бенгельсдорфа: «Спасибо большое за фотографию папы! У меня такой нет, и я её никогда не видел!» Сама я тоже с волнением держала в руках грамоту, полученную Исааком Сухим в 1932 году за «ударную работу в хозяйстве Соцгородка коммуны «Икор» Биробиджанского района». В ней говорится, что он «награжден званием передового борца на фронте социалистического строительства, активно проявившего себя в борьбе за выполнение пятилетки в четыре года». Да, вся их жизнь была борьбой за свои идеалы, за равноправие и внутреннюю свободу, поэтому противостояние суровой дальневосточной природе не пугало. Это сейчас мы знаем, чем все закончилось, а они жили своими мечтами и надеждами. Кроме того, в семейном альбоме Сухих я нашла снимок коммунаров с Чарлзом Кунцем.

Не менее интересна справка, выписанная Даниловским сельсоветом в 1934 году. Начиная с того, что, вероятно, за неимением другого, она написана на бланке «Объяснения нарушителя». Оказывается, были и такие. Текст же справки написан с такими ошибками, что трудно разобрать досконально ее смысл. Мне удалось понять, что родился Сухой Исаак Тевельевич в 1899 году в Дубоссарах, родители его занимались кустарничеством и мелкой торговлей, продавали папиросы. Сам Исаак был учеником столяра, а в Аргентине работал шапочником.

Остальное дополняют дочери Исаака Сухого и документы из семейного архива. Тойве Сухой и его жена Фрида жили в Дубоссарах, небольшом городке Российской империи с нищим населением и частыми эпидемиями, уносившими множество жизней. Там родилось их семеро детей. Когда Исааку исполнилось 13 лет, он вместе с отцом уехал в Аргентину, где уже четыре года жили старшие братья Эршл и Лейбл со своими семьями. Но в Дубоссарах оставалась семья, младшие дети, поэтому через полгода отец вернулся. Вернулся, чтобы вместе с Фридой умереть во время голодомора. Позже, во время Холокоста, две их дочери Рейзл и Хая вместе со своими семьями были сожжены во дворе собственного дома, младший брат Бука (Борис) погиб на фронте. Выжили те члены семьи, кто оказался

в Аргентине. По сравнению с судьбами родных, начало самостоятельной трудовой жизни Исаака в 13 лет не выглядит большой бедой. Испанский пришлось осваивать на ходу, как он сам говорил: «Язык выучил, читая вывески». Одна из фотографий аргентинского периода не то что удивила меня, но изменила мои представления об И. Сухом. Исаак, оказывается, не только участвовал в профсоюзном движении, но играл в театральной студии, причем был среди ее организаторов, участвовал в спектаклях. Может, эта любовь сдружила его с таким же любителем театра Моисеем Бенгельсдорфом, фотография и письма которого также сыскались в архиве Лилии Исааковны.

В 1931 году с волной переселенцев Сухой покинул Аргентину и в августе этого же года стал строителем Соцгородка. Как и многие другие коммунары, отработав несколько лет в «Икоре», в августе 1934 года Исаак поступил на учебу в техникум.

Техникум социалистического земледелия, открытый по решению Далькрайисполкома, был первым специальным учебным заведением для подготовки квалифицированных кадров, в которых остро нуждался Биро-Биджанский национальный район. 26 сентября 1930 года правление Зернотреста постановило: «Организовать в селе Екатерино-Никольском Техникум социалистического земледелия». В газете «Трибуна» № 29 от 10 октября появилось сообщение: «Далькрайисполкомом утвержден план организации и открытия в 1930-1931 году в биробиджанском зерносовхозе техникума индустриального земледелия с отделениями — механизации и интенсивно-технических культур».

Курс обучения в нем (с преподаванием на еврейском языке) первоначально был рассчитан на два с половиной года. Для занятий и общежитий выделили и отремонтировали свободные здания, необходимое механическое оборудование перебросили из Хабаровской профтехнической школы. Было намечено принять 160 студентов на два отделения: механизации и интенсивно-технических культур. Сто человек из Биро-Биджана, включая 40 неевреев-трактористов из совхозов Дальнего Востока и местного населения из среды батраков и середняков, остальные 60 — переселенцы-евреи с Украины и Белоруссии. Стипендия для курсантов намечена 45 рублей в месяц.

Требования к курсантам: возраст от 18 до 30 лет, не менее 2 лет производственного стажа. Таковы были планы, но реально директор техникума сообщил, что КомЗЕТ наряды не выполнил, учебу начали только 70 человек на отделении механизации. И немудрено: в уже упомянутом решении указывалась нереальная дата первого приема учащихся — октябрь месяц текущего года. Не было базы, не было учащихся, остро не хватало преподавателей. К декабрю 1930 года техникум в Екатерино-Никольском все же начал свою работу. Наряду с учебой студенты участвовали во всех видах сельскохозяйственных работ, ремонтировали тракторы и инвентарь, своими силами строили на центральной усадьбе совхоза учебное здание.

Дора Сухая.
Из архива семьи

В 1933 г. был построен учебный корпус и открыто отделение агрономов. Первый выпуск специалистов состоялся в 1935 году. Треть выпускников составляли евреи-переселенцы. В декабре 1940 года Бюро областного комитета ВКП(б) ЕАО отмечало, что Биробиджанский техникум механизации сельского хозяйства имеет 45 студентов, из них на подготовительном курсе — 11 человек, первый курс — 12, второй — 4, третьего нет, четвертый механический — 12 и четвер-

тый агрономический — 6 человек. Преподавателей в техникуме — 5 человек, считая директора и завуча, изучаются 32 дисциплины. Нахождение техникума в Сталинске не обеспечивало его ни преподавателями, ни студентами, поэтому решили перевести учебное заведение в Биробиджан, но в 1941 году началась война, техникум был закрыт. Вновь открылся он в 1952 году, после десятилетнего перерыва.

Такова краткая история техникума. Но вернемся к герою рассказа. Во время учебы в техникуме Исаак обзавелся семьей. Со своей будущей женой Дорой Рафаиловной Фонаревой он познакомился в Соцгородке, куда она приехала из Кременчуга. В техникуме она училась на агрономическом отделении, была единственной девушкой среди руководителей комсомольской ячейки.

Одна за другой родились две дочери — в 1936 году Фрида, названная в честь бабушки, а в 1937-м Лиля. Они сейчас живут в Израиле и помогли мне восстановить историю жизни семьи.

В свидетельстве об окончании техникума, полученном Исааком Тевельевичем, говорится о том, что в Биробиджанский техникум агромеханизации он поступил в феврале 1934 года и окончил обучение 18 мая 1940 года. При этом он выполнил производственную практику в Амурзетской МТС, Волочаевской МТС и в Биробиджанском зерносовхозе ЕАО. Все четыре государственных экзамена сданы Сухим И. Т. на отлично, ему присвоена квалификация техника-механика. Таким образом, учеба и практика заняли больше 5 лет. Чтобы объяснить этот факт, я приведу выписку из запроса, отправленного Лилией Исааковной Сухой в Прокуратуру СССР: «В начале марта 1938 года моего отца Сухого Исаака Тевельевича арестовали. Отец в это время учился на последнем курсе Биробиджанского техникума агромеханизации в пос. Сталинск ЕАО и жил с семьей (женой и двумя детьми) в общежитии техникума. Арестованного отца отправили в районный центр Амурзет, а через несколько дней вместе с другими арестованными отправили в Биробиджан. В Биробиджане вместе с отцом в камере был Пейсахович, арестованный в самом Биробиджане. Через несколько дней собранную группу арестованных отправили в тюрьму в г. Хабаровск.

В камере в Хабаровске отец был некоторое время вместе

с Футоряном, которого арестовали из МТС Ленинского района. В камере были арестованные из Нагибово. Затем отца отправили опять в Биробиджан, где среди арестованных было много работников обкома ЕАО, в т.ч. зав. отделом образования (его фамилию отец не помнит), которого арестовали летом, и он был одет в летнюю одежду (белая рубашка, белые брюки).

Потом отца снова отправили в Хабаровскую тюрьму, где он сидел до самого освобождения, примерно до 17 июня 1939 года. Перед освобождением отца ознакомили с отзывами о нем Коваля, Пейсаховича и бывшего колхозника, пекаря колхоза им. 18-го съезда, работавшего в период с 1931 по 1934 г., фамилию которого отец не помнит, но помнит, что он погиб в войну. Никаких документов, справок при освобождении отец не получил».

На это письмо был получен ответ из Управления Комитета Государственной Безопасности СССР по Хабаровскому краю. «На Ваше заявление в адрес Прокуратуры СССР в отношении Вашего отца Сухого Исаака Тевельевича сообщаем, что он был арестован 12 марта 1938 года органами НКВД как переселенец из Аргентины, куда еще в 1913 году выехал вместе с отцом и братом.

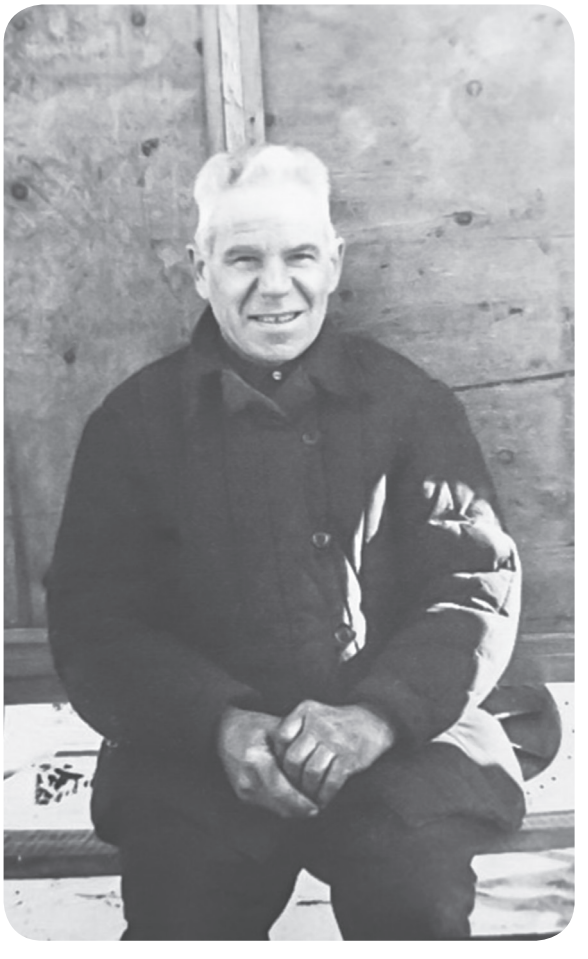
В 1931 году прибыл в СССР через Германию, по визе Советского консула в Берлине.

Обвинялся в том, что, будучи за границей, был завербован иностранной разведкой и переброшен на территорию СССР для шпионской деятельности.

На предварительном следствии виновным себя в предъявленном ему обвинении признал, однако в суде от своих показаний отказался, объясняя, что следователь записывал показания так, как ему того хотелось, а протоколы допросов силой заставляли подписывать.

21 октября 1938 года Военный трибунал 2 отдельной Краснознаменной Армии признал Вашего отца виновным в преступлении, предусмотренного ч.1 ст. 58-6 УК РСФСР, и приговорил к 6 годам лишения свободы».

К счастью для обвиняемого, после его кассационной жалобы военная Коллегия Верховного суда СССР приговор отменила, так как не было никаких доказательств его вины. Допрошенные свидетели Варнавицкий Григорий Яшевич, Коваль Абрам Исаакович и Пейсахович



Исаак Сухой в Волочаевской МТС.
Из архива семьи

Шая Мордухович также не дали показаний о шпионской деятельности Исаака Сухого. Все названные свидетели — икоровцы, их показания стали несомненным примером смелости и порядочности этих людей, рисковавших собственной свободой. Пейсахович, например, сам в это время находился под следствием, уголовное дело на него было прекращено в декабре 1938 года. Сведения о Варнавицком Григории Яковлевиче, 1903 г.р., чью фамилию Исаак не мог вспомнить, призванном Биробиджанским военкоматом в 1941 году и пропавшем без вести, нашлись на сайте «Память народа». Связь с ним прекратилась 12 декабря 1943 года.

Пятого мая 1939 года военный прокурор пришел к выводу, что виновность в шпионаже не доказана. Исаак Сухой был освобожден. Указ об официальной реабилитации датирован 16 января 1989 года.

Фрида рассказывает: «Я плохо помню тот день, когда папу забирали, но день, когда он вернулся, у меня перед глазами. Мы жили тогда в землянке. Я первая увидела папу, он был в фуфайке и зимней шапке, с совершенно белой от седины головой».

Окончив обучение, Исаак Тевельевич устроился на работу в Волочаевскую МТС. Фриде запомнилась многолюдная первомайская

демонстрация в Волочаевке. Она на плечах у отца, потерянная туфелька, которую удачно нашла соседка. Перед войной МТС перевели в Николаевку. В семье появились еще две дочери — Ида в 1941 году и Неля в 1945-м, там они учились в школе, а позже Лиля работала учетчицей, а затем станочницей на мебельной фабрике Тунгусского ДСК. Там случилось страшное: ушла из жизни в возрасте 46 лет Дора Рафаиловна

В архиве Лилии Исааковны хранится множество грамот и благодарностей, полученных Исааком Сухим за добросовестную работу сначала в Соцгородке, затем в техникуме, в МТС. В 1950 году его наградили путевкой на ВДНХ в Москву. В связи с выходом Исаака Тевельевича на пенсию 21 августа 1960 года по Волочаевской МТС был издан приказ:

«Заведующий мастерскими Волочаевской МТС техник-механик тов. Сухой Исаак Тевельевич непрерывно проработал в различных инженерно-технических должностях в сельском хозяйстве 29 лет, в том числе в Волочаевской МТС 20 лет.

За всю свою долголетнюю безупречную работу тов. Сухой И.Т. проявил себя преданным делу хорошим организатором, знающим порученный ему участок работы, отдающим все свои знания и многолетний опыт служению нашей великой Родине. Тов. Сухой принимал деятельное и активное участие в воспитании и подготовке многих поколений механизаторов сельского хозяйства.

За всю свою многолетнюю плодотворную работу тов. Сухой проявил неоценимые качества — чувство ответственности за порученную работу, высокую требовательность к себе и к людям, четкую дисциплину и исполнительность».

После выхода на пенсию Исаак Тевельевич с двумя дочерьми перебрался в Молдавию, где жила работала после окончания техникума старшая Фрида. А с 1991 года он жил в Израиле. Умер в 2004 году в возрасте 105 лет.

ГЛАВА IXX

Соседи

Многие икоровцы рассказывали о Григории Васильевиче Костяле, участнике волочаевских событий, основателе села Даниловка, одном из создателей и рачительном хозяине артели «Новая жизнь», которую впоследствии преобразовали в колхоз «Тихоокеанский Октябрь». Все они с большим теплом вспоминали семью Костял, степенность, порядочность, доброту, отзывчивость и самого председателя, и его отца, Василия Тобиашевича, сначала жившего на заимке и пасшего коров, потом перебравшегося в небольшой домик в селе. Помимо всего прочего, старший Костял, чех по происхождению, снабжал жителей села искусными изделиями из бересты собственного изготовления. Даже небольшая оморочка у него тоже была плетеная.

В очерке «Что оставим в наследство» Н. Айзман рассказывал: *«В поисках лучшей доли он эмигрировал в Россию и уж затем, в 1907 году, с артелью переселенцев много дней добирался до Амура. Неподалеку от места, где потом появилась Даниловка, старший Костял обосновал заимку. Стояли огороженные березовыми жердями изба, сараи, банька. Рядом — полоска пашни под пшеницу и картошку. На релках в редколесье косили для лошади, коровы. Кормились еще рыбалкой. В крещенские морозы, уложив в розвальни пару мешков с зерном, мерзлой щукой, тряслись санным путем в Хабаровск на рынок. Вырученные деньги шли на одежонку, сапоги, сбрую. Жилось на отшибе от мира скудно. Рабочую власть Костялы приняли всей душой. Словно вихрь ворвался тогда в их медвежий угол. Но из-за Амура все чаще слышались громы орудийных залпов. Появлялись пешие и конные люди — свои, русские, и чужеземцы. Приходили и исчезали невесть куда. Однажды шел мимо верховья Тунгусский партизанский отряд хабаровского грузчика Ивана Шевчука, и сын Василия Тобиашевича Григорий попросился к нему. В отряде он оказался нужнейшим человеком, потому что превосходно знал местность и не однажды уводил своих товари-*

щей от облав. Надежен был он в походе, бою. Весной 1922 года Григорий Костял вернулся домой. В Даниловке образовалась коммуна, и красного партизана выбрали в правление». Григорий Костял девятнадцать был бессменным председателем колхоза «Тихоокеанский Октябрь». Под его руководством колхоз в 1939 и 1940 годах стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а сам председатель получил Большую золотую медаль ВСХВ. Оба его сына воевали. История Даниловки неотрывна от истории этой семьи, которая заслуживает отдельного рассказа.

Тяжелые условия жизни, пройденные испытания сплотили жителей соседних сел, они дружили, создавали семьи, вместе работали, учили детей. Со временем перемешались национальности и места проживания. Сейчас, разбираясь в хитросплетениях имен и судеб, даже не всегда можно с точностью определить, в какое место первоначально приехали переселенцы. Нельзя сказать, что всегда все было гладко, что вовсе не было антисемитизма. Было время, когда в отношения между колхозниками «Икора» и Даниловки пришлось вмешаться бюро ДКК ВЛКСМ.

Но все же, все же…

Приспособиться к местным условиям переселенцам помогали жители соседних сел, они же учили ловить рыбу, растить урожай. Иностранцы помогали соседям инструментами, техникой, своими умелыми руками и знаниями. Семьи старожилов окрестных сел дружили и поддерживали друг друга. Примеров тому великое множество. Взять хотя бы историю Элизабет Беккер, удочеренной украинской семьей.

Абрам Коваль, например, вспоминал о том, что без помощи местных жителей переселенцы не выжили бы. Подтверждение добрых дружеских отношений и взаимопомощи между старожилами я видела и в своей семье. Старожилы Даниловки учили деда особенностям рыбалки на Тунгуске, бабушку — выращивать овощи, ухаживать за садом, да и первыми отростками и саженцами для него тоже поделились они. Мама до сих пор с благодарностью вспоминает о том, что, когда она помогала бабушке разносить почту, жительница Даниловки Анна Ничук, сочувствуя голодному и замерзшему подростку, обязательно заводила ее в дом и кормила. Понимала, что

у вдовы с четырьмя детьми нет не только лишнего, но и еды на всех не хватает. Такие, на первый взгляд, мелочи не забываются, в добрых отношениях со всей округой родители остались на всю жизнь.

Еще одну историю рассказала Ульяна Семеновна Гурская: *«Мы в школу ходили в Даниловку, там на краю села жили Черессельские. Они всегда в печках хлеб пекли. Идешь мимо — а запах такой, что живот сводит и голова кружится. Я один раз не выдержала и попросила:*

— Тетя, дайте кусочек хлебушка.

Она меня спрашивает:

— А где твоя мамка?

— Дома.

— Вот где мамка, там и проси.

Прошло несколько дней, я прохожу мимо, а она меня зовет:

— Заходи, девочка, — а сама плачет. — Прости меня, девочка, заходи. На тебе хлеба.

Так стоим и плачем вместе».

Тяжелые испытания, которые пришлось перенести дальневосточникам, как лакмусовая бумажка показывали людскую суть. Отсеяли всю гниль и оставили людей сильных духом, хозяев земли, сохраняющих порядочность в любой ситуации, при любых испытаниях. Я уверена в том, что мои бывшие земляки, независимо от их нынешнего места проживания, совершенно особый народ.

В подтверждение этому я с удовольствием привожу в пример эпизод, случившийся в Израиле. В одной из поездок мы подобрали на дороге солдата, добиравшегося домой с военной базы. Первое, что он спросил, пристраивая на заднем сиденье огромный дорожный рюкзак и автомат, не из Биробиджана ли мы. И пояснил в ответ на мое удивление, что сколько бы он ни добирался на попутках, все останавливающиеся на дороге были биробиджанцы. Какой гордостью я прониклась за своих земляков! Да, это совершенно особые в своей открытости и сердечности люди.

И в благодарность им за помощь и дружбу рассказ об еще одной семье с очень типичной для того времени судьбой, но семье не совсем икоровской. Основан он на воспоминаниях, бережно хранимых большой семьей старожилов Даниловки, известной всей округе.

История наша начинается в 1912 году на балу в Николаеве, который устраивало офицерское собрание и куда были приглашены девушки, сестры милосердия. Среди них выпускница курсов, семнадцатилетняя донская казачка Варенька Воронова, единственная и горячо любимая дочь мастера по женским нарядам, одевающего по последним парижским фасонам всех знатных дам города. Там, на первом в своей жизни настоящем балу, она познакомилась с военным ветеринарным врачом Михаилом Ефимовичем. Этой встрече суждено было изменить всю жизнь юной Вареньки. Двадцатисемилетний Михаил Тлустенко уехал с воинской частью к месту назначения на Дальний Восток не один, а увез с собой молодую очаровательную жену Варвару Георгиевну. Казачий конный полк, в котором служил Михаил Ефимович, стоял на одноименной Казачьей горе в Хабаровске, Варенька работала в госпитале сестрой милосердия. В молодой семье, жившей в любви и согласии, не замедлили появиться на свет дети. Первенец Женя родился в 1914 году, через три года — еще один сын, Георгий.

С революцией устоявшаяся и достаточно спокойная жизнь семьи закончилась. В сентябре 1918 года город перешел в руки отряда недоброй памяти белогвардейского атамана Ивана Калмыкова, объединившегося с чешскими частями и поддерживаемого 12-ой японской дивизией. В январе того же года казачьи сотни пытались поднять восстание против Калмыкова, но оно было жестоко подавлено. В феврале 1920 года под давлением красных Калмыков бежал из России, прихватив из Хабаровского отделения сбербанка 28 пудов золота и тайно передав его японцам, да еще попутно расстрелял несколько десятков неблагонадежных, с его точки зрения, казаков.

К осени из города выдавили японцев, ранее заявлявших о нейтралитете. На самом же деле интервенты чувствовали себя хозяевами в городе. Вольготно расположившись, они начали устанавливать свои порядки. В один из таких дней японские солдаты в поисках партизан с обыском пришли и в дом на улице Льва Толстого, где проживала молодая семья Тлустенко. Штыками вспороли все подушки, перины, перевернули все вверх дном, забрали ценные вещи, подаренные на свадьбу, всю домашнюю утварь. Но больше всего сокрушался Михаил Ефимович о том, что с вещами

прихватили портрет его любимой Вареньки, написанный художником сразу после свадьбы.

Но если потерю вещей можно пережить, то как пережить страх за своих близких, беспомощный вопрошающий взгляд жены и испуганный плач малышей? Той же ночью по льду через Амур семья ушла в Николаевку. Там и обосновались, по соседству с семьей Наволочкиных, с которыми установились добрые, душевные отношения. И не только с ними, а и с другими жителями поселка, которые и праздники справляли вместе, и на помощь соседям приходили так же дружно. Ну а без заработка семья, в которой в 1921 году родился Петр, а в 1926-м, после троих мальчишек, появилась малышка Олечка, не осталась, — ветеринарный врач в сельской местности всегда востребован.

Вероятно, еще нужней он оказался в Даниловке. Официальной датой рождения этого села считается 1910 год, но семья Григория Костяла облюбовала эти места еще раньше, обрабатывала землю, ловила рыбу, тем и жила. После окончания Гражданской войны жители Даниловки решили объединиться в артель, получившую громкое название «Новая жизнь». Все их богатство состояло из 14 домов, около 40 га земли, 5 коров и 8 лошадей. В этом же году на общем сходе решили, что подрастающим детям нужна школа. Решили и сделали. Крохотную, всего на 4 класса, в которых училось 18 человек, но открыли. Первым учителем был Шакурский Иван Мефодьевич, кормили учителя по очереди в каждой семье.

В это село в 1928 году был направлен на работу ветеринар Тлустенко. Вновь срываться с насиженного места и терять хороших друзей-соседей очень не хотелось, но согласия никто не спрашивал. Приказ поступил — нужно переезжать. Семья еще не знала, что в Даниловке им предстоит осесть навсегда. Еще несколько лет опустевшее жилище в Николаевке ожидало своих хозяев, дом долго не заселяли, никому не отдавали, надеясь, что Тлустенко вернутся.

Колхоз в Даниловке тогда уже был сравнительно крепкий, около 25 дворов. Прибавилось скота — лошадей, коров, овец, свиней в общем хозяйстве, и в каждом личном подворье была обязательно корова, поросенок, куры. Но в целом время было тяжелое, голодное, семьи большие. Выручало подворье. Кроме того, на зиму

заготавливали рыбу, кету солили бочками. Картошка и рыба — основное питание. Своим хозяйством постепенно обзавелась и семья Тлустенко. Забота о доме, детях, огороде, домашнем скоте легла в основном на Варвару Георгиевну. Забота немалая. Сами пекли хлеб, свое было молоко, мясо, яйца. Выращенные своими руками овощи и картофель нужно было убрать и сохранить на долгую дальневосточную зиму.

Михаил Ефимович Тлустенко.
Из архива семьи

У Михаила Ефимовича всегда было много срочной работы. Он осматривал скот, проводил вакцинацию, выбраковку больных животных. Рядом, на бывшем Дежневском опытном поле, весной 1929-го поселились коммунары «Икора», у которых первое время не было своего специалиста. Помогал и там. В 1931 году икоровцы объединились в одну коммуну со строящимся Соцгородком. Работы стало так много, а расстояния между фермами такие большие, что ветеринару выделили в персональное пользование лошадь и бричку в летнее время и сани-розвальни зимой. В любую погоду, в любое время суток он отправлялся в «Икор» или в Соцгородок, когда там требовалась его помощь, причем в частных хозяйствах тоже: *«Тлустенко всегда помогал, а если его дома не было, жена обязательно передавала ему просьбу, и он приходил, никогда не забывал»*. Часто его просили оказать помощь не только животным, но и людям, так как квалифицированной медицинской

помощи в селах не было. За профессионализм и безотказность Михаила уважали и ценили односельчане и жители соседних сел. И не только они. За участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года Михаил Ефимович был награжден Малой серебряной медалью *«За высокие показатели в ликвидации заболеваний крупного рогатого скота в двух колхозах: «Икор» и «Дальневосточный колхозник», без падежа животных, отсутствие острозаразных инфекционных заболеваний, борьбу за сохранение молодняка, путем лечебной обработки с закрепительными мероприятиями»*. Областная газета посвятила ему большую статью «Колхозный ветфельдшер». Ее автор А. Крючков писал: *«Более 30 лет работает Михаил Ефимович фельдшером. Большим уважением пользуется тов. Тлустенко у колхозников колхоза «Дальневосточный колхозник»*.

Чуть свет он уже на ферме, где его с радостью встречают доярки, свиноводы, конюхи. Все они наперебой спешат поделиться с ним своими радостями и горестями. Михаил Ефимович всех внимательно выслушивает, расспрашивает о состоянии дел на фермах, дает животноводам советы, как ухаживать за скотом. Тесная связь с животноводами дает Михаилу Ефимовичу огромный материал для его ветеринарной деятельности. Мастер своего дела — он учит животноводов и сам учится. Он не только советчик, но и активный участник в борьбе за развитие общественного животноводства в колхозе» («Биробиджанская звезда», 3 февраля 1940 г.). На страницах этой газеты я нашла много заметок и статей с советами по содержанию скота, автор которых М. Тлустенко.

За долголетний труд Указом от 8 мая 1951 года Тлустенко Михаил Ефимович, заведующий Даниловским зоотехническо-ветеринарным участком, был награжден орденом Ленина. В Даниловке семья прибавилась: в 1931 году на свет появились близнецы Маруся и Борис, а в 1935-м Володя. Детей стало семеро. Первенец Евгений недолго радовал родителей, в возрасте 15 лет, когда начал учиться в Хабаровске, он умер, летом, в жару, неосмотрительно напившись воды из Чердымовки.

Речушка Чердымовка протекала на месте нынешнего Амурского бульвара и чистотой не отличалась. Парень заразился тифом,

спасти его не удалось. Похоже, что смерть, собрав свою жуткую дань, отступилась от семьи. Иначе как объяснить такое невероятное везение и удачу, что два брата Тлустенко, служившие в одном танковом батальоне, как заговоренные прошли войну от первого до последнего дня и благополучно вернулись домой. Воевали храбро, за спины товарищей не прятались. Первую свою награду, медаль «За отвагу», старший сержант Георгий Тлустенко получил осенью 1941 года. В 1944-м старший техник-лейтенант был награжден орденом Красной Звезды, а в 1945-м капитан Георгий Михайлович Тлустенко был награжден орденам Отечественной войны первой и второй степени. Мирную свою жизнь Георгий также связал с армией.

Раиса Васильевна и Петр Михайлович Тлустенко.
Из архива семьи

Петр Михайлович тоже дважды — в 1943-м и 1945-м — был награжден медалями «За отвагу». Израненный, он, вернувшись с войны, женился на молоденькой учительнице Раисе Васильевне и остался работать и растить сыновей в Даниловке.

Мне довелось учиться у Раисы Васильевны, конечно, тогда уже учителя со стажем. Сейчас, рассматривая фотографию этой красивой пары, я опять задумываюсь над тем, почему нас воспитывали на примерах далеких полумифических героев и никогда не говорили о том, что и наша Раиса Васильевна, и ее муж, и еще многие односельчане прошли войну со всеми ее тяготами. Уверена, эмоций это вызвало бы гораздо больше, а значит, глубже вошло в наши души и память.

Большая часть внуков Михаила Ефимовича и Варвары Георгиевны также связали свою судьбу с Волочаевским совхозом, в состав которого вошла Даниловка.

Оля окончила школу на отлично, мечтала стать учителем, но война помешала ее планам. В 1941 году, когда 17-18-летних парней призвали в армию, молодежь 14-15 лет из «Икора», Даниловки, Соцгородка отправили на лесозаготовки. На этом их детство и учеба закончились. Жили по условиям военного времени в бараках, голодали, труд был каторжный, нормы непомерные, валили лес весь световой день. Среди этих подростков была и Оля, домой вернулась с обмороженными ногами, с тяжелой пневмонией. Молодость и заботливый уход родных помогли встать на ноги и продолжить работу сначала секретарем в сельсовете, потом, до замужества, связистом. Обосновались с мужем недалеко от родительского дома, в Волочаевке.

Сестра Оли Маруся, выйдя замуж, породнилась с большой и дружной семьей Лядновых, которую в селе знает каждый и может рассказать о ней много хорошего. Они с Иваном Анисимовичем родили и вырастили семерых мальчишек, ставших впоследствии солидными и уважаемыми в Даниловке людьми. Борис Михайлович тоже остался жить и работать в селе.

Историю семьи Тлустенко нам рассказала дочь Ольги Михайловны Татьяна, которая с удовольствием и теплотой вспоминает дни, проведенные у бабушки с дедом в Даниловке в обществе 18 мальчишек, двоюродных братьев, детей Марии, Георгия, Володи, Бориса, Петра. Так случилось, что в семье росло только две девочки. Управляться с этой оравой помогала матери Маруся, жившая рядом, чудесная женщина, с огромной добротой и терпением к детям. Лядновы с тех пор самые близкие люди для Татьяны Михайловны Петренко.

Она же поделилась воспоминаниями родных о тех временах и об икоровцах. Вот этот рассказ.

«В 1931 стали приезжать переселенцы в «Икор». Приезжие иностранцы очень отличались от местных крестьян, были лучше одеты, иначе держались.

Жили с ними дружно, помогали, обменивались продуктами. Приезжим переселенцам было вдвойне тяжело. Летний гнус, мошка, оводы, комары, лютые морозы зимой, тяжелое дождливое лето. Детки расчесывали кожу в кровь, опухали. Непросто было привыкать к суровому климату, многие вернулись назад. Хозяйство икоровцев было довольно крепкое. Была большая молочная

ферма, коровник, свинарник, держали лошадей. Большие площади были заняты овощами, растили сою, овес, пшеницу, заложили сад. Зимой на санях-розвальнях вывозили молоко, сливки в Хабаровск, на старый продовольственный рынок, он находился на берегу Амура. Сначала возили на больших подводах. Потом появились первые автомашины — полуторки. Очень тяжелым, голодным оказался 1933 год. Тогда уехали очень многие, кто-то вернулся совсем, кто-то перебрался в другие места.

В предвоенные годы и после войны приехало очень много еврейских переселенцев, в основном с Украины и Белоруссии, в том числе в Даниловку. Шейна-Сура Ясногородская (на русский манер ее звали Нюра) была дружна с моей бабушкой Варей. У нее были дети Аня и Миша. Эта семья пережила все тяготы, лишения и осталась в Даниловке. У мамы была подружка из Соцгородка — Бетя Фурман. Жили очень бедно, но никто не делил людей по национальностям, по статусу, не было замков, двери прикрывали на щеколду. Летом в жару все было распахнуто настежь. Воровства не было совсем. Вечерами в Даниловке и «Икоре» на праздниках играл гармонист, были танцы, песни. Ребята из «Икора» приходили

«Финский дом».
Фото из архива А. Кулиша

в Даниловку на посиделки, когда гармониста не было, или на танцы, когда он играл. В 1936 году построили несколько трехэтажных домов финской застройки на станции Волочаевка-2. Один был возле моста, там жил персонал охраны моста, другой у подножья сопки в Соцгородке, он назывался Дом бригадира, а третий дом стоял в Даниловке, в нем размещался сельсовет.

«Икор» переселенцы подняли, Соцгородок построили, но не так, как планировалось. Помешали репрессии 1937 года и война. Ночью приезжала машина НКВД и забирала людей, чаще всего они исчезали навсегда. Основанием могли быть слухи, доносы. Жили в постоянном страхе. В Даниловке арестовали колхозника Ляшенко за то, что в магазине, доставая деньги, неловко дернул рубль и порвал его пополам, по портрету Сталина. По чьему-то доносу ночью забрали, увезли. По доносу был арестован и Сергей Чернявский. Вернулся без ноги, остался жив по счастливой случайности.

Бабушка Варя работала нянечкой в детсаду с Безверхих, ее мужа арестовали, он был в правлении счетоводом или учетчиком, назад он уже не вернулся.

В то время в Даниловке все работали в колхозе, в декрете женщины были только два месяца, потом возвращались на работу. Деточек, совсем крошечных, приносили в ясли-сад. Работали за трудодни, без выходных и праздников, от зари до зари, полный световой летний день. Ежедневный изнурительный сельскохозяйственный ручной труд, за галочки в тетради учетчика. Расчет был поздней осенью продукцией колхоза. При этом колхоз «Тихоокеанский Октябрь» считался в округе зажиточным, в нем немного, но получали продуктами за свой труд. Люди из других мест приезжали специально менять вещи хоть на какие-то продукты.

С отчетами ездили на станцию Ин. Вокруг была тайга, топили печи дровами, которые сами заготавливали. Потом, когда началось масштабное строительство, тайгу всю вырубили.

В памяти остались фамилии переселенцев, в основном тех, кого не испугали трудности, кто остался в колхозе или в соседних поселках. Это Берта Исааковна и Арон Ильич Медведовские, Фрейдины, Яков Зенгер, Фира Абрамовна и Борис Самуилович Фикс, Яков и Майя Суранович, они все жили в Волочаевке, хотя сейчас

трудно сказать, где они начинали свою переселенческую жизнь.

Стоило разворошить старые воспоминания, как всплыла в памяти картинка из моего детства. Я совсем маленькая, в гостях у моей бабушки Вари сидит ее старая подруга Фира Фикс. Они беседуют между собой. Столько лет прошло, но в ушах до сих пор звучит ее голос с характерным акцентом. Фира рассказывает бабушке, называя ее гортанно «Вара», как она одна тяжело пережила голодное военное время. Ее муж был портным, на все свободные деньги он покупал отрезы ткани, «матэрию». Борис Самуилович в 1942 был призван в армию, а весной 1943-го пропал без вести. В голодные военные годы, оставшись одна, Фира меняла эти куски ткани на продукты. Так и выжила, и подняла дочерей. «Муж был умным человеком, говорил мне: «Фирочка, деньги — это ничто, сегодня они деньги, а завтра ворох ненужных бумажек, вот вещи всегда тебя спасут». Действительно, во время войны народ поизносился, в магазинах ничего не было, работала только военная промышленность, поэтому она и смогла выжить. Ее дочь Лиза вышла замуж за Алексея Кулагина, брата Ани, маминой подруги.

Семьи их родителей были большие, жить молодым после свадьбы было негде, тогда многие из села ушли в Волочаевку, там давали ведомственное жилье железнодорожникам. Мои родители тоже сначала жили в Даниловке, им там все нравилось, но росли семьи, в родительском доме стало тесно. Потом папа устроился в локомотивное депо, мама телефонисткой, получили квартирку и переехали в Волочаевку. Так было во многих семьях. Сурановичи, например, начинали в Соцгородке, они были там одними из первых.

Позже приехали в «Икор» семьи Коровник, Векслер, Мазур. Хотя «Икор» официально переименовали, но в нашей памяти и обиходе мы очень долго говорили: «Это «Икор».

Наше с Татьяной упорство в поисках документов было вознаграждено. Как-то я получила от нее волнительное письмо: *«Хочу поделиться с тобой доброй весточкой. Вчера получила ответ из архива, выслали копии документов на запрос, по партийным спискам*

на дедушку, что ты указала. Это несколько листов: заявление в члены партии, автобиография и 3 рекомендации. Читала, просто руки дрожали, как будто историю вживую увидела. Почерк дедушки, грамотная речь, автобиография. Дело начато 24.01.1944 г. Решение от 13.04.1944 года, партбилет получен 14.04.1944 г. Веяние времени сквозит в каждом вопросе: участвовал ли в боях против Красной Армии, участвовал ли в отрядах против советской власти, был ли в оппозиции, состоял ли в царской армии, в качестве кого находился в старой армии. Мурашки по коже идут, когда это читаешь. Дедушку спасло, видимо, только то, что с 1906 г. по 1920 г. он был только ветеринарным фельдшером, хотя по мобилизации начинал служить в царской армии, и потом был в 1919 г. мобилизован Колчаком. Награды указал — Малая серебряная медаль 1939–1940 гг. Рекомендации дали председатель колхоза «Дальневосточный колхозник» Костёл Г. В., заврайзо Спичельник И. В., Пушкарев Д. И. — председатель колхоза 18 партсъезда».

Вскоре после этого из архива были получены документы, подтверждающие награждение Михаила Ефимовича орденом Ленина.

Завершить эту тему я хочу отрывком из публикации («Трибуна» №4, 1935 г.), автор которой — Б. Гольдберг, еврейский буржуазный журналист, сотрудник американской газеты «Дер Тог»: *«И, наконец, мой последний комплимент — нееврейскому населению Биро-Биджана за его братское отношение к новым переселенцам и к основной идее — созданию Еврейской советской республики. Тут в первую очередь приходится воздать должное Красной Армии, всегда готовой помочь переселенцам и на долю которой выпадают наиболее трудные участки строительства. Я был в украинском колхозе — в Биро-Биджане проживает около 3000 украинцев — недалеко от колхоза «Икор», знакомился с их бытом, читал их стенную газету, составленную на украинском и еврейском языках, и я убедился в их товарищеском отношении к еврейским переселенцам. Все украинские колхозники знают, что Биро-Биджан — еврейская страна, все их сочувствие на стороне новой молодой строящейся национальной области».*

И даже если допустить, что автор чуть-чуть лукавил в своей статье, так ведь совсем чуть-чуть.

ГЛАВА XX.

Лев Григорьевич Баскин

В процессе поиска материалов о судьбах икоровцев мне, конечно же, пришлось познакомиться со многими документами и историями, не пересекающимися напрямую с коммуной, но связанными с освоением области. На некоторых из них невозможно было не остановиться. Об одном из членов *Комиссии по земельному устройству трудящихся евреев, созданной 29 мая 1928 года при крайисполкоме*, уполномоченном ОЗЕТа и КомЗЕТа, незаслуженно забытом Льве Григорьевиче Баскине я хочу напомнить.

В рабочем плане КомЗЕТа и ОЗЕТа на 1928 год было предусмотрено заселение только Бирского опытного поля, и основная часть еврейских переселенцев направлялась туда. Но в ходе обследования территории выяснилось, что в Екатерино-Никольском районе имеются большие площади земли, удобные для рисосеяния. Нужно было немедленно начать там работы, в ином случае КомЗЕТ мог потерять этот участок. Поэтому туда срочным образом были переброшены 184 переселенца из Тихонькой. Газета «Дер Эмес» (16 сентября 1928 г.) писала: *«В качестве организатора и руководителя работами был послан тов. Баскин, член партии, бывший учитель, человек с колоссальной энергией и широким организаторским опытом»*.

Через три года в «Трибуне» №3 за 1931 год был опубликован некролог, подписанный заместителем председателя Далькомзета М. Рашкесом и секретарем Далькомзета, корреспондентом газеты «Дер Эмес» М. Кадышевичем. В нем говорилось о том, что 11 января 1931 года в Москве после сердечной болезни безвременно, около 40 лет от роду, скончался т. Лев Григорьевич Баскин, член ВКП(б), и была дана очень высокая оценка его вклада в освоение бывшего Екатерино-Никольского района, исключительной роли в закреплении в нем еврейских переселенцев, проектировании и строительстве будущего агроиндустриального городка на берегу Амура — Амурзета. *«Тов. Баскин предварительно лично исходил и изъездил*

все окрестности, истоптал и излазил болота и сопки и, не будучи по специальности ни агрономом, ни экономистом, верно выбрал и указал место для поселка». Некролог заканчивался словами: «Первые переселенцы и работники Биро-Биджана будут долго помнить тов. Баскина».

Но, вопреки обещанию, его имя забыли. В нынешнем Амурзете, да и во всей Еврейской автономной области, как это ни печально, можно по пальцам пересчитать тех, кто знает и помнит заслуги Льва Баскина. Помогли восстановить минувшие события и справедливость документы, хранящиеся в архивах Биробиджана и Израиля, и многочисленные публикации в периодических изданиях того периода.

Лев Григорьевич Баскин, человек самой что ни на есть мирной профессии, учитель, родился и жил на Украине. Но завертела его Гражданская война, во время которой он, член ВКП(б) с 1919 года, участвовал в партизанском движении, подпольно работая в тылу у белых под псевдонимом Зорин. Когда страна вновь вернулась к мирной жизни, Лев Григорьевич активно занялся решением проблем бедноты еврейских местечек. Работал в ОЗЕТе, евпартсекциях, Евобщесткоме на Полтавщине. В 1928 году его фамилия указана среди выступающих на втором агротехническом совещании КомЗЕТа, проходившем 1–5 февраля в Москве. После принятия вышеупомянутого постановления Президиума ЦИК начался его путь в Биро-Биджан. В апреле уполномоченный КомЗЕТа Л. Г. Баскин принимал в Иркутске первые эшелоны еврейских переселенцев, а 29 мая Президиум Далькрайисполкома назначил его членом Комиссии по земельному устройству при Далькрайисполкоме и уполномоченным КомЗЕТа и ОЗЕТа в Екатерино-Никольском районе. Тогда же было решено *«работы по устройству рисовой плантации, проводимые Амурским окрисполкомом, передать КомЗЕТу»*, на него же возложить дальнейшие переговоры с Дальрисом о постройке рисового завода и, соответственно, поручить Дальплану проработать вопрос о границах Биробиджанского района.

В июне 1928 года 160 еврейских переселенцев, в сопровождении работника ОЗЕТа товарища Баскина, выехали пароходом из Хабаровска в Екатерино-Никольское. Их путь лежал на закрепленную

Екатерино-Никольское. 1929 г.
Из фондов библиотеки Конгресса США

за КомЗЕТом территорию площадью в несколько сот десятин в самом плодородном районе Биро-Биджана, у Амура. Этот участок был передан КомЗЕТу *«со всеми принадлежностями, живым и мертвым инвентарем, американскими машинами»*. Туда же тайгой были отправлены 50 лошадей. Пять тракторов, из восемнадцати заказанных ЦПО в Америке, предназначались для Екатерино-Никольского. Провожал переселенцев сам председатель Дальневосточного крайисполкома и Далькомзета т. Чуцкаев, который обратился к ним с речью: *«Вы находитесь перед большими трудностями. Местная власть вам окажет возможное содействие. Я уверен, что еврейские трудящиеся, которые взялись за эту большую, новую и тяжелую работу с величайшим упорством, коллективной работой и в тесном союзе с местным населением построят культурное хозяйство и создадут свою территориальную единицу, —*

крепкую, культурную коммуну. Здесь они приобретут свой родной очаг на пользу еврейских трудящихся масс и всего края» («Трибуна» №10 от 15 июня 1928 года).

18 июня пароход прибыл в Екатерино-Никольское, где состоялся большой вечер смычки местной молодежи с еврейскими переселенцами. Основная задача, стоявшая перед новыми жителями, — закладка рисовой плантации. Информация о положении дел публиковалась буквально в каждом номере «Трибуны», благодаря этому можно проследить за тем, как это происходило.

7 июля в Екатерино-Никольском состоялось собрание по созданию отделения ОЗЕТа. Было избрано временное правление во главе с секретарем райпарткома. Баскина избрали заместителем главы. Понятно, что организатором всех этих мероприятий был уполномоченный ОЗЕТа Баскин. В ОЗЕТ вступили и местные жители, казаки и корейцы, ячейка получилась довольно сплоченная и деятельная.

17 июля на плантации начали работать жатки. Для работы на канале, длину которого планировали довести до 9 километров, прибыл экскаватор из Америки. На этом тяжелом участке работы было занято 80 человек, для которых устроено 16 бараков. Остальные переселенцы разместились в палатках, а небольшая часть у местного населения.

О том, с каким трудом шло закрепление переселенцев на земле, мы можем судить по докладным запискам Льва Григорьевича Биро-Биджанскому представительству центрального правления ОЗЕТа и райкомзета. Кроме того, сохранился его доклад на заседании Далькомзета от 24 августа 1928 г. В этих отчетах подробно рассказывается о состоянии дел и нуждах переселенцев. К тому времени их насчитывалось уже 125 человек, и объединены они были в 14 коллективов. Л.Г. Баскин оказался ответственен за судьбы еврейских переселенцев, людей, совершенно не приспособленных ни к условиям Дальнего Востока, его наводнениям и гнусу, ни к тяжелейшей физической работе на земле и неустроенности быта. В том, что люди не разбежались, сумели закрепиться на этой суровой земле, огромная заслуга Баскина. Льва Григорьевича заботили все детали хозяйства и быта людей, которыми он руководил, он был обязан решать все возникающие вопросы и во что бы то ни стало избежать

«обратничества». Удержать людей на месте удавалось с большим трудом, так как переселенцев никто не ждал, никакого порядка в организации их обустройства не было.

Баскин указывал на то, что отсутствует проект рисовой плантации, поэтому ОЗЕТ не может принять ее в свое ведение, хотя работы там уже ведутся. При существующей системе управления замедляется темп освоения, что приводит к удорожанию стоимости всех работ, несвоевременной выплате зарплаты и конфликтам между рабочими и администрацией. Но если на рисовой плантации еще что-то делалось, то создание будущего поселка и не начиналось. А главное, не было определено для него место, не подготовлены земельные участки и сколько-нибудь пригодное даже для временного размещения переселенцев жилье.

Не дождавшись землеустроителей, Лев Григорьевич сам обследовал все прилегающие к плантации территории и выбрал подходящее для строительства поселка и дороги место. Он настаивал: *«Место у Амура называется «бывшая дровяная пристань»... Я настойчиво домогаюсь того, чтобы был выбран участок для поселка над Амуром в указанном мною месте»*. Он же определил наиболее выгодное место для прокладки дороги: *«Место же, мною указанное у Амура для постройки пристани с поселком, во-первых, водой не залито и, во-вторых, находится на прямой, ведущей к центру плантации. Разумеется, что нам, несомненно, выгоднее и материально, и практически именно здесь прокладывать дорогу». Баскина волновали вопросы, казалось бы, не входящие в его непосредственные обязанности: «Я считаю, что домогания Амурского окрисполкома на уравнивание границы в сторону Екатерино-Никольского района, чрезвычайно больно могут отразиться на нашем деле в этом районе. Коли речь у нас идет о том, что, помимо развития сельского хозяйства, мы постепенно будем развивать и промышленность, то... границы Биро-Биджана со стороны Екатерино-Никольского района должны быть проведены за Хинганом, принимая во внимание, что именно там находятся разные полезные ископаемые, как графит и др.»*.

Испытав на себе дожди и наводнение 1928 года и не допустив при этом материальных потерь, заблаговременно вывезя технику

и оборудование в безопасные места, Баскин напоминал: *«Еще в Хабаровске, в беседе с товарищами Мережиным и Рашкесом (при этом, если не ошибаюсь, присутствовал также профессор Брук), я коснулся вопросов о необходимости проведения мелиоративных работ с целью осушения полей, подлежащих отводу под участки для наших переселенцев. Теперь, когда лето оказалось чрезвычайно дождливым, я невольно вспомнил выдвинутую мною тогда мысль о необходимости проведения мелиорации означенных полей»*.

Отдельно оговаривается вопрос о домах: *«Я полагал построить здесь дома для переселенцев украинского типа, т.е. мазанки. Эти домики, несомненно, стоили бы значительно дешевле в условиях отсутствия леса. Но теперь, когда осень на носу, говорить о мазанках, требующих достаточного количества времени для просушки, не приходится. В силу того мы должны строить деревянные дома»*.

Его, как единственного представителя власти на плантации, занимают жилищные проблемы, техника, сенокос, финансовые дела, питание, комарники, без которых невозможно работать, рабочая одежда переселенцев и многие другие, на первый взгляд, мелочи, перерастающие в огромные проблемы из-за оторванности территорий от центра переселения. Баскин телеграфировал руководству о том, что вместо 120 пар требуемых сапог получены 6, да и то не болотных. Просил: *«Мы здесь создали небольшую сапожную мастерскую (конечно, на собственный риск и страх переселенцев-сапожников). Но для более успешного развития их дела им необходима заготовочная швейная машина. Поэтому я считаю необходимым просить Вас закупить и прислать нам одну большую швейную машину, вполне пригодную для указанной цели»*. Предупреждал, что при создавшемся положении отсеивание будет продолжаться, а отъезд людей, несомненно, создает упадочное настроение. Понимая, что одинокому человеку легче уехать, он предлагал переселить на плантации некоторое количество семей.

Л.Г. Баскин не только работал над созданием поселка, но выступил инициатором и стал создателем первого биробиджанского кавалерийского отряда из еврейских переселенцев. Его аргументы: *«по всей стране создаются военные кружки при Осоавиахиме,*

такие же должны быть и в Биро-Биджане. Условия Биро-Биджана диктуют, что нужно готовить переселенцев к тому, чтобы они могли хорошо ездить верхом, стрелять, заниматься охотой».

Несмотря на все его усилия, условия работы и быта переселенцев очень трудные и отсев большой. На 15 сентября в Екатерино-Никольском из всех приехавших осталось 99 человек. В Государственном архиве Хабаровского края (Ф. 137. О. 10. Д. 171) сохранился протокол собрания переселенцев, состоявшегося 15 сентября 1928 года, на котором присутствовало около 40 переселенцев и приглашенных, представители ОЗЕТа, крайкома, окрпарткома, РКИ. Начинается оно без привычного доклада. Вместо него тов. Робинсон, заместитель уполномоченного Центрального правления ОЗЕТа, открывая собрание, предлагает сразу выслушать переселенцев.

Впечатление после знакомства с протоколом очень неоднозначное. Выступления переселенцев говорят о том, что условия тяжелейшие, приняли их плохо, помощи оказали мало, вот они и уехали в Хабаровск искать правды. Но понемногу в этот хор вплетаются и другие голоса, свидетельствующие, что помощь была, это люди оказались не готовы к тем сюрпризам, которые были уготованы им на дальневосточной земле. И, как на весах, сначала перевешивает чаша моего сочувствия к участникам этого действа, не избалованным, конечно, жизнью, но все же родившимся и жившим на Украине, в Белоруссии и вдруг заброшенным в дальневосточные болота. Разве их вина в том, что, сжираемые гнусом, не имеющие жилья и возможности отдохнуть после тяжелейшей незнакомой и непривычной работы, оторванные от семей, они не выдержали такого испытания? Затем весы склоняются в другую сторону: в таких условиях находились все, но не все уехали, большинство осталось, да еще с оптимизмом смотрит в будущее, зовет свои семьи. Но это только мои субъективные ощущения. Давайте вместе «послушаем», о чем говорят участники этого собрания, попробуем разобраться, что послужило причиной столь экстренного сбора.

Президиум уже избран, в нем не видно официальных лиц, только переселенцы. Один из них, товарищ Кутнер (из Харькова), начал свое выступление с заявления о том, что собрание было организовано благодаря инициативе переселенцев, которые стали давить

на ОЗЕТ. Он предъявляет свои требования: обеспечить работой, квартирами, кредитом на зимнюю одежду. Согласитесь, требования справедливые, но заметьте, что предоставлено все это в должно быть в Хабаровске.

А на трибуне уже товарищ Райва из Гомеля. Он резко обличает ОЗЕТ, который недостаточно инициативен и мало организован. Ему вторит переселенец Геллер из Винницы: *«Я сам был на рисовых плантациях, я сам пережил то, о чем другие только слышали... Мне показалось диким, когда я увидел страшно грязные дороги да несколько шалашей, не было ни выделенных земельных участков, ни строительства... Мы зарабатывали по 1 руб. 93 коп. в день, но мы много дней не могли работать из-за дождей, поэтому можно представить себе наш заработок»*. Как тут не возмущаться и не сочувствовать еврейским первопроходцам, когда слышишь: *«Мы, переселенцы, не застали никаких планов, мы находились на произволе судьбы, нас послали на работу, которая вознаграждалась не по ее действительной стоимости. Переселенцам обещали золотые горы, а кончилось ничем»*.

Но Поляковский из Смоленска возражает Райве: *«Давали даже то, чего не обещали. Мучились мы главным образом из-за того, что в местных тяжелых условиях у нас не было домов. Упряжь рвалась потому, что мы не умели обращаться с лошадьми в упряжи... Хлеб у нас был в самое тяжелое время. Всеми бедствиями мы обязаны плохому лету»*. Вишневский из Черниговского округа, что на Украине, его поддерживает: *«Мы получили все необходимое для работы. Наш коллектив распался потому, что естественные условия этого лета не давали возможности работать. Нам приходилось жить за счет ОЗЕТа»*. Ровинский, Гольдберг, Звонкин из Белоруссии, Постолов из Украинского Теплика, Хоня Шапиро, председатель коммуны «Икор», сменяя друг друга, делятся наболевшим.

Постепенно собрание перетекает в другое русло. Переселенцы, как и прежде, требуют от ОЗЕТа помощи здесь, в Хабаровске, обвиняют руководство и уполномоченного КомЗЕТа и ОЗЕТа тов. Баскина, но признают и свою вину, ищут причины неудач и в большинстве своем возвращаться домой не собираются. Но вот выступающие выплеснули все свои претензии и обиды, дошла очередь

до официальных лиц. Председатель бирофельдского кредитного товарищества М. А. Бейнфест и заместитель уполномоченного Центрального правления ОЗЕТа Робинсон в своих выступлениях признают ошибки, пытаются объяснить неудачи, говорят о тяжелейших условиях прошедшего лета, но и предъявляют взаимные обвинения. Их ответ на требования переселенцев: поможем по возможности, но *«мы прибыли сюда для работы в Биро-Биджане, поэтому не можем столь широко заниматься работой здесь, в Хабаровске»*. Итог всему подводит заместитель председателя Далькомзета Исаак Моисеевич Рашкес: *«Всего прибыло в Биро-Биджан 654 переселенца. Из них 371 остался на местах, и если причислить к ним тех, кто поехал за своими семьями, и тех, которые находятся в Хабаровске, то всего будет 44 человека, это большой отход, но не катастрофический, если принять во внимание условия нашего переселения в этом году»*.

Собрание завершилось только в полночь, но история на этом не закончилась. Незначительное, на первый взгляд, событие — собрание небольшого числа переселенцев, к тому же покинувших места своей работы, — наделало много шума. Начало положила газета «Тихоокеанская звезда» (№ 222), поместив статью со скандальным заголовком: «ОЗЕТ виновен в мытарстве поселенцев. Самодур Баскин срывает огромное начинание». В адрес ОЗЕТа, КомЗЕТа, их уполномоченного Баскина, корреспондента Кадышевича прозвучали тяжелые обвинения. Это разбазаривание средств, отсутствие помощи еврейским переселенцам, брошенным на произвол судьбы, обман и в итоге — невыполнение директив партии и провал всего переселенческого движения. Лавиной посыпались взаимные обвинения в газетах местных и центральных, письма-протесты переселенцев и сочувствующих, поехали комиссии, проверяющие изложенные факты. Кто виноват, кто прав, как понять это спустя долгие годы? Как всегда, истина где-то посередине, а сердце все равно на стороне тех, кто вытащил на своих плечах тяжкий груз первопроходцев. Мы не в праве сейчас судить о том, почему каждый приехавший строить область выбрал свой путь. Но узнать об условиях, в которых жили и работали первостроители, и причинах так называемого обратничества эти бесценные сейчас документы нам могут помочь.

Немного проясняет ситуацию письмо самого Л. Г. Баскина, которого на собрании обвиняли во всех смертных грехах. Под грифом «совершенно секретно» оно направлено через т. Рашкеса, т. Кадышевича в Крайкомзет и в Бирско-Биджанское представительство ОЗЕТа, лично тов. Робинсону. Письмо без даты, но фраза из него «вот уже наступает август месяц...» говорит о том, что оно написано задолго до собрания, и посему нет оснований не верить ему.

Прежде чем прочитать, о чем это товарищ Баскин докладывает высокому начальству, предлагаю вернуться во времена еще более ранние, когда только планировалось переселение и исследовались территории, пригодные для него. В 1927 году на территории Бирско-Биджанского района работала экспедиция КомЗЕТа под руководством Б. Л. Брука, он же представлял в ней статистико-экономическую группу. Общее научное руководство осуществлял профессор В. Р. Вильямс, в состав экспедиции входили инженеры-мелиораторы, ботаник, агрономы-почвоведы, географ, представители КомЗЕТа. Экспедиция проделала огромную работу, изучила район, обобщила результаты предыдущих исследований и представила подробнейший отчет. Итогом работы экспедиции стали рекомендации по заселению этих территорий. Несоблюдение их, на мой взгляд, стало причиной многих бед переселенцев и привело к тому нашумевшему собранию в Хабаровске. Судите сами. Комиссия заявляет однозначно: *«Подготовка района для колонизации требует в первую очередь оборудования дорожной сети.*

- Чтобы переселенец по прибытии застал подготовленные фонды, в смысле отграничения, водоснабжения и отчасти осушительной мелиорации..., а также срубленную избу, хотя бы в незаконченном виде, так как по условиям климата крытое помещение требуется неотложно.

- По местным условиям нужно, чтобы за год до прибытия переселенцев производился подъем пласта, который поспевает лишь на следующую весну.

- Начало переселения евреев в Бирско-Биджанский район возможно не ранее 29 г., весь 28 год должен пойти на подготовку фондов».

Как мы уже знаем, вопреки рекомендациям, уже в апреле

1928 года первые эшелоны отправились в Биро-Биджан. На местах торопились отрапортовать об отправке, а в Тихонькой — затор: переселенцев негде устраивать, они застревают там на долгое время, упуская время для сева и проедая кредиты. Спешка в отправке переселенцев стала причиной того, что представители ОЗЕТа, прибывшие на Дальний Восток в марте, не могли подготовиться к приему переселенцев, поэтому, как и указывал Л. Г. Баскин, почти ничего не было сделано. Авральную отправку переселенцев можно объяснить тем, что положение евреев в местечках очень тяжелое. Многие из местечковых евреев хотят использовать свой шанс, тем более что ОЗЕТ оказывает материальную помощь, дает кредиты, обещает работу. В том же письме Баскин писал: *«Объехав ряд городов и местечек РСФСР и Украины, со значительным еврейским населением, хорошо ознакомившись с тем бедственным положением, в котором находится огромнейшая масса еврейской бедноты, абсолютно лишенной какой бы то ни было экономической почвы, идущей по пути вырождения, я глубоко убежден в том, что свой путь к полному возрождению она может найти лишь здесь, в Биро-Биджане»*.

У молодежи свои причины «рваться в бой». Она воодушевлена призывами партии и романтикой дальних дорог. Местные отделения ОЗЕТа и КомЗЕТа спешат переложить заботу о своих подопечных на плечи Биро-Биджана. Всякого рода авантюристы также не прочь испытать судьбу и получить свой кусок пирога. Ну и, конечно, извечное наше «догоним и перегоним» нельзя сбрасывать со счетов: поступила команда сверху — нужно срочно ее выполнять и перевыполнять, иногда вопреки всякому здравому смыслу, тем более что давление на местные ОЗЕТы оказывается нешуточное. Никто не обещал переселенцам легкой жизни на новом месте, но сочетание вышеназванного с дождливым летом, наводнениями, незнанием новичками местных условий и новой работы создает массу ненужных трудностей в их и без того непростом деле освоения новых земель.

Вот теперь время вернуться к письму уполномоченного ОЗЕТа Л. Баскина. В своем заявлении (не первом по счету), он не только указывает, что дело устройства переселенцев в Екатерино-Никольском районе потерпело поражение, но и перечисляет причины этого:

1. Никуда не годный отбор переселенцев на местах выхода.

2. Отдаленность строительного леса, что делает его досягаемым лишь зимой.

3. Раскол в коллективах и перетягивание отдельных групп туда, где скорей возможно будет устроиться.

Но главное то, что *«без проведения необходимых землеустроительных работ (...) никакие другие работы — постройка дороги, отвод переселенцам участков, разбивка поселков и т. п. — произведены быть не могут»*. Работа эта зависит целиком и полностью от руководства ОЗЕТа, к которому Баскин взывает: *«Люди разуверились в наших обещаниях. Систематически отпадают все новые и новые группки переселенцев. Глубокое разочарование охватывает остающихся. Борьба с этими настроениями становится для нас чрезвычайно затруднительной»*.

Таким образом, все многочисленные причины обратничества, можно свести к одной: массовое переселение было не подготовлено всеми структурами и на всех этапах.

Льва Григорьевича не дали в обиду сами переселенцы. На его защиту встало общее собрание новых жителей Екатерино-Никольского, заявившее: *«Благодаря умелому и правильному подходу тов. Баскина к массе, ему удалось удержать здесь лучших переселенцев, создать им возможность существования, товарищески и отзывчиво относясь к их требованиям и нуждам»*. Еще один отзыв о его работе: *«В деле обучения переселенцев, как нужно строить переселенческое хозяйство, как работать на лошади, как ее обслуживать тов. Баскин проявил большую энергию и заботу»*. Вся эта не очень красивая история, стоившая, вероятно, самому обвиняемому много нервов и здоровья, сегодня дает возможность познакомиться с именами первых переселенцев и названиями коллективов, членами которых они являлись. Тех, кто строил Амурзет, выдержав все испытания. Это их подписи под письмом в защиту Баскина: *Краснянский (Умань, одиночка); Слуцкий (председатель товарищества «Менделе Мойхер-Сфорим»); Нехзер; Тильман; Рыженовский; Титиевский; Гребельский (председатель коммуны «Комсомолец»); Кацман; Гитерман; Шавульский (председатель товарищества «Райафельд»); Херсонский; Брансбург; Царнин*

(председатель товарищества «Фрайер арбетер»); Финкель; Драпкин; Зриан; Кугель; Гуревич (Умань, одиночка); Вороновицкий (товарищество «Первое Мая»); Теплицкий; Воловáнская Соня; Бакман; Кушнир; Фиш (председатель товарищества «Спартак»); Каминский; Фридман; Постолов (Теплик, Уманский округ); Шапиро; Шаль; Вайсман; Вайман; Рясницов (Мстиславль, Оршанский округ); Тартаковский Эля; Горштейн; Эпель; Гуревич Ицхок; Спиваков (Шпола, Черкасский округ, секретарь комсомольской ячейки); Явербаум (Минск).

Экскурсия житомирских педагогов и студентов, долгое время пробывшая в Екатерино-Никольском, так отозвалась о Баскине: *«Человек с колоссальной энергией и широким организаторским размахом. Его энергия и преданность не имеет границ. Воистину поразительны неисчерпаемые запасы энергии, которые он зачастую тратит на мелочи: учит запрягать лошадей, сам раскладывает костер у лошадей, выходит ночью убедиться, не потух ли огонь в костре и т. д. Все эти поступки имеют величайшее воспитательное действие на нового, еще неопытного крестьянина»*. В отчете экскурсии отмечалось, что переселенцы получают от государства кредиты для покупки техники, скота и т. д. на очень хороших условиях и зарплату при распашке целины для собственного хозяйства. Район очень беден ремесленниками, что открывает большие возможности для устройства здесь кустарей. У переселенцев уже имеется свой кооператив, снабжающий их и крестьян окружающих деревень хорошими и недорогими продуктами, и столовая с дешевыми обедами.

Анжелика Рор, корреспондентка «Франкфуртской газеты», проживавшая несколько недель в Екатерино-Никольском, в своей корреспонденции также посвящает несколько строк работе Баскина: *«Его деятельность заключается не только в организации всякого рода работ, но и в постоянном непосредственном контакте с каждым отдельным поселенцем. Часто ему приходится выслушивать чтение писем с родины и обсуждать ответ на них. Этот человек совмещает в себе должность инструктора по коневодству, механика, организатора, начальника и педагога… Клуб в лагере под открытым небом. Докладчик Баскин говорит простым*

понятным языком о том, что волнует и затрагивает каждого из присутствующих. Затем его начинают забрасывать вопросами, и он отвечает на них терпеливо и обстоятельно вплоть до глубокой ночи».

Бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б), изучив результаты всех проверок и комиссий, вынесло резолюцию, в которой говорилось о том, что *«Баскин показал себя выдержанным активным работником».* В той же резолюции были отмечены крупнейшие достижения еврейских переселенцев: *«Про оставшихся переселенцев можно с уверенностью сказать, что, преодолев все препятствия, они действительно явятся прочным ядром. (...) Все ошибки, недочеты и промахи в деле переселения трудящихся евреев на Дальний Восток будут преодолены окончательно и бесповоротно».*

О том, как исправлялись эти недочеты, можно узнать из очередной докладной записки Л.Г. Баскина в адрес Биро-Биджанского представительства Центрального правления ОЗЕТа и краевого КомЗЕТа, отправленной в апреле 1929 года. Послание это очень основательное и подробное. В нем Баскин докладывал о том, что *«на 1 апреля имеется переселенческих хозяйств всего 100, из них с семьями 17, а всего 139 душ. Переселенцы находятся в весьма затруднительном материальном положении».* Конечно, частично виной тому неопытность людей, но главным образом — отсутствие планирования и организации их труда и незнание местных условий со стороны руководства, что лишило переселенцев заработка. Вместо того, чтобы за время зимы обеспечить себе жизнь до сбора урожая, они проедали кредитные деньги. Большие проблемы с фуражом, на исходе мука — зачастую опять-таки по причине неопытности и непредусмотрительности переселенцев. *«Если Хабаровская контора не сможет снабдить нас необходимыми продуктами при открытии навигации, мы станем пере*д угрозой голода и полного срыва строительства».

Но вопреки всему поселок живет и строится. В условиях отсутствия семян и земли Баскину удалось не только провести посевную, но и соединить будущий поселок сплошным массивом с плантацией: *«Все ранние культуры будут высеяны на мягких землях, переданных старожилами переселенцам на условиях компенсации*

за обработку земли по добровольному соглашению». Часть семян для посева была взята заимообразно под расписку у соседей. Напрягли все усилия для покупки семенного картофеля, не останавливаясь даже перед довольно высокой ценой. Лошади после тяжелой зимовки и эпизоотии вышли истощенными, нет запчастей для тракторов, но *«все же считаем необходимым поднять в пахотный сезон не менее 2000 га для ранних культур будущего года и для рисовой плантации не менее 500 га»*.

Зиму поселенцы провели в наскоро сколоченных бараках, поэтому вопрос жилья стоял очень остро. Важно, что переселенцы не сидели сложа руки в ожидании помощи извне. *«В план строительства на 1929 год входит постройка переселенческих домов до 100 шт., постройка общественных зданий, 5 домов разных размеров и типов, постройка фундаментальной дороги от поселка до рисовой плантации с соответствующими мостами и 3 колодца. Для выполнения данного плана мы имеем заготовленного леса на нашем поселке и подготовленного нашей лесопилкой на 10 домов, самими переселенцами заготовлено на 15 домов»*.

Лев Григорьевич был озабочен медицинским и культурным обслуживанием людей, пока же в поселке не было ни помещения, ни врача, а также существовала огромная нужда в медикаментах.

В его внимании и борьба с «бродячими» пожарами, которые 31 марта чуть не уничтожили поселок. *«Только благодаря принятым нами энергичным мерам и общим усилиям переселенцев, совместно с местными товарищами, удалось, после беспрерывной борьбы в продолжении целого дня, отстоять его (поселок) от огня»*.

Как всегда, кроме насущных нужд, Баскина заботили перспективы развития района, экономия средств. Например, он планировал при первой возможности построить свой кирпичный завод. Сконцентрировать все имущество у руководящего аппарата в поселке и сократить штат, что запланировано сделать не позже 1-го мая, а для этого наладить телефонную связь с Екатерино-Никольском, а в перспективе создать в поселке свое почтово-телеграфное агентство. Вести строгий учет и повысить производительность труда, как можно скорее наладить работу бухгалтерии, изменить управленческую структуру. Он торопил руководство с организацией еврейского

сельсовета, органа, который должен координировать работу общественных организаций с вышестоящими органами.

Подводя итоги первого года работы по заселению Биро-Биджана, Бюро Далькрайкома ВКП(б) в своем постановлении от 29 апреля 1929 г. отметило, что *«опыт поселения трудящихся евреев в Екатерино-Никольском районе дал положительные результаты во взаимоотношениях еврейских переселенцев и старожилов»* («Трибуна» №12, 1929 год). В этом нелегком деле — соединить интересы казаков, населявших Екатерино-Никольское, и еврейских переселенцев — велика роль уполномоченного ОЗЕТа Баскина. Об этом его выступление также на 3-м съезде ОЗЕТа: *«Как действенное средство против антисемитизма в Биро-Биджане — создание широкой сети ячеек ОЗЕТа, в которые вовлечь все местное население». Кадышевич писал: «Первую озетячейку здесь создали матросы на пароходе «Дзержинский», перевозившем в июне 1928 г. первых переселенцев-евреев в Екатерино-Никольское. Эти же матросы с «Дзержинского» принесли первые 18 рублей членских взносов в Хабаровск в Дальневосточный комитет, ибо ОЗЕТа там еще не было».*

В этом же 1929 году известная еврейско-американская журналистка, член Национального исполнительного комитета ИКОРа Гина Медем побывала в Амурзете: *«Работает коммуна «Красный Октябрь». Я присоединяюсь к едущим. Человек восемь молодежи — парней и девиц — работают в поле; это — минчане, приехавшие в 1928 году, в самое тяжелое время, пережившие наводнение, эпидемию сибирской язвы, первый гнус; не было даже бараков, спали в палатках, из кожи лезли вон, строя первый дом, снимали, стоя по колено в воде пшеницу, зимой рубили в лесу деревья, изготовляя доски. А теперь, на втором году, дом уже готов, четыре семьи живут в нем. Прекрасный, просторный сибирский дом, запах сосновых бревен, яркая лампа над столом, чистая скатерть. Грудные дети, родившиеся уже в дикой тайге Дальнего Востока, радостно смеясь, тянутся навстречу своему новому будущему.*

Десятки лет никто здесь не жил, никто и пальцем не двинул, чтобы подобрать сокровища этой благословенной счастливой земли, протянувшейся на тысячи миль вдоль Амура до Хингана, через сопки и реки, леса и луга, манящей и зовущей: берите мои сокровища, мои дары».

22 июня, как и планировал Лев Григорьевич, в новом поселке на Амуре состоялись выборы сельсовета. *«Из 195 зарегистрировавшихся избирателей приняло участие в выборах 142. Избран сельсовет в составе 13 человек и 4 кандидатов к ним, ревизионная комиссия из 3 человек и 1 кандидата. На первом пленуме сельсовета, состоявшемся 30 июня при массовом участии переселенцев, окрестных крестьян и приезжих гостей, поселок назван «Амурзет»* (АМУРское Земельное Еврейское Товарищество).

На 8 июля переселенцев 1928 года и членов их семейств насчитывалось 178 душ, 1929 года — 88 душ (большинство прибыли с Украины), таким образом, всего 266 душ. 25 августа 1930 года Президиум Дальневосточного краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов утвердил наименование вновь возникшего вследствие переселения и выделения населенного пункта Амурзет.

Преодолевая трудности, Амурзет продолжал расти и развиваться, *«на первое октября 1930 года в колхозе числится 101 представитель семей, всего 312 едоков»*. В июне 1931 года Амурзет праздновал сразу несколько дат. Этому событию была посвящена большая статья Степанского «Некоторые итоги» («Трибуна» № 21, 1931 г.), в которой говорилось: *«20 июня исполняется 3 года с тех пор, как на широкий Амур, на территорию нынешнего Амурзета вступила первая партия еврейских переселенцев. 2-го июля исполнилось 2 года со дня основания в Амурзете сельсовета. На широком берегу Амура, вдоль китайской границы расположен поселок Амурзет (…), один из тех уголков в Биро-Биджане, где на здоровой почве вырастает социалистический поселок. Машинотракторная станция, обслуживающая 9 колхозов, и крепко организованный совхоз со значительным количеством посевной площади (1050 га), со значительным животноводческим хозяйством, целый ряд школьных и дошкольных учреждений (школа, детская коммуна, пионеротряд, детплощадка, ясли), культпросветучреждения (библиотека, клуб, изба-читальня), сельсовет, строительство многих новых домов и новой школы — вот чем может похвалиться Амурзет к трехлетию своего существования»*.

В 1931 году Гина Медем вновь побывала в Амурзете. Ее большая

статья в «Трибуне» (№5-6, 1932 г.) напоминает нам о первопроходце Л. Г. Баскине: *«И, словно чудо в сказке, здесь, на Дальнем Востоке, последним вступившим в семью советских родичей-республик, выросло, расцвело и распустилось пышным революционным цветком небольшое ядрышко, крепкое, как скала, спаянное, как бетон, деятельное, как пчелиный рой, действенное, как атака. Я имею в виду детскую коммуну Амурзета — новых маленьких героических работников в неосвоенной тайге, будущих носителей советской культуры на берегах Амура.*

Коммуна имени тов. Баскина, основателя поселка Амурзет, умершего в прошлом году, расположилась в одном из больших домов и состоит из 25 членов в возрасте от 9–15 лет. Это маленький, крепкий и дисциплинированный организм. Коммуна возникла семь месяцев назад… Цель коммуны — помощь родителям-колхозникам. Душой коммуны, ее вдохновителем является учитель, заведующий Амурзетской школой — тов. Сутин, молодой общественник, неразрывно связанный с ребятами, со школой, с сельским хозяйством. Он руководит каждой ниточкой коммуны, каждым живым нервом этого организма, представляя детям всю инициативу, всю свободу выполнения заданий, всю ответственность за их результаты.

Вопреки всем трудностям, проект освоения евреями дальневосточных земель продолжался. Приезжали переселенцы, Тихонькая расцвела и получила статус города и столицы области, разрастались новые поселки и колхозы. И среди них — Амурзет.

ЧАСТЬ
ТРЕТЬЯ

БЛАГИЕ ПОРЫВЫ

ГЛАВА I

«Народная делегация» и «Народная книга»

Несмотря на то, что мечты и планы профессора Кунца по созданию Соцгородка не были реализованы, он сам и возглавляемый им на протяжении длительного времени ИКОР не оставили Биро-Биджанский проект без помощи. Этому невольно способствовал нарастающий в Европе антисемитизм и укрепляющий свои позиции фашизм. В то время, когда во всем мире не нашлось спокойного места для европейских евреев, спасти их от гибели мог Биро-Биджан. Использовать вновь созданную Еврейскую автономию в качестве убежища для евреев Европы впервые предложил активист английского ОРТа, член британского парламента лорд Дадли Марлей. В феврале 1935 года на VI съезде ИКОРа в Нью-Йорке решено было сформировать «Народную делегацию» из пятидесяти представителей всех слоев еврейского сообщества Америки. Делегация должна была увидеть *«своими глазами, как создаётся единственная еврейская автономная территория в мире»* и содействовать скорейшему переселению туда европейских евреев. Кроме того, предполагалось возложить на нее почетную миссию доставки в Биробиджан «Народной книги» приветствий от широких масс американских евреев и их организаций и передачи ее в новый государственный музей Еврейской автономной области. КомЗЕТ обещал оказать этим планам самое полное содействие.

Для отбора участников и привлечения средств был создан Спонсорский комитет, который возглавили драматург-идишист Леон Кобрин и секретарь ИКОРа Шлойме Алмазов. План вызвал *«колоссальный интерес»*, по всей Америке создавались «народные комитеты» для выборов делегатов, которые поедут в Биро-Биджан в сентябре 1936 года. Поездка требовала определенных затрат, поэтому на комитеты возлагалась также обязанность сбора средств. Алмазов утверждал, что небывалое единение евреев из всех слоев общества — членов «Арбетер-ринг», раввинов, коммунистов, профсоюзных деятелей, беженцев

из Германии, женщин из синагогальных женских общин — произошло потому, что Биро-Биджан был светом маяка в мире антисемитизма, единственным местом, в котором евреи не сталкивались с растущей опасностью. В чем Алмазов был прав, так это в том, что в воплощении этой идеи действительно участвовали конгрессмены и профессора университетов, писатели и журналисты, раввины и социалисты, сионисты и коммунисты, ученые, художники и профсоюзные лидеры. Идеей заинтересовался «Амбиджан», сторонники которого выразили надежду, что его усилия станут *«лучем солнца для наших единоверцев, которые вынуждены существовать в темноте и несчастье»* в Европе.

В мае 1936 года в Нью-Йорке была проведена крупная конференция, которая отметила, что *«в Советском Союзе евреи считаются равноправными гражданами, и иммигранты будут иметь все возможности, чтобы построить безопасный дом и мирную жизнь»*. Участники проекта надеялись, что успех «Народной делегации» поможет организовать сбор средств (планировалось мобилизовать около 50 000 долларов США) для учреждений культуры в Биробиджане, включая покупку современной печатной машины. Доктор А.И. Фишер, секретарь Нью-Йоркского городского комитета «Народной делегации» в Биро-Биджан, призвал евреев Америки воспользоваться *«этой исторической возможностью»* помочь строительству Биро-Биджана, где три миллиона советских евреев *«трансформировались в продуктивных людей»*.

Даже религиозные евреи, традиционно выступавшие против Биро-Биджана, на сей раз поддержали эту идею. Эдвард Э. Грусд, редактор журнала «B'nai B'rith», заявил: *«Те евреи, которые все еще верят в ценность молитвы, должны поблагодарить Бога за то, что в сегодняшнем сумасшедшем мире есть Биро-Биджан — великая земля, манящая и бросающая вызов их лучшим энергиям и талантам. В эти дни бедствий для народа Израиля Биро-Биджан вполне может оказаться их единственной верной гаванью»*.

К августу 1936 года конференции, созванные с целью формирования народной делегации, состоялись в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Кливленде, Детройте, Филадельфии, Питтсбурге, Лос-Анджелесе, Буффало, Вашингтоне, Цинциннати, Хартфорде и в других местах. Даже Всемирный еврейский конгресс, состоявшийся в Женеве, принял резолюцию в поддержку групп, активно помогающих евреям обосноваться

в Биро-Биджане. К лету процесс выдвижения был окончен. ИКОР утверждал, что более четверти миллиона евреев приняли участие в голосовании по отбору делегатов, в различных массовых митингах, симпозиумах и дебатах: *«Мы дожили до того великого момента, когда еврейские массы могут послать своих представителей (в Биро-Биджан), чтобы увидеть своими глазами путь вчерашних забитых и угнетенных евреев, ставших строителями своей собственной земли»*.

Печатный орган ИКОРа «Найлебн» регулярно информировал о ходе кампании, в каждом его выпуске печатались материалы, посвященные проходящим собраниям и митингам, выдвинутым кандидатам и собранным средствам. В сентябрьском и октябрьском его номерах за 1936 год были опубликованы портреты делегатов. Но дата отъезда, запланированная на сентябрь, была отложена до декабря. Все эти события скрупулезно изучил и любезно разрешил воспользоваться своими работами по данной теме канадский исследователь еврейских левых движений Генри Сребрник (Henry Srebrnik). Но нет нужды перечислять все цифры и отчеты с многочисленных мероприятий, проходивших по подобному пробиробиджанскому сценарию по всей Америке. Вопрос в том, насколько стремление американских евреев помочь строительству ЕАО финансами, а главное, способствовать переселению туда гонимых соплеменников Европы отвечало замыслам и чаяниям советского руководства?

Я попыталась выяснить, что происходило в это время по другую сторону океана, в Советском Союзе, и как вопросы отправки в Биробиджан «Народной делегации» и переселения евреев освещались в «Трибуне», рупоре ОЗЕТа. Пришла к выводу, что практически никак. По следам проведения VI съезда американского ИКОРа, который вынес это предложение, и прошедшего съезда канадского ИКОРа была опубликована большая статья М. Рашкеса «Растут и крепнут наши друзья за рубежом». В ней цитируются строки из декларации, принятой съездом: *«В капиталистических странах под властью одичалого фашизма миллионы евреев государственным и общественным антисемитизмом обрекаются на отчаяние и брошены на край гибели. В Советском Союзе миллионы еврейских трудящихся благодаря победоносной Октябрьской социалистической революции строят свою новую*

здоровую трудовую жизнь...» Рашкес отметил большую работу, проделанную ИКОРом, сотни митингов и собраний, проведенных им в поддержку Советского Союза, оказанную шефскую помощь, миллионы экземпляров пропагандистской литературы. Упомянул об организации при ИКОРе специальной секции *«еврейских писателей, цель которой — снабжать областную библиотеку Еврейской автономной области всеми выходящими в США газетами, журналами и книгами на идише»*. Он отметил, что *«массы еврейских трудящихся в капиталистических странах, под давлением кризиса, безработицы и гонений их из страны в страну, тянутся к Стране Советов, где нет безработицы, где нет национального неравенства. (...) Бегство из капиталистического ада в Страну Советов — это мечта десятков тысяч рабочих»*. После всего этого славословия он вдруг сделал неожиданный вывод о том, что стремление к переселению — это нездоровая тенденция, с которой борется ОЗЕТ. Впрочем, оговариваясь, что в будущем не исключена такая возможность для отдельных групп квалифицированных рабочих.

15 октября 1935 года передовица, озаглавленная *«К возобновлению приема иностранных переселенцев в ЕвАО»*, устраняет всякую неопределенность. Она признает, что *«заграничники проявляют большую настойчивость в получении разрешения переселиться в ЕвАО»*, напоминает о большом отсеве среди первых заграничных переселенцев, делает упор на то, что в настоящее время в основу поставлен *«вопрос о подборе нужной и подходящей рабочей силы»*. *«Мы требуем от зарубежных переселенцев принятия ими советского гражданства и пребывания в ЕАО не менее трех лет»*. Гражданство предоставлялось только трудящимся иностранцам, прежде проживавшим на территории бывшей Российской империи и способным к тяжелой физической работе, и только после проверки соответствующими органами НКВД. Каждый переселенец в момент утверждения его кандидатуры должен внести в КомЗЕТ 200 долларов — для покрытия расходов на переезд и провоз багажа. На обустройство будут предоставлены долгосрочные кредиты. И главный посыл: заграничные организации, содействующие ОЗЕТу, *«должны уже сейчас повести нещадную борьбу против широкого эмигрантского настроения среди еврейских масс, которое может зародиться в связи с заграничным переселением. В течение будущего года, примерно с апреля месяца, мы примем всего лишь не-*

сколько тысяч человек из разных стран (в основном из Польши и Литвы)» («Трибуна» № 10, 1935г.). Никакого упоминания о визите «Народной делегации» и о спасении евреев Европы на территории области в статье нет. Хотя тема фашизма и тяжелой жизни евреев в капиталистических странах, в отличие от счастливой и свободной в СССР, остается обязательной в каждом номере, а сам факт стремления иностранцев к переселению в СССР служит доказательством того, что *«Советский Союз — отечество трудящихся всего мира»*.

Чтобы лично разобраться с тем, что происходит, осенью 1935 года Советский Союз посетил заместитель председателя Американского комитета содействия переселению евреев из-за границы И.М. Будиш. Как он сам говорил: *«Я был делегирован организацией ИКОР в ЕвАО для более детального ознакомления с ее строительством и для выработки на месте с представителями советской и озетовской общественности методов, которые обеспечили бы наиболее эффективное участие рабочих и трудящихся США в социалистическом строительстве в ЕвАО»*. На пленуме ЦК ИКОРа, состоявшемся 28 октября, Будиш выступил с обширным докладом о результатах поездки. Освещая принятые на съезде решения, «Трибуна» (№13, 1935 г.) мимоходом упоминает о направлении в ЕАО большой делегации ИКОРа. В краткой рубрике «За рубежом» изредка мелькает информация о переселении, но вся она идет от зарубежных деятелей. Например, в обзоре статьи «О Советском Союзе на Дальнем Востоке» говорится, что известная французская журналистка Женевьева Табун *«указывает, что до сих пор переселение в Биро-Биджан велось только за счет евреев Советского Союза. Теперь же ведется подготовка к переселению евреев из Польши, Литвы и других стран»*. Кроме этих общих фраз, нет ничего, что указывало бы на реальные планы по переселению, нет упоминаний о формировании «Народной делегации», нет ни единого заявления от официальных лиц. Создается впечатление, что советское правительство заинтересовано в материальной помощи из-за границы, но вовсе не имеет намерения впустить еврейских заграничников в пределы страны, а тем более взять на себя решение проблем европейского еврейства, которому все больше угрожает фашизм.

В то же время область очень нуждается в людских ресурсах, планы по переселению и развитию не выполнены. Но по стране уже разоблачают

«вредителей», партия неустанно призывает к бдительности, а руководители ЕАО в своих решениях полностью зависят от центральной власти, им уже указали свыше, что политической ошибкой было переоценивать значение I съезда Советов ЕАО. В письме под грифом «совершенно секретно», отправленном в обком ВКП(б) на имя тов. Хавкина, руководитель области Либерберг сообщает о подробностях дела, из-за которого его вызвали в Москву. *«На имя нашего правительства поступил ряд предложений от заграничных организаций, во-первых, о переселении евреев из-за границы в нашу область и, во-вторых, об их участии в строительстве Ев.АО. Из этих предложений наиболее солидный проект выдвинула известная американская еврейская буржуазно-филантропическая организация «Агро-Джойнт», директор которой /д-р Розен/ был, кстати, в Биробиджане и Хабаровске. Проект «Агро-Джойнта» сводится к следующему. «Агро-Джойнт» организует в Америке товарный заем на общую сумму до 50 миллионов долларов для строительства Ев.АО». Далее сообщается, что проект получил поддержку Рузвельта и его финсоветника. «Независимо от того, будет советским правительством принято предложение о займе или нет, «Агро-Джойнт» хочет заключить договор о безвозвратных вложениях в строительство Ев.АО. Причем на 1935-6 г. он предлагает вложить миллион долларов, если в Биро-Биджан будут переселяться наряду с советскими гражданами также и иностранцы, и полмиллиона долларов, если будут переселятся только советские евреи»*.

Либерберг был вызван для того, чтобы подписать соглашение, если таковое будет заключено, *«поскольку формально оно заключалось бы от имени Ев.АО»*. Но решение не зависело от области, оно должно было быть принято только после личного указания Л.М. Кагановича. Как мы уже знаем, массовое переселение заграничников, финансированное *«Агро-Джойнтом»*, так и не состоялось, предложение «буржуйской» организации не было принято. Но еще долгое время советское правительство продолжало водить за нос еврейские сочувствующие организации. «Джойнт» прекратил все свои проекты в СССР летом 1938 года.

Третьего февраля 1936 года начал свою работу Четвертый пленум ЦС ОЗЕТа. В преддверии этого события появились публикации, в том числе и затрагивающие вопросы переселения иностранцев. Впервые

в прессе появляется информация, в которой обозначается конкретная цифра. В планах принять в ЕАО 1500 рабочих из-за границы. В приветствии пленуму от «друзей из Польши» говорится: *«Сотни рабочих и трудящихся Вильны с величайшим интересом следят за строительством Еврейской автономной области. В нашей повседневной жесткой борьбе за экономические, политические и культурные права, в обстановке все более усиливающегося фашизма, захлестывающего все капиталистические страны, (…) Биро-Биджандля нас — символ правильного и полного разрешения национального вопроса. Мы были бы счастливы включиться в это радостное творчество, стать стахановцами области, содействовать выполнению всех ее планов»*. И ответом на это очень четко звучит: задача содействующих организаций — *«разъяснять широким массам еврейских трудящихся, что Еврейская автономная область отнюдь не призвана решать ни «еврейского вопроса», ни вопроса безработицы еврейских трудящихся какой бы то ни было капиталистической страны»* («Трибуна» №3, 1936 г.). Тем не менее пленум ЦС ОЗЕТа в своих резолюциях *«с удовлетворением отмечает решение о возобновлении допуска из-за границы еврейских трудящихся»*.

В 1936 году в Биро-Биджане побывали Пол Новик и Розен, и, похоже, они поняли нечто, от чего их воодушевление поугасло. Новик теперь утверждал, что советское правительство никогда не собиралось превратить Биро-Биджан в «Красную Палестину», которая собирала бы евреев *«из так называемой диаспоры в свои границы»*. Оба они осторожно признали, что были *«очень большие потенциальные возможности для иммиграции из-за пределов России»*, но просьбы «Амбиджана» и ИКОРа разрешить некоторым польским евреям поселиться в Еврейской автономной области не были удовлетворены, и *«в связи со сложной международной ситуацией, в настоящее время ни одна семья из-за рубежа не была поселена»*. Но признать несостоятельность идеи переселения делегаты пленума национального исполнительного комитета ИКОР, который состоялся в Нью-Йорке 28 февраля 1937 года, не смогли. Они приняли резолюцию, выражающую надежду, что *«Советский Союз откроет свои ворота пролетарским евреям из европейских стран, как только это будет возможно»*. Алмазов, по крайней мере, на публике выражал уверенность, что все хорошо. Но, несмотря

на пропаганду, еврейские коммунисты начали понимать, что обещанное переселение европейского еврейства застопорилось. В письме в КомЗЕТ «Амбиджан» обратился к ответственным властям проекта в Москве с призывом ускорить процесс в виду срочности ситуации.

В 1937 году были отправлены в Россию Будиш и Джордж Сегал, вице-президент «Амбиджана», чтобы провести расследование и встретиться с представителями КомЗЕТа и ОЗЕТа. Несколькими месяцами позже посетил Москву и также совещался с Чуцкаевым Аарон Липпер, председатель комитета по бюджету и политике. Советские официальные лица вновь заверили, что проблемы исправляются. Для приема значительного количества евреев, в том числе и заграничных, планируется выделить средства и ускорить строительство жилья. Будишу советские чиновники объяснили, что *«из-за международных осложнений»* они не могут дать определенных обещаний, но надеются, что расселение иммигрантов может начаться в 1938 году. Частью этого блефа была состоявшаяся 2 декабря 1937 года в посольстве СССР в Вашингтоне встреча делегации амбиджанских лидеров с Трояновским. Советский посол заверил, что политика правительства СССР по принятию определенного количества зарубежных евреев в Биро-Биджан остаётся в силе, но произошла задержка из-за недостатка строительных материалов для жилья и *«других временных особых условий Дальнего Востока, с которым мы все знакомы»*. Он объяснил, что в регионе была обнаружена широко распространенная прояпонская шпионская сеть, вынудившая приостановить иммиграцию.

Несмотря на эти заверения, некоторые члены ИКОРа справедливо считали, что заявки на взносы должны быть прекращены *«до выяснения общей ситуации»* и обвиняли руководство в том, что вся кампания «Народной делегации» была мошенничеством, предназначенным просто для сбора средств. Многие участвующие организации требовали возврата своих денег и не простили ИКОРу этот инцидент. Не в лучшем положении оказался и «Амбиджан». Пример тому — письмо от некого Самуэля Маркуса, отправленное 19 июля 1937 года в адрес Американского Комитета по переселению евреев в Биро-Биджан. *«Некоторое время назад я внес в нашу организацию 1500 долларов на покрытие расходов по переселению пяти семейств из Польши в Биро-Биджан. Ввиду того, что положение в России в настоящее время весьма*

Вручение Народной книги послу Трояновскому. 1938 год. Нью-Йорк.
Из журнала «Найлебн»

неопределенное, безусловно, пройдет значительное время до тех пор, пока вы сумеете переселить пять семейств, как это предполагалось. Поэтому я прошу вернуть мне эти деньги, а когда ваша организация сумеет продвинуть эту работу, я верну их вам». В феврале 1937 года евреи Чикаго отказались от встречи с Трояновским до тех пор, пока Москва не сформулирует *«долгосрочный план ... для расселения значительного числа евреев из Восточной и Центральной Европы в течение пяти лет или около того»*. «Амбиджан» в конечном итоге возместил донорам около 30 000 долларов, которые он собрал, и перевел все остальное в ОРТ, который обеспечивал ЕАО техникой, сырьём и учебными курсами для будущих поселенцев.

17 апреля 1938 года в Манхэттенском оперном театре в Нью-Йорке ИКОР отпраздновал 10-летие создания Биро-Биджана. Советскому послу Трояновскому была вручена «Народная книга» с десятками тысяч подписей, собранных ИКОРом. Предполагалась, что она *«будет торжественно преподнесена Еврейской автономной области и послужит свидетельством огромных симпатий еврейских масс Америки к строителям-энтузиастам Еврейской автономной области»* («Трибуна» №16, 1936 г.). С тех пор следы «Народной книги» исчезли.

Амбиджан и ИКОР в Америке все еще не были осведомлены о реальной ситуации в Советском Союзе. А между тем политическое

и культурное руководство области было уничтожено. Большинство бывших членов Евсекции, КомЗЕТа и ОЗЕТа, разгромленных и ликвидированных в 1938 году, были обвинены в национализме, сионизме, шпионаже в пользу Германии и Японии и т. д. В Советском Союзе шло целенаправленное подавление еврейской культуры, и никто не собирался позволять иностранным коммунистам и прочим сочувствующим посещать Биро-Биджан, а тем более переселяться туда. Первые новости о чистках появились в «New York Times» от 7 марта 1937 года, в статье Элиаса Тобенкина, который жил в Советском Союзе в 1933 году, а также посетил Биробиджан в 1935 году от имени руководителя «Джойнта». В июне 1938 года газета извещала, что 17 человек были расстреляны как «шпионы» и «вредители» в Биробиджане. В октябре сообщалось, что несколькими неделями ранее был раскрыт «заговор сепаратистов» в Биробиджане: еврейские заговорщики управляли школами *«для шпионов» и вредителей в интересах неназванной власти»*. «Найлебн» теперь выпускал статьи о «вредителях», которые занимались «саботажем» и пытались разрушить работы тех, кто строит ЕАО. Дж. М. Будиш считал (или делал вид), что опасность преувеличена и повторял аргумент лорда Марлея о том, что Биро-Биджан был едва ли не самым безопасным местом Советского Дальнего Востока. Лишь в июне 1939 года, когда Сталин повернул свою внешнюю политику к сближению с Гитлером, национальная организация «Амбиджан» приостановила всю деятельность. Только после Второй мировой войны Будиш признался в крахе проекта и в том, что фактически всего лишь около 100 семей беженцев были заселены в ЕАО до 1939 года.

Судьбы же этих беженцев и их имена также неизвестны. Удалось ли им выжить в круговерти репрессий, спасло ли переселение в Биро-Биджан?

Обращение начальника Переселенческого Управления при СНК СССР Чекменова к Молотову от 9 февраля 1940 года по поводу писем от переселенческих бюро в Берлине и Вене по вопросу переселения еврейского населения в Биробиджан и Западную Украину объясняют многое. «По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР, эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты».

ГЛАВА II

Дар художников

Параллельно с формированием «Народной делегации» продвигался еще один проект, рекламирующий Биро-Биджан среди евреев Америки. В августе 1934 года, после предоставления автономного статуса Биро-Биджану, еврейский нью-йоркский филиал клубов Джона Рида, основной американской организации коммунистических и других просоветских писателей и художников, создали Биро-Биджанский художественный комитет и информировали ИКОР о сборе произведений искусства для нового Биробиджанского государственного музея: *«Мы планируем провести выставку принятых работ во время сессии предстоящего съезда ИКОР и еще одну в Москве, перед отправкой ее в Биро-Биджан»* («Трибуна» №11, 1936 г.). В ноябре 1935 года два нью-йоркских художника создали Художественный комитет ИКОР. Общество содействия ОЗЕТу во Франции «Гезерд» подключилось к акции, свои произведения в дар Биро-Биджану прислали художники Франции, причем среди них многие не были евреями. Отделения в Чикаго и Филадельфии также внесли свой вклад, в итоге к марту 1936 г. удалось собрать 203 произведения искусства 119 художников. Среди них работы Юлия Блоха, Йосла Катлера, Тодроса Геллера, Мориса Гликмана, Минны Харкави, Фрэнка Хоровица, Мориса Кантора, Ясуо Куниёси, Луи Лозовика, Зуни Мода, Уильяма Мейеровица, Хосе Клементе Орозко, Александра Портнофф, Митчелла Сипорина, Моисея и Рафаэля Сойеров, Макса Вебера и Уильям Зораха. (Две картины были портретами Чарльза Кунца.) В каталоге выставки отмечалось, что «*более ста художников каждой школы и направления протянули руку солидарности людям Биробиджана*». Кунц назвал коллекцию *«подходящим подарком»* для *«выражения дружбы»*. Журнал «Найлебн» писал: *«Эта художественная коллекция, которая сделает честь любому музею, будет украшать залы будущего Биробиджанского музея»*. Редактор «Morgn Frayhayt» Моисей Ольгин считал коллекцию выражением благодарности советской системе

«за то, что она сделала для освобождения угнетенных национальностей вообще, евреев в частности». Он заявил, что выставка *«войдет в историю как великая связь между Америкой и Советами, между прогрессивными интеллектуалами Америки и освобожденными евреями»*.

В марте коллекция была выставлена в Нью-Йорке, в апреле в Бостоне, где проходил съезд ИКОР, а в конце декабря работы были отправлены в Москву и остались экспонироваться в Музее современного западноевропейского искусства в течение шести недель. Выставка получила признание критиков и имела огромный успех. Открывал ее председатель ЦС ОЗЕТа Диманштейн, подчеркнувший в своей речи политическое и культурное значение подарка художников США. На открытии присутствовали *«многочисленные представители еврейской советской интеллигенции — художники, писатели, культработники, работники советской и иностранной печати, студенты, рабочие, руководители и сотрудники ЦС ОЗЕТа, МосОЗЕТа, КомЗЕТа и др.»* («Трибуна» №2, 1937 г.). «Литературная газета» откликнулась статьей Альфреда Дуруса «Художники Америки — музею в Биробиджане» (15 января 1937 г.).

Через месяц выставка должна была отправиться в Биробиджан. И опять я вынуждена повторить фразу: работы американских художников так и не достигли своего пункта назначения. Главная причина — репрессии, начавшиеся в Биробиджане, и разгром ОЗЕТа. Находившийся в это время в Москве заведующий еврейской секцией Государственного музея этнографии Исай Менделевич Пульнер пошел на риск, запросив разрешения на вывоз части архива ОЗЕТа в музей. Так документы этого архива и экспонаты выставки оказались в Ленинграде. Пульнер умер в 1942 году в блокадном городе, с его смертью прекратила работу еврейская секция. Ее материалы начали разбираться и описываться только в 2005 году. Подробно историю находки можно узнать из исследования историка И.С. Бренера в его очерке «Подарки американских художников», а каталоги с репродукциями некоторых работ размещены на сайте «Историческое и культурное наследие Еврейской автономной области». Вернуть же работы на их законное место, в Биробиджан, пока не удалось.

ГЛАВА III

«Институт Биро-Биджана»

Формирование художественной коллекции в дар Биробиджану подвигло на рождение еще одной инициативы. Расширяя свою деятельность в Бостоне, ИКОР создал в 1936 году «Институт Биро-Биджана». Исидор Левит писал: *«Существуя всего 10 месяцев, «Институт Биро-Биджана» использует радостную возможность представиться читателям «Найлебн» в качестве любимого и законного отпрыска Бостонского комитета ИКОР. Он возник под влиянием огромной коллекции даров американских художников для Государственного музея Биробиджана. Ее выставка перед отправкой в Советский Союз имела большой успех в нашем городе»* («Найлебн», декабрь 1937 г.). Институт ставил перед собой цели: находить и сохранять все доступные, важные документы и научные данные о строительстве ЕАО, изучать проблемы, стоящие перед еврейским народом по всему миру, и мобилизовать силы на сохранение еврейской культуры. Идея создания института показалась привлекательной писателям, художникам, лекторам Бостона. Был собран огромный материал о Биро-Биджане, периодические издания и книги современных авторов, работы еврейских философов и мыслителей прошлых веков на идише и английском. Не менее важной была работа, направленная против фашизма, нацизма, антисемитизма. Так, устроители выставки антисемитской литературы сумели вызвать большой переполох и заставили публику обратить серьезное внимание на растущую угрозу. В активе новорожденного института огромная работа. Прочитан курс из 10 лекций Джея Гордона из ИВО по истории еврейского народа, лекции Переца Гиршбейна об идишской литературе и Биро-Биджане, Чарльза Кунца о советской Конституции, организован начальный курс идиша для взрослых, говорящих на английском языке. Оказана помощь в опубликовании и распространении книги на идише для детей, написанной Сарой Еллин. С успехом проведен Биробиджанский фестиваль по случаю 3-летия ЕАО. В планах не менее важные события: *«Николас Слонимский, выдающийся музыкант и композитор Бостона, Дороти Адлоу, художественный критик «Christian Science Monitor»,*

проф. Роберт Пфайффер, глава Семитского Музея Гарвардского Колледжа и многие другие интеллектуалы Бостона уже включены в расписание нашего Института на следующий сезон. Проф. А.А. Робак, психолог, лектор и писатель, постоянно живущий в Кембридже, штат Массачусетс, приглашен к нам, чтобы дать обширный курс лекций по истории литературы еврейского народа от библейских времён до сегодняшнего дня». А кроме того, большая выставка литературных работ на идише, охватывающая последние 50 лет, сотрудничество с другими культурными еврейскими группами и, наконец, *«установление тесного контакта с культурными центрами Биро-Биджана, импорт материалов Биро-Биджана, изображающих славное строительство этой территории».*

Напомню, это был 1937 год, поэтому понятно, чем окончилось и это благое начинание.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

У ТУНГУСКИ У РЕКИ

Пользуясь правом автора, я позволю себе немного отвлечься от рассказа о коммунарах и задержать внимание читателей на Тунгуске, от милостей и капризов которой так зависела их жизнь и благополучие.

ГЛАВА I

Мост

Счастлив тот, у кого в детстве была река. То мог быть ручеек, который курица вброд перейдет, или тихая заводь, поросшая кувшинками, бурный горный поток или разлив, насколько может видеть глаз. Не столь важно, велика или мала и какого нрава. Главное, что жива она в памяти — река нашего детства.

Мне повезло. Моя река, конечно, не величавый Амур, а только его приток, но зато какой! Красавица Тунгуска, вобравшая в себя потоки Кура и Урми. Воды ее могут быть ласковыми и медленными, радующими и манящими своими широкими песчаными косами и отмелями, многочисленными протоками, рукавами, вход в которые сторожат косматые ивы, и озерцами, чья ленивая зеркальная гладь разбивается тяжелыми рыбьими всплесками. Крутые берега по весне белокипенны от цветущей черемухи, бегущие поодаль релки полны грибов и ягод, луга между ними тонут в богатом разнотравье и обещают богатые покосы.

Но не верьте этому благоденствию. Горе тому, кто окажется на реке в штормовую погоду или во время стремительного разлива, когда вода идет валом, в считанные часы выплескиваясь из берегов, как из переполненной чаши, заливая все вокруг на многие километры. И нет уже ни берегов, ни безмятежных лугов, а только безбрежное море вокруг. Уходит вода, оставляя неузнаваемый пейзаж, — изменившееся русло, обновленные берега с пробитыми мощным течением протоками и намытыми песчаными косами. Протягивают свои руки-ветки уносимые водой деревья — стихия вырвала их вместе с могучими корнями и огромными комьями земли. А бурные водовороты подстерегают пленников на пути и грозят завертеть, закружить

и утащить на дно, замыть песком и илом и превратить в коварные топляки. В блеске тихой речной ряби не видны они неосторожному, неопытному глазу. Чуть зазеваешься — и ждет если не беда, то великая неприятность.

Вся жизнь людей в поселках и селах, сбегающих своими домами к Тунгуске, была связана с этой рекой. Она поила и кормила, давала отдохновение от трудов праведных. Много разных историй помнят ее берега, грустных, веселых, иногда трагикомичных, которые сейчас, спустя время, могут показаться забавными. Когда-нибудь я, может быть, соберу их вместе. Не все, конечно, а те, которые вода не успела унести в небытие. Но сегодняшний рассказ — о событии, которое навсегда останется особенным, потому что оно уже стало Историей. Историей реки, области, страны.

Это событие не моего детства, но и меня оно коснулось своим крылом, рассказами родителей, старой насыпью, ведущей в никуда, плеском волн, бьющихся о странные деревянные сооружения у берега реки, которые не удалось разрушить даже своенравной Тунгуске. Пока не удалось. В потоках воды и времени исчезнут когда-то и они. Может, мой рассказ сохранит память о нем?

История эта началась давным-давно, даже не тогда, когда река встала на пути строителей железной дороги уже на тринадцатом километре, а еще раньше. В апреле 1930 года Владимир Клавдиевич Арсеньев разработал и направил в правление Уссурийской железной дороги, Далькрайисполком, Далькрайплан и СНК СССР докладную записку с предложением о необходимости проектирования и строительства второго железнодорожного выхода к Тихому океану. В связи с этим он внёс предложение Совету народных комиссаров организовать комплексную научно-исследовательскую экспедицию Академии наук СССР на Дальний Восток для экономического исследования и обоснования строительства новой железной дороги, которую он назвал Байкало-Амурской магистралью. Тогда же начались изыскания по обследованию таёжных районов в направлении проектируемых железнодорожных линий.

Мало кто помнит сейчас аббревиатуру ВОЛК. А между тем название это принадлежало объекту государственной важности: дороге, которая должна была связать строящийся город юности

Комсомольск с центром страны. В 1933 г. Совет труда и обороны СССР принял решение о срочном строительстве силами Дальлага автогужевой, а в 1934-м – железной дороги. Руководил стройкой начальник Дальлага НКВД Терентий Дмитриевич Дерибас. Уже в апреле 1935 г. на строительстве началась укладка рельсового пути. Так что ВОЛК — это железная дорога Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре. Да, та самая Волочаевка, которая получила название Новая, в отличие от другой, легендарной, находящейся поблизости. Позднее это название сменилось на более прозаическое и известное всем — Волочаевка-2.

День и ночь стучат привычно на стыках вагоны, переговариваются по громкой связи диспетчеры, вагонники, составители, и никто не задумывается особо, кто и когда строил эту дорогу. А строили, как водится, зэки, то есть заключенные. Жили они в двух бараках у подножия сопки, которая раньше была Балаганской, а потом стала носить гордое имя Соцгородок. Зэки и созидатели социализма уживались очень даже мирно и довольно тесно сотрудничали. Заключенные были людьми в основном образованными, интеллигентными и порядочными, словом, политическими. По рассказам моего отца, лишь однажды произошло недоразумение. Это случилось тогда, когда кто-то из местных повесил на дверь замок — а в то время никогда ничего не запиралось. Заключенные выразили свою обиду такому недоверию и попросили замок снять.

Кто-то сейчас удивится и спросит: «Политические? Не о царских ли временах мой рассказ?» Вовсе нет. Это реалии советской власти, у которой всегда врагов полно, а с ними нужно беспощадно бороться и пережитки проклятого прошлого в них искоренять. Вот мы и дошли до начала. Именно в связи с этой историей я впервые обратила внимание на «Шахтинское дело» и последующее за ним дело «Промпартий». Наверное, не я одна оказалась такой непросвещенной. Не учили нас этому на уроках истории ни в школе, ни в институте. А между тем газеты того времени просто пестрят сообщениями о них и праведным возмущением народа подлыми действиями преступников, которые так хорошо замаскировались, что работали лучше всех передовиков.

«Шахтинское дело» (официально «Дело об экономической

контрреволюции в Донбассе») — инсценированный судебно-политический процесс, проходивший с 18 мая по 6 июля 1928 года в московском Доме Союзов. В рамках процесса группа из 53-х руководителей и специалистов угольной промышленности СССР — входившая в ВСНХ, трест «Донуголь» и в управляющие органы ряда шахт Донбасса — обвинялась во вредительстве и саботаже; кроме того, участников процесса, являвшихся преимущественно представителями старой (дореволюционной) технической интеллигенции, обвиняли в создании подпольной контрреволюционной организации, связанной с зарубежными антисоветскими центрами. Первые аресты отдельных участников произошли в июне-июле 1927 года; в марте 1928, после того как Политбюро ЦК приняло версию о «заговоре», дело стало политическим. «Шахтинский процесс» над группой представителей «буржуазной» интеллигенции стал знаковым событием в истории СССР, обозначив переход от НЭПа к «социалистическому наступлению» в экономике (Википедия).

Но какое отношение это имеет к моей Тунгуске, к Соцгородку и сегодняшнему рассказу? Оказалось, самое непосредственное. Кто не знает о том, что приказ великого и ужасного Сталина, «отца и учителя» всех народов, не мог быть не выполнен, даже если он был невыполним в принципе. А приказ был очень прост: для того, чтобы железная дорога могла быть введена в действие, нужно построить мост через Тунгуску. Практически из воздуха, потому что поставить материалы для его строительства было делом физически невозможным, их можно было получить из центра страны не ранее чем через год-полтора. Для проектирования и расчетов требовались многолетние наблюдения за климатом, грунтом, режимом реки. Их, конечно, тоже не было. *«Мост требовал инструмента, шайб и болтов — их не было. Мост требовал высокой квалификации мостовиков — их не было. Не было ничего»*.

Тогда на помощь *«доблестным строителям из НКВД»* пришли зэки. Заключенный Каразин, осужденный в 1930 году и отбывавший наказание в Дальлаге, как раз на участке, базировавшемся в Соцгородке, разработал уникальный проект моста деревянного, благо леса на нашей земле было достаточно. *«Требовался*

отборный лес, и мы лазили по сопкам, не зная усталости, лишь бы выбрать лучшую лесину. Моя бригада в 35 человек дала 22 тысячи кубометров леса или 350% плана», — это рассказывал другой зэк, лесоруб Владимир Байков с Бирского участка. Сами построили в тайге механические мастерские, электростанцию, электросварочные. Сами из «сырого металла» делали шайбы, болты, слесарный инструмент. Нормы перевыполняли в 2-2,5 раза.

И мост построили! *«Голыми руками, на голых берегах»*. Всего за 10 месяцев. Ему было присвоено имя заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды. Во всей стране не было деревянного мостового перехода такой длины — 1 100 метров. На его сооружение ушло 20 тыс. кубометров отборного леса. 28 марта 1936 года готовый мост принимала в эксплуатацию комиссия. При испытаниях это огромное сооружение дало осадку всего на 4 миллиметра — ровно в два раза меньше допустимого нормами.

Праздновали победу в клубе лагерников. Выступали руководители края, благодарили строителей и отмечали вместе с ними победу. Слово дали не только высокому начальству, но и автору проекта — заключенному Каразину. На трибуну спешит еще одна зэчка — болторезчица Галька-Стрекоза, совсем ребенок, сирота, не видевшая в своей жизни ни любви, ни ласки. *«Мы мост построили, а мне уже семнадцать стукнуло, мы на пару с мостом росли»*. Галине было обещано, что с первым поездом она уедет в Комсомольск, чтобы учиться токарному делу на одном из заводов юного города. *«И невозможно тут передать восторженное волнение, охватившее ее, и лагерников, и руководителей края, и чекистов. Они видели перед собой ребенка, успевшего пройти за свой короткий жизненный путь тяжкие испытания, закончившиеся началом новой, бесконечно счастливой жизни»*. И Каразин, и Байков, и Галина Рыбакова действительно верили, что началась новая жизнь. На том торжественном собрании, посвященном окончанию строительства моста, Т.Д. Дерибас зачитал приказ наркома внутренних дел о досрочном освобождении и снижении сроков наказания сотням строителей моста, среди которых был и автор проекта Каразин. Многие из них остались работать здесь же, на строительстве дороги, но уже в качестве вольнонаемных.

Об этом я впервые узнала от отца, от него же услышала фамилии Ардатьев и Каразин. Открытию Тунгусского моста посвящен репортаж с А. Фетисова «Корень жизни», в «Тихоокеанской Звезде» (№75 от 1 апреля 1936 года). Публикация полна таежной романтики и восхищения красотой труда человеческого. *«Да, он величав и красив, этот мост, связавший своими тонкого ажурного рисунка пролетами два берега нелюдимой, капризной реки»*, — пишет автор, восторгаясь «неисчерпаемо радостной» работой, которую совершили на Тунгуске чекисты, великие гуманисты и несгибаемые бойцы пролетарской революции, *«искусные мастера поистине чудесного превращения бывших преступников в активных и сознательных строителей социализма»*.

Нам неизвестна дальнейшая судьба автора этого репортажа, поэтому простим ему то, что он умолчал об ужасающих условиях жизни политических. Голодные, оборванные, с ободранными в кровь руками, они вели вручную все работы, начиная от установки 2 500 свай моста, укладки шпал и рельсов и заканчивая забиванием костылей. Не было спецодежды, рукавиц-верхонок, инструментов. В августе 1934 г. в письме наркому НКВД Ягоде Дерибас отмечал следующее: отсутствие одежды (46 рубашек на 100 человек), постельного белья, кипяченой воды, рабочих инструментов и механизмов (на 5 тысяч человек 900 подборочных лопат и ни одной штыковой). Хлеб, вода и минтай, который засолили еще японцы в 1933 г., — это основная еда рабочих.

Это правда, что в сложных условиях заключенные показывали образцы высокопроизводительного труда. Среди них было много стахановцев. Люди работали буквально на износ, так как на стройке действовала так называемая система зачетов. Получив срок в 10 лет, они могли освободиться на 2-3 года раньше. А также строителей заставлял ударно работать дифференцированный хлебный паек: от 200 граммов в сутки до 2 килограммов. Старожилы и очевидцы тех событий говорили о том, что дорога Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре построена на костях зэков. Зимой 1933–1934 гг. на линии работало 11 тыс., а летом 1934 г. — уже 20 тыс. строителей, в том числе вольнонаемных — 2,5 тыс., остальные 17,5 тыс. — заключенные.

Жительница Даниловки Варвара Георгиевна Тлустенко рассказывала о произошедшем с ней случае. Семьи в колхозе тоже жили

небогато, питались тем, что смогли заготовить и вырастить сами. Для поросят оставляли с осени мелкую картошку, ботву свеклы, моркови, верхний лист от капусты. В большой чугунок бросали все остатки еды, очистки от картошки, приготовленной на обед, и варили это месиво для поросят. «Поросячий» чугун выставляли в холодный коридор, чтобы остывал. Однажды ночью, когда все уже спали, хозяйка дома, услышав шорох, тихо открыла дверь. В коридоре стояли двое. Изможденные, в разорванных телогрейках, они жадно глотали поросячью еду, хватая ее обеими руками из этого чугунка. Незнакомцы замерли на несколько мгновений, потом покачали головой: «не бойся». Женщина тихо закрыла дверь. Незваные пришельцы съели все и незаметно исчезли. На такие поступки заключенных мог толкнуть только голод. А вообще их не боялись, они не делали ничего плохого для населения. Только вот позже, во времена Большого террора, за помощь заключенным местных жителей могли осудить на 10 лет как врагов народа.

Летом 1937 года Т.Д. Дерибас и его сын А.Т. Дерибас, начальник паровозного депо станции Хабаровск-II, были арестованы. Терентий Дерибас был обвинен в шпионаже, сочувствии троцкизму и организации заговоров в НКВД и Красной Армии. Его имя было включено в расстрельный список, датированный 26 июля 1938 года, подписанный Сталиным и Молотовым. 29 июля 1938 года приговор формально утвержден Военной коллегией Верховного суда СССР, и Дерибас в тот же день расстрелян на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован посмертно 31 декабря 1957 года.

Ардатьев Иван Андреевич, начальник строительного отделения Дальлага (ст. Волочаевка), чей штаб находился в Соцгородке, был арестован в сентябре 1937 г. и расстрелян 05.02.1938 г. в Хабаровске. Реабилитирован 03.09.1957 за отсутствием состава преступления.

Репрессии обрушились на аппарат управления Дальлага и его подразделения. «За активную контрреволюционную деятельность и тесную связь с врагом народа Т.Д. Дерибасом» были арестованы более 60% инженерно-технических работников, в том числе Мартинелли, Жуков, Пилин, Павлов, Петров, Орловский и др. Десятки из них были расстреляны, среди них крупные инженеры Пилин и Соколов, геолог профессор Павлов.

Вспоминая эту историю, мой отец рассказывал, что после пуска моста в эксплуатацию Каразин был освобожден, но имя его забылось за давностью лет, не упоминалось оно и в газетной статье. Печальную судьбу героя рассказа мне помогли узнать сотрудники общественной организации «Международный мемориал».

Каразин Борис Вадимович родился в 1881 году на станции Игнашево Амурской области. Образование имел высшее, инженер путей сообщения. Поиски в интернете привели к спискам студентов — выпускников Петербургского института путей сообщения Императора Александра I, в которых обнаружился Каразин Борис Вадимович, начавший обучение 1907 году. Этот факт лишь подтверждает очевидное — только инженер-железнодорожник, имеющий блестящее образование, мог в условиях заключения, да еще при полном отсутствии цивилизации, сделать расчет мостового проекта, который, несомненно, был не под силу неспециалисту. Арестовали его в 1930 году, пока неизвестно при каких обстоятельствах, но репрессии, прокатившиеся по стране после «Шахтинского дела», были направлены как раз против специалистов старой, царской формации, каким и являлся Б.В. Каразин. К сожалению, советская власть недолго позволила ему быть свободным человеком и просто жить. Освобожденный, как и было обещано, после пуска моста приказом Дерибаса, бывший зэк Каразин во времена Большого террора разделил участь своего «благодетеля». Он был повторно арестован 29 апреля 1938 года. На момент ареста работал начальником производственно-технической части 10 отделения Дальлага НКВД и обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-7, 58-8, 58-11. 8 августа 1938 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни, и в этот же день в Хабаровске приговор был приведен в исполнение. Посмертно реабилитирован в 1992 г. (Архивное дело П-99679).

Был репрессирован и мост. Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 11.05.1937 Ягода Г. Г. был исключен из состава членов ЦИК СССР, а его имя снято с Тунгусского моста железной дороги Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре. К весне 1941 года мост, построенный потом и кровью зэков, был заменен на металлический, функционирующий и сейчас. При этом было слегка изменено его местонахождение, что позволило сгладить угол поворота железной

Мост через Тунгуску .1973г.
Из архива А. Кулиша

дороги и тем самым увеличить скорость движения составов. Но старый, деревянный, еще помог жителям окрестных сел и мебельной фабрике, работавшей поблизости в Соцгородке. Старожил поселка Волочаевка-2 Николай Гнедыш, служивший в те далекие годы в охране моста, рассказал, что с пуском нового моста, деревянный отдали в ведение сплавной конторы. Но твердый тяжелый листвяк с трудом поддавался ручным пилам, сплавлять его вниз по реке было практически невозможно, и мост бросили на произвол судьбы. А судьбе в лице местных жителей было угодно построить из них добротные избы, одна из которых, в Волочаевке-2, целехонька и верно служит хозяевам до сих пор. В тяжелые военные годы остатки моста разобрали, распилили, растащили на дрова. Только основания свай, обнажаемые при малой воде, иногда напоминают о нем, вызывая вопросы случайных созерцателей.

ГЛАВА II

В глубину веков

Начав собирать историю своего родного Соцгородка, я вовсе не собиралась углубляться в бесконечные временные дали, тем более что мой интерес был ограничен четкими рамками. Поселок появился на карте в 1931 году, с приездом первых «заграничников». Но кто-то свыше решил иначе, и волей-неволей пришлось обратиться к истории далекой и не совсем изученной. Привела меня к ней та же Тунгуска.

Весна и начало лета в Приамурье 2018 года оказались очень сухими, в сочетании с малоснежной зимой это вызвало небывалое падение уровня реки. Воды было катастрофически мало. Безмятежную ленивую гладь то и дело нарушали тяжелые всплески. Это сазаны, готовые к нересту, ходили у поверхности. По законам природы они давно должны были отметать икру где-нибудь среди травы на прогретом солнышком мелководье, в кочкарниках и озерцах, но не находили своих излюбленных укромных мест. Их просто не было. Пересохшие протоки и низины жаждали влаги.

Мы с мужем тем летом приехали навестить родных и с огромной радостью приняли приглашение нашего давнего друга и одноклассника поехать к реке. Кроме того, что я горела желанием увидеть родные и знакомые с детства места, поездка наша носила вполне определенную цель. Наш друг рассказал, что Тунгуска так пересохла, что на месте слияния Старой и Новой Тунгуски образовался перешеек, туда можно проехать на машине и, если хорошо приглядеться, на обнажившемся дне реки можно найти глиняные черепки. Убеленный сединами пенсионер Виталий Андрюсович Белюкявичус с мальчишеским азартом и фантазией описывал, как неведомый нам человек, живший сотню, а то и больше лет назад, замешивал глину, которую брал здесь же (прямоугольный котлован явно неприродного происхождения был виден неподалеку), как лепил кувшины и чаши, наносил на них рисунок и снабжал своими изделиями всю округу. У меня даже мелькнула шальная мысль: «А не видел ли это

Осколки керамики, из Соцгородовского городища.

все Андрюсович собственными глазами? Ну, где-нибудь там, в прошлой жизни».

Мы ходили по обнажившемуся дну реки и собирали осколки, которых и впрямь было великое множество. Керамика явно станковая, обработанная на гончарном круге, разной формы и толщины, разного цвета. Встречается более тонкая и изящная, но есть толстые куски, форма которых указывает на то, что это части горлышка кувшина или его дно. На некоторых черепках следы глазури, на многих характерный рисунок, нанесенный с помощью какого-то приспособления.

Нашли даже осколок камня со следами обработки, а на одном кусочке керамики проступал рисунок, очень напоминающий фигурку человека. Вопросы не могли не возникнуть. Какой неведомый умелец изготовил эти кувшины и плошки, привезены они издалека или изготовлены на месте, означает ли что-нибудь орнамент, которым мастер украсил свою утварь? То, что неподалеку от этого места издавна находили остатки посуды, а потом раскопки вели специалисты, я слышала еще в детстве от отца. Этот вопрос мы обсуждали и с краеведом, учителем истории Алексеем Николаевичем Зайцевым, но эта тема не то что не заинтересовала меня, скорее, не очень затронула. Хотя я не раз бывала в краеведческом музее Хабаровска, который очень любила, сначала с отцом, потом возила туда уже своих детей и учеников, но предметом моей страсти был его первый этаж, с коллекциями животных, великолепными природными экспозициями, там я могла бродить часами, а этаж с археологическими находками пробегала всегда наспех. Сейчас же, когда следы жизни неведомых нам людей были в прямом смысле у нас в руках, конечно, захотелось узнать о них больше. Кто эти люди, в какое время жили и какую

культуру несли. Мы отобрали небольшую часть наиболее характерных артефактов для школьного музея А. Н. Зайцева и для редакции областной газеты «Биробиджанер штерн», надеясь узнать что-то более существенное.

И правда, корреспондент Юлия Новикова поработала добросовестно с литературой, проконсультировалась в областном краеведческом музее, куда передала наши находки. Ее статья «Осколки древней империи» опубликованная в «БШ» 18 июля 2018 г., получилась глубокой и познавательной.

Поиски в интернете тоже открыли для меня удивительные вещи. Я нашла сведения, что аналогичные находки были сделаны вблизи Хабаровска, на них, а также на присланных мне фотографиях черепков, найденных близ Сикачи-Аляна, тот же рисунок. Специалисты относят их к покровской культуре Приамурья и определяют предположительный возраст от семисот до тысячи лет. Так что в своих предположениях наш друг немного ошибался. Всего-навсего на каких-нибудь 500-600 лет. Оказалось, что это следы культуры амурских чжурчжэней. Отец был прав: недалеко от места нашей находки находится археологический памятник, зарегистрированный и поставленный под охрану государства как объект культурного наследия Соцгородок-1 (Старая Тунгуска). Впервые официальной наукой он был описан в 1960 году Е.И. Тимофеевым, а повторно исследован и описан в 1974 и 1975 годах Ю.В. Васильевым и в 1994 году Н.Н. Крадиным. Ну а местные жители давно находили следы древности, то копая землю под огороды или возводя немудреные хозяйственные постройки на высоком берегу, то, когда река отступала, прямо на песчаной косе, вымытые из глубины обрывистого берега разрушительной работой волн.

Подобных поселений чжурчжэней в Приамурье найдено довольно много. В своей статье Юлия Новикова указывала: *«На территории автономии зафиксировано около ста объектов археологического наследия. В том числе поселения, курганы и могильники… В области нет населенного пункта, где бы не встречались следы чжурчжэньской культуры»*. Чжурчжэни, населявшие территорию нынешних Амурской и Еврейской автономной областей, Хабаровского и Приморского краев, северо-восток Маньчжурии, основали мощное государство — Золотую империю Цзинь, она была самой

мощной державой в восточной Азии с 1115 по 1234 год. Первые сведения о чжурчжэнях в летописях начали появляться с седьмого века, а обнаруженные памятники материальной культуры — городища, могильники, наскальные рисунки и прочее — указывают на еще более ранний возраст поселений.

Исследователи отмечают высокий уровень развития исчезнувшего государства. Его население занималось земледелием и скотоводством, использовало совершенные для того времени железные орудия труда и оружие. Мастера умели обрабатывать кожу и древесину и даже выплавлять цветные металлы, изготавливали украшения. Более того, существовала стройная административная система управления, а все это известно потому, что народ имел свою письменность и летописцев. *«В чжурчженьских памятниках найдены разнообразные предметы вооружения: железные наконечники стрел, копья, боевые топоры, палаши, мечи, кинжалы, шлемы и панцирные доспехи, конская сбруя»* (Историческая энциклопедия Сибири).

Многое из деталей жизни и быта чжурчжэней исследователи узнали из летописей их главных врагов и конкурентов — китайцев, с которыми народ частенько воевал. Золотая империя пала под натиском монголов, возглавляемых Чингисханом. Были уничтожены и разграблены поселения, масса людей уведена в плен, империя перестала существовать, но отдельные племена выжили. Например, некоторые ученые считают, что маньчжуры — это поздние чжурчжэни.

Что касается наших находок: человечек на обнаруженной нами черепушке оказался удивительно похож на рисунок на ритуальной личине, найденной при раскопках в одном из городищ. Моя фантазия увидела в нем охотника или воина, стреляющего из лука, хотя вполне возможно, это только моя придумка. Гончарами применялась совершенная для того времени технология изготовления сосудов. Чжурчжэньские мастера изготавливали посуду на гончарном круге из хорошо отмоченной глины и обжигали в керамических печах. Среди сосудов были найдены горшки, кувшины, вазы, бутыли. Для более четкой формы использовали шаблоны, применяли лощение поверхности. Орнамент наносили валиками, накатными цилиндрами, штампами-печатками. Все это позволило чжурчжэням

перейти от индивидуального производства к производству на широкий рынок. Вполне возможно, наш друг был прав в своем предположении, что изделия гончара из Соцгородовского городища расходились по другим поселениям, стоявшим на берегах Тунгуски и Амура. Залежей глины, поддающейся обработке, в округе достаточно, изготовлением посуды и кирпича позже занимались проживавшие в округе китайцы, а когда на сопочку пришли еврейские переселенцы, они также построили небольшой кирпичный заводик для своих нужд.

В своих поисках я не могла не обратиться к имени академика Алексея Павловича Окладникова, авторитетнейшего исследователя истории Сибири и Дальнего Востока, под чьей редакцией в 1968–1969 годах вышло 5-томное академическое издание «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Только тогда я вспомнила историю, как-то услышанную от Р. С. Рознатовской, которой в свое время привелось недолго поработать в отделе природы областного краеведческого музея.

Академик с группой студентов и сотрудников проводил исследования в основном в Октябрьском районе области, от музея в его экспедиции работала заведующая отделом истории. Раскопки оказались успешными, учеными были найдены и описаны множественные следы жизни древнего народа. Часть коллекции после обработки Окладников, снабдив соответствующим описанием, оставил в музее для демонстрации широкой публике. Обрадованные такому пополнению, музейные работники подготовили ее к обзору и помчались за разрешением на выставку к областному цензору, который сказал свое категорическое «нет». На попытку музейщиков возразить, что, мол, сам академик готовил и рекомендовал выставку, вновь услышали раздраженный отказ: «Не верите мне, поезжайте к цензору краевому». Воодушевленные музейщики решили не отступать. В Хабаровск, как самую молодую, отправили как раз Риту Самуиловну, которая рассказала, как кричал на нее, посмевшую усомниться в решении цензора, чиновник. Так эти артефакты попали в запасники и извлечены оттуда были только много-много лет спустя. Но до сих пор курганы, могильники, древние городища и другие свидетельства древней цивилизации как следует не изучены и не описаны, в частности потому, что в области нет специалистов-археологов.

Заканчивая эту историю, я надеюсь, что она не будет последней. Не подлежит сомнению, что у потомков первых переселенцев велико желание узнать о судьбе своих родных. Проведав, что я собираю историю «Икора», ко мне стали обращаться и знакомые мне с детства люди из соседних с Соцгородком и Камышовкой Даниловки и Волочаевки, и внуки и правнуки тех, чьи семейные истории предположительно связаны с «Икором». Таким образом, собрался довольно большой круг единомышленников, причем компания получилась международная. Россия и Израиль, Америка и Канада, Украина и Польша, Германия, Аргентина… Как когда-то в 1930-х строительство Соцгородка объединило мир, так и сейчас людей разных возрастов, образования, профессий, мест жительства объединяет интерес к общей для всех истории, к своим корням. Люди пишут не только для того, чтобы узнать что-то новое для себя, они стремятся поделиться своими историями, фотографиями из семейных архивов. И не только. Они тратят свое время и силы на работу в архивах и библиотеках, переводят статьи и документы с английского, идиша, записывают воспоминания родных, отыскивают для меня адреса и номера телефонов.

Пока материал готовился к изданию, он постоянно уточнялся, дополнялся новыми данными. Поэтому я очень надеюсь, что воспоминания не закончатся с последней точкой. За страницами книги осталось очень много семей и судеб, много белых пятен в истории «Икора». Я прошу потомков переселенцев не таить обиду за это, а, напротив, приглашаю поделиться своими семейными историями, сохранившимися фотографиями, документами. Если это издание заставит кого-то открыть семейный альбом и задать вопросы своим родным, я буду считать, что наш коллективный труд не был напрасным.

Елена Марундик

Мой эл. адрес: evglena.zelenaya@hotmail.com

1928 год

28 марта принято постановление Президиума ЦИК СССР «О закреплении за КомЗЕТом для нужд переселения трудящихся евреев Бирско-Биджанского района Дальневосточного края РСФСР».

18 апреля двенадцать курсантов и двое сельскохозяйственных рабочих Курасовщинской сельскохозяйственной школы (под Минском) объединились в коммуну, которой дали название «Икор» и избрали правление. Среди организаторов: Абрам Манделеевич Бялый, Наум Моисеевич Фридман, коммунары Шлейфер, Балак, Соркин, председатель коммуны Хаим Иосифович (Хоня) Шапиро. По пути к коммунарам присоединился Давид Абрамович Рогинский.

20 апреля после торжественных проводов выехали из Минска.

13 мая прибыли на станцию Тихонькая, а через две недели перебрались на Бирское опытное поле (в 60 км от Тихонькой). Временно работали на вывозке бревен, один из коммунаров учился на курсах трактористов. К тому времени в коммуне 15 человек. Отобрали участок Степной в районе Бирофельда, построили дом и коровник. Первыми среди переселенцев завели двух свиней, приобрели 5 лошадей. Во время эпизоотии сибирской язвы единственные из всех коллективов не потеряли ни одной лошади. В конце сентября купили в Сибири партию коров и увеличили количество лошадей.

Итоги 28 года: 11 коров, 2 теленка, 7 лошадей и петух.

18 марта ОЗЕТ предложил перебраться на заброшенное Дежневское опытное поле.

1929 год

В конце апреля начали перебираться на новое место, продали свои постройки, взяли 6,5 тысяч кредита и купили еще 22 коровы, оборудование для переработки молока и две лошади. Отправили одного коммунара в Белоруссию для вербовки людей.

Получили 2000 га площадей, из них 33 распаханных. Выкорчевали релку в 9 га, посеяли 15 га зерновых, 9 га картофеля, 4 га огородных культур. Заготовили 3000 пудов сена, увеличили стадо коров, завели свиноматок породы йоркшир, продукты продавали в Хабаровск. Осенью заложили сад, приобрели 17 ульев и медогонку. В сезон дождей потеряли часть урожая и сена. Подняли еще 10 га целины, объединившись с русской артелью, заготовили для себя кету. Зимой работали на лесозаготовках.

К концу года в коммуне 25 человек, справили первую свадьбу.

Председатель — коммунар Вихнин. Тогда же приехали еще несколько выпускников агрошколы.

1930 год

Весной подняли еще 8 га целины, засеяли огород на 3 га, установили 100 парниковых рам, посеяли 8 га пшеницы — вся погибла. С 10 га овса получили урожай 25 пудов, 4 га гречихи дали 10 пудов, 3 га тыквы — 300 пудов, картофеля 7 га — 600/400 пудов.

Заготовили и вывезли 20000 пудов сена. В коммуне 15 поросят, 2 свиноматки и кабан, 64 коровы и 2 бугая чистокровной голландской породы, 12 телят. Средний надой от коровы 2130 литров молока

в год, обслуживают их 5 доярок, чистая прибыль от коров 8020 руб. 70 коп. за год.

Начали строить свои помещения: пекарню, клуб, телятник, заложили фундамент второго 12-квартирного дома, функционирует столовая. Из прибывших 11 наемных строителей, 6 осталось в коммуне. Открылся медицинский кабинет.

В библиотеке коммуны 800 книг.

В конце апреля коммуна отпраздновала двухлетнюю годовщину, проведя торжественное собрание и отправив приветствие ЦП ОЗЕТ: «*Коммуна констатирует с радостью, что наибольшие трудности уже пройдены, и в настоящий момент она стоит на твердом пути своего хозяйственного строительства. Пример коммуны вселит уверенность в широкие массы еврейских трудящихся в том, что Биробиджан является базой для их социалистического переустройства*».

К 1 мая открылись ясли.

В июне организовали рыболовный пункт на Тунгуске, в августе 11 человек выехали на рыбалку, заготовили 600 пудов кеты и 35 пудов икры.

1931 год

Приступили к строительству Соцгородка. Для своих нужд в коммуне строится кирпичный завод. Прибыло более 70 еврейских переселенцев из Аргентины и Германии.

По инициативе аргентинских рабочих между объединенными коммуной «Икор» и колхозом «Тихоокеанский Октябрь» строится дорога.

Посадили огород — 12 га, всего засеяно 75 га, 30 га земли выкорчевано. В хозяйстве 115 коров, 250

свиней, 25 лошадей, 2 трактора. Заготовлена своя кета и икра, излишки сданы райпотребобществу.

Все гражданское и переселенческое строительство передано Стройконторе, организованной при Биробиджанском переселенческом управлении. Закончено строительство 10-квартирного дома, телятника на 60 голов, кузницы и ледника. Приступили к строительству второго дома.

Работой коммуны руководит правление из 5 человек, выбираемое 1 раз в год, 1 раз в месяц собирается общее собрание.

Председатель — тов. Бессель.

Председатель правления Соцгородка — Санжеровский.

Работает медкабинет.

1932 год

Бригада из «Икора» выехала для вербовки новых переселенцев. На 1 июня прибыло 276 человек, начато строительство дороги улучшенного типа Дежневка – «Икор» – Соцгородок.

В Соцгородке построен двухэтажный дом на 30 квартир и заложен еще один, на 60 квартир, готовится к пуску мастерская по производству школьных принадлежностей, приступили к установке электростанции. В городке проживают 370 взрослых и 140 детей, для которых открыта школа-пятилетка и еврейский детский сад, в Соцгородке на 35 детей, в «Икоре» на 22. Работает вечерняя школа для иностранных переселенцев, драмкружок, красный уголок. Есть баня, прачечная, общая столовая, работает столярный цех. В хозяйстве 170 коров, 70 телят, 80 свиней.

«Аргентинцы» Иосиф Форер заведует с/х участком «Икора», Сухой — хозяйством Соцгородка, «американцы» Броцкий — технический руководитель по строительству, Амрон — председатель с/с. Председатель коммуны — Михаил Школьник.

1934 год

В коммуне глубокий кризис. В Соцгородке в саду 12 воспитанников, в школе 4 класса.

К концу 1934 года коммуна «Икор — Соцгородок» распалась, перейдя на устав сельхозартели. Для сохранения «Икора» решено было пожертвовать Соцгородком. Людей сконцентрировали в одном месте, большинство иностранцев уехало, часть коммунаров вернулась в места выхода, некоторые уехали в другие переселенческие поселки. Руководит «Икором» Иосиф Форер, избранный на общем собрании председателем. В Соцгородке остается несколько семей.

1935 год

В Соцгородок начинают прибывать новые переселенцы, в основном с Украины. В школе 2 комплекта начальной школы и 1 неполной средней, преподавание на идише.

В мае в Соцгородке пущена мебельная фабрика «Икор» (председатель т. Ласкер), оборудованная самыми современными американскими станками, работает мастерская лозоплетения, клуб, библиотека, радиостанция.

1936 год

В Соцгородке работает школа-семилетка.

«Икор» постепенно возрождается и выходит в передовые колхозы.

1937 год

В Соцгородке построены 5 каменных домов.

Начались аресты коммунаров. Арестован и осужден особым совещанием на 10 лет Форер, председатель «Икора» с 1934 по 1937 год.

1939 год

Колхоз «Икор» Даниловского сельского Совета переименован в колхоз имени 18-го партсъезда. Вливается большая группа переселенцев с Украины. В колхозе тяжелое положение, после ареста Форера за 3 года сменилось 5 председателей, выявлены случаи подделки документов и хищения. Тем не менее отдельные люди и хозяйства «Икора» становятся участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В Соцгородке большой прилив переселенцев и расцвет поселка.

1958 год

17 августа

На собрании колхозников принято решение об образовании Волочаевского совхоза на базе колхозов имени 18 партсъезда, «Дальневосточный колхозник» (Даниловка), «Сталинский призыв» (Ключевое).

1962 год

12 октября

Третьему отделению совхоза «Волочаевский» присвоено наименование село «Камышовка».

1996 год

9 декабря

Администрацией Смидовичского района принято постановление «О предоставлении земельных долей лицам, имеющим право на их получения в реорганизуемом совхозе «Волочаевский» в долевую собственность.

2016 год

16 августа

На месте первого дома, воздвигнутого переселенцами в Соцгородке, установлен памятный камень.

Елена МАРУНДИК

ГОРОДОК ВСЕМИРНОГО МАСШТАБА

Редактор: Елена Сарашевская
Верстка и дизайн обложки: Татьяна Истомина

Отпечатано в типографии ООО «Омега-Пресс»
680000, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 8б

Подписано в печать: 12.07.2021г.
Формат 70х100/16. Гарнитура «Georgia».
Печать офсетная. 43,2 усл. п.л.
Тираж 300 экз. Заказ №